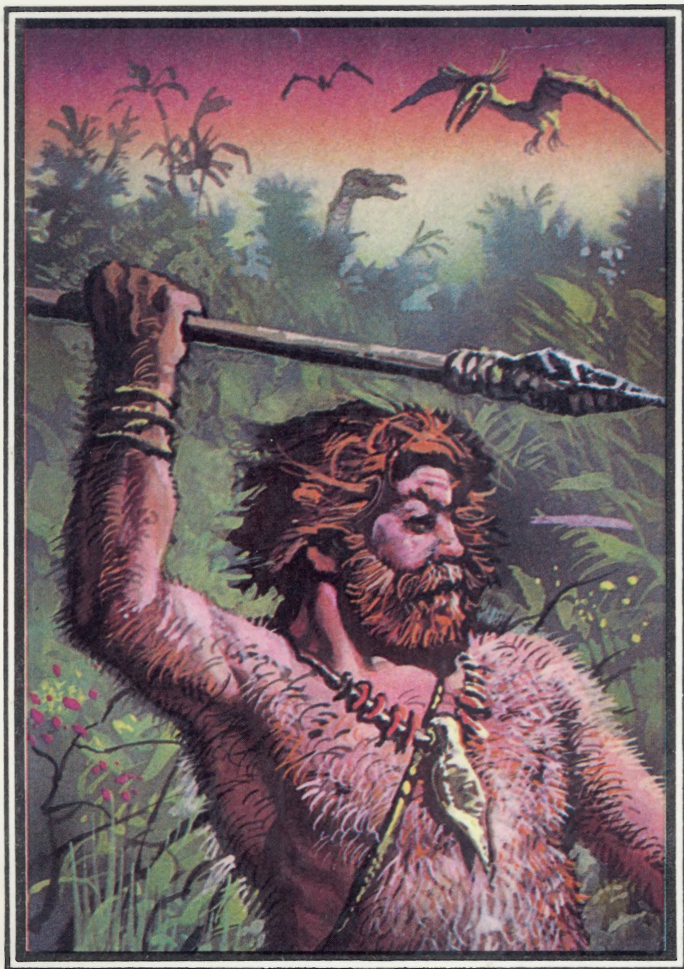
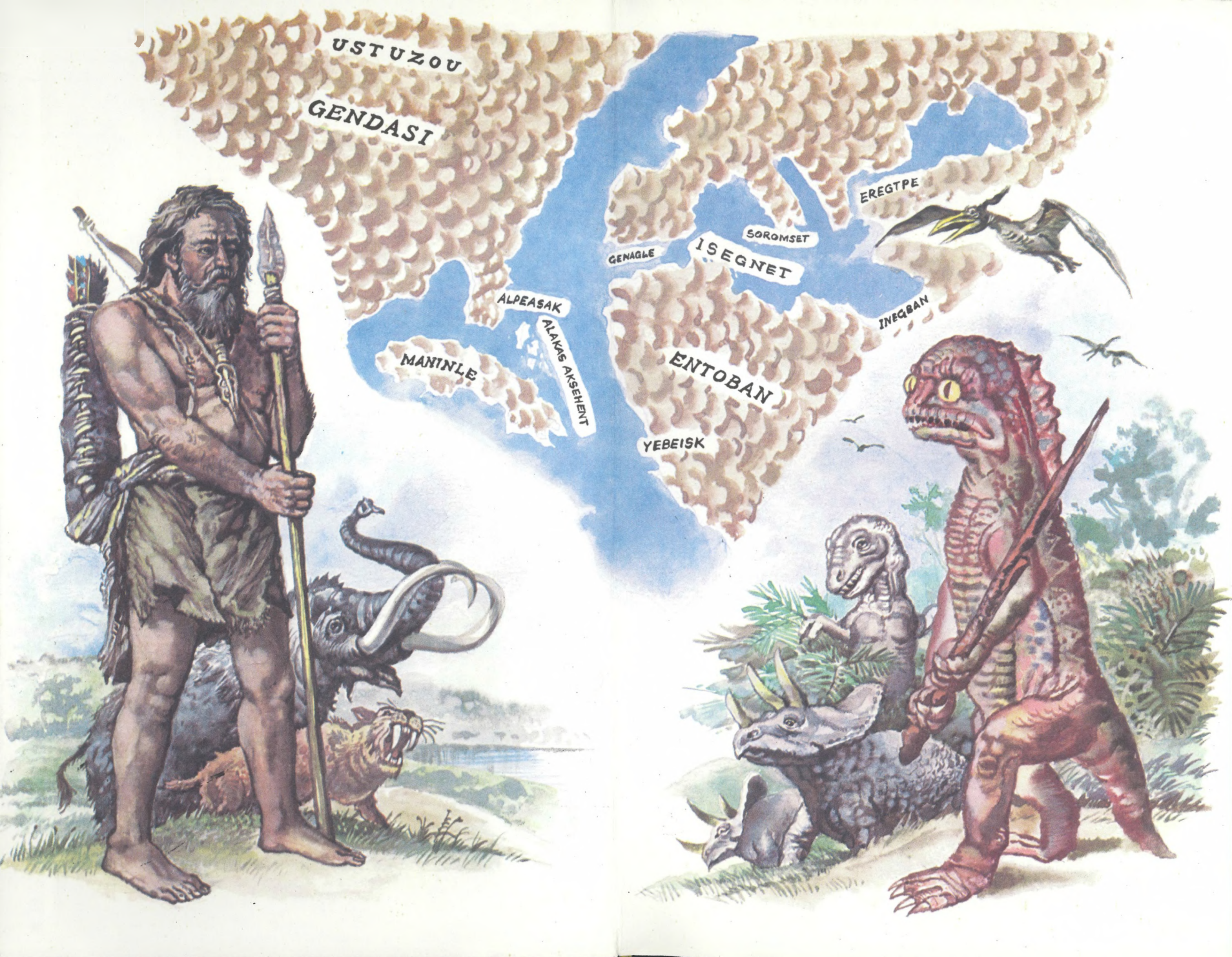

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

WINTER IN EDEN

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

ЗИМА В ЭДЕМЕ

Издательская фирма «Полярис»

1993

Winter in Eden
Copyright © 1986 by Harry Harrison

Зима в Эдеме
© 1993 Издательская фирма «Полярис»
перевод на русский язык, иллюстрации

© 1992 Издательская фирма «Полярис»
оформление, название серии

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка романа запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключи-
тельно с письменного разрешения из-
дателя.

ISBN 5-88132-045-X

ЗИМА В ЭДЕМЕ

перевод с английского Ю. Соколова

Предисловие Керрика	11
Зима в Эдеме	15
Приложение	369

**И насадил Господь Бог рай в Эдеме,
на востоке; и поместил там человека,
которого создал.**

Бытие, гл. II, ст. 8

**И пошел Каин от лица Господня; и
поселился в земле Нод, на восток
от Эдема.**

Бытие, гл. IV, ст. 16

Из всех существ, что населяли когда-либо Землю, самый долгий век выпал на долю громадных пресмыкающихся. Целых сто сорок миллионов лет на Земле господствовали рептилии, затмевали небо, кишели в морях. Тогда млекопитающие, прародители человечества, были крошечными зверьками, вроде землеройки; крупные, быстрые и более смысленные завры пожирали их.

И вдруг шестьдесят миллионов лет назад все переменялось. Метеорит диаметром целых шесть миль поразил Землю и вызвал чудовищные изменения. За короткое время вымерло семьдесят пять процентов существовавших тогда видов. Век динозавров закончился; началась эра млекопитающих, которых ящеры подавляли более ста миллионов лет.

Ну а если бы не метеорит? Каким оказался бы наш мир?

Предисловие Керрика

Жизнь нынче нелегка. Слишком многое изменилось, слишком многие погибли, и зимы длятся теперь так долго. Так было не всегда. Я еще помню ту стоянку, на которой рос, помню три семьи, долгие сытые дни, приятелей. В теплое время года мы жили на берегу озера, так и кишевшего рыбой. И первое, что я помню на этом свете, — белые вершины гор над тихой водой, знак приближения зимы. Когда снег покрывал наши шатры и жухлую траву, наступало время отправляться в горы. Я рос и мечтал стать охотником, чтобы вместе со всеми добывать оленя и большого оленя.

Но сгинул этот простой мир с его бесхитростными радостями. Все изменилось — и не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью и думаю: если бы всего этого не было. Глупо, конечно, ведь мир есть мир, и он полностью изменился. И то, что я считал целой Вселенной, оказалось лишь кусочком реального мира, а мое озеро и горы — одним из уголков огромного континента, со всех сторон окруженного морем.

Помню я и про тех тварей, которых мы зовем мургу. Я научился их ненавидеть задолго до того, как увидел первого марага. Наше тело теплое, их плоть холодна. У нас на головах растут волосы, и каждый охотник гордится своей бородой. Звери, на которых мы охотимся, тоже теплые и лохматые. Но мургу не такие. Они гладкие и холодные, шкура их покрыта чешуйками, а еще у них есть зубы и когти, — чтобы рвать и терзать. Среди них есть огромные и ужасные, вселяющие страх. И ненависть. Я знаю, что живут они у теплого океана, на юге, в дальних жарких краях. Мургу не переносят холода и потому прежде не беспокоили нас.

Но все так изменилось. Страшно подумать, что прошлого не вернуть. А все потому, что есть среди мургу разумные существа, разумные, как и мы сами. Эти

мургу зовут себя иилане'. На несчастье свое я знаю, что весь мир тану составляет крошечную часть владений иилане'. Мы живем на севере огромного континента. А на необъятных просторах к югу от нас обитают лишь мургу и иилане'.

Хуже того, к востоку, за океаном лежат огромные равнины континентов, где не ступала еще нога охотника. Никогда. Там повсюду иилане', только иилане'. Весь мир принадлежит им, а нам только горсть земли.

А теперь я поведаю вам самое плохое. Иилане' ненавидят нас, как и мы их. И все бы ничего, будь они огромными, неразумными тварями. Тогда мы жили бы спокойно в холодных краях и никогда не встречались с ними.

Но среди них есть и такие, что разумом и свирепостью не уступят охотнику. Даже не счесть, сколько на свете мургу, достаточно сказать, что они занимают все земли огромного мира.

Я знаю об этом, потому что иилане' взяли меня в плен ребенком, вырастили и обучили. Ужас я впервые познал, когда они убили моего отца и всех, кто был с ним, но с годами забылся и ужас. И когда я научился разговаривать на языке иилане', то стал одним из них, забыл, что рожден среди охотников, даже привык называть свой народ «устузоу», грязные твари. Власть и порядок у иилане' шли вниз от вершины, и я очень гордился собой. Ведь я был близок к Вейнте', эйстаа города — правительнице его. И я сам себе казался правителем.

Живой город Алпеасак недавно начал расти на наших берегах, в нем поселились прибывшие из-за моря иилане', которых выгнали из родного города холода, с каждой зимой становившиеся все свирепее. И те же зимы гнали на юг моего отца со всеми другими тану. Так заложили иилане' город на наших берегах и убивали тану, едва заметив. И тану отвечали им тем же.

Много лет ничего не знал я об этом. Я рос среди иилане' и думал так, как думали они. И когда они пошли войной на тану, то своих кровных братьев я считал врагами. Так было до тех пор, пока не попал к ним в плен Херилак. Мудрый саммадар и вождь тану, он понимал меня куда лучше, чем я сам. Я говорил с ним

словно с врагом, а он видел во мне плоть от плоти своей. И тогда вспомнил я позабытый с детства язык, сама собой вернулась и память о прежней жизни, о матери, семье, друзьях. У иилане' нет семьи, яйцекладущие ящерицы не знают молочного запаха младенца, нет и дружбы среди холодных самок, которые всю жизнь держат самцов под замком.

Херилак сумел разбудить во мне тану, я освободил его, и мы бежали. Поначалу я сожалел, но пути назад не было, — ведь я поразил копьем Вейнте', правительницу иилане', и едва не убил ее. Потом я жил в саммадах — семейства тану объединяются в такие небольшие группы — и с ними бежал от тех, кого еще недавно считал своими. Теперь у меня появились другие спутники, да такие, о которых я даже никогда не думал, живя среди иилане'. У меня была Армун, она сама пришла ко мне и научила тому, чего я прежде не ведал, пробудила во мне чувства, которых я не мог испытать среди чуждой мне расы. Армун, которая дала мне сына.

Но мы жили все время под угрозой смерти. Вейнте' со своими воительницами преследовала нас, гнала без пощады. Мы отбивались, иногда побеждали, иногда захватывали живое оружие иилане' — палки смерти, убивающие любого зверя, каким бы огромным он ни был. С таким оружием мы могли уходить далеко на юг, убивать мургу, мясо которых можно было есть, отбиваться от хищных и злобных. И снова бежали, когда Вейнте' и неистощимое воинство ее, пополнявшееся из-за моря, выслеживали нас и нападали.

Наконец мы — те, кто уцелел, — отправились туда, куда мургу не было пути. Через снежные хребты в дальние земли. Иилане' не живут в снегах, и мы считали себя в безопасности.

И обрели ее, но ненадолго. За горами мы встретили тану, которые не только охотятся, но и выращивают урожай в своей уютной долине, а еще умеют лепить горшки из глины, ткать одежду и делать прочие чудесные вещи. Имя им было «саску», и они наши друзья, потому что поклоняются богу-мастодонту. Мы привели к ним мастодонтов и жили одним народом. Хорошо было в долине саску.

Но Вейнте' вновь отыскала нас.

И когда это случилось, я понял, что бежать уже некуда. Словно загнанные в угол звери, мы должны были биться с ними. Сначала меня не хотели слушать, ведь никто не знал врагов так, как я. Но потом они поняли, что иилане' неведом огонь. А чтобы они узнали, что это такое, мы подожгли их город.

Да, так мы и сделали. Спалили их город Алпеасак, а немногие уцелевшие бежали обратно в свою заморскую страну, в свои дальние города. И хорошо, что среди уцелевших оказалась Энге, учительница моя и друг. Она не верила в кровопролитие, как другие, и возглавляла малую часть иилане', называвших себя Дочерями Жизни, которые верили, что жизнь священна. Если бы уцелели только они...

Но спаслась и Вейнте'. Исполненная ненависти, она пережила гибель города и бежала в море на урукето, огромной живой лодке иилане'.

Вот что было. А теперь я стою на берегу, и пепел города под моими ногами, и я стараюсь представить себе, что еще случится, что придется делать в грядущие годы.

ЗИМА В ЭДЕМЕ

Глава первая

*Tharman i ermani lasfa
katiskapri ap naudinz modia —
em bleit hepellin er atta,
so faldar elka ensi hammar*

*Пусть воплотившиеся
в звезды тхармы
глядят на охотника
с благосклонностью —
от прохладного их внимания
не вспыхнет горячий огонь.*

Марбакская поговорка

Гроза уходила в море, слабела. Дальние полосы ливня укрыли урукето от глаз. Когда дождь ушел еще дальше, живое судно вдруг вынырнуло из его пелены, чернея среди белых гребней. Низкое заходящее солнце пробивалось сквозь клочковатые облака, окрашивало красным высоко выступавший из воды плавник урукето. Но вскоре он исчез в сумеречной мгле.

Стоя по колено в воде, Херилак взмахнул копьем и гневно крикнул:

— Пусть все они погибнут, чтобы некому было возвращаться!

— Все кончено, — вяло возразил Керрик. — Кончилось... завершилось... Мы победили. Мы убили мургу, сожгли их город. — Он кивнул в сторону обугленных дымившихся стволов. — Ты отомстил за каждого тану из твоего саммада. Ты испепелил не один хольт мургу. Ты сделал это. За каждого охотника, женщину и младенца ты убил столько мургу, сколько

может сосчитать охотник. И довольно. Теперь забудем про смерть и подумаем о живущих.

— Ты говорил с этой тварью, ты дал ей бежать! Копье дрогнуло в моей руке — не нужно было тебе этого делать.

Керрик видел, что Херилак разгневан, и готов был ответить ему тем же, но сдержался. Все устали, все вымотались после такого дня. И не следует забывать, что Херилак повиновался ему и не убил Энге, дал ему возможность поговорить с ней.

— Для тебя все мургу на одно лицо, и всех следует убивать. Но эта — моя учительница — не такая, как другие. Она говорила им о мире. И если бы мургу прислушались к ней, поверили ей, война могла бы закончиться раньше.

— Они же вернутся, вернутся, чтобы отомстить!

Высокий охотник все еще не мог успокоиться и потрясал обгаренным кровью копьем вслед исчезнувшему из вида врагу. Воспаленные от дыма глаза его яростно сверкали в лучах заката. Охотники были перемазаны сажей, длинные светлые волосы и бороды покрывал пепел. Керрик понимал, что сейчас Херилаком движет ненависть, желание убивать и убивать мургу. Но знал Керрик — и страх уже невольно стискивал его сердце, — что Херилак прав. Мургу-иилане', враги тану, вернутся. Уж Вейнте'-то позаботится об этом. Она осталась жива, а раз так — не будет ни покоя, ни мира. И когда Керрик понял это, силы вдруг оставили его, он вдруг пошатнулся, оперся на копье и принялся мотать головой из стороны в сторону, пытаясь отогнать отчаяние. Надо забыть о Вейнте', забыть мургу, забыть все, что знал о них. Пришло время жить, смерть отступила.

Чей-то крик прервал его мрачные мысли, и, обернувшись, Керрик увидел, что от почерневших руин Алпеасака его зовет Керидамас, охотник саску.

— Там живые мургу, они у нас в западне!

Херилак стремительно обернулся, но Керрик оставил его, мягко положив руку ему на плечо.

— Не надо, — попросил он. — Опусти копье. Дай, я взгляну. Надо же наконец перестать убивать.

— Нет-нет, ты не прав, добром с ними нельзя. Но я кладу копье, потому что ты все еще маргалус,

предводитель в битвах с мургу. Я повинуюсь твоему приказу.

И они оба пошли к сожженному городу, увязая в глубоком песке. Керрик безмерно устал и мечтал только об отдыхе. Но как тут отдохнешь? Неужели кто-то из иилане' уцелел? Это едва ли возможно. Когда погиб их город, фарги и иилане' умерли — каждая из них сразу стала отверженной. Когда случалось, что иилане' изгоняли из города, в ее организме совершались необратимые изменения, и она погибала — он сам видел это. Но встречались и исключения: например, Дочери Жизни не умирали, как остальные... Придется проверить.

— Они показались из полусгоревшей рощи, — сказал Керридамас. — Одного мы убили, а другие снова попрятались. И Симмахо сказал, что тебе, маргалус, может быть, захочется самому сразить последних мургу.

— Да! — воскликнул Херилак.

Керрик устало покачал головой.

— Да подожди ты убивать. Надо посмотреть, кто это. А лучше — пусть живут. Я поговорю с ними.

Они пробирались между обгорелых' деревьев; повсюду валялись мертвые тела. Дорога привела их на амбесид, и Керрик в ужасе замер перед горами трупов. Все как будто были целы — ни ожогов, ни ран, — и все мертвы. И все до единой лежали головами к задней стене. Керрик тоже поглядел туда, на трон, на котором некогда восседала Вейнте', теперь обгоревший и пустой. Топча друг друга, фарги и иилане' пробивались туда, надеясь на помощь эйстаа. Но не было ее в живых, трон опустел, и город умер. Тогда умерли и они.

Первым шел Керридамас, осторожно ступая между распростертыми телами; Керрик, словно окаменев, шел следом. Столько мертвых... Надо что-то делать, пока не начали разлагаться. Хоронить? Их слишком много. Надо что-нибудь придумать.

— Там, впереди, — указал копьем Керридамас.

Симмахо подошел к обгорелой изломанной двери и заглянул внутрь, но ничего не увидел: было очень темно. Заметив Керрика, он показал ему на лежавший здесь труп иилане' и перевернул его ногой. Керрик мельком

взглянул на него, потом наклонился, чтобы рассмотреть получше. Это место показалось знакомым — это ханане.

— Это самец, — пояснил он. — Там, внутри, должны быть одни самцы.

Симмахо пнул труп ногой. Как и многие тану, он удивлялся, что злобные мургу, с которыми они бились, все до одной самки.

— Он хотел убежать, — объяснил Симмахо.

— Самцы не сражаются... Они вообще ничего не делают. Их запирают здесь.

Симмахо был явно озадачен.

— Почему же тогда он сразу не умер, как остальные?

В самом деле, почему? — размышлял Керрик.

— Самки умерли, когда погиб город. Они не могут жить вне его. Когда их изгоняют из города, случается то же самое. Только в чем причина, я не знаю. Но в том, что для них это смертельно, ты можешь убедиться сам — взгляни по сторонам. Похоже, что самцы, которых всегда держали в изоляции, вдали от прочих, всегда были в какой-то мере отверженными, а потому гибель города не повлияла на них.

— Теперь они умрут от наших копий, — проговорил Херилак. — И сейчас же, а то сбегут ночью.

— Ты же знаешь, они никуда не ходят по ночам. К тому же отсюда нет иного выхода. Прекратим же проливать кровь и отдохнем до утра. Будем есть, пить и спать.

Никто не возражал. Заметив на уцелевшем дереве водяной плод, Керрик сорвал его и показал всем, как из него напиться. Пищи не было, но усталость была сильнее голода, и все вскоре уснули.

Не спал только Керрик. Он устал не меньше других, но пережитое не давало ему уснуть. Ветер разогнал на небе облака, появились первые звезды. Наконец усталость взяла свое, и он крепко заснул и проснулся, когда заря уже осветила небо.

Кто-то шевельнулся в утреннем сумраке, и Керрик разглядел Херилака, с ножом в руке пробиравшегося ко входу в ханане.

— Херилак, — негромко окликнул он, с трудом поднимаясь на ноги.

Охотник обернулся. Увидев Керрика, он немного поколебался, потом сунул нож за пояс и пошел назад. Чем, какими словами можно было уменьшить терзавшую его боль? Все происшедшее не притушило в Херилаке ни гнева, ни ненависти, а только обострило его страдания. Может быть, буря в его душе скоро уляжется. Может быть...

Керрик глотнул из водяного плода. Нужно еще столько сделать. Но прежде всего надо проверить, не уцелел ли кто-нибудь из иилане' в ханане. Он посмотрел на свое копье. Брать или не брать? Внутри могут оказаться самки, еще не знающие о гибели города. С копьем наперевес Керрик шагнул за обгорелую дверь.

Повсюду еще дымились угли. Пламя прошло повсюду, по прозрачной крыше и стенам. Пахло дымом. Держа копье наготове, он прошел по залу — единственной части ханане, которую ему довелось видеть, — вышел в коридор и попал в другое помещение. Здесь сильно пахло горелым мясом. Потолок сильно выгорел, и можно было разглядеть ужасную картину.

У ног Керрика лежал обгорелый труп Икемента, хранительницы ханане, с широко раскрытым в предсмертных муках ртом. За ней громоздились трупы ее подопечных. Комната была полна обгоревших тел. Керрик поежился, отвернулся и направился дальше.

Он блуждал по лабиринту комнат и переходов, большей частью испепеленных огнем. Но встречались и зеленые ветви — молодая поросль почти не поддавалась огню. Сделав очередной поворот, он очутился в камере с нарядными коврами на стенах и мягкими подушками на полу. С круглыми от страха глазами к стене жались два юных самца. Увидев его, они застонали:

— Смерть пришла! — и закрыли глаза.

— Нет! — громко крикнул Керрик. — Глупым самцам слушать высшую!

Глаза открылись и с изумлением уставились на него.

— Говорите! — приказал он. — Где остальные?

— Ой, у говорящей в руках острый зуб, он убивает, — простонал один из самцов.

Бросив копье на циновку, Керрик шагнул в сторону.

— Смерть ушла. Вы одни здесь?

— Одни! — проскулили оба, их ладони окрасились в цвет ужаса.

Керрик заставил себя не сердиться на глупых созданий.

— Слушайте меня и молчите! — приказал он. — Я — Керрик-сильный-и-знатный-что-сидит-рядом-с-эистаа. Вы слышали обо мне? — Оба торопливо сделали знак согласия. Быть может, весть о его бегстве не дошла до затхлого мирка ханане. А может, они просто забыли. — А теперь отвечайте на мои вопросы. Сколько вас здесь?

— Мы спрятались, — начал тот, что помоложе. — Мы играли; остальные искали нас. Я был там. Елкиман спрятался вместе со мной, а Надаске' за дверью. Но другие так и не пришли. Что-то случилось. Было тепло и приятно. Но скверный запах драл нам горло и ел глаза. Мы позвали Икеменд, но она не пришла. А мы боялись выходить. Я очень испугался — меня потому и зовут Имехеи, — но Елкиман очень смелый. Он пошел вперед, мы за ним. И я не могу сказать, что мы увидели, это было ужасно. Мы решили уйти из ханане, — хотя это и запрещено, — и Елкиман уже вышел, а потом он закричал, и мы убежали обратно. Что с нами теперь будет?

Действительно, что их ждет? Неизбежная смерть, если сюда забредут охотники. Они увидят мургу, зубастых и свирепых врагов. Но Керрик-то знал, что перед ним слабые, глупые создания, не умеющие даже позаботиться о себе. Он не мог допустить, чтобы их убили, он уже устал от крови.

— Оставайтесь здесь! — приказал он.

— Но мы боимся, мы хотим есть, — заныл Имехеи.

«Мягкий-на-ощупь» — так переводилось его имя. Второй же, Надаске' — «выглядывающий-в-щелку». Дети, хуже чем дети, ведь им никогда не стать взрослыми.

— Молчать! Здесь есть вода, а накопленный жирок позволит вам поголодать немного. Не выходите из этой комнаты. Еду вам принесут. Понятно?

Они успокоились, выражая жестами повиновение и доверие. Ну и самцы! Подобрав копье, Керрик оставил их. Выйдя из ханане, он столкнулся с Херилаком. За ним теснились его охотники. Саску во главе с Саноне держались в сторонке.

— Мы уходим! — объявил Херилак. Он уже взял себя в руки, и гнев его сменился холодной решимостью. — Мы сделали то, зачем пришли. Мургу и гнездо их уничтожены. Больше нам здесь делать нечего. Мы возвращаемся домой.

— Надо остаться. Еще не все сделано...

— У тану здесь нет больше никаких дел. Керрик, ты был нашим маргалусом и вел нас против мургу; мы тебя почитали за это и повиновались тебе. Но теперь мургу уничтожены, и ты больше не командуешь нами. Мы уходим.

— Значит ты, могучий Херилак, говоришь от лица всех тану? — сердито спросил Керрик. — Я не помню, чтобы охотники тебя выбирали. — Он повернулся к ним. — Херилак говорит от имени всех вас... или у каждого свое мнение?

Разгневанный Керрик переводил взгляд с одного лица на другое, и люди смущенно опускали глаза. Саммадар Сорли шагнул вперед.

— Мы думали, мы говорили. Херилак говорит правду. Нам здесь ничего не нужно. Дело сделано, и нам нужно успеть домой еще до зимы. Мы выступаем, Керрик. Твой саммад на севере, а не здесь.

Армун. Зачем ему этот город мертвых? Она его саммад, она и малыш. И Керрик едва не поддался искушению немедленно выступить на север. Но позади Сорли стоял Саноне, а с ним все саску, и они не двигались с места. Обернувшись к ним, Керрик спросил:

— Что скажут саску?

— Мы уже говорили и еще не закончили разговор. Мы только что пришли сюда, и нас ничто не гонит,

подобно тану, на холодный север. Мы понимаем их. Но нам нужно другое.

— Давайте немного повременим, — попросил Керрик, обращаясь к охотникам. — Посидим, покурим, обсудим... Потом решим.

— Нет, — ответил Херилак. — Все уже решено. Мы сделали все, зачем пришли сюда. Мы уходим. Сейчас.

— Но я не могу уйти прямо сейчас, — проговорил Керрик, все еще надеясь, что его поймут. — Я тоже хочу вернуться. Там Армун, там мой саммад, но я не могу уйти сейчас.

— Я позабочусь об Армун, — отвечал Херилак. — Она будет под моей защитой в моем саммаде, пока ты не вернешься.

— Мне еще рано уходить. Я хочу подумать.

Последние слова Керрик произнес уже в спины охотников. Решение было принято, разговоры окончены. Битва завершилась, и каждый охотник вновь сам себе господин. Они молча уходили вслед за Херилаком по тропе, исчезавшей среди деревьев.

И никто даже не оглянулся. Ни один тану. Керрик смотрел им вслед, пока последний охотник не пропал из виду. Ему казалось, что какая-то часть его ушла вместе с ними. Хотелось догнать их, упросить не торопиться или просто отправиться вслед за охотниками по той тропе, что приведет к Армун.

Но он не сделал этого. Что-то удерживало его. Хоть он и чувствовал себя тану и знал, что его место возле Армун, среди людей.

Но он только что разговаривал с этими глупыми самцами, приказывал им, как положено иилане', с удовольствием ощущал свою власть над ними. Что это? Неужели его дом — это жилище ящеров, а не шатры тану?

— Керрик, — донесся до него голос Саноне. — Ты наш маргалус. Приказывай!

Мудрый старик все понимал, мандукто саску умели видеть. Быть может, он понимал чувства Керрика лучше, чем он сам. Довольно. Нужно еще столько сделать. А пока нужно стараться не думать об Армун.

— Нам нужна еда, — проговорил он. — Я покажу вам поля, где пасутся животные. Все они не могли сгореть. И еще — нужно что-то сделать с мертвыми.

— В реку их, пока не засмердели, — буркнул Саноне. — Пусть их унесет в море.

— Пусть будет так. Приказываю. И выбери тех, кто пойдет со мной. Я покажу дорогу. Поедим, а потом нужно будет еще многое сделать.

Глава вторая

*Belesekesse ambeiguru desguru
kak'kusarod. Murubelek murubelek.*

*Та, что взлетает на гребне самой
высокой волны,
может попасть в самую глубокую
впадину.*

Алофегма ишлане'

Эрефнаис распоряжалась на урукето, командовала экипажем и пассажирами. Урукето уходил все дальше в море, а она оставалась наверху, и только когда волны захлестывали темный бок живого корабля, прикрывала глаза прозрачными мембранами. Между двумя очередными порциями холодного душа она успевала еще раз бросить взгляд на погибший город, на столб дыма над ним, на безжизненные пляжи. Картина эта словно впечаталась в память. Гибнущий город стоял перед глазами. Она пробыла наверху до темноты, когда урукето замедлил ход, отдавшись воле течения до завтрашнего утра. Только тогда она спустилась вниз и уснула на опустевшем месте кормчей.

Когда прозрачное окошко над головой посветлело, Эрефнаис выбралась из-под плаща и устало поднялась на ноги. Потом она медленно вскарабкалась наверх, хоть и ныла старая рана. Утро было прохладным и ясным. Вчерашнюю грозу унесло далеко, и небо очистилось. Плавник дернулся — урукето проснулся и стал набирать скорость. Эрефнаис поглядела вниз — кормчая была на месте, — а потом вновь уставилась в океан. Позади огромного тела урукето вскипели буру-

ны, пара сопровождавших энтиисенатов рванулась вперед. Все было как всегда.

Да ничего не было как всегда. Мрачные думы вновь овладели Эрефнаис. Она крепко вцепилась в толстую шкуру урукето. Инербан наконец пришел в Алпеасак — в этом был и ее труд, — и Алпеасак обрел мощь. И умер — в один ужасный день. Она видела его гибель и не понимала; ей никогда не приходилось слышать об огне. Он был горяч — горячее, чем само солнце, — он ревел, и трещал, и вонял, и душил тех, кто был рядом, ослеплял, оставляя за собой безжизненную пустыню. Он погубил город. Горстка уцелевших иилане', пропахших дымом, спала внизу. Остальные умерли, как умер весь город, оставшийся на берегу далеко позади. Она поежилась и стала внимательно вглядываться вперед. Если бы это был ее город, она тоже умерла бы, — как умерли те, кого пощадил огонь.

Теперь у нее были другие проблемы. Ученая Акотолп сидела внизу, вцепившись в руку самца, которого притащила с собой. Но с того мгновения, как они оказались на урукето, она ни разу не шевельнулась, а неподвижно сидела и не отвечала ни на какие вопросы. Не реагировала она и на стоны и причитания самца. Что делать с ней? И с теми, бессмертными? Что делать? Пусть решает она... эта... Ее имя не хочется произносить.

Эрефнаис вздрогнула — наверх поднималась Вейнте'. Легка на помине, ее единственную она не хотела видеть этим солнечным утром.

Словно не замечая капитана, Вейнте' направилась в заднюю часть плавника и стала смотреть на пенистый след урукето. Эрефнаис, поколебавшись, тоже обернулась к далекому горизонту. Там было темно. Может быть, еще не отступила ночь, или опять надвигалась гроза, но земли уже не было видно... города тоже. Слишком далеко. Один глаз Вейнте' медленно повернулся в ее сторону.

— Молча ты поднялась сюда, Вейнте', и молчишь до сих пор. Все... умерли?

— Все... И город.

Невзирая на ужас, охвативший ее при этих словах, Эрефнаис заметила, что Вейнте' разговаривает как-то странно. Не как высшая с низшей, даже не как равная

с равной. Она не выражала никаких эмоций. Словно разговаривала сама с собой.

Эрефнаис не хотелось говорить, но вопрос сорвался с ее губ:

— Огонь... откуда взялся огонь?

Недвижная маска мгновенно слетела с Вейнте', и все ее тело задрожало от эмоций; рот так широко раскрылся, что было трудно разобрать слова: «Устузоу пришли... устузоу огня... их ненавистью... ненависть к нему. Смерть. Смерть. Смерть...»

— Смерть, — выдохнула она, руки ее рефлекторно шевельнулись.

За спиной Эрефнаис наверх поднялась Энге. Вейнте' увидела ее и затрепетала, каждое ее слово сочилось ядом.

— Дочь Смерти, место тебе и всем твоим в этом огненном городе. А здесь должны были оказаться лучшие из погибших там иилане'.

В гневё она заговорила, как равная с равной, как эфенселе с эфенселе. В детстве, в море, все равны, все оказываются в воде одновременно, в одном эфенбуру — это естественно, как дышать. Ты навсегда будешь эфенселе для всех из твоего эфенбуру. Но Энге не приняла тона.

— Твоя память слаба, низжайшая, — отвечала она самым оскорбительным образом, как говорит высочайшая из высочайших с самой низшей из низших.

Эрефнаис, стоявшая между ними, застонала от ужаса. Ее гребень заалел, потом стал оранжевым, и она в страхе бросилась вниз. Вейнте' отшатнулась, словно от удара. Энге безжалостно продолжала:

— Ты отвергнута. Твой позор пал и на меня, и я отвергаю тебя как эфенселе. Твое маниакальное стремление убить Керрика и всех устузоу привело к гибели гордого Алпеасака. Ты приказала низкой твари Сталлан убивать моих подруг. От яйца времен не было подобной тебе. Лучше бы ты никогда не выходила на сушу. Если бы весь наш эфенбуру погиб там, во влажных безмолвных глубинах, вместе со мной, — и то было бы лучше.

От слов Энге кожа Вейнте' покрылась краской гнева, но сразу же потемнела. Гнев ушел вглубь, не тратить

же его попусту на это низменное создание, считавшее себя равной ей, Вейнте'.

— Оставь меня, — произнесла она, вновь поворачиваясь к морю.

Энге тоже отвернулась, устыдившись своей внезапной вспышки. Не в это она верила, не этому учила других. Огромным усилием воли она заставила себя застыть на месте и приглушить яркие краски ладоней и гребня. И только после этого она позволила себе заговорить. Внизу кормчая направляла путь урукето по морю, рядом с ней стояла Эрефнаис. Энге нагнулась и крикнула:

— От ведомой к ведущей, не доставит ли мне удовольствия Эрефнаис, поднявшись сюда?

Эрефнаис вскарабкалась вверх и нерешительно взглянула на безмолвную Вейнте'.

— Я здесь, Энге, — отозвалась она.

— Я и все, кто вместе со мною, благодарим тебя за то, что ты спасла нас от гибели. Куда мы идем?

— Куда? — переспросила Эрефнаис с виноватым видом. Она еще не думала, куда им плыть. — Мы бежали от огня в море и взяли курс на Энтобан. Но сделано это было из страха, а не по мудрому рассуждению.

— Ты не виновата, ты спасла всех нас, и мы тебе благодарны. Энтобан — край иилане', куда ж еще держать нам путь? Но в какой город мы направляемся?

Ответ последовал мгновенно.

— Домой. К моему эфенбуру, туда, где этот урукето впервые оказался в волнах моря. В окруженный водами Икхалменетс.

Глядя одним глазом на волны, Вейнте' устремила другой на говоривших. Она попробовала обратить на себя внимание, но к ней повернулась только Эрефнаис.

— Икхалменетс-на-островах — не Энтобан. Покорно прошу взять курс на Месекеи.

Эрефнаис жестом показала, что поняла, но вежливо и твердо заметила, что не изменит курса. Вейнте' замолчала. И все-таки она доберется до него. Месекеи, большой город на большой реке, богатый, процветающий, далекий от северных морозов. И главное, его жители больше всех помогали ей в подготовке к войне с усту-

зоу. Сейчас ее будущее было скрыто серой пеленой. Но настанет день, пелена исчезнет, и она вновь обретет силу. Хорошо тогда оказаться среди друзей. В Икхалменетсе не один урукето, можно найти и другой способ добраться до цели.

А здесь... крутом враги. Энге и уцелевшие с нею Дочери Смерти, — а сколько достойных погибли в Алпеасаке. Этого не должно было случиться. Здесь, в море, она бессильна. Она одна против всех; Эрефнаис и экипаж ей не помогут. Но на берегу все будет по-другому. Она стала размышлять и прятала мысли за неподвижностью тела.

Энге жестом дала знать Эрефнаис, что оставляет ее, и стала спускаться вниз. При взгляде на неподвижную Вейнте' на мгновение Энге показалось, что она видит ее мысли. Злые, темные... Что делать с амбициями Вейнте'? Мысль эта так овладела Энге, что конечности ее непроизвольно зашевелились, и даже в тусклом фосфоресцирующем свете ее было нетрудно понять. Запретив себе думать, она медленно пошла вперед в полумраке. Мимо неподвижной Акотолп и ее несчастного спутника — к маленькой группе иилане', сбившейся у стены. Заметив Энге, одна из них, Акел, встала, шагнула навстречу — и остановилась.

— Энге, предводительница, что так волнует тебя, что я опасюсь за свою жизнь, находясь возле тебя?

Энге остановилась.

— Прости, верная Акел, я думаю не о тебе, не о наших. — Она оглядела четырех уцелевших Дочерей и жестом дала понять, что рада их обществу. — Когда-то нас было много. А теперь нас мало, и каждая из вас стала мне дороже во сто крат. И раз мы выжили, когда остальные погибли, то мы в ответе за наше дело... и нам даны силы, чтобы его исполнить. Но я потом расскажу вам об этом. Прежде нужно кое-что сделать. — Проведя пальцами по ребрам, она дала им понять, что уши слышат и глаза видят. — Скорбь моя не о нас. И я хочу обдумать ее причины.

Она выискала за пузырями с консервированным мясом темный уголок и улеглась лицом к живой стене урукето, заставив тело недвижно застыть. Овладев со-

бой, она вернулась к мыслям о Вейнте'. К мыслям, что не должны были нарушить внешнего покоя.

Вейнте'! Полная ненависти. Теперь, освободившись от привязанности к бывшей эфенселе, Энге поняла, что та из себя представляла. Темная сила, воплощение зла. Было ясно, что первые же действия этой силы будут направлены против Энге и ее спутниц. Они выжили, когда умерли все остальные. В Икхалменетсе они не будут молчать, и слова их будут не в пользу Вейнте'. И она попытается заставить их умолкнуть. Это было очевидно.

Зная, откуда грозит опасность, — нетрудно ее избежать. Следует все продумать. Первым делом самое легкое. Надо выжить. Энге встала и направилась к подругам. Акел и Эфен еще не спали, а Омал и Сатсат уже погрузились в коматозное оцепенение, в котором им предстояло пробыть все время долгого путешествия в темном нутре урукето.

— Проснитесь, прошу, надо поговорить, — произнесла Энге. Спящие зашевелились. — Здесь не место для долгих разговоров — я прошу помощи и повинования. Выполните ли вы мою просьбу?

— Говори, Энге, — ответила Омал, остальные согласно зажестикულიровали.

— Значит, так. Одна из нас всегда должна бодрствовать, пока остальные спят. Нам грозит опасность. Если очень захочется спать, разбуди подругу. Будем караулить по очереди. Ну как? — Она взглянула на слушающих, те знаками выразили одобрение и согласие. — Тогда все в порядке. А теперь спите, сестры, а я буду сторожить.

Энге сидела все в той же позе, когда Вейнте' спустилась вниз. Заметив внимательный взгляд Энге, она задрожала от ненависти. Та не отвечала, но и не отворачивалась. Ее спокойствие так взбесило Вейнте', что она улеглась подальше, спиной к Дочерям.

Путешествие проходило без приключений, подруги были так потрясены гибелью Алпеасака, что скрывались от кошмарных воспоминаний во сне, пробуждаясь, чтобы поесть, и засыпали снова. Но одна из пятерых всегда бодрствовала и была настороже.

Когда показалась земля, Энге спала.

— Показались деревья на берегах Энтобана, — сказала Сатсат, легким движением разбудив Энге.

Та жестом выразила удовлетворение и стала дожидаться, когда Эрефнаис останется наверху одна. Уловив такой момент, Энге поднялась, и они обе стали молча смотреть на далекий берег, на котором высились зеленые джунгли.

— Прошу покорно просветить, — начала Энге. Эрефнаис ответила жестом внимания. — Перед нами берег теплого и вечного Энтобана. Но известно ли, в каком именно месте мы находимся?

— Где-то здесь. — Эрефнаис держала карту между большими пальцами одной руки и показывала пальцами другой. Энге внимательно следила. — Мы пойдем на север вдоль берега, — сказала Эрефнаис, — мимо Йибейска к островам Икхалменетса.

— Не сочти меня назойливой, если я попрошу сообщить, когда мы будем возле Йибейска.

— Будет сделано.

...Через два дня они приблизились к городу. Вейнте' тоже интересовал Йибейск. Она стояла в заднем конце плавника, Эрефнаис и Энге были впереди. Вскоре уже можно было разглядеть высокие деревья, золотые пляжи, с обеих сторон подходившие к городу, дальние силуэты лодок, возвращавшихся домой с дневным уловом. Энге словно и не обнаруживала особого интереса. Полюбовавшись на берег, она поблагодарила Эрефнаис и спустилась вниз. Вейнте' бросила ей вслед взгляд, полный ненависти, и вновь принялась разглядывать берег.

Утром она услышала разговор Эрефнаис с одной из членов экипажа и всем телом затрепетала от гнева. Она должна была догадаться.

— Они исчезли, Эрефнаис, все пятеро. Проснувшись, я увидела, что ни одной нет на месте. Их нет ни внизу, ни наверху.

— И ты ничего не заметила?

— Ничего. Сегодня я проснулась первой, чтобы заступить на вахту... Просто уму непостижимо.

— Вовсе нет! — громко выкрикнула Вейнте', и говорившие вздрогнули. — Непостижимо то, что я не догадалась об этом. Им прекрасно известно, что в

Икхалменетсе их не ждет ничего хорошего. Они хотели укрыться в Йибейске. Поворачивай назад, Эрефнаис!

Вейнте' говорила повелительным тоном, властно выпрямившись. Но Эрефнаис и не подумала повиноваться, а лишь неподвижно застыла. Словно окаменели и члены экипажа; каждая одним глазом наблюдала за говорившими. Вейнте' знаками выражала срочную необходимость, требовала повиновения, грозила гневом, словно грозовая туча, возвышаясь над низенькой Эрефнаис.

Это сгорбленной-то, приволакивающей ногу Эрефнаис своевольничать? Однако ее мало интересовал конфликт бывшей эйстаа и Дочерей Жизни. Энге была добра к ней, никогда не обижала... Эрефнаис мало что слыхала о Дочерях Жизни, и они не вызывали у нее беспокойства. Хватит крови, она была уверена в этом, а в каждом движении расшвирипевшей Вейнте' сквозило желание убивать.

— Следуем прежним курсом. Мы не повернем. Пассажир может быть свободен.

Она повернулась и пошла прочь, и только хромота не давала ей в полной мере выразить чувство удовольствия и торжества.

Вейнте' застыла в отчаянии. Она здесь не распоряжалась, — как, впрочем, нигде отныне, мрачно напомнила память, — не могла она прибегнуть и к силе. Экипаж не допустит этого. И она замерла, пытаясь побороть холодный гнев. Логика выше, сейчас не время для чувств. Деваться некуда — теперь она ничего не могла сделать. Энге и ее подруги сумели скрыться... пока. Но это неважно. Они еще встретятся, и возмездие будет мгновенным. Об Эрефнаис тоже пока придется забыть. Не стоит и думать о пустяках. Она должна думать о Месекеи, о тех больших делах, что ей придется совершить. Своих целей она может добиться лишь тщательно спланировав действия, выбросив из головы ненужные эмоции. Всю жизнь ей приходилось сдерживать свои чувства, и она только удивлялась обретенной силе. А все этот устузоу... Он погубил ее покой, обрек ее на вечную ненависть. Это из-за Керрика и его родни она стала такой. Она не забудет. И пока будет сдерживать гнев. И только однажды... Ненависть надо таить в уголке сердца. Чтобы однажды предаться ей.

Так думала она и постепенно успокаивалась; тело вновь становилось ее собственным. Оглядевшись, Вейнте' обнаружила, что осталась в одиночестве. Эрефнаис с вахтенными была наверху, остальные дремали. Вейнте' посмотрела туда, где еще вчера спали Энге и ее подруги, — и ничего не ощутила при этом. Так и должно быть. Она вновь владела и телом своим, и эмоциями. В темноте кто-то пошевелился. Вейнте' вспомнила об Акотолп и самце. Едва разглядев их в темноте, она подошла поближе.

— Помоги беспомощному самцу, великая Вейнте', — захныкал самец, тщетно дергаясь в мертвой хватке Акотолп.

— Да, я помню тебя по ханане. — Вейнте' заинтересовал мяукающий голос самца. — Ты и есть певец Эсетта, не так ли?

— Вейнте', вечно первая, потому что она помнит имена всех, от нижайшего до высочайшего. Но теперь несчастному Эсетте не о чем петь. Эта толстая вытащила меня из ханане, волокла меня через вонючий туман, мешавший дышать, едва не утопила по пути к урукето, а теперь больно стискивает мою руку. Я пытался говорить, просил, чтобы она меня отпустила, пока не умерла.

— А почему ты не умер? — грозно спросила Вейнте'. Эсетта взвизгнул и отшатнулся.

— О великая Вейнте', почему ты хочешь смерти ничтожнейшего?

— Не хочу, но остальные ведь умерли. Храбрые иилане' Алпеасака. Умерли, когда умер их город.

И тут Вейнте' вдруг почувствовала страх. Они умерли, а она? Почему она осталась жива? Верной Сталлан она сказала тогда, что они остались живы лишь из ненависти к устузоу. Так ли? Неужели этого довольно, чтобы выжить, когда умерли все? Она мрачно поглядела на Акотолп и только сейчас начала понимать, в каком состоянии та находится. Сомнение в жизни, сопротивление смерти. Акотолп случалось работать во многих городах, и она не была всей душой предана одному из них. Но она была ученой, а потому знала, что смерть может наступить в любой момент. Сейчас в этом оцепеневшем теле шла борьба. Только силой воли удерживала себя Акотолп среди живых.

И когда Вейнте' поняла это, в нее словно влились новые силы. Если эта толстуха может жить, если у нее хватает сил для этого, на что будет способна она сама, обладающая силой воли эйстаа... она может жить, она будет жить... и снова править. Ей это по силам!

И Вейнте' в победном жесте подняла обе руки и полоснула когтями неподатливую стенку. Перепутанный стон проник в ее сознание, и она посмотрела вниз, на скрючившегося на полу Эсетту. Желание пришло мгновенно.

Она нагнулась и сильной рукой разжала пальцы ученой. Он начал торопливо благодарить, но она грубо возбудила его и уселась на него верхом.

Акотолп продолжала сидеть в той же позе, но один глаз вдруг медленно повернулся и уставился на соединяющуюся пару.

После трудов праведных Вейнте' решила поспать. Проснувшись, она сразу увидела жирную Акотолп, которая пыхтя лезла наверх, в плавник. Вейнте' огляделась, самца не было видно — спрятался, должно быть. Она с усмешкой шевельнулась при этой мысли и вдруг почувствовала, что от мысли об Эсете сон оставил ее. Урукето качнулся на высокой волне, и внутрь плавника проник яркий солнечный луч. Вейнте' окончательно проснулась и встала, зевая и потягиваясь. Свет манил ее к себе, и она неторопливо поднялась наверх. Там стояла Акотолп, зрачки ее при ярком свете превратились в две узкие щелочки. Она поглядела на Вейнте' и быстро зажестикублировала, выражая радость и благодарность.

— Грейся на солнце, добрая Вейнте', наслаждайся теплом, а я буду благодарить.

Вейнте' знаком выразила согласие и удовольствие. Акотолп переплела большие пальцы в дружественном жесте и заговорила:

— Благодарю тебя, сильная Вейнте', ты спасла мне жизнь. Научная логика определяет мое существование, но я знаю и про важную роль тела, хоть оно и подчиняется мозгу. Я знаю, что по приказу эйстаа в организме любой иилане' могут начаться метаболические изменения, которые заканчиваются смертью. И когда в бедном Алпеасаке все умерли, я поняла, что причиной тому смерть города. Осознав это, я испугалась за себя, ведь,

несмотря на мои неограниченные познания, этот удар мог сразить и меня. Помогло то, что остался жив самец. Раз может он, могу и я. И поэтому я так держалась за него, пока боролась за жизнь. А потом пришла ты и отобрала его, и я пришла в себя, возвратилось и зрение. Я увидела, какая ты живая, великолепная и прекрасная. Это придало мне силы, и я поняла, что смерть отступила. Благодарю тебя, сильная Вейнте'. Моя жизнь в твоём распоряжении. Я — твоя фарги, и жду повелений.

В этот миг урукето покачнулся на волнах. Акотолп потеряла равновесие и упала бы, если бы Вейнте' не схватила ее за руки. Она ответила Акотолп как равная равной.

— А теперь мой черед благодарить великую Акотолп. Мне многое надлежит сделать, и путь мой долг. Потребуется помощь. И я рада видеть в тебе свою первую помощницу на этом долгом пути.

Урукето снова качнуло. Они взглянули на берег, и Акотолп сделала жест удовольствия-от-зрелища.

Живое судно проплывало мимо устья большой реки. Светло-зеленые джунгли тянулись по обоим берегам. Там, где воды реки встречались с океанскими, вздымались и пенились крутые валы. И повсюду на воде кормились естекелы. Опустив в воду длинные клювы, так что из нее торчал лишь костяной выступ на затылке, они качались на волнах, сложив крылья. Другие медленно кружили в небе, их тени быстро скользили по волнам. Птицеядцы хрипло кричали, гомон становился сильнее — урукето нарушил покой стаи.

— Посмотри, посмотри, они поднимаются в воздух! — воскликнула Акотолп. — Если приглядеться, можно заметить, что у них слишком короткие ноги и чересчур длинные крылья — в другом месте они даже не смогли бы летать. Здесь высокие волны, и часто они идут против ветра. А естекелы прямо с гребня волны взмывают в воздух. Чудесно!

Вейнте' не разделяла восхищения Акотолп пропахшими рыбой и покрытыми коротким мехом летающими тварями. Они ныряли, гадили и очень громко орали. Поэтому Вейнте' оставила Акотолп, спустилась вниз и, не обращая внимания на качку, заснула. Остаток путешествия она провела в оцепенении и еще спала, когда

Эрефнаис прислала кого-то из экипажа известить ее о том, что урукето близок к островам и скоро войдет в гавань Икхалменетса.

Вейнте' поднялась наверх и увидела пустынный океан. Чтобы добраться до архипелага, им пришлось отойти от берегов Энтобана почти на день пути. Они были возле большого острова, в середине которого высились горы... Их высокие вершины были покрыты снегом. Шел дождь — мрачное напоминание о зиме. Вейнте' показалось, что эти скалистые острова слишком уж неприветливы и мрачны, и, поевжившись от холода, она уже подумала о том, что в самое ближайшее время отсюда надо будет уехать.

Уехать? Они приближались к Икхалменетсу, к его зеленым джунглям и желтым песчаным пляжам. Пункт назначения был близок. Глядя на заснеженные горные вершины, Вейнте' неподвижно застыла; в ее голове рождались новые идеи. Быть может, и хорошо, что она оказалась именно в Икхалменетсе.

Глава третья

*Es et naudiz igo kaloi, thuvot
et freinazmal.*

*За двумя кроликами погонишься,
ни одного не поймаешь.*

Марбакская поговорка

В полдень саску убили и разделали на пастбище оленя. Керрик нашел камни и выложил ими круглое кострище перед входом в ханане, затем натаскал с берега сухого плавника. Остановиться можно было в любом месте, но он хотел быть поближе к оставшимся в живых иилане'. Хоть охотники-саску не столь быстры на расправу, как тану, он не мог доверить им самцов. Если он утратит бдительность, их сразу же убьют.

Когда охотники вернулись, Керрик уже развел высокий костер, и раскаленные угли для мяса были готовы. Проголодавшиеся охотники, не дожидаясь, пока мясо прожарится как следует, хватали полусырые куски и усердно жевали. Керрику по праву досталась печень, и он поделился ею с Саноне.

— Здесь много нового для нас, — сказал старик, облизывая пальцы, прежде чем вытереть их о свою юбку. — И многие тайны нам надо понять. Есть ли здесь мастодонты?

— Нет, здесь живут одни только мургу, привезенные из-за океана.

— Но ведь мы едим оленя, а не марага.

— Они ловят оленей и держат здесь. Но в дальнем краю, откуда пришли те, которых мы убили, живут одни лишь мургу.

Саноне задумчиво жевал кусок печени.

— Мне не нравятся такие края, где бродят одни мургу. Но ведь Кадайр сотворил и те земли за океаном, когда топнул ногою и разделил скалы. Из скалы он создал все, что мы видим и знаем: и оленя, и мастодонта, и... мургу. Всему есть причина. И неспроста мы явились сюда, и неспроста здесь оказался их город. Все надо запомнить до тех пор, пока не придет время понять.

Когда Саноне говорил как мандукто, все в этом мире, и все по ту сторону мира приобретало особенное значение. Керрика же интересовали куда более практические вопросы. Как покормить самцов в ханане? И что с ними делать потом? Почему он решил взвалить на себя заботу о них? Если он перестанет за ними следить, их убьют — в добровольцах недостатка не будет. Он не хотел смерти простодушных созданий, однако этого было мало, чтобы сохранить им жизнь. Он попытается решить этот вопрос позже. А пока их надо кормить. Жареное мясо самцы есть не станут — их пугал даже запах дыма. Керрик отрезал несколько кусков мяса от передней ноги оленя и открыл дверь в ханане. Трупы уже начали дурно пахнуть. Надо убрать их до темноты. Подойдя к уцелевшей части ханане, он услышал пение, хотя звуки без жестов смысла не имели. Незамеченный, он стоял у входа и слушал хриловатый голос Имехеи. Грустная песня напомнила Керрику о том дне, когда Эсетта пел после смерти Алипола.

Они свободны, а мы заперты,
Они греются на солнце, а мы видим тусклый свет,
Они посылают нас на пляжи, а сами туда не ходят...

Заметив Керрика, Имехеи умолк. Когда он увидел принесенное Керриком мясо, его ладони окрасились цветом радости. Они ели с жадностью, мощные челюсти и острые зубы легко справлялись с каждым куском.

— Вы знали Эсетту? — спросил Керрик.

— Это наш брат, — быстро ответил Имехеи и поинтересовался: — Еще мясо будет?

Керрик сделал отрицательный жест, добавил: «Не скоро» — и спросил:

— Здесь жил еще самец Алипол — вы знали его? Он... был моим другом.

— Имехеи недавно приехал из Энтобана, — произнес Надаске'. — Я здесь давно. Я был здесь, когда Алипол в первый раз ушел на пляж.

— Алипол умел делать красивые вещи. Вы слышали о них?

— Мы все знаем о них, — вмешался Имехеи. — Мы не так грубы, как самки, и знаем, что такое красота.

Он повернулся, отодвинул ковер на стене; за ним оказалось углубление. Поднявшись на цыпочки, он поширил в нем, достал проволочную статуэтку и подал ее Керрику.

Это был ненитеск, быть может, тот самый, которого показывал ему Алипол. Высокий костяной воротник, грозные острые рога, вместо глаз самоцветы. Керрик взял фигурку и повернулся к солнцу; она засверкала. Он ощущал такое же восхищение, как и в тот день, когда Алипол впервые показал ему статуэтку. Но к радости примешивалась и печаль, — ведь Алипола уже не было на свете. И отправила его на верную смерть Сталлан. Теперь она мертва — и это справедливо.

— Я возьму это, — заявил Керрик.

Самцы испуганно зажестичулировали. У Имехеи хватило смелости сделать жест, означавший самку. Керрик понял. Его считали самцом, об этом знал весь город. Но сейчас он вел себя как самка: дерзко и грубо. Он попытался поправить положение.

— Вы меня не поняли. Я хотел взять этот красивый предмет, но он останется в ханане, для которого и сделал его Алипол. Заботившаяся о вашем ханане эсе-касок мертва, и теперь вы в ответе за него. Храните его и берегите.

Они не могли скрыть свои мысли, даже не попытались. Они не были на это способны, они, лишенные обязанностей затворники, с которыми обращались как с бессловесными фарги, только что выбравшимися из океана. И теперь они выслушали новую для себя мысль, сначала перепугались, а затем ощутили какую-то гордость. Заметив это, Керрик начал понимать, зачем он сохранил им жизнь. Не ради них, а ради себя. Он был не только тану, но и иилане' тоже. И перед самцами он

был готов признать это, не стыдясь. Когда он говорил с ними, в голову ему приходили мысли, которые принадлежали части его существа, считавшей себя иилане'. Их двое — Керрик-тану и Керрик-иилане'.

— Вода у вас есть, еду я принесу. Не выходите отсюда.

Они сделали жесты понимания и согласия. Он удивился силе разделения общества иилане' на полы. Один жест, означавший самку, сразу поставил его на место. И, когда он начал понимать кое-что из того, что крылось за услужливыми и обходительными манерами, самцы начали нравиться ему.

В огне потрескивали обглоданные кости: саску, набив животы, дремали на солнце. Керрик вышел из ханане и уселся у костра. Саноне открыл глаза.

— Мандукто саску, нам есть о чем поговорить! — официальным тоном обратился к старику Керрик.

— Я слушаю.

Прежде чем начать говорить, Керрик постарался привести в порядок свои мысли.

— Мы выполнили все, зачем явились сюда. Мургу погибли, нам ничто не грозит. Теперь ты со своими охотниками можешь возвращаться в свою долину, к своему народу. Но я должен остаться здесь, — хотя причины такого решения еще не совсем ясны и мне самому. Я — тану, но я же и иилане', часть меня принадлежит мургу, вырастившим этот город. Здесь много ценного для тану. И я не могу уйти, не попытавшись все увидеть и понять. Я думаю о стреляющих палках, без которых мы никогда бы не победили мургу. — Он умолк, потому что Саноне остановил его движением руки.

— Я слышу твои слова, Керрик, и начинаю понимать многое из того, что тревожило меня самого. Мой путь не был прям и становится еще более запутанным. Теперь я понимаю: когда Кадайр принял обличье мастодонта, он тяжело топнул о скалу и оставил в ней глубокие следы. Эти следы привели тебя к нам и мастодонта вместе с тобой, чтобы мы не забыли, откуда мы и куда нам идти. Карогнис наслал на нас мургу. Но Кадайр послал мастодонта, переведшего нас через ледяные горы, чтобы в этом месте вкусили мы месть. И

мургу погибли, их город сожжен. Ты ищешь здесь мудрость, а значит, как и мы, ты идешь по следам мастодонта. Теперь я знаю, что наша долина лишь часть долгого пути, по которому ведет нас Кадайр. Мы останемся здесь, и все саску присоединятся к нам.

И хотя Керрик не понимал причины, побудившие мандукто принять такое решение — глубина познаний старика была от него сокрыта, — но он приветствовал его с радостью.

— Конечно же... ты сказал именно то, что я думал. Здесь в Алпеасаке сокрыто столько, что человеку не понять и за сотню жизней. Твой народ умеет делать шкуры из зеленых растений, камень из жидкой грязи, вы знаете новое. Алпеасак будет жить.

— Есть ли смысл в звуках, что ты издаешь, и в движениях, что производишь? Было ли имя у этого города?

— Его звали местом тепла, света... Я не знаю, как сказать это на сесеке... пески вдоль побережья.

— Деифобен, «золотые берега». Удачное имя. Хотя даже мне, привыкшему к тайнам и поискам их разгадок, трудно постичь, что мургу одарены речью, а эти звуки и есть их язык.

— Выучиться было так сложно. — Подумав об иилане', Керрик не смог удержаться от воспоминаний...

Саноне с пониманием кивал.

— И это след, оставленный нам Кадайром, трудный, нелегкий путь... Теперь расскажи о пленных мургу. Почему мы не можем убить их?

— Мы воевали вовсе не с ними, они не хотят нам зла. Это самцы, они никогда не выходили из этой рощи. В действительности они сами были пленниками самок. Когда я разговариваю с ними, возникает чувство общности, иное, чем при разговоре с охотниками. Но это касается меня одного. Куда важнее — они могут помочь нам понять этот город, ведь они — часть его в большей степени, чем я.

— Путь Кадайра — все существа идут им, даже мургу. Я поговорю с саску. Твоим мургу не причинят вреда.

— О Саноне, мудрейший из мудрых, Керрик благодарит тебя.

Саноне невозмутимо выслушал панегирик и кивнул.

— Я скажу это саску прямо сейчас, а потом ты покажешь мне Деифобен.

...Они ходили по городу, пока не стемнело, и уже нельзя было видеть дороги перед собой, а потом возвратились к приветливому костру возле ханане. Сопровождавших Керрика саску удивили поля-пастбища, и люди с радостью обнаружили, что почти все они уцелели. С трепетом взирали на огромных ненитесков и покрытых броней онетсенсастов. А потом все ели плоды и перемазались соком, купались в теплой воде возле золотого берега. Всех восхитила живая модель города — она уцелела, выгорела только часть прозрачного потолка. Керрик с изумлением обнаружил, как вырос город за эти недолгие годы. Голова его была так набита впечатлениями и воспоминаниями, что впервые после расставания с саммадами он не вспомнил об Армун, о шатре, утонувшем в далеких северных снегах.

Саммады тану опять остановились в том же месте — возле речной излучины. Снова снег слишком рано побелил землю, слишком рано остановилась река. На лугу теперь стояло куда больше шатров. Мастодонты сбились в стадо. Они трубили и пытались разыскать под снегом траву. Но перед зимою звери отъелись и каждый день получали корм — запасенное осенью сено. Тану тоже были сыты. У них хватало и копченого мяса, и вяленых спрутов, они до сих пор хранили и консервированное мясо мургу. Дети играли в снегу, ведерками из коры таскали его в шатры, чтобы растопить воду. Все было хорошо, но и женщины, и дети ощущали отсутствие охотников. Конечно, остались старики и несколько юношей... Но остальные ушли далеко на юг, где с ними могло произойти всякое. Старый Фракен вязал узлы на шнурках и знал, сколько времени миновало с тех пор, как они ушли, — но что значили дни? Выполняли охотники задуманное или нет?

Или погибли все до единого?

Эта мысль сначала изредка посещавшая умы, теперь прочно овладела всеми оставшимися. И женщины тол-

пились возле старого Фракенā, когда он разламывал совиные шарики, открывая мышинные косточки, чтобы по ним прочесть грядущее. Все хорошо, уверял он. Победа. Все хорошо.

Женщины хотели чаще слышать эти слова и носили старику самые нежные кусочки мяса, доступные его зубам. По ночам же, во тьме шатров страхи возвращались. Охотники... где же охотники?

Армун так боялась, что Керрик погиб, что часто вскакивала ночью, задыхаясь от страха, и прижимала к себе младенца. Проснувшийся Арнхвит громко вопил с перепуту, а потом утихал, присосавшись к груди. Но Армун ничто не могло принести утешения, и, окаменев от страха, она лежала, пока рассвет не вползал на небо. Одиночество возвращалось. Недавно какой-то мальчишка показал на ее рот и расхохотался. Смех сразу превратился в плач, когда быстрой рукой она покарала обидчика, но пробудил горькие воспоминания. Сама того не замечая, Армун ходила теперь по стойбищу, прикрывая лицо воротом одежды. Будущее без Керрика было пустым и холодным, она даже не хотела думать о том, что ее ожидает.

А потом много дней подряд валил снег — столько дней, сколько пальцев на двух руках. Он безмолвно ложился в огромные сугробы, и, когда возвратилось солнце, невозможно было понять, где земля, где река в этом убеленном мире. Мастодонты сердито трубили и топтались в снегу; их дыхание белыми клочьями исчезало в бледно-голубом небе.

Прежде чем устроить Арнхвита за спиной, Армун завернула его в оленью шкуру. Снег завалил шатер, и ей пришлось раскапывать его изнутри. Кто-то из женщин уже выбрался наружу. Они окликали друг друга по именам. Но не ее. Гнев заставил ее позабыть отчаяние, и, уложив ребенка в ременную плетенку, она отошла от шатров подальше, чтобы не слышать приветливых голосов. Снегу было по пояс, но она была сильна, и так хорошо было на воле. За спиной, явно наслаждаясь свежим воздухом, гукал Арнхвит.

Армун шла, пока деревья не закрыли шатры, и только потом остановилась, чтобы перевести дух. Впереди белела равнина, где-то под снегом таилась река. Вдали

чернели какие-то точки, постепенно приближаясь, и она пожалела, что зашла так далеко. Оружия у нее при себе не было, даже ножа она не прихватила с собой. Но все равно, что смогла бы сделать она одна с целой стаей изголодавшихся хищников.

Точки приближались, Армун уже решила бежать... и замерла.

Точек становилось все больше, они выстроились в цепочку...

Охотники! Неужели?

Застыв, она следила за ними, и наконец стало ясно — это охотники в шкурах и на снегоступах. Могучая фигура впереди могла принадлежать только Херилаку. Он вел охотников, прокладывая путь. Прикрыв глаза ладонью, она попыталась увидеть среди них Керрика, сердце ее бешено колотилось в груди. Она громко засмеялась и замахала руками. Ее заметили, над равниной прокатился громкий приветственный клич. Она не могла шевельнуться и только следила, как они приближаются. Наконец она разглядела заиндеветую бороду Херилака, и он услышал ее крик:

— Керрик, где ты?

Но молчал Херилак, и никто из идущих не отозвался — она покачнулась и едва не упала.

— Он погиб! Я умру! — зарыдала она, когда Херилак подошел ближе.

— Жив твой Керрик. Жив и здоров. Мы победили!

— Почему же он не ответил мне?.. Керрик!

Она метнулась вперед, но охотник задержал ее.

— Его нет здесь. Он не вернулся. Остался в спаленном городе мургу. Он попросил меня позаботиться о тебе. Ты останешься в моем саммаде.

— Керрик! — закричала она, пытаясь вырваться.

Но не смогла.

Глава четвертая

Слова Херилака в один миг прогнали все невысказанные страхи Армун.

«Он не вернулся. Остался в спаленном городе мургу. Он попросил меня позаботиться о тебе, и ты останешься в моем саммаде. Мир и так суров, нечего представлять его более жестоким». Молча она отвернулась от охотников и побрела по глубокому снегу к своему костру.

Мимо, громко крича, спешили охотники. Услышав со стоянки знакомые голоса, они припускали еще быстрее.

Армун слышала это... но не разбирала слов, вслушиваясь только в свой внутренний голос. Жив. Он жив. Если Керрик не вернулся, значит для этого у него были более чем веские причины. Она все выпросит у Херилака, но позже, когда уляжется радость возвращения. Значит, тану одержали победу. Мургу наконец уничтожены. Бесконечный бой закончится. Он вернется — и они заживут, как все. Она что-то забормотала себе под нос, и Арнхвит за плечами радостно засмеялся.

Когда ребенок уснул, Армун вышла послушать разговоры охотников. Как сожгли город мургу, как поубивали их всех и как возвратились с победой. По протоптанным в снегу тропкам она добралась до костра Херилака. Он стоял у шатра и, заметив ее, отвернулся. Она окликнула его, и, слегка помедлив, Херилак взглянул на нее.

— Нужно поговорить, Херилак. Расскажи, что с Керриком.

— Я же сказал, он остался в городе мургу.

— Но ты не объяснил, почему он это сделал, почему он не возвратился со всеми.

— Не захотел. Может, ему лучше там, возле мургу. Может, он больше мараг, чем тану. Там остались живые мургу, а он не стал убивать их и не позволил нам это сделать. Тогда мы ушли — нам незачем было там оставаться.

Она почувствовала недоброе, и все страхи немедленно возвратились.

— А он говорил, когда вернется?

— Уходи, я все сказал, — ответил Херилак и, войдя в шатер, опустил за собой полог.

Гнев разогнал все страхи Армун.

— А я не все сказала! — закричала она так громко, что к ней стали поворачиваться, прислушиваясь. — Выходи, Херилак, и все Расскажи мне! Я хочу знать, что случилось. Ты что-то скрываешь.

Ответом было молчание, и Армун сердито ударила в шкуру. Но Херилак уже успел зашнуровать вход изнутри. Ей захотелось высказать все, что она думает о таком поступке... но она овладела собой. Это только развлечет окружающих.

Она повернула назад, и бывшие неподалеку поспешно отходили, чтобы не попасть под горячую руку. Но она уже шагала между шатрами к саммаду Сорли. Тот сидел возле огня со своими охотниками; из рук в руки они передавали каменную трубку. Армун подождала, пока трубку выкурили и положили, потом шагнула вперед, стараясь сдерживаться.

— Сорли, я слыхала о том, каким долгим и трудным был ваш путь. Ты устал и охотники тоже, вы нуждаетесь в отдыхе.

Сорли пренебрежительно махнул рукой.

— Охотник, для которого трудна дорога, не может быть охотником.

— Рада слышать это. Значит, великий охотник Сорли не слишком устал, чтобы поговорить с Армун.

Прищурившись, Сорли глядел на нее, чувствуя, что попался на слове.

— Да, я не устал.

— Это хорошо, потому что шатер мой не так уж близок, а я хочу кое-что показать тебе.

Сорли огляделся в поисках поддержки, но не нашел ее: охотники заново набили трубку и передавали ее друг другу, не глядя в его сторону.

— Хорошо. Идем в твой шатер. Только помни, уже поздно, а у меня еще много дел.

— Ты очень добр к одинокой женщине. — Она молчала, пока они не подошли к ее шатру. Запахнув за собой полог, она показала на спящего младенца. — Вот что я собиралась тебе показать.

— Дитя...

— Сын Керрика. Почему он вместе со всеми не вернулся в свой шатер, к своему сыну? Почему он не вернулся ко мне? Херилак отворачивается и молчит. Теперь говори ты.

Сорли повел по сторонам глазами, но деваться было некуда. Он вздохнул.

— Дай мне попить, женщина, и я скажу. Теперь Керрика и Херилака разъединяет недоброе чувство.

— Вот, пей. Я поняла. Объясни почему.

Сорли вытер губы рукавом.

— Я не понимаю причин. Просто расскажу тебе, что случилось. Мы сожгли город мургу, и тот, кто не погиб в огне, умер сам. Почему — я не знаю. Это же мургу, как понять их? Некоторые спаслись и уплыли на какой-то плавучей штуке. А Керрик говорил с марагом и не дал Херилаку убить его. Он отпустил этого марага. А потом нашлись и другие мургу, и Керрик снова не дал их убить. Херилак воспыал великим гневом и сказал, что уйдет без промедления. Нас ждал долгий путь, и мы согласились.

— Но Керрик остался? Почему? Что он говорил?

— Он разговаривал с Херилаком. Я не слушал его и не знаю... — Неловко поежившись, Сорли хлебнул воды.

В глазах Армун отсвечивали угольки костра, она едва сдерживалась.

— Смельчак Сорли, храбрец Сорли, ты говоришь мне не все. Ты крепок, в силах объяснить, что случилось в тот день.

— Язык мой говорит правду, Армун. Керрик говорил, что там нужно многое сделать. Я ничего не понял. Вот саску поняли — они остались, а мы ушли. Мы все

ушли с Херилаком. Ведь все, что было нужно, мы сделали. А дорога назад далека...

Армун на миг опустила голову, потом встала и откинула полוג.

— Я благодарю Сорли, рассказавшего мне обо всем.

Он помедлил, но Армун молчала. Что мог он добавить? И Сорли с облегчением поспешил назад, радуясь, что освободился.

Вечерело. Армун вновь закрыла вход, подкинула ветвей в очаг и села рядом. Лицо ее было гневным и мрачным. Как легко эти смельчаки отвернулись от Керрика. Шли за ним в бой... и бросили одного. Если саску остались там, значит, он просил об этом и охотников. В городе мургу, должно быть, случилось что-то, из-за чего рассорились двое предводителей. Она сама выяснит это. Зима закончится, к весне Керрик вернется. Конечно он вернется весной...

Армун старалась не сидеть без дела, чтобы не предаваться горестным думам. Арнхвиту пошел второй год, и внутри шатра ему уже становилось скучно. Армун выскабливала олени шкуры и шила сыну мягкую одежду, соединяя куски сухожилиями. Его ровесников матери еще носили за спиной, а он уже с восторгом играл в снегу. По обычаю детей кормили грудью лет до четырех, даже до пяти. Армун уже почти отлучила его от груди, невзирая на укоризненные взгляды и явное неодобрение женщин — она привыкла быть отверженной. Она понимала, что они просто завидуют ей и кормят только затем, чтобы избежать новой беременности. И пока другие младенцы болтались в мешках за спинами матерей и сосали кулаки, Арнхвит набирался сил и уже грыз жесткое мясо крепкими зубками.

Однажды солнечным зимним днем, когда весной еще и не пахло, она отошла от шатров, а кроха Арнхвит старательно трусил за нею, стараясь не отставать. Покидая стойбище, она теперь всегда прихватывала с собой копье... Впереди среди деревьев послышалось странное мяуканье. Выставив вперед копье, она стала ждать. Арнхвит прижался к ее ноге и молча смотрел округлившимися глазами. Армун вглядывалась вперед. Вдруг она заметила уходивший вбок от тропы человеческий след. Опустив копье, она направилась по нему и,

разведя заснеженные ветви, обнаружила под ними мальчишку. Он обернулся и перестал всхлипывать; лицо его было перепачкано слезами и кровью.

— Я тебя знаю, — проговорила Армун, вытирая рукавом его лицо. — Ты из саммада Херилака. Тебя зовут Харл? — Мальчик кивнул, в глазах его стояли слезы. — Однажды ты пришел к моему костру с убитой совой. — Когда она сказала это, он вновь зарыдал, закрыв лицо ладонями. Армун помогла ему подняться и отряхнула от снега. — Пойдем ко мне в шатер. Я дам тебе попить чего-нибудь теплого.

Мальчишка нерешительно упирался, наконец Арнхвит доверчиво взял его за руку. Так они и вернулись, ведя Арнхвита за обе ручонки. Армун насыпала сладкой коры в горячую воду и дала Харлу. Арнхвит тоже захотел, но крепкий настой ему не понравился, и по его подбородку побежали две струйки. Вытерев кровь с лица мальчика, Армун уселась и показала на синяки на его лице.

— Расскажи, что случилось?

Она слушала молча — Арнхвит уснул на ее руках — и скоро поняла, почему мальчик разревелся, когда она вспомнила про сову.

— Я не знал, что это сова. Это был мой первый лук, моя первая стрела, и мой дядя помог мне сделать их. Саммадар Керрик похвалил меня, потому что сова оказалась не настоящей, а прислужницей мургу, и ее можно было убить. Это было тогда, но теперь алладжекс сказал, что все не так. Что я напрасно убил ее. Он сказал это моему отцу, и теперь он бьет меня и не позволяет сидеть у костра, когда холодно.

Мальчик всхлипнул. Осторожно, чтобы не разбудить спящего малыша, Армун протянула Харлу горсть эккотаца. Он с жадностью проглотил еду.

— Ты поступил правильно, — сказала она. — Это старый Фракен ошибается. Керрик-маргалус все знает о мургу, их прислужниках, и он правильно похвалил тебя за то, что ты убил эту сову. Теперь возвращайся в свой шатер и передай мои слова отцу. Ты поступил правильно.

Ветер крепчал, и она туто зашнуровала вход, когда мальчик ушел. Старый Фракен чаще все-таки ошибался,

чем оказывался прав. С той поры как умерли ее родители и она осталась одна, Армун понемногу теряла доверие к предсказаниям Фракена и его совиным комочкам. Керрик тоже смеялся над Фракеном и погадками сов, — и она освободилась от страха перед стариком. Недалекий и глупый, он только доставлял одни неприятности, как сейчас с мальчиком.

Ночью Армун вдруг проснулась, сердце колотилось от ужаса — кто-то скребся в шкуры снаружи. Она поискала в темноте копье, но услышала голос, назвавший ее по имени. Раздув поярче угольки, она подбросила в костер веток и расшнуровала вход. Просунув в отверстие сначала стрелы и лук, внутрь пролез Харл.

— Он бьет меня, — сказал он с сухими глазами. — Он бьет меня моим луком, когда я говорю ему твои слова. Он даже не хочет слушать меня. Он кричит, что Керрик знает все о мургу, потому что сам наполовину мараг... — Он умолк и опустил голову. — И ты тоже, сказал он и снова побил меня. Я убежал.

Армун кипела гневом: не за себя, ей-то приходилось слышать и худшие оскорбления.

— Пусть Фракен читает будущее по помету мургу. Твой отец не лучше его, раз слушает такие глупости. Керрик спас саммады — и как быстро все забыли об этом... Сколько тебе?

— Это моя одиннадцатая зима.

— Достаточно взрослый, чтобы получать побои, но слишком молод, чтобы стать охотником и дать сдачи. Оставайся до утра, Харл, пусть отец твой придет ко мне за тобой. Я расскажу ему о мургу!

Утром Армун вышла из шатра, послушать, что говорят женщины. Все беспокоились о пропавшем мальчике, и охотники уже искали его. Хорошо, подумала она, а то заплывут жиром, без дела валяясь в шатрах.

Подождав, пока солнце опустится пониже, она оставила первую из встретившихся женщин.

— Пойди в шатер Нивота и передай ему, что мальчик Харл нашелся и сидит в моем шатре. Быстрее.

Как Армун и рассчитывала, женщина не стала торопиться и тут же разболтала новость. Армун вернулась в свой шатер и стала ждать. Наконец кто-то окликнул ее

снаружи. Она вышла, аккуратно задернув за собой полог.

Старый шрам на щеке кривил рот Нивота в злобной ухмылке. Характер был под стать выражению лица.

— Я пришел за мальчишкой, — грубо сказал он.

Позади него собралась толпа, люди с интересом прислушивались: зима была длинной и скучной.

— Я — Армун, а это шатер Керрика. Как твоё имя?

— Отойди в сторону, женщина, — мне нужен мой парень.

— Чтобы опять избить? Это ты говорил, что Керрик наполовину мараг?

— Он совсем мараг, если тебе хочется знать мое мнение. И сейчас я накажу мальчишку, чтобы не болтал... и тебя тоже, если ты не пропустишь меня.

Она и не шевельнулась, и он грубо толкнул ее. А напрасно. Не стоило ему забывать, что случалось, когда она была моложе и ее дразнили беличьей мордой.

Кулак Армун угодил Нивоту прямо в нос — охотник полетел спиной в снег. Едва он встал на колени — кровь капала у него с подбородка, — она снова ударила его в лицо. Толпа разразилась радостными криками. Доволен был и Харл, подглядывавший в щелочку.

Охотники не бьют женщин... кроме своих собственных, поэтому Нивот не знал, что ему делать. Не было у него и времени подумать. Армун не ниже его ростом и страшна в гневе. И он бесславно бежал. Толпа не торопилась расходиться, сожалея об окончании интереснейшего зрелища.

Но на этом все кончилось. Харл остался в ее шатре, никто за ним не пришел, в присутствии Армун об этом даже не вспоминали. Мать Харла умерла прошлой голодной зимой, и отец явно тяготился мальчишкой. Армун стало повеселее.

...Весна запоздала. Она всегда теперь запаздывала. И, когда лед на реке затрещал и громадные льдины тронулись вниз, Армун начала высматривать на востоке Керрика. Каждый день ей было все труднее справляться со своим нетерпением, и наконец, в самый разгар цветения деревьев она отослала Арнхвита с Харлом поиграть на берег реки, а сама пошла к Херилаку. Он сидел перед шатром, натягивая на лук новую сплетен-

ную из кишок тетиву, — приближалось долгожданное время охоты. Когда она заговорила, он лишь кивнул, не поднимая глаз от работы.

— Лето пришло, а Керрика нет.

Он что-то нечленораздельно буркнул. Взглянув на склоненную голову, она подавила в себе гнев.

— Настала пора путешествий. Если он не вернется, я сама уйду к нему. Я прошу, чтобы кто-нибудь из охотников проводил меня.

Ответом ей было молчание, и, когда Армун хотела повторить, Херилак поднял к ней лицо.

— Нет, — ответил он. — Не будет тебе охотников. Ты не уйдешь. Ты из моего саммада, и я запрещаю тебе. Оставь меня.

— Я хочу уйти! — закричала она. — Оставить тебя, оставить твой саммад. Уйти туда, где должна быть. И ты скажешь им...

— Еще раз говорю — уходи, — проговорил он, вставая перед ней во весь рост.

Это был не Нивот. Она бы никогда не решилась ударить Херилака, а он не хотел даже слушать ее. Говорить было не о чем.

Она пришла на берег реки и долго сидела там, следя за мальчишками, катавшимися в молодой траве. От Херилака ждать помощи не приходилось, скорее наоборот. К кому бы еще обратиться? Оставался только один охотник, и она направилась к нему.

Тот сидел в шатре один.

— Ортнар, ты один уцелел из первого саммада Херилака, не попал в лапы мургу...

— Да, Армун. Зачем ты напоминаешь мне об этом?

— Значит, ты не можешь не знать, что Керрик остался на юге и мое место рядом с ним. Отведи меня к нему. Ты ведь друг его.

— Я — друг его, — тяжело вздохнув, согласился Ортнар. — Но я не могу тебе помочь. Херилак говорил со всеми и сказал, что не отпустит тебя.

Армун недоумевающе взглянула на него.

— Кто ты, маленький мальчик, который пишет в шкуры от громкого голоса Херилака? Или же охотник-тану, который поступает по собственному разумению?

Не обратив внимания на оскорбление, Ортнар отмахнулся.

— Охотник я, охотник... Но нас с Херилаком связывает память о мертвых, о погибшем саммаде... а это не шутка. Но я и не против Керрика, который был нашим маргалусом, когда мы убивали мургу...

— И что же?..

— Я помогу тебе, если у тебя хватит для этого сил.

— Ортнар, я сильна. Скажи мне, какая твоя помощь потребует от меня всех сил.

— Ты умеешь убивать мургу стреляющей палкой. Я видел, как ты ловко справлялась с нею, когда на нас нападали. Ты возьмешь мою палку. И я расскажу тебе, как добраться до города мургу. Когда выйдешь к океану, подумай, что будешь делать дальше. Можешь подождать Керрика там. Или иди прямо к нему.

Армун улыбнулась — потом расхохоталась:

— И ты отсылаешь меня одну в город мургу? Чудесное предложение, но выбора у меня нет. У меня хватит сил, храбрый Ортнар. Я понимаю, что ты рискуешь навлечь на себя гнев Херилака, когда он узнает обо всем.

— Я сам расскажу ему, — с утрумой решимостью буркнул Ортнар.

И он отдал Армун стреляющую палку и все шипы, которые заготовил за зиму.

Шатер Армун находился чуть поодаль от прочих, она редко ходила по стойбищу, поэтому ее исчезновение обнаружили дня через два.

А через несколько дней разосланные Херилаком охотники вернулись с пустыми руками. Армун знала лес — следов не осталось... никаких.

Глава пятая

— У меня есть для вас кое-что интересное, — сказал Керрик. Молча жуя сырое мясо, оба иилане' знаками выразили любопытство и признательность. — Но, чтобы это увидеть, придется оставить ханане.

— Здесь тепло, безопасность, там — холод и смерть, — ответил Имехеи, поеживаясь.

Поглядев на опустевший лист, он робко выразил желание получить добавку. Керрик игнорировал его жесты. Оба самца были склонны переедать и набирать лишний вес.

— Снаружи бояться нечего, уверяю вас. Следуйте за мной и держитесь рядом.

Они шли, едва не наступая ему на пятки, и озирались вокруг перепутанными глазами. При виде пожарища они сделали знаки страха и горя, еще больший страх они выразили, когда навстречу попались охотники, а при виде опустевшего города изобразили одиночество. И лишь оказавшись возле модели, они ощутили себя в относительной безопасности.

Модель города Алпеасака — про себя Керрик всегда называл его этим именем, хотя при разговоре с охотниками именовал его Деифобенем, — была своеобразной «слепой» картой города. Были видны все поля и рощи, но какие животные паслись там, обозначено не было. Многие из них Керрик хорошо помнил, по крайней мере все ближние поля. И пока саску обследовали их и дивились всяческим чудесам, Керрик старался осмотреть те части города, что выросли за время его отсутствия.

Керрик показал самцам на ряды каналов, перемежающихся с прудами.

— Идем туда. Здесь недалеко. Прогулка пойдет вам на пользу.

По дороге, наслаждаясь непривычной свободой, самцы порастеряли весь страх: перед ними открывались такие места, о существовании которых они и не подозревали. На многочисленных городских полях паслись животные, местные и заморские, привезенные из-за океана. Было еще утро, когда они подошли к огражденному дамбой озеру, так заинтересовавшему Керрика. Вдоль насыпи шла хорошо утоптанная дорога, поднимавшаяся по откосу на плоскую вершину. Внизу лежало заросшее травой озеро, в дальнем конце его растительность расступалась, открывая воду. Водные заросли колыхали какие-то существа, их трудно было разглядеть.

— Пустота-интереса, скука-ожидания, — вздыхал Имехеи.

— Теплота-солнца, радость-общения, — отвечал более смущенный Надаске'.

Керрик не обратил внимания на их высказывания — самцы постоянно обменивались ими, в отличие от самок-нилане', открывавших рот лишь для того, чтобы сказать что-нибудь стоящее. Но Имехеи был прав, смотреть было не на что. Керрик уже хотел уйти, когда Надаске' указал на воду.

— Интересное движение; какое-то существо.

Из воды выбралась какая-то рептилия. Длинная и узкая, похожая на змею, она глядела на них крошечными глазками. За ней вылезла другая, потом еще... еще. Должно быть, их внимание привлекли обрисовавшиеся на фоне неба силуэты. Повнимательнее приглядевшись, Керрик заметил возле воды белевшие кости. Должно быть, их кормили возле воды. Он все еще не понимал, что это за твари. Он выковырнул ногой камень и зашвырнул в грязь у края воды. Зазмеившиеся тела устремились к месту падения камня. У мургу были зеленые гибкие тела — совершенно змеиные, если не считать крошечных ног, и небольшие приплюснутые головки. Керрик был уверен, что прежде не встречал подобных, но они были странным образом знакомы ему.

— Вы не встречали таких? — спросил он.

— Скользкие, ползучие...

— Невкусные.

Словом, толку от самцов не было. Керрик уже пошел прочь, но все-таки оглянулся еще разок. И тут его осенило... сомнений не оставалось, он знал, что за существа перед ним.

Проводив самцов до ханане, Керрик разыскал охотников. Саноне был среди них, и Керрик заторопился ему навстречу, не слушая церемонных приветствий мандукто.

— Срочно необходимо мясо, пока они не передохли. Ведь они уже несколько дней без еды.

— Я помогу тебе, Керрик, только скажи, в чем дело.

— Торопливость затуманила мой разум. Я нашел там что-то вроде озера с небольшими мургу. За ними надо приглядывать, их надо кормить, я знаю, кто это. Все совпадает — форма, размер. Это детеныши хесотсанов. Стреляющих палок.

Саноне в изумлении покачал головой.

— Многое, что я вижу и слышу в Деифобене, превосходит мое понимание.

— Это можно понять. Мургу не делают вещей так, как мы делаем луки и ткани. Они их выращивают. Стреляющие палки живые — ты ведь знаешь это, сам не раз кормил их. Но маленькие они другие — это небольшие змейки с ногами, живущие в озере; старея, они становятся такими, к которым мы привыкли.

Теперь Саноне понял и с удовольствием ударил кулаком о кулак.

— О мудрый не по годам Керрик, в тебе наше спасение. Эти создания, о которых ты говоришь, будут накормлены, чтобы у нас всегда было оружие в мире, полном мургу. Немедленно несем им еду и заодно приглядимся.

Когда рептилии кинулись из воды к мясу, стало совершенно ясно, что это маленькие хесотсаны. И Керрик подумал, что город, служивший врагам, начинает служить людям. Саноне соглашался с ним, и каждое новое открытие еще более укрепляло его уверенность в грядущем.

Охотники укрывались от дождя в одной из уцелевших рощ. Прошел хольт дней, и дожди прекратились, хотя ночи оставались прохладными. Саноне тратил мно-

го времени на раздумья, часто уходил к модели города, простиравшегося от океана в глубь суши. Он явно сделал какие-то выводы и долго обсуждал их с прочими мандукто. Когда они пришли к согласию, послали за Керриком.

— Принято решение, — провозгласил Саноне. — Мы долго пытались понять путь Кадайра, но наконец все стало ясным. Теперь мы поняли, что, когда Кадайр обрел вид мастодонта и ступил на эту землю, и следы его глубоко впечатались в скалы, он наметил нам путь, который не всем дано понять. Мы — дети его, и мы учимся следовать по пути его. Он привел вас в наши края, а вы привели мастодонтов, чтобы напомнить нам, откуда мы и куда нам идти. Карогнис послал мургу, чтобы погубить нас, но Кадайр послал через обледеневшие горы мастодонта, который привел нас в эти края, чтобы свершить свою месть над мургу. И они погибли, и город их сгорел. Зло сожжено, а все, что осталось, по замыслу его может послужить нам на пользу. И теперь я знаю, что наша долина — лишь привал на пути, наменном для нас Кадайром. Здесь лежит будущее. Сегодня вечером мы сойдемся пить порро, и Кадайр явится нам. А потом на заре первые охотники вступят на тропу, что ведет отсюда, из Деифобена, на запад, к югу от снежных гор... на тропу, которой шли мургу, чтобы напасть на нас. Теперь этот путь будет дорогой охотников, и мой народ придет сюда и поселится здесь.

Отведав ночью перебродившего порро, Керрик оказался во власти странных сил, вполне убедивших его в правоте мандукто, — в том, что задуманное ими верно. Ему хотелось поделиться со всеми, и в конце концов он сумел это сделать, — едва держась на ногах, он хрипло крикнул:

— Этот город будет рожден заново! И вы будете в нем, и я буду в нем, и я буду тану и иилане', и город станет прежним!

Мандукто одобрили и содержание его речи, и манеру, в которой она была произнесена, хотя не поняли ни слова: он говорил на иилане'. Но незнакомый язык только усугубил впечатление.

На следующее утро Керрик заспался, при малейшем движении болела голова. Поэтому он старался не от-

крывать глаз и впервые с того дня, как охотники отправились без него на север, подумал об Армун. Надо бы привести ее сюда, но он опоздал, — теперь путешествие пришлось бы на самую суровую часть зимы. И ему вовсе не хотелось лезть в эти снега — так уютно и тепло было здесь, на юге. Армун тоже не стала бы путешествовать зимой. И ребенок — он ведь забыл о ребенке, — ему лучше вообще не высовываться из шатра до конца зимы. Словом, ничего сделать он не мог. Когда дни начнут удлиняться, он что-нибудь придумает. А пока хорошо бы окатить голову холодной водой.

Армун тщательнейшим образом спланировала свое бегство. Она понимала, что Херилак пошлет за ней самых быстроногих охотников, от которых нечего было даже пытаться ускользнуть. Оставалось только перехитрить их, выбрать такой путь, который им даже не придет в голову. Никто не обращал на нее особого внимания, и поэтому она смогла понемногу, с помощью Харла, вынести из стойбища все необходимое. Вскоре приготовления были закончены. Вечером она плотно прикрыла полог, тщательно затушила огонь и убедилась, что дети в шатре.

Армун проснулась, когда утренняя звезда едва поднялась над горизонтом. Взяв сонного малыша, она велела Харлу прихватить шкуры и первой вышла в ночь. При свете звезд они бесшумно миновали черные шатры, в которых еще все спали, прошли мимо темных силуэтов мастодонтов и отправились к невысокой скале к северу от стойбища. Там под скалистым навесом она укрывала все необходимое.

Здесь они провели три дня и три ночи. У них было сушеное мясо и эккотац, пузыри с консервами мургу. Рядом в ручье была вода.

В укрытии она обстругивала длинные шесты и связывала из них волокушу-травоис, на которую и погрузила все припасы. На четвертый день они опять поднялись до рассвета. Удобно устроенный на травоисе, Арнхвит радостно ворковал. Харл взял свой лук со стрелами. Армун подняла жерди; долгий путь начался. Сперва они

лесом направились к югу, далеко обойдя стойбище стороной. И к полудню добрались до колеи, оставленной саммадами во время перекочевки на север. В бороздах уже выросла трава, но она не могла скрыть следов мастодонтов и колеи травоисов. Харл высматривал оленей впереди. Армун налегла на шесты и повернула на восток. Убаюканный ритмом движения, младенец уснул.

Когда стемнело, они остановились, поужинали холодным мясом — она не рискнула разжечь огонь — и уснули, закутавшись в шкуры.

Было трудно, но ведь она и не рассчитывала на прогулку. Если бы старая колея не пролежала по ровному месту, она бы никогда не одолела пути. Когда дорога шла в гору, за целый день отчаянных трудов ей удавалось осилить только малую часть того пути, который прошел бы саммад. Она не думала об этом и не позволяла усталости овладевать собой. Каждый вечер Харл собирал хворост, они разжигали костер, и Армун готовила еду. Поиграв с ребенком, она рассказывала ему сказки, внимательно слушал и Харл. Дети не боялись темноты, начинавшейся за чертой круга огня. И она не могла позволить себе страха. Костер горел всю ночь, и она спала с копьем в руке.

Много дней погода была солнечной, потом хлынули проливные дожди. Они долго не прекращались, колею развезло, и она уже не могла тащить по ней травоис. В конце концов она соорудила укрытие из ветвей и листьев, и они стали в нем жить. Отдых был необходим, но она жалела о потерянном времени. Лето оказалось слишком коротким. Харл каждый день отправлялся на охоту и однажды принес кролика. Она моментально ободрала его и зажарила. Свежее мясо показалось всем необыкновенно вкусным.

Дождь прекратился, и земля подсохла, можно было трогаться в путь. Но на следующую ночь перед рассветом ударил мороз, и трава побелела от холода. Вновь начиналась зима. Армун с отчаянием поняла, что не одолеет долгого пути на юг, даже если успеет выйти к побережью до начала зимы. Отправившись собирать волокушу, она обнаружила, что их постигло новое несчастье. Стреляющая палка погибла, крошечный рот не

закрывался, нежную тварь убил северный холод... недобрый знак.

Той ночью, когда ребята уже давно уснули, она долго лежала под шкурами, вглядываясь в мерцающие огоньки звезд, Луна зашла, звездное небо огромной чашей накрыло землю, и река тхармов текла от горизонта к горизонту. Звездочки-тхармы мертвых охотников поблескивали холодным светом. И никто не мог ей помочь. Как могла она оказаться такой душой, как могла рисковать не только собственной жизнью, но и жизнями двоих детей. Она ошиблась, но жалеть было поздно. Сделанного не воротишь. Они здесь. И надо решать, что делать дальше. Есть ли у нее выбор? Ортнар утверждал, что она может дожидаться Керрика на берегу, но он говорил глупость, просто подыскивал повод, чтобы не идти с ней. У нее не было припасов, чтобы перезимовать на берегу, не было шатра... ничего необходимого. Оставалось выбирать одно из двух: остаться зимовать и замерзнуть или отправиться на юг и замерзнуть на поддороге. В последнем случае оставался крохотный шанс, — если они не позволят зиме обогнать их. Впервые с того дня, как они оставили лагерь, она почувствовала, что слезы защипали глаза, рассердилась на себя за слабость и, отогнав страхи, завернулась в шкуры и уснула: на следующий день ей потребуются все силы.

Ночью выпал первый снежок, утром она стряхнула его со шкур, упаковала пожитки и навалилась на жерди. Вечером за едой она поймала на себе внимательный взгляд Харла.

— Ешь, — сказала она, — мясо мургу мне нравится не больше, чем тебе, но оно сохраняет в нас силы.

— Я не о мясе, — ответил он, — снег... Когда мы доберемся до того места, о котором ты говорила нам... где будет ждать нас Керрик?

— Хотелось бы и мне знать... — Склонившись вперед, она отвела длинные тонкие волосы с его лба и вдруг заметила легкие морщинки возле глаз. Да, ему одиннадцать, и он сильный мальчик, но они уже идут так долго. — А теперь спать, чтобы легче шло поутру.

Ночью снега не было. День оказался ясным, солнце почти не грело. Колея втянулась в речную долину, и она сразу поняла, где находится. Саммады останавливались

здесь недалеко от океана. Армун показалось, что ветер стал припахивать солью, и она заторопилась вперед.

Так и есть... у края песка пенились буруны, под обрывом начинался берег. Опустив голову, она налегла на жерди. И остановилась, только заслышав предупреждающий крик Харла.

Перед нею к подножию обрыва притулилась крытая дерном землянка, возле нее стоял закутанный в шкуры охотник. Он застыл без движения, испуганный ее появлением не менее, чем она. Армун попыталась что-то крикнуть, но слова застыли в горле.

Это был не тану, одежда его была иной. И лицо.

Оно было покрыто шерстью. Не бородой... мягкая бурая шерсть покрывала его целиком.

Глава шестая

*Uposmelikfarigi ikemespe'yilane'.
Uposmelikyilane' ikemespene'yil.
Eleiensi topaa abalesso.*

*Фарги засыпает однажды и утром
пробуждается ишлане'. Но от яйца времен
ишлане' всегда просыпается ишлане'.*

Алофегма ишлане'

Вейнте' с интересом наблюдала за обычной в порту суетой. До этого самого мгновения Икхалменетс был для нее просто названием — окруженный морем Икхалменетс. Название выражало все, и теперь она видела почему. Икхалменетс вырос на берегах уютной бухты. Все ближние острова были скалистыми и безлесными. Леса подходили к подножью высоких гор, перехватывавших влажные ветры, которые здесь же проливались дождями или выпадали снегом. Но снег белел на вершинах гор, а дожди по склонам сбегали вниз. И все-таки Икхалменетс принадлежал не столько суше, сколько морю. Вдоль берега сплошной чередой выстроились урукето, иногда между ними попадалась тяжело нагруженная сегодняшним уловом лодка. Эрефнаис выкрикивала команды, направляя огромное живое судно к причалу. Вейнте' отступила в сторону, пропуская вниз экипаж.

— Всем оставаться на борту! — приказала Эрефнаис.

Стараясь сдерживаться, Вейнте' спросила:

— Этот приказ относится и ко мне?

Эрефнаис задумалась, потом проговорила:

— Я не хочу, чтобы разные дикие слухи о событиях в Алпеасаке распространялись по городу. Сначала я поговорю с эйстаа, а там, как она прикажет. Но ты... я не могу приказывать тебе, Вейнте'. Я только прошу...

— Просьба излишняя, граничит с оскорблением, капитан.

— Я не хотела оскорблять!

— Понимаю и не вижу причин обижаться. Вейнте' не из тех, что болтают на амбесиде.

Сзади послышалась возня — толстая Акотолп с шумом поднималась наверх, волоча за собой упиравшегося Эсетту. Знаком она попросила внимания Эрефнаис.

— Я хочу избавиться от этой обузы, этого бестолкового самца. Я слышала ваш разговор и обещаю, что никто в городе не услышит от меня о гибели Алпеасака.

— Я помогу тебе, — сказала Вейнте'. — Мыведем его в ханане. И покой фарги не будет нарушен.

— Я в долгу перед Вейнте', — ответила Акотолп, выражая удовольствие и благодарность. — Самца редко можно увидеть в одиночестве. И мне не хотелось бы вызывать неподходящих эмоций.

Эрефнаис отвернулась. Слухи пойдут немедленно, только не от Вейнте' или толстой ученой. Ее собственный экипаж с радостью разнесет по городу все, что знает. Нужно немедленно разыскать Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, и сообщить ей обо всем. Пусть она решает, что делать, и Эрефнаис хотелось побыстрее избавиться от ответственности.

Пока Акотолп медленно вылезала из урукето, Вейнте' ждала на выщербленных досках причала, жадно вдыхая запахи города, почти забывшиеся во время путешествия по морю. Она вспоминала резкий запах рыбы, теплого дыхания фарги, гниющей палой листвы и над всем — аромат города. Чувство радости переполняло ее — наконец-то на берегу!

— Верно, Вейнте', я разделяю твои чувства, — пропыхтела Акотолп.

Эсетта, которого она крепко держала за руку, с интересом разглядывал город, но, когда Вейнте' взяла его за другую, мгновенно съезжился от страха. Такая реакция развеселила Вейнте', и она сильнее стиснула пальцы.

Они шли по направлению к главной улице Икхалметса. Фарги поглядывали на них, выпучив от любопытства глаза, увязывались следом; скоро за ними шла уже целая процессия. Вейнте' обратила к сопровождавшим один глаз и жестом потребовала внимания.

— Кто из вас обладает совершенной речью и знанием города?

В последовавшей суете совсем юных фарги, стоявших впереди, оттеснили те, что постарше.

— Нижайшая к высочайшей, которую сопровождает самец. Я обладаю некоторыми познаниями и хочу быть полезной.

— Знаешь ли ты, где находится ханане?

— Местоположение мне известно.

— Веди нас.

Раздувшись от важности, фарги торопливо проковыляла вперед, и процессия двинулась по улице. Идущих покрывала густая тень от крепких сучьев, а солнечных лучей так не хватало под северным ветерком. По освещенной солнцем полоске вдоль края мостовой они добрались до громадного сооружения. По обеим сторонам закрытой двери стояли две фарги с сушеными хесотсанами — знаком их положения.

— Вызови эсекасак ханане, — сказала Вейнте'. Часовые смущенно топтались на месте, покуда Вейнте', сжалившись, не уточнила: — Пойдет эта, ты останешься на страже.

Появившаяся эсекасак, увидев прибывших, принялась демонстрировать незнание-о-прибытии и желание-повиноваться. Вейнте', жесты которой требовали уважения и повиновения, обратилась к ней:

— Вот новый самец, которого я отдаю под твою опеку. Давай войдем.

Когда за ними захлопнулась дверь, Вейнте' заговорила:

— Его зовут Эсетта; он прибыл из дальнего города за океаном. Эсетта устал и нуждается в отдыхе. И в уединении, пока эйстаа не прикажет иначе. Ты будешь приносить ему мясо, и он будет говорить только с тобой. Ты поняла?

— Великая Вейнте' пересекла океан, чтобы стать эйстаа в дальнем городе, — со смирением и гордостью добавила Акотолп.

Вейнте' оценила ненавязчивую поддержку.

— Как сказала Вейнте', так и будет, — почтительно ответила эсекасак и жестами попросила отпустить ее, чтобы немедленно увести Эсетту.

У того хватило ума сдержать раздражение и страх, — ведь его ждал уют и покой ханане, — и движения его являли только удовольствие-от-окончания-пути, что было в общем-то верно. У входа все еще торчали фарги — ничего более интересного они еще не видели и теперь, притихнув, ждали, что будет дальше. Самая старшая из них, приведшая гостей сюда, стояла в сторонке, демонстрируя уважение и покорность. Вейнте' поманила ее к себе.

— Как твое имя?

— Меликеле. Не будет ли позволено низкой узнать, как зовут высокую, которая говорит?

— Это Вейнте', — ответила Акотолп, стараясь, чтобы славному имени соответствовали жесты высочайшего уважения.

— Хочешь ли ты последовать за мной, Меликеле? — спросила Вейнте'.

— Куда бы ни вела дорога, я — твоя фарги.

— Сначала поесть. А потом я хочу узнать побольше об этом городе.

Акотолп уже знала, как естественно для Вейнте' повелевать, и сейчас заново оценила этот дар. Даже в этом городе на скале, где еще не ступала нога ее, она требовала немедленного повиновения. Кстати, она говорила о еде! Акотолп громко щелкнула челюстями при этой мысли.

Меликеле повела их обратно на берег. Для еды было не время, и просторное помещение под прозрачной крышей пустовало. Вдоль стен выстроились баки, откуда прислужницы-фарги выхватывали рыбину за рыбной, взрезали их струнными ножами, потрошили, чистили и укладывали тушки в растворы энзимов.

— Расточительность! — заявила Акотолп. — Подобная обработка нужна для мяса столетнего ненитеска, а не для рыбы. Посмотрим, что там у них в баках. Мелкие ракообразные... восхитительны в свежем виде, смотри!

Схватив одного покрупнее, Акотолп мгновенно отодрала ему голову и конечности, ловкими движениями обломала панцирь. Вейнте' всегда мало интересовалась тем, что ест, и положила на лист кусок рыбы. Едва Вейнте' отвернулась, Меликеле последовала ее примеру.

Акотолп радостно бурчала под нос, и кучка объедков возле ног ее росла. Излучая удовольствие-от-еды, она не замечала работавших рядом фарги, не обратила она внимания и на иилане', появившуюся из строения рядом. Та взглянула на нее, присмотрелась повнимательнее и наконец приблизилась.

— Шествие-времени — конец-разлуке, — взволнованно проговорила прибывшая. — Ты Акотолп, ты обязана быть Акотолп, есть только одна Акотолп.

Акотолп с удивлением оглянулась — кусок белого мяса прилип к верхней губе, — и защитные мембраны на глазах ее затрепетали от изумления.

— Голос знаком, лицо знакомо, не ты ли это, Укхереб, тоненькая-как-всегда?

— Толстая-как-обычно, годы прошли...

Вейнте' с интересом смотрела, как в порыве приязни сплетают они пальцы в жесте приветствия эфенселе, хотя обе воспользовались модификатором, слегка менявшим смысл слов и жестов.

— Вейнте', вот Укхереб. Мы с ней дружны как эфенселе, хотя и не принадлежим к одному эфенбуру. Мы вместе росли и учились у старой, все ведающей Амбаласи, древней, как яйцо времен.

— Приветствую тебя, Вейнте', в Икхалменетсе. С подругой подруги приходит двойная радость. А теперь удалимся из этого общего места в мое собственное, где можно удобнее насладиться едой.

Рядом была лаборатория. Акотолп шумно восхищалась приборами. За лабораторией оказалась уютная комнатка с мягкими подушками, с красивыми занавесями, на которых отдыхал глаз. Откинувшись на подушки, Вейнте' вслушивалась в разговор ученых. Она терпеливо ждала, наконец разговор о новых открытиях и старых знакомых иссяк, и Укхереб спросила:

— Я слыхала, что ты была в Алпеаске, когда туда явился весь Инегбан. Я читала о проведенных там исследованиях, об изобилии открытых вновь видов. Сколько радости-от-открытий вы получили. И вот вы в Икхалменетсе. Зачем вам эти крошечные острова, если перед вами континент, полный открытий?

Акотолп не ответила и повернулась к Вейнте', ища поддержки; та успокоила ее жестом понимания и желания помочь, прежде чем Акотолп успела открыть рот.

— Труднопостижимые вещи случились там, Укхереб. Акотолп не решается даже говорить об этом. Я могу ответить на твой вопрос, если ты разрешаешь, поскольку я участвовала во всех событиях. Вот что произошло.

И, не прибегая к усложнениям и отступлениям, Вейнте' поведала ученой о гибели далекого Алпеасака. И когда она завершила повествование, Укхереб издала крик и прикрыла глаза рукой в детском жесте стремления позабыть.

— Просто не могу представить себе, а ведь вы все это пережили... Что делать, что делать?

Она медленно покачивалась из стороны в сторону — снова детский жест, — так бездумную фарги уносит течение.

— Ваша эйстаа узнает об этих горестных событиях. И когда это свершится, я буду говорить с нею. Но тебе, Укхереб, не следует горевать о случившемся. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Поговорим об этой горе над нами: черной скале, увенчанной белым снегом. Как красиво. На вершине всегда лежит снег?

— Раньше такого не случалось, но теперь снег на вершине не тает. Зимы стали холодными и ветреными. Лето стало короче. Потому-то я и скорблю вдвойне о несчастье в далекой Гендаси. Там жила надежда и на наше спасение. Города умирают, в Икхалменетсе становится все холоднее. Страх поселился там, где прежде обитала надежда.

— Надежду нельзя убить, будущее прекрасно.

Вейнте' произнесла эти слова с таким энтузиазмом, с такой уверенностью в грядущем счастье, что Акотолп и Укхереб воспряли духом.

Еще бы ей не быть энергичной. Смутные идеи превращались в надежные планы. Скоро все определится, и она будет знать, что следует делать.

Энге чувствовала себя иначе. Слишком часто угрожала смерть Дочерям Жизни. Слишком близко подступала.

Они покинули урукето на заре, незаметно соскользнув в воду со спины гиганта. Море волновалось, и валы захлестывали их. Плыть до берега оказалось долго и утомительно. Урукето исчез в утреннем тумане, и они остались одни. Сначала они перекликались, но только сначала. Потом им потребовались все силы, чтобы добраться до берега. Опасаясь за спутниц, Энге первой пробилась через береговой прибой, а потом по очереди помогла им преодолеть валы. Наконец беглянки распростерлись на песке под лучами теплого солнца.

Все, кроме одной. Напрасно Энге бегала вдоль берега по воде в одну сторону, в другую. Та, которую она искала, так и не вышла на берег. Добрую, крепкую Акел поглотил океан.

Подруги Энге тянули ее за руки, гладили, требуя, чтобы и она отдохнула. И принялись искать сами. Безуспешно. В море никого не было. Акел исчезла навсегда.

Наконец Энге нашла в себе силы сесть, потом встать, потом отряхнуть песок с кожи усталой рукой. Прямо перед ней вдруг закипела вода — круглые головенки совсем еще юного эфенбуру вынырнули на поверхность. Едва она шевельнулась, они, испугавшись, исчезли. Даже эта трогательная картина не могла развеять ее отчаяния, и все же она отвлекла Энге, заставила прийти в себя, понять, что остальные зависят от нее, и долг ее перед живыми, а не перед умершими. Она глянула вдоль берега на маячивший над песками пляжа далекий силуэт Йибейска.

— Идите в город, — сказала она. — Смешайтесь с фарги, уподобьтесь им. Но будьте осторожны, не забывайте ужасных уроков, которые мы получили в страшной Гендаси. Многие сестры погибли там, но в смерти их может быть какой-то смысл, если мы правильно

усвоим эти уроки. Помните, что Угуненапса отчетливо видела истину, ясно говорила о ней и завещала нам свои знания. И теперь мы знаем, что Угуненапса говорила истинную правду. Мы знаем истину, но что нам делать с ней?

— Поделиться с другими! — отвечала Эфен, пылко подчеркивая жестом ожидание радости. — Вот наше дело, и мы выполним его.

— И мы никогда не забудем об этом. Но я должна как следует подумать, что нам теперь делать. Я найду уголок, чтобы отдохнуть и подумать. И там подожду вас.

Молча, с чувством единодушия и непреклонности они соприкоснулись пальцами. А потом отправились вслед за Энге в сторону города.

Глава седьмая

*Hoatil ham tina grunnan,
sassi peria malom skertom mallivo.*

*Несчастье может пережить всякий,
угачу — немногие.*

Марбакская поговорка

В городе Деифобен еще нужно было многое сделать. С точки зрения Керрика, дел было куда больше, чем в то время, когда он звался Алпеасаком, а Вейнте' была эйстаа его. Керрик вспоминал жаркие, полные досута дни с сожалением: почему он не наблюдал тогда, не стремился узнать, как управляли огромным городом. И хотя он устроился на месте эйстаа возле стенки амбесида — там, куда падали первые лучи солнца, — руководить отсюда он решительно был не в силах. У Вейнте' было столько прислужниц, помощниц, ученых, наконец, бесчисленное множество подручных фарги. В его же распоряжении была только горстка саску, которые горели желанием помочь, но мало что смыслили в этом. Простые дела, рутинные и повседневные, они могли выполнять, если их научить, конечно. Но никто из них даже не мог представить всех сложных хитросплетений жизни в Алпеасаке. Керрик и сам знал не много, но по крайней мере он понимал что к чему. Каждая часть города непонятным образом зависела от прочих. А сейчас город страдал от ран. Местами они затягивались сами... но не всегда. Широкая полоса зелени вдоль побережья просто увяла, побурела и умерла. Деревья, лианы, под-

лесок, стены, окна, склады, жилые помещения... Умерло все, и Керрик ничего не мог поделать.

Можно было только заботиться о животных, конечно не обо всех. Огромные ненитески и онетсенсасты во внешних полях не требовали внимания: корм они находили в нетронутых болотах и джунглях. Олени и большие олени паслись, — им корма тоже хватало, как и некоторым травоядным мургу. Но некоторые умирали, и Керрик не мог понять отчего. Не то что бы люди допускали какие-то промахи... Злобные ездовые таракасты никого не подпускали к себе. Иилане' разъезжали на них, а он не мог даже приблизиться. Они не щипали траву и по виду были хищниками. Но визжа топтали предложенное мясо. И умирали. Как и уцелевшие в своем болоте уруктопы. Эти восьминогие существа были предназначены для перевозки фарги и, похоже, ни для чего более. Когда Керрик приближался, они глядели на него остекленевшими глазами, не убегали и не пытались напасть. Они не принимали никакой пищи, даже воды. И, беспомощные и тупые, падали и окочевали один за другим.

Наконец Керрик начал уже считать, что город этот теперь принадлежит тану. Следовало просто делать то, что нужно, и не думать о прочем. Это решение облегчило жизнь, но все равно целые дни от рассвета до сумерек проходили в трудах и заканчивались долгими вечерними разговорами.

Потеряв счет дням в ровном и теплом климате, Керрик забыл, какое время года сейчас на севере. Зима закончилась, и он не заметил этого; заканчивалась и весна, когда он вновь обратился мыслью к саммадам. И к Армун. Только прибытие первых женщин саску напомнило ему о ней, и он устыдился подобной забывчивости. В такой жаре нетрудно спутать все времена года. Керрик знал, что мандукто ведают о многом, и решил обратиться к Саноне.

— Здесь никогда не опадает листва, — сказал он. — И плоды созревают круглый год. Трудно уследить здесь за течением времени.

Саноне, скрестив ноги, грелся на солнце.

— Верно, — ответил он. — Но есть способы заметить времена года. Можно следить за луной, — как она

наполняется и исчезает, — и запомнить. Ты слышал об этом?

— Алладжекс что-то говорил — и это все, что я знаю.

Саноне неодобрительно фыркнул, услышав о примитивном шамане, и разгладил перед собою песок. Он-то знал все тайны земли и неба. Указательным пальцем он аккуратно начертил на земле знаки лунного календаря.

— Здесь и здесь две луны, которые меняются. Смерть зимы, Смерть лета. Здесь дни становятся дольше, здесь ночи чернеют. Я вчера видел луну, она была новой, это значит, что мы здесь.

Довольный, он воткнул короткий сучок в землю и сел на пятки.

— Тебе, мандукто саску, эти рисунки говорят о многом. Но я, о мудрый Саноне, вижу, к своему горю, перед собой только сучок и песок, — сознался в невежестве Керрик. — Истолкуй свои знаки, прошу тебя. Скажи мне, успели реки на севере взломать лед, расцвели ли уже цветы?

— Это случилось вот когда, — проговорил Саноне, перемещая сучок по кругу назад. — С того времени луна успела дважды стать полной...

Угрызения совести Керрика усилились. Но, подумав, он решил, что сейчас только начало лета и времени еще много. А нужно еще столько здесь переделать... Но однажды ночью ему приснилась Армун, он словно ощутил языком ее раздвоенную губу... и вскочил дрожа, вознамерившись немедленно отправиться за нею. И за ребенком, конечно.

Но благие намерения остались таковыми: делам, которые следовало завершить, чтобы Деифобен сделался пригодным для жизни тану, не было конца. Долгие летние дни сменяли друг друга. И снова настала осень. Керрик просто разрывался надвое. Злился на себя, что так и не выбрал времени отправиться за Армун, — и одновременно испытывал облегчение: теперь нечего было и думать успеть туда и обратно до зимних снегов. Но на этот раз он все рассчитает, закончит все к ранней весне, а Саноне будет напоминать ему о прошедших днях. И тогда отправится на север. Все-таки там они в

безопасности: и она, и ребенок — это было утешением, когда он особенно тосковал.

Появление тану не испугало Калалеква. Ему уже приходилось встречаться с ними, но он прекрасно понимал, что оказался в их охотничьих угодьях. Однако он видел, что женщина боится его.

— Эй, не бойся, снежноволосая! — крикнул он и засмеялся, чтобы показать дружелюбие.

Но смех его вызвал противоположный эффект. Женщина в страхе отступила назад и замахнулась копьем. Мальчишка рядом повторил ее жест. Младенец на траве жалобно завопил. Калалекв, укоряя себя за поспешность, опустил глаза и увидел, что его руки и нож обагрены кровью убитого им пушного зверя. Быстро отбросив нож в сторону, он спрятал руки за спину, надеясь, что улыбку его сочтут дружелюбной.

— Что ты сказал? — крикнула Ангаджоркакв, отодвигая шкуры, закрывавшие вход в землянку. Выбравшись из нее, она замерла, разглядывая пришельцев.

— Погляди, какие у них светлые волосы! И кожа белая! Это тану? — спросила она.

— Они.

— А где охотники?

— Не знаю, я вижу только троих.

— Женщина, подросток, младенец. Раз они одни, их охотник, наверное, умер, и они горюют. Поговори с ними, скажи, чтобы не боялись.

Калалекв тяжело вздохнул:

— Я не знаю их языка, только слова «мясо», «вода» и «прощай».

— Смотри не попрощайся. Предложи им воды. Так будет лучше.

Когда охотник с волосатым лицом отбросил нож, страх Армун отступил. Здесь, на берегу, мог оказаться только парамутан, один из тех охотников, что живут у моря на севере. Она слыхала о них, но никогда не встречала. Она медленно опустила копье, но не выпустила оружие из рук — из землянки выскочил еще один. Но это была женщина, не охотник, и Армун

почувствовала облегчение. Они принялись неразборчиво переговариваться высокими голосами. Потом охотник широко улыбнулся и выговорил одно слово:

— Ваудаа. — Армун не отреагировала, и улыбка исчезла с его лица. Он повторил: — Ваудаа, ваудаа!

— Он говорит «вода»? — спросил Харл.

— Наверное. Вода, конечно, вода. — Армун кивнула и улыбнулась в ответ.

Темная фигура женщины исчезла в шатре. Когда она вновь появилась, в руках у нее была черная кожаная чашечка. Она протянула ее гостям. Харл шагнул вперед, взял чашку, заглянул в нее и попробовал.

— Вода, — сказал он, — ужасная на вкус.

Слова эти словно разом обезоружили Армун. Страх исчез, и сразу навалилась огромная усталость, она даже пошатнулась — пришлось опереться на копьё, чтобы удержаться на ногах. Вид дружелюбных волосатых лиц, сознание того, что теперь она наконец не одна, дали волю усталости, которую она до сих пор превозмогала. Парамутанка заметила это и, быстро подбежав, взяла у Армун копьё и помогла ей опуститься на землю. Армун машинально подчинилась — опасности как будто не было, а если и была, то уже поздно было что-либо делать. В этот момент закричал младенец, да так требовательно, что ей пришлось встать, взять его на руки и сунуть ему в рот кусок копченого мяса. Парамутанка понимающе зацокала языком и, протянув руку, погладила светлые волосики Арнхвита.

Издали донесся пронзительный крик. Армун даже не вздрогнула. По берегу трусил невысокий мальчуган, волосы на его лице были светлей, чем у родителей, в руках он держал ловушку с попавшимся в нее кроликом. Заметив пришельцев, он замер с раскрытым ртом. Любопытный, как все мальчишки, Харл отправился поглядеть на кролика. Мальчик-парамутан казался постарше Харла, хотя на полголовы уступал ему в росте. Они сразу признали друг друга. И, несмотря на великую усталость, к Армун вдруг вернулась надежда. Может быть, они и доживут до весны...

Калалекв был хорошим охотником, и один мог прокормить многих. По обычаю парамутанов он должен был всем поделиться с незнакомцем, даже если бы сам

при этом остался голодным. У себя на севере они сражались лишь с непогодой. Гостю радовались и отдавали ему все. Тем более женщине... Он угадывал очертания полных грудей под одеждой и уже жаждал к ним прикоснуться. Ребенок — еще лучше. Особенно с такими волосами, светившимися, словно солнечный зайчик на леднике. Он позаботится о них. А она, наверное, знает, где охотники, с которыми он пришел торговать. Охотники-эрквигдлиты всегда приходили к этой стоянке на берегу. Но нынешним летом он ждал их напрасно. Снежноволосая должна знать.

Хотя Армун ничего не поняла из слов парамутанки, она ощутила в них теплоту и гостеприимство. Ее ласково пригласили в землянку и усадили на мягкие шкуры. Она с любопытством огляделась — все здесь было иначе. Она поглядела на женщину. Та стукнула кулаком в грудь и несколько раз повторила слово «Ангаджоркакв». Наверное, это ее имя.

— Ангаджоркакв? Тебя зовут Ангаджоркакв, а я — Армун.

Она тоже постучала себя по груди, и обе рассмеялись. Захлебываясь от смеха, они повторяли имена друг друга...

Весело напевая под нос, Калалекв обдирал еще теплого кролика, мальчики заинтересованно наблюдали. Закончив, Калалекв отхватил пушистую лапку — ее нижняя часть приносила удачу — и высоко подбросил в воздух. Белокурый мальчик, высоко подпрыгнув, схватил ее и бросился бежать, а Кукуджук, вопя, рванулся следом. Отбежав подальше, они стали играть, перебрасываясь окровавленным пушистым комочком. Калалекв с удовольствием смотрел на детей. Здесь Кукуджук не с кем было играть, и он соскучился без друзей. Очень удачный день, он еще долго будет его вспоминать и заново переживать долгими зимними ночами. Он вернулся к своему кровавому занятию и, вырезав печень, окликнул мальчишек. Кукуджук подбежал, и Калалекв отдал ему кусок мяса — долю охотника, добывшего зверя.

— Поделюсь с другом, — сказал сын.

Просияв от радости, Калалекв кремневым ножом быстро разрезал печень пополам. Кукуджук еще маль-

чик, но поступает, как подобает мужчине, понимает, что всегда лучше отдать, чем взять себе.

Харл взял угощение, не представляя, что с ним делать. Кукуджук немедленно подал пример, жуя свой кусок и с удовольствием поглаживая живот. Харл колебался, но тем временем Калалекв проделал дырочку в задней части черепа кролика и на глазах удивленного мальчика высосал мозг. После этого сырая печенка показалась тану даже вкусной.

Глава восьмая

Армун не стала есть сырое мясо, как Харл. Одно дело свежая дичь — ей случалось есть ее сырой, другое — осклизлый кусок мяса, который Ангаджоркакв извлекла из ниши в земляной стене. От полуразложившейся плоти ужасно воняло. Ангаджоркакв этого словно не замечала и отрезала кусок для себя, а потом и для Армун. Отказаться она не могла, но и не в силах была затолкать его в рот. Она неуверенно мяла кусок мяса в руках. Что будет, если она откажется съесть этот скользкий кусок? Оскорбит ли она этим хозяев? Она поискала взглядом вход, потом положила Арнхвита на шкуры, — тот радостно сосал жесткий кусок копченого мяса, — отвернулась и поднесла руку ко рту, будто отправляя туда угощение. Делая вид, что жует, она раздвинула шкуры у входа и направилась к травоису. Там незаметно спрятала мясо среди шкур и отыскала открытый пузырь с мясом мургу. Студенистая, почти полусырая плоть, от которой тану воротили нос, наверняка придется по вкусу парамутанам.

Так и случилось. Они были просто в восхищении. Ангаджоркакв нашла вкус потрясающим и позвала Калалеква попробовать новое яство. Он жадно набросился на него, заталкивая в рот огромные куски окровавленными пальцами, и стонал от удовольствия. Угостили и Кукуджук, Харл тоже получил свою долю. Пока все ели, Ангаджоркакв согрела воду в каменной чаше над маленьким очагом и залила ею сушеные листья в кожаных чашечках. Калалекв шумно выхлебал настой, потом съел и листья. Армун попробовала, и ей понравилось. День заканчивался куда лучше, чем начался. В землянке

было тепло и не дуло. Она могла поесть и отдохнуть и, ложась спать, не думала со страхом о завтрашнем дне, как в прошедшие ночи.

Утром Калалекв покопался в глубинах землянки и извлек оттуда несколько узлов. Это были черные шкуры такой длины, что Армун даже не могла представить себе, с какого зверя их сняли. Несколько сшитых из шкур мешков были заполнены густым белым жиром. Калалекв зачерпнул немного, попробовал и дал отве-дать ей. Жир оказался сытным и вкусным. Выразил желание попробовать и Арнхвит.

— Ешь, ешь! — проговорил он, и Армун дала ему облизать свои пальцы.

Тем временем Калалекв разыграл целое представле-ние. Он разворачивал и сворачивал шкуры, глядел на Армун, показывал на тропу, держа в одной руке крем-невый нож. Тряс другой рукой шкуру, а затем менял местами предметы в руках и говорил «до свидания». Все это было совсем не понятно.

Однако Харл, похоже, лучше понимал этих людей.

— Я думаю, он хочет узнать, где остальные тану. Он хотел бы отдать им часть жира.

Армун показала на себя и детей, потом в сторону тропы и несколько раз сказала «до свидания». Когда Калалекв понял ее наконец, он глубоко вздохнул и свернул шкуры. Потом понес их к морю. Кукуджук поспешил на помощь, следом за ним побежал Харл. Добежав до воды, он вернулся к Армун с восторжен-ным криком:

— Смотри, смотри! Видишь черную скалу?.. Это вовсе не скала. Пойдем, увидишь сама. Это лодка, вот что это!

Следом по дюнам, мимо кочек с засохшей травой на песчаном берегу, заковылял Арнхвит. Харл оказался прав, черная глыба действительно оказалась лодкой, перевернутой днищем вверх. Калалекв внимательно осмотрел поверхность днища, проверяя, нет ли в нем дыр. Лодка оказалась странной — она была не вы-долблена, как челноки тану, из целого ствола дерева, а сделана из огромной черной шкуры. Удовлетворившись осмотром, Калалекв нагнулся и, ухватившись за борт, перевернул ее. Харл немедленно перегнулся через вы-

сокий борт и заглянул внутрь. Заплакал Арнхвит. Его подняли, чтоб он тоже смог посмотреть.

Это была удивительная конструкция. Длинные палки были связаны вместе, образуя прочный каркас. На него была натянута шкура. Армун увидела, что шкура скроена по форме каркаса, а отогнутый край прошит. Швы были замазаны каким-то темным веществом, что делало лодку непромокаемой. Это было удивительно.

Теперь, когда Калалекв решил сниматься с места, попусту время не теряли. Из землянки вынесли все пожитки, вплоть до плотной шкуры, закрывавшей вход, и свалили на песок. Работали все, даже Арнхвит, спотыкаясь, тащил какую-то шкурку. Когда все оказалось на берегу, Калалекв толкнул лодку в воду и забрался в нее. Она закачалась на невысоких волнах. Похоже, только он знал, как и куда укладывать вещи, а потому все время кричал, чтобы ему несли тот или иной предмет. Когда Ангаджоркакв взяла с травойса припасы и понесла к лодке, Армун поняла, что время решать, вернее, — что все уже решили за нее. Она оглянулась на дюны, на холмы за ними, прекрасно представляя себе, что там их ждет только голодная смерть. Выбора не было. Придется отправляться с парамутанами, куда бы ни вел их путь.

Харл забрался в лодку вслед за Кукуджукком, Армун передала ему радостно верещавшего Арнхвита, считавшего все это великолепным развлечением. Ангаджоркакв мягкими движениями подтолкнула ее вперед, и Армун забралась в лодку. Усевшись на песок, Ангаджоркакв сняла свои поножи и забросила их в лодку. Так же, как лицо и руки, ее ноги покрывала мягкая коричневая шерсть. Подобрав кожаную юбку, она вошла в воду и, визжа от холода, стала толкать лодку вперед. Калалекв уже приготовил весло. Когда лодка оказалась достаточно далеко от берега, Ангаджоркакв прыгнула в суденышко головой вперед; ее довольный смех заглушала упавшая на лицо одежда. Армун помогла ей освободиться от нее и укутала ее волосатые ноги, улыбаясь и удивляясь, почему парамутанка все время хохочет.

Калалекв греб весь остаток дня, не обращая внимания на начавшийся снег с дождем. Почувствовав голод,

он позвал Ангаджоркакв, и та стала кормить его лучшими кусками тухлого мяса. Нечаянно он укусил ее за палец и, залившись смехом, даже забыл про весло. Армун куталась в шкуру, прижимая к себе обоих мальчишек, и всему удивлялась. В сумерках Калалекв подвел лодку к берегу, высматривая место для ночевки. Волна вынесла лодку на гладкий песок, и всем пришлось потрудиться, вытаскивая ее подальше на берег, куда бы не дотянулся прилив.

Так шли дни, им не было числа. Целыми днями Калалекв неугомонно греб, не зная усталости. Вычерпывая воду кожаным черпаком, Ангаджоркакв напевала, как в землянке на берегу. Армун мучило от постоянной качки; она куталась в шкуры, прижимая к себе Арнхвита, который тоже чувствовал себя не лучшим образом. А Харл через несколько дней привык, и мальчишки все время проводили на корме возле рыболовных снастей и разговаривали — каждый на своем языке.

День был похож на день, и трудно было счесть, сколько их миновало. Лодка двигалась на север, и погода все ухудшалась. Волны становились все выше, путешественников носило по водяным горам, как кусок плавника.

Наконец шторм утих, воздух стал сухим и холодным. В полудреме Армун лежала под шкурами, прижимая к себе Арнхвита, когда услышала, что Харл выкрикивает ее имя.

— Погляди вперед, мы к чему-то приближаемся. Лед, а на нем черные штуки. Я не понимаю, что это.

У берега залив был покрыт толстым слоем льда. Куски льда плавали в воде, и приходилось лавировать между ними. На севере в дымке маячили огромные айсберги. Калалекв показал на предметы, темневшие на поверхности льда. Когда они подплыли поближе, стало ясно, что это перевернутые вверх дном лодки. У оконечности льда Армун разглядела, что эти лодки были в несколько раз больше той, в которой они находились. Это казалось невероятным. Кукуджук стоял на носу лодки и, когда она коснулась твердого льда, выпрыгнул, привязал ее сплетенной из полос кожи веревкой к неровному ледяному выступу и побежал к берегу.

Армун не могла понять, почему так ослабела за время путешествия. Калалекв и Ангаджоркакв вместе помогли ей выбраться на лед. Ей вручили Арнхвита, и она, сотрясаясь в ознобе, сидела, слушала его воркованье и следила за разгрузкой. Не успели ее начать, как возвратился Кукуджук. За ним спешили парамутаны. Их было много, и все — и женщины, и охотники, — дивились волосам и коже пришельцев, гладили Харла по голове, пока ему не надоело и он не стал уворачиваться. Это вызвало восторженный хохот, и тут началась настоящая разгрузка. Скоро все вещи понесли на берег, а лодку вытащили к другим на лед. Армун брела за всеми; за ней ковылял Арнхвит. Какой-то охотник подхватил его и посадил, довольного и повизгивавшего, себе на плечи.

Они прошли мимо группы парамутанов, соорудивших на снегу шатер из черных шкур; прекратив работу, они повернулись к пришельцам. Сзади виднелись и другие шатры, от ветра их защищали сложенные из снега стены. Много шатров, — думала, спотыкаясь от усталости, Армун, — здесь два или три саммада. Над ними вился дымок, и она представляла себе, как тепло и уютно внутри у очага. А еще спокойно. Ветер срывал снег с сугробов и обжигал ее щеки. Сюда, на север, зима уже пришла.

Миновав уютные шатры, они пошли дальше, где у берега высоко торосился покрытый снегом лед. Перелезть через торосы оказалось нелегко. За ними берег круто и ровно поднимался вверх. У основания холма было вырыто несколько полуземлянок, крытых такими же черными шкурами.

Ангаджоркакв потянула Армун за руку к одной из них. Она была закрыта, и Калалекв стал расшнуровывать вход. Все взятые из лодки свертки лежали рядом на снегу. Калалекв протиснулся внутрь и сразу же развел огонь — должно быть, дрова были заранее приготовлены. Дым так и повалил через дыру в потолке. Когда Армун ощутила под ногами твердую землю, хворь ее быстро прошла, и она вместе со всеми стала перетаскивать внутрь шкуры и узлы. Хорошо. Все будет хорошо. Она в безопасности, Арнхвит и Харл тоже. И

все они увидят весну. С этой мыслью она прижала к себе ребенка и тяжело села на кучу шкур.

— Побыстрее с костром! — крикнула Ангаджоркакв. — Солнечноволосая устала. Я вижу. Она голодна, ей холодно. Я принесу еды.

— Надо перенести наш паукарут на лед, — отозвался Калалекв, раздувая костер, — бухта замерзла, настала зима.

— Завтра. Сперва отдохнем.

— Да, сделаем это завтра. На льду теперь теплей, чем на суше, морская вода гонит холод. И я нарежу снега, чтобы укрыться от ветра. Будет тепло, мы будем есть и веселиться.

Мысль эта заставила его улыбнуться; предвкушая, он потянулся к Ангаджоркакв. Она шлепнула его по руке.

— Не время, — проговорила она. — Потом, сперва поедим.

— Да, сперва поедим! Я ослабел от голода, — притворно застонал он, но с лица не сползала улыбка.

Зима обещала быть доброй, очень, очень доброй.

Глава девятая

*Esseka>asak, elinaabele nefalaktus<
tus'ilebtsan tus'toptsan. Alaktus'tsan
nindedei yilane'ne'.*

*Когда волна бьет о берег, маленькие
рыбки,
которые плавают, дохнут; их глотают
птицы,
которые летают; а тех пожирают
звери,
которые бегают.
А иилане' едят их всех.*

Алофегма иилане'

Ланефенуу была эйстаа Икхалменетса так давно, что лишь самые старые из помощниц не забыли еще предыдущую эйстаа, а уж вспомнить ее имя могли и совсем немногие. Ланефенуу была столь же высока духом, как и телом, — она была на голову выше почти любой иилане' — и за время своего правления сильно изменила город.

Амбесид, где она восседала на почетном месте, был сооружен при ней, прежний засадили плодовыми деревьями. Здесь, в естественном углублении горного склона над городом и гаванью заложила она свой амбесид, повинаясь своим причудам. И лучи утреннего солнца озаряли инкрустированный разноцветным деревом трон в задней части углубления. Остальное пространство было в тени. Склон за тронем был выложен деревянными панелями дивной работы, покрытыми искусной резьбой и живописью. Изображения казались живыми, и днем фарги вечно толкались возле них,

раскрыв рты от изумления. На панелях были изображены темно-синие волны, бледно-голубое небо, энтиисенаты, резвящиеся среди волн, и огромный, от края картины до края, почти в натуральную величину силуэт урукето. На верху высокого плавника была вырезана фигурка капитана урукето, вовсе не случайно похожая на сидевшую под ним эйстаа. Прежде чем подняться к вершинам власти, Ланефенуу командовала урукето, и в душе до сих пор не перестала быть капитаном. Руки и верхняя часть ее тела были разрисованы пенящимися волнами.

Каждое утро Элилилеп в компании еще одного самца, которому доверялось нести кисти и краски, прибывал из ханане в занавешенном паланкине обновить росписи на ее теле; Ланефенуу прекрасно знала, что самцы более чувствительны и артистичны: к тому же каждое утро пользоваться самцом полезно для здоровья. Для этих целей и предназначался кистеносец Элилилепа; сам же Элилилеп представлял собой слишком большую ценность, чтобы держать его на пляже. Ланефенуу была твердо убеждена, — хотя и не высказывала это Укхереб, зная, что ученая начнет язвить, — что ежедневное сексуальное удовлетворение и было причиной ее долголетия.

Но сегодня она ощущала свой возраст: зимнее солнце не грело, и лишь тепло живого плаща на плечах позволяло не впасть в оцепенение. И ко всем прочим бедам добавилось еще и отчаяние от известия капитана прибывшего урукето. Умер Алпеасак — драгоценность Запада, надежда ее города. Его погубили безумные устузоу, если верить словам Эрефнаис. Но приходилось верить, ведь говорила она сама, а не йилейбе фарги, получившая сообщение из вторых-третьих уст. Эрефнаис, капитан урукето, облеченная высшей ответственностью, побывала там и видела все своими глазами. Как и другая из уцелевших, Вейнте', та, что вырастила город и увидела гибель его. Она поведаст обо всем подробнее, она знает больше, чем капитан, которая все время провела в урукето и так и не ступила на берег. Ланефенуу шевельнулась на высоком троне и потребовала внимания. Подручная Муруспе, никогда не оставлявшая ее, сразу же подвинулась ближе, ожидая приказа.

— Муруспе, я хочу видеть вновь прибывшую по имени Вейнте', что приплыла сегодня на урукето. Доставь ее ко мне.

Сделав знак немедленного повиновения, Муруспе заторопилась к прислуживающим фарги и в точности передала им распоряжение Ланефенуу. Она велела им повторить приказ; некоторые путались — от забывчивости или неумения говорить, неважно. Таких она отослала с глаз долой. Они исчезли со-стыдом-неудачи. Оставшихся она заставляла повторять распоряжение эйстаа до тех пор, пока они не справились с делом в точности.

Наконец фарги разбежались с амбесида во все стороны с радостной поспешностью, — ведь они несли распоряжение эйстаа. И каждая, кого они встречали, передавала сообщение другим встречным, и очень скоро одна из помощниц торопливо вошла к Укхереб, делая жесты информации-большой-важности.

— Эйстаа разослала слово по городу. Требуется присутствие твоей гостьи Вейнте'.

— Иду, — поднимаясь, ответила Вейнте'. — Веди меня.

Укхереб жестом отослала помощницу.

— Я пойду с тобой, Вейнте'. Так будет уместнее. Эйстаа знает мои труды на благо Икхалменетса, и, боюсь, я знаю, о чем пойдет речь. Мое место возле нее.

Амбесид был пуст, словно была ночь, а не пасмурный день. Суетливых фарги прогнали, и во всех дверях расставили помощниц, не пускавших их внутрь. Они стояли спиной к эйстаа, чтобы не нарушить ее уединения. Ланефенуу правила твердой рукой, это был ее город, и если она желала уединиться на амбесиде, а не в собственных небольших покоях, значит, это было необходимо. Мощь, исходящая от строгой и суровой фигуры под расписными рельефами, восхищала. Вейнте' ощущала в ней равную.

Она шла твердым шагом возле Укхереб — никак не следом, — и походка выдавала ее чувства. Ланефенуу невольно заинтересовалась, поскольку от яйца времен никто не обращался с ней, как с равной.

— Ты и есть Вейнте', недавно прибывшая из Алпеаса. Расскажи мне о твоём городе.

— Он погублен, — последовали движения, означавшие боль и смерть, — руками устузоу, — жесты во много раз усилили предыдущие знаки.

— Расскажи мне все, что знаешь, во всех подробностях с самого начала, ничего на скрывая, потому что я хочу знать, как подобное стало возможным.

Вейнте' пошире расставила ноги, выпрямилась — и долго не умолкала. Все это время Ланефенуу ни разу не пошевелилась, а Укхереб то и дело дергалась, словно от боли, и слегка вскрикивала. И если Вейнте' была не совсем откровенна, когда речь зашла о ее отношениях с этим устузоу, особенно тогда, когда нельзя было не солгать, — это объяснялось простой забывчивостью, не более. Она сочла неуместными всякие упоминания о Дочерях Смерти, о них можно было поговорить и позднее. Она просто рассказывала, как строила город, как устузоу убили самцов на родильных пляжах, как она защищала город от пришельцев и как, обороняясь, была вынуждена напасть на устузоу. Добравшись до конца повествования, она, тщательно сдерживая все чувства, описала всеобщую гибель, разрушение города, бегство горсточки уцелевших. Потом она умолкла, но положение ее рук говорило о том, что сказано не все.

— Что еще ты собираешься добавить к этому ужасу? — спросила Ланефенуу, безмолвно слушавшая Вейнте'.

— Две вещи. Я расскажу тебе с глазу на глаз кое-что важное о тех, кто покинул город и сейчас находится в Энтобане. Это серьезный, но отдельный вопрос.

— А второй?

— Он! — громко начала она, подкрепляя слова жестами необходимости, силы и уверенности. — Он имеет отношение ко всему, о чем я говорила. Я знаю теперь, как защитить город от огня. Я знаю, как уничтожить устузоу в огромном количестве. Теперь я знаю, в чем ошибались те, кто погиб ради этого знания. Я знаю, что просторы Гендаси, пустынные земли за морем, будут принадлежать иилане'. Так будет. Никогда еще от яйца времен не дули такие холодные ветры, никогда не гибли северные города иилане'. Никто не знает, когда придет этому конец. Вот Эрегтпе, только сухие листья носит ныне ветер по его улицам; вот

Соромсет, где белые кости иилане' белеют в белой пыли. Вот мой родной Инегбан, который давно умер бы в Энтобане, не отправься мы в Гендаси. А теперь я чувствую, как холодные ветры продувают окруженный морем Икхалменетс. И я боюсь за него. Что если холода придут и сюда? Я не знаю, что будет. Но я, сильная Ланефенуу, знаю одно. Если придут холода и Икхалменетс будет жить, он должен жить в Гендаси, ибо ему больше некуда отправляться.

Ланефенуу искала слабость и сомнение в словах и жестах Вейнте' — их не было.

— Возможно ли это, Вейнте'? — спросила Ланефенуу.

— Возможно.

— Когда холодные ветры ворвутся в Икхалменетс, сможет ли Икхалменетс перебраться в Гендаси?

— Этот теплый мир дожидается вас. Ты отвезешь туда Икхалменетс, Ланефенуу, я вижу в тебе силы для этого. Я прошу только разрешения помочь тебе. А когда мы переберемся туда, я попрошу лишь твоего разрешения убивать устузоу, которые убивают нас. Позволь мне служить тебе.

Как требовала вежливость, и Вейнте' и Укхереб отвернулись, когда Ланефенуу застыла в глубоком раздумье. Но каждая одним глазом поглядывала назад, — чтобы вовремя отозваться на любое движение. Шло время, Ланефенуу должна была многое обдумать. Облака рассеялись, солнце уже спускалось к горизонту, а трое застыли, словно вырезанные из камня, как могут только иилане'.

Когда Ланефенуу наконец шевельнулась, они повернулись к ней, полные внимания.

— Следует принять решение. Но оно слишком важное, чтобы можно было торопиться. Пусть сперва Укхереб доложит мне, о чем сообщают ученые с севера. Вейнте' должна рассказать о том, другом, деле, которое нельзя обсуждать при всех. Имеет ли оно отношение к теплой Гендаси?

— Косвенно, но может статься, в значительной степени.

— Следуй за мной, поговорим.

Ланефенуу двигалась медленно, тяжелые размышления отягощали тело. Спальня ее была невелика, темная комната напоминала внутренность урукето. Слабый свет лился от пятен флуоресцирующей краски, в стене было круглое окошко, за которым виднелся красивый морской пейзаж. Ланефенуу взяла водяной фрукт, наполовину осушила его и опустилась на ложе для отдыха. Для гостей предназначались еще два ложа: одно у задней стенки, другое возле входа. Ланефенуу знаком велела Вейнте' опуститься на то, что у входа.

— Говори, — приказала Ланефенуу.

— Сейчас. Я буду говорить в Дочерях Смерти. Знаешь ли ты о них?

Ланефенуу вздохнула понимающе, но без отчаяния.

— Я знаю о них. Из того, что говорила Эрефнаис, следует, что именно они были теми ее пассажирами. И теперь они могут разливать яд своих мыслей в теплом Йибейске. Как ты относишься к ним?

Этот простой вопрос выпустил наружу всю ненависть, которую так долго сдерживала Вейнте'. Жесты хлынули потоком. Она не в состоянии была ни сдержаться, ни остановиться. Ее тело и конечности дергались, выражая неприязнь, неприятие, ненависть... и только нечленораздельные звуки вылетали с пеной гнева сквозь стиснутые зубы. Она не сразу овладела собой, но стала говорить, только полностью успокоившись.

— Мне трудно выразить всю свою ненависть к этим созданиям. Я стыжусь этой вспышки гнева. Но я здесь по их вине. И я хочу поведать тебе об их развращенности, предупредить об опасности, если ты еще не слыхала о них. Хочу спросить еще, добрался ли этот духовный яд и носительницы его сюда, в Икхалменетс?

— И да и нет. — Хоть Ланефенуу даже не шевельнулась, в ее интонациях слышалось ощущение смерти и разрушения. — Я давно узнала об этих тварях. И решила, что эта болезнь не проникнет сюда. Не без причины Икхалменетс называют окруженным морем. Только те, кто рождается здесь, остаются в этом городе, из других городов фарги к нам не приходят. Только урукето связывают нас с остальным миром. И обо всем, что привозят они, я немедленно узнаю. Приезжали сюда и Дочери Смерти, я сразу же отправила их назад, не

позволив даже ступить на берег. Так можно поступать с не имеющими ранга.

— Но иилане' идет, куда хочет, — проговорила Вейнте', недоумевая; ведь свобода передвижения была так же естественна, как вода, воздух, иного она не могла и представить.

— Верно, — с трудом ответила Ланефенуу, сильная эмоция сковала ее мышцы. — Когда я впервые увидела тебя, Вейнте', я поняла, что передо мной та, которая мыслит, как я, и идет той же тропой. И твои речи подтвердили это. Нас ждет общее будущее, и я скажу тебе то, чего не знают другие. Да, иилане' прибывают в окруженный морем Икхалменетс. Среди них попадались и такие, что добром поминали Дочерей Смерти. И все, кого я подозревала в этом пороке, были здесь у меня и говорили со мной, я слушала. — Ланефенуу надолго умолкла, вслушиваясь в себя, припоминая былое, вновь представляя события, о которых знала она одна. — Те, кто решался говорить здесь об этом, хотя я просила их покинуть Икхалменетс, те и только те расстались здесь с жизнью. Узнав все, что нужно, я просила их сесть, так же, как и тебя, но на другое ложе. Погляди, видишь пятнышко в середине. Это живое существо с ядовитой железой хесотсана. Ты поняла, что я имею в виду? Отсюда они не выходили, Вейнте'. Понятно ли тебе, что это значит? Все они там. — Она махнула в сторону маленькой дверцы в стене. — Питают корни города своими телами, избавив его от своих скудных умишек, как и должно быть.

Когда смысл слов Ланефенуу проник в сознание Вейнте', она склонилась перед эйстаа в позе нижайшей перед высшей и произнесла с почтением:

— Позволь служить тебе, Ланефенуу, всю мою жизнь. Тебе дана сила, которой нет у меня: сила поступать, как считаешь нужным, невзирая на чужие мнения, сила преступить вековые обычаи ради нужд города. Я буду твоей фарги и всегда буду служить тебе и повиноваться твоим приказам.

Наклонившись, Ланефенуу ласково тронула пальцами гребень Вейнте', жестом своим выражая радость. И в словах ее было слышно облегчение.

— Служи мне, сильная Вейнте', как я сама буду служить тебе. Мы шли к одной цели, только разными тропами. А сейчас я вижу, дороги наши соединились. Дальше мы пойдем вместе. И ни устузоу, ни Дочери Смерти не устоят перед нами. Они будут сметены с нашего пути. И завтрашнее завтра станет таким, как вчерашнее вчера, и не останется даже памяти об этих созданиях.

Глава десятая

*Uveigil as nep, as rath at
stakkiz — markiz fallar ey to marni.*

*Каким бы долгим и жарким ни было
лето — все равно придет зима.*

Марбакская поговорка

Зима опять пришла в Деифобен. Зарядили проливные дожди, северный ветер обрывал с ветвей пожухлые листья.

Перед рассветом Керрик проснулся: по потемневшей прозрачной кровле опять барабанил дождь. Снова уснуть не удалось. Едва забрезжил рассвет, он взял свой хесотсан и накормил кусочками мяса, оставленными от ужина специально для этого. Теперь он не разлучался с оружием. И приказал всем за пределы города выходить вооруженными. Покончив с кормлением, он вышел. Как почти всегда, путь его лежал среди полей на север города к последней роще, где огромные ненитески обрывали листья и громко хрустели ветками. Липучие лианы, которыми иилане' преграждали дорогу, оставались на своих местах, он осторожно перешагнул их. Весь ядовитый терновник был уничтожен, потому что охранял от людей, а не от животных. Оружие Керрик держал наготове, опасаясь хищников, бродивших вокруг города. Внимательно вслушивался и приглядывался. Он был один. Пустынная тропа уходила на север.

На ней никого не было. Керрик стоял, не обращая внимания на дождь, насквозь промочивший бороду и длинные волосы; капли стекали с обоих ножей на груди

за пазуху, ручейками бежали по коже. Никого. Каждое утро он приходил сюда — это было самое плохое время. Потом, среди забот, он забывался. Но тяжелей всего были часы сразу после пробуждения. Если бы Херилак вернулся и привел с собою Армун, если бы пришел хоть охотник с весточкой от нее. Но, не тронувшись еще в обратный путь, он уже знал, что надежды напрасны. Надо было отправляться за ней самому, еще той весной. А сейчас было поздно, и до новой весны оставалось еще столько... Что понадобилось ему в этом городе, когда все возвратились? Он уже и сам не понимал. Но сделанного не воротишь. Весной он уйдет за ней, и на этот раз ничто не остановит его.

И когда он пошел назад, тропа осталась такой же пустынной...

Дождь редел, среди туч уже проглядывало голубое небо. В городе его ожидали дела, нужно было решать. Он не хотел никого видеть, не хотелось даже говорить. Океан был неподалеку, глухой шум прибоя доносился даже сюда. Он прогуляется по пляжу и вернется в город.

Едва он вышел из-под деревьев, солнце озарило чистый песок и покрытые белой пеной волны. «Алпеасак», «прекрасные пляжи» — сами собой пришли в голову эти слова. Правая рука и подбородок привычно и незаметно для него изобразили правильные модификаторы. Опустив голову, он побрел по песку. Мир — такое пустынное место.

Пустовавшая гавань за год заросла кустарником. Многое изменилось в городе с тех пор, как ушли иилане', и на смену им явились тану. Перебравшись через нагромождение поломанных ветром ветвей, он приблизился к гавани. Они с Саноне единодушно решили: перед рассветом и после темноты караульные должны охранять пути, ведущие от моря в город. Враг изгнан, — но это не значит, что он не может возвратиться. А вот и караульный, прислонившийся спиной к дереву. Керрик не хотел разговаривать с ним и направился прямо в город, но саску не пошевелился; он сидел, как-то обмякнув, и не замечал Керрика.

С внезапным страхом Керрик остановился и припал к земле, выставив хесотсан. Никто не шевелился. Над

головой крикнула птица, больше ничего не было слышно. Керрик пополз до ближайшего куста, укрылся за ним и теперь мог разглядеть охотника. Наклонившись вперед, он сидел с закрытыми глазами, едва не роняя копье. Спит.

Керрик встал, улыбнулся собственному необъяснимому страху и, шагнув вперед, окликнул уже...

Но увидел шип, сбоку вонзившийся в шею охотника, и понял, что не ошибся в худшем.

Иилане' вернулись!

Лихорадочно озираясь, он отступил за куст. Где они, где, куда подевались? И, прежде чем поддаться панике, Керрик постарался подумать, а не действовать сразу. Здесь побывали иилане', в этом не было сомнений. Нельзя было исключить и несчастный случай... или убийство, ссору между охотниками. Теперь все делали собственные шипы и тщательно обрабатывали их, чтобы точнее попадать в цель. Но та игла, что вонзилась в шею охотника, выросла на кусте. Ее обломила фарги, и иилане' ею выстрелила. Они пришли с моря. Сколько их? Надо предупредить. Где поблизости работают саску? И, стараясь быть осторожным, он заторопился к центру города, уклонившись от кратчайшего пути.

Впереди послышались голоса... Саску! Он побежал им навстречу и хотел уже позвать, когда заметил двух воинов рядом с апельсиновыми деревьями. Вдруг послышался треск, один из них пошатнулся и упал. Второй обернулся, вздрогнул — и рухнул на упавшего товарища.

Крик застрял в горле Керрика, он припал к земле за стволом дерева, так чтобы видеть обоих саску. В небольшой рощице зашелестели сухие листья, и он застыл не дыша, — темная фигура медленно вышла на свет.

Иилане'!

Она остановилась, и, неподвижно застыв, стала озираясь, водя по сторонам глазами. Ее опущенные руки выдавали страх, хесотсан был обращен к земле. Она была молода. Это фарги, подумал Керрик. С ней должны быть и другие. Он оказался прав: мгновение спустя послышался раздраженный голос: «Вперед!» Фарги помедлила в страхе и нерешительности и наконец шагнула. Сзади из укрытия показались еще две фигуры, объятые тем же всепоглощающим страхом. А потом из

тени выступила четвертая — повелевающая... знакомая. Шаг — и она уже на свету.

Вейнте'!

Волна ярости захлестнула Керрика. Ненависть, отвращение... что-то еще — он не знал, что это, да и знать не хотел. Вейнте' вернулась, будет нападение, надо предупредить остальных.

Но сначала надо убить ее, он знал это наверняка. Когда-то он ранил ее копьем, но она осталась жива. А теперь маленькая капелька на острие стрелы, незаметная капелька яда — и мгновенная смерть. Да!

Он медленно поднял оружие, прицелился... ветерок дунул — надо это учесть... вот она повернулась — как хорошо он помнит это лицо.

Стреляй!

Оружие громко треснуло в его руке; в этот момент одна из фарги шагнула вперед и, сраженная иглой, пошатнулась и рухнула.

— Ты! — выкрикнула Вейнте', глядя Керрику прямо в глаза; ненависть сотрясала ее тело.

Не думая, Керрик выстрелил снова, но она скрылась из глаз. Обе фарги бросились за нею. Оружие его опять треснуло, одна из них упала наземь. Раздался звук удалявшихся шагов.

Бегут. Значит, это еще не нападение, а только разведка.

— Они здесь! — завопил Керрик изо всех сил, закончив военным кличем тану. А потом выкрикнул на языке иилане': — Смерть, смерть, смерть — Вейнте', Вейнте', Вейнте'! — надеясь, что она поймет смысл этих звуков.

Вдали послышались крики, и он, предупреждая, крикнул снова. И вдруг, забыв об опасности, он помчался вслед за иилане'. Он мчался следом, надеясь убить ее. Выбежав на берег, он увидел, как две фигуры прыгают в воду с причала.

Стоя на выщербленном помосте, Керрик вновь и вновь стрелял по удаляющимся черным головам, пока опустошенный хесотсан не задергался в руке. Его стрелы не достигали цели; плывущие давно были вне пределов досягаемости, они удалялись к черному пятну, маячившему посреди гавани.

Плавник урукето, ожидающего их.

Наконец Керрик почувствовал, что тело его сотрясает крупная дрожь. Опустив оружие, он следил, как мелькают в волнах головы плывущих. Вейнте' была здесь, а он промахнулся... Позади послышался топот, подбежали двое охотников.

— Мы видели двух мургу, они убили Керидамаса и Симмахо! Что случилось?

Все еще дрожа, Керрик ответил:

— Вон они. Они остались живы и плывут к своей живой лодке. Они приплыли посмотреть город и знают теперь, что мы здесь.

— Они вернутся?

— Конечно же, вернутся! — оскалившись, завопил Керрик. — И с ними их предводительница, та самая, что объявила войну нам, та, что хочет перебить нас. Раз они были здесь — они вернутся!

Отступив от Керрика, оба охотника мрачно глядели на него.

— Саноне должен узнать об этом, — проговорил Мескавино. — Мы побежим сообщить ему эту весть.

Керрик остановил их.

— Известить Саноне может и один из вас. Ты, Мескавино, останься.

Поколебавшись, тот повиновался: ведь Керрик был главным в городе. Саноне был их маңдукто, и все саску привыкли видеть в нем вождя, но он-то и приказал им всегда слушаться Керрика. Сжав в руках мотыгу, Мескавино внимательно огляделся. Заметив его взгляд, Керрик попытался взять себя в руки. Не время для слепого гнева. Надо думать трезво, как иилане', думать сразу за всех. Он прикоснулся в дрожавшей руке охотника.

— Они ушли, пусть уйдет и твой страх. Я видел их главную, она убежала, а с нею помощница. Они ушли, все ушли. Оставайся здесь и будь внимателен — как бы они не вернулись.

Приказание было четким и недвусмысленным. Мескавино взял мотыгу, как оружие.

— Я буду наблюдать, — проговорил он, поворачиваясь к морю. Увидел неподвижное тело караульного и тихо завыл. — И он погиб... брат мой!

Мотыга свалилась на землю, и, встав на колени, он склонился над телом.

Снова кровопролитие, думал Керрик, вглядываясь в опустевшую гавань. Вейнте', несущая смерть. Но не только она. Города не стали бы ей помогать, если бы холодные зимы не пугали даже иилане' Энтобана, где города соприкасались. Зима наступала на северные города, оставаться на месте — значило умереть. И лучше пересечь океан и затеять войну. В этом их убеждала Вейнте'. Он-то слышал ее, знал, что она не прекратит убивать, пока не погибнет сама.

Когда-нибудь. Но сейчас до нее не дотянуться. Оставалось только пытаться разгадать ее планы. Ее он знал как никто, куда лучше, чем прочие иилане'. Что же она предпримет теперь?

Ясно было одно: она явилась не одна. Целый флот урукето мог быть за горизонтом, а внутри живых кораблей — полчища фарги, ждущие приказаний. Горестный вопль отвлек его от размышлений, и он заметил приближавшихся саску. Первым шел Саноне, семенившие следом женщины начали рвать на себе волосы, заметив мертвого охотника. Саноне поглядел на труп, потом на Керрика, перевел взгляд на море.

— Значит, они вернулись, как ты предупреждал. Будем защищаться. Что нам делать?

— Выставить стражу, дневную и ночную. На пляжах и на всех дорогах, ведущих в город. Они вернутся.

— Морем?

Керрик заколебался.

— Не знаю, прежде, если было возможно, они всегда нападали с воды, такой их обычай. Но это было тогда, когда этот город принадлежал им и у них были небольшие лодки. Потом они нападали на суше... Нет. Я уверен, в следующий раз опасность придет не с воды. Я в этом уверен. Придется держать караул — и здесь, и со всех сторон.

— И это все, что мы сможем сделать? Сидеть, следить и ждать смерти, как животные? — В голосе Саноне слышалась горечь.

— Нет, мы сделаем больше, Саноне. Теперь мы знаем о них. Пусть самые быстроногие охотники отправятся к северу и югу вдоль побережья и отыщут их лагерь — и тогда мы их убьем. Но для этого нам нужна будет помощь. Нужен будет тот саммадар, который

живет, чтобы убивать мургу, и охотники-тану, могучие и знающие лесные тропы. Надо выбрать двоих скороходов, самых крепких, которые способны бежать день за днем. И послать их на север на поиски тану. Пусть скажут Херилаку, что мы зовем его со всеми охотниками. Он придет, если объяснить ему, что мургу здесь ждут только его руки.

— На севере зима, и снега глубоки в это время. Саску не разыщут саммады. Но даже если им это удастся, в самые морозы охотники едва ли выступят в путь. Ты, Керрик, просишь слишком многого. Хочешь, чтобы саску гибли понапрасну?

— Но смерть, может быть, уже рядом с нами. Нам необходима помощь. И мы должны отыскать охотников. Саноне невесело качнул головой.

— Мы умрем, если такова наша участь. Мы идем туда, куда ведет нас Кадайр. Он привел нас сюда, имея на это причины. И здесь мы останемся, раз пришли по следам мастодонта. Я не могу просить саску умирать в зимних снегах ради фантазии. Другое дело весной. Тогда мы решим, что делать. А пока мы можем расспросить Кадайра о нашей участи.

Керрик в гневе открыл было рот, но прикусил язык. Трудно было угадать, что повелит Кадайр, впрочем воля его всегда подкрепляла доводы старика. Но в словах его была правда. Саску не одолеют пути, трудного и для тану. Они не привыкли к зиме. Но если и дойдут... как знать, быть может, Херилак и не отзовется на его просьбу. Придется ждать весны.

Если они доживут до нее...

Глава одиннадцатая

К югу от города, за рекой, начинались болота. Непроходимые джунгли и топи подходили к самому океану, для передвижения оставалась лишь узкая песчаная полоска вдоль моря. На песке, у линии прибоя длинноногие морские птицы рвали дохлого хардальта, выброшенного на берег волнами. Когда к ним приблизились двое саску, они вдруг перепугались и с криками закружили над головами людей, осторожно пробирававшихся по пляжу. Белые головные повязки саску украшало охряное пятно на самом лбу в знак особой важности поручения. Но такая честь их не радовала. Оба с опаской озирались на стену джунглей, надеясь защититься от невидимой опасности стреляющими палками. Они миновали труп хардальта, Мескавино с отвращением поглядел на него.

— В долине было лучше, — проговорил он. — Зачем мы ушли оттуда?

— Разве ты забыл, — отвечал Ненне, — как мургу явились туда, чтобы погубить нас? А потом по воле Кадайра мы пришли сюда уничтожить их обиталище... Вот так.

— Они вернулись.

— Их мы тоже убьем. Ты, Мескавино, хнычешь словно младенец.

Но тот был слишком испуган и не замечал обидных слов. Ему не нравилось жить возле океана, размеренная жизнь в уютной долине устраивала его куда больше. Как тосковал он по этим надежным каменным стенам.

— Что это там впереди? — спросил его Ненне.

Мескавино остановился, шагнул назад.

— Я ничего не вижу. — Голос его дрожал от страха.

— Там на воде, видишь... и еще...

На воде действительно что-то чернело, но что именно — на таком расстоянии нельзя было разглядеть. Мескавино попробовал повернуть обратно.

— Надо сообщить Керрику, это важно.

Выражая сомнение, Ненне высунул язык.

— Мескавино, кто ты? Саску или женщина? Убежишь, испугавшись плавающих в океане бревен? Что ты скажешь Керрику и Саноне? Мы что-то видели. А что именно, спросят они... Что мы ответим?

— Ты что-то распустил язык...

— Мой язык у меня во рту, пока ты поступаешь, как подобает саску. Идем дальше, надо разобраться, что это.

— Идем, — обреченным тоном повторил Мескавино, уверенный, что идет на верную смерть.

Теперь они держались поближе к деревьям и подальше от моря, стараясь двигаться незаметно. Но на берегу никого не было. Добравшись до подмытого прибоем пригорка, они поднялись на него, осторожно пробираясь через заросли кустарника между редкими пальмами, — так чтобы их не могли увидеть со стороны моря. Оказавшись на вершине, они тихонько раздвинули ветви...

— Мургу! — Мескавино со стоном повалился на землю, пряча лицо в ладонях.

Ненне испугать было труднее. Рядом мургу не было, они находились вдалеке — на берегу и в прибрежных водах. Там были живые корабли, вроде того, что унес в себе уцелевших после пожара. Тот корабль он видел своими глазами и знал, на что они похожи. Но в океане их было куда больше — сколько пальцев на обеих руках, — маленькие лодки сновали между ними и берегом, высаживая мургу-убийц. Оказавшись на берегу, они сразу принимались что-то делать. Чем они были заняты, Ненне определить не мог — мешали густые кусты. С дальнего островка на море приплывали все новые корабли. Все было очень странно.

— Подберемся поближе, посмотрим, — предложил Ненне. Но Мескавино только стонал, не поднимая лица от земли.

Ненне с грустью глядел на него. Отец и единственный брат Мескавино погибли от рук мургу. Гнев и

страстное желание отомстить привели Мескавино сюда. Он храбро бился. Но это было прежде. Вся эта кровь и смерть что-то надломили в нем: теперь он переменялся. Ненне попытался было вновь устыдить его, пробудить в нем саску, но безуспешно. Нагнувшись, он тронул лежавшего за плечо.

— Иди назад, Мескавино. Расскажи обо всем, что мы видели. А я подберусь поближе, чтобы узнать, какими трудами помогают они Карогнису. Иди назад.

Когда Мескавино поднял голову, на лице его кроме страха было облегчение.

— Ничего не могу поделать с собой, Ненне, со мной что-то творится. Я бы пошел с тобой, но у меня нет сил. Ноги так и тянут меня, но не вперед, а назад. Я все передам.

Ненне долго следил, как его попутчик удаляется обратно, ноги у него в эту сторону действительно бежали быстрее. Наконец он повернулся к мургу. Надо выяснить, чем они заняты на берегу. И, обратившись к опыту следопыта, он осторожно двинулся вперед краем леса.

Путь оказался долгим, и солнце уже стало спускаться, когда он наконец подобрался к барьеру. Высокая стена тянулась от леса и уходила в море. Ее образовывали какие-то кусты с крупными зелеными листьями, они переплетались с растениями с более темной листвой. Шагнув вперед к опушке, он увидел первое тело, а потом другое... третье. И долгое время в ужасе не мог тронуться с места, подобно Мескавино, наконец он осторожными шагами двинулся в обратную сторону.

Назад он буквально несея, но так и не смог нагнать Мескавино, — подгоняемый страхом, тот, должно быть, летел как ветер. И Ненне впервые по-настоящему понял страх своего спутника.

Керрик уже узнал о прибытии иилане' от Мескавино и с трудом сдерживал нетерпение, пока Ненне жадно пил из водяного плода, лил остатки себе на руки и голову. Когда разведчик наконец заговорил, темная кожа его побледнела от страха, а глаза стали круглыми.

— Сперва был один — олень, который пришел пасть в кустах, колючая лиана охватила его ногу, а потом я увидел других, — от которых остались одни

кости; там были все, звери, птицы, мургу разного рода и величины. В этих кустах обитает смерть, она убивает всех, кто оказывается рядом.

— Но почему? Что это значит? — спросил Саноне и присутствующие недоуменно закивали.

— Что это значит? — мрачно заговорил Керрик. — Да ничего хорошего для нас. Сами подумайте. Сюда явились мургу на многочисленных живых кораблях. Там, на острове, у них наверняка поселение, до которого мы добраться не сумеем. Можно наделать лодок, только, по-моему, все, кто попытается высадиться на берегу, погибнут. Если бы они там и оставались, не было бы никаких проблем. Но мургу устроили на берегу эту смертоносную стену.

— Но она же далеко еще... — не без некоторого воодушевления начал Мескавино.

— Пока далеко, — без всякой надежды промолвил Керрик. — Но — или она будет ползти в нашу сторону, или мургу вырастят другую, поближе. Они меняют тактику, и я начинаю бояться. Прежде, нападая, они гнали на нас вооруженных фарги, и мы одолевали их. Но теперь я боюсь великим страхом. Та, что ведет их, наверняка задумала нечто куда более ужасное и коварное.

Велика ли опасность? Уязвима ли стена? И вновь нахлынул изнуряющий страх. И когда он заговорил вновь, все услышали этот страх в его голосе.

— Придется взглянуть на эту стенку на берегу. Покажешь, Ненне? Придется кое-что прихватить с собой.

— Я покажу. Пойдем сейчас?

— Нет, отдохни, уже поздно. Отправимся утром.

...Они вышли на рассвете, внимательно и осторожно двигаясь вперед по следам, уцелевшим со вчерашнего дня над линией прилива. К полудню они дошли до стены, зеленой дугой охватившей кусок суши. Сегодня здесь что-то изменилось.

— Никого нет, — проговорил Ненне. — Вчера было иначе. Здесь были живые корабли, лодки перевозили мургу на берег, с острова приплывали другие корабли. Теперь все исчезли.

Керрик заподозрил неладное. В море никого не было, только в полуденной дымке вдали серел остров. Позади него виднелись еще островки, поменьше. Керрик вспомнил их, — он плыл на урукето мимо этой цепочки островов. Алакас-Аксехент, драгоценное ожерелье. Идеальное место для высадки, вне пределов досягаемости тану. Но эта дуга смерти на берегу... Зачем она?

— Залезу на дерево, вот на это, повыше, — сказал Ненне. — С верхних ветвей можно будет заглянуть внутрь, увидеть, что скрывается там.

Он был умелым скалолазом и не раз поднимался на окружающие долину утесы — подъем не составил для него никакого труда. Пока он лез, вниз сыпались листья и ветки. Почти не задержавшись наверху, он стал спускаться так же быстро.

— Ничего, — произнес он озадаченно. — Там внутри просто песок. Пусто. Твари, бывшие здесь вчера, исчезли. Если они не зарылись в песок, значит, они ушли.

— Пойдем туда, где ты видел убитых зверей, — проговорил Керрик, снимая с плеча лук. Ненне закинул кожаный мешок за плечо.

Труп оленя уже кишел мухами, у зеленой стены лежали мертвые звери. Керрик изогнул лук и выбрал стрелу. Ненне развязал мешок.

Тщательно обвязав тканью наконечник стрелы, Керрик сунул ее в кожаный мешок с харадисовым маслом. Встав спиной к ветру, Ненне высекал огонь. Он подложил сухие веточки, и скоро в вырытой в песке ямке запылал огонь. Керрик встал, натянул тетиву, отпустил, наклонился и поднес пропитанную маслом тряпку к огню. Она вспыхнула; огонь, едва видимый при ярком солнечном свете, рождал клубы дыма. Керрик выпрямился, натянул лук, поднял ее вверх и спустил тетиву. Описав высокую дугу, стрела исчезла в зеленом барьере. Обожженный пламенем, свернулся листок, но дым быстро растаял; Керрик послал вторую горящую стрелу следом за первой, и еще, и еще... Но результат был тот же.

— Научились... — проговорил он голосом, злоеющим, как смерть. — Они поняли, что такое огонь. Мы не сумеем поджечь их еще раз.

Озадаченный Ненне постучал себя по лбу.

— Ничего не понимаю.

— Зато я понимаю. Теперь у них есть база на суше, и мы не можем ни напасть на нее, ни сжечь.

— Но у нас ведь и стрелы, и копья. За такой стеной им придется несладко.

— За этой да, я согласен, здесь они не будут в безопасности. Но они могут вырастить другую, повыше, и прятаться за ней на ночь.

— Эти мургу творят странные вещи. — Ненне с негодованием плюнул в сторону зеленой стены.

— Ты прав, это потому что они думают не так, как мы. Но я знаю их, я сумею разгадать их замыслы. Я буду думать. Крепко думать. Во всем этом есть смысл, и я должен понять, почему эта стена оказалась здесь. Подойдем поближе.

— Это верная смерть!

— Мы не животные, мы люди. Ступай осторожно.

Но ноги Керрика дрожали, когда он начал медленно двигаться в сторону оленьего трупа. Ненне схватил его за руку и остановил.

— Смотри, лиана с шипами схватила оленя за ногу, — видишь, она выходит из песка, — там, где он стоял... Почему он не заметил ее?..

— Кажется, понимаю.

Керрик поднял с песка раковину, размахнулся и бросил. Описав невысокую дугу, она упала возле трупа.

Разбросав песок, вверх взметнулась колючая зеленая ветвь и ударила по раковине.

— Значит, они прячутся под песком, — проговорил Керрик, — а наступишь — выскакивают.

— Но здесь они могут быть повсюду, — ответил Ненне, осторожно отступая по собственным следам. — Здесь обитает смерть, здесь нет места жизни.

— Не совсем, глянь-ка вниз, под самую стенку.

Едва дыша, они следили за заколыхавшимися вдруг листьями. Наконец они раздвинулись, и появилась чья-то пятнистая оранжево-фиолетовая голова, огляделась и исчезла. Через мгновение тварь высунулась целиком. Оказалось, что это какая-то ящерица. Она быстро пробежала по песку и неподвижно застыла. Только глаза ее поворачивались, оглядывая все вокруг. Уродливая

приземистая тварь с толстым и плоским хвостом и раздутыми, словно мокрыми, бородавками на спине. Она снова двинулась вперед, оставляя за собой полосу слизи, остановилась возле кустика травы и, повернув голову боком, принялась ее пожирать. Керрик осторожно полез в колчан и, когда тварь отвернулась, вытащил стрелу и натянул тетиву.

И выстрелил.

— Отлично, — отозвался Ненне, глядя на пронзенную стрелой тварь, не сразу переставшую дергаться.

Сделав большой круг, они подошли к ней со стороны океана.

— Уродина, — проговорил Ненне, — вся скользкая, как слизняк.

— Может быть, слизь защищает ее от яда. Ее вырастили, чтобы она жила там, где все остальное гибнет. Видимо, у мургу есть причина для этого. Иилане' ничего не делают без причины.

— Она больна — видишь нарывы на спине, они лопаются.

— Это не болячки, не нарывы, посмотри, они расположены правильными рядами.

Концом лука Керрик ткнул в лопнувший буторок, из него посыпался бурый порошок. Нагнувшись, Ненне поглядел на них.

— Они сухие... не понимаю. Похоже на какие-то семена.

Медленно выпрямившись, Керрик поглядел на грозную зеленую стену и вздрогнул, хотя солнце припекало.

— А я понимаю, — проговорил он. — Понимаю, увы, даже слишком хорошо понимаю. Перед нами, Ненне, наше поражение. Верное поражение. И как выжить, как одержать победу в этой битве, я не представляю.

Глава двенадцатая

Один из мандукто помоложе поворошил уголья и подкинул дров. Отсветы пламени озаряли немногих людей, сидевших у костра рядом с Саноне, который расположился напротив Керрика. Он хотел говорить со всеми охотниками, но не таков обычай саску. Мандукто решали, остальные повиновались. Они негромко переговаривались, а Керрик глядел в огонь, словно старался увидеть в нем грядущее, но только отчаяние нес ему этот теплый свет.

— Мы не согласны, — проговорил Саноне, поворачиваясь к Керрику. — Это же просто догадки, у тебя нет доказательств.

Надо подождать и убедиться.

— Будем ждать, пока не начнем гибнуть? Разве непонятно, что они сделали? Поглядите на юг, на берег, на их новый якобы брошенный лагерь. Что в том, что в нем нет мургу? Так и задумано, чтобы он оставался пустым. Там растения, они смертельно ядовиты, но их надо выращивать, чтобы получать семена. Почему бы не сделать этого на берегу? Ведь в этих условиях они и должны расти. И мургу посадили их там, чтобы они росли и плодоносили, чтобы зрели семена. Все понятно. Понятно и зачем этот маленький мараг, которого мы убили.

— Но это просто догадка...

— Возможно. Только она похожа на истину. Ну представьте себе эту тварь, которая создана, чтобы жить среди ядовитых лиан и растений, где все прочее гибнет. Зачем она нужна, если вся эта ядовитая поросль необходима мургу только для защиты? Нет, у этих растений ужасное предназначение. Они должны выра-

сти повсюду на побережье, в том числе и здесь. А мелкие мургу будут разбегаться и разносить эти семена повсюду. Они прибегут и сюда, в Деифобен, принесут сюда смерть, и нам останется только умереть или бежать отсюда.

— Если здесь появятся маленькие мургу, мы перебьем их! — крикнул один из мандукто. Прочие отозвались одобрителем ропотом.

Керрик с трудом сдержал гнев.

— Неужели? Или ты так великолепно владеешь луком и стреляющей палкой и можешь дено и ночью рыскать по всему огромному городу, можешь выследить и убить всех мургу в нем? Ты глуп, если считаешь, что это возможно. Вы все поступаете глупо. Я вас понимаю — мне и самому не хочется в это верить. Но я вынужден. И нам придется бежать отсюда — и чем скорее, тем лучше.

— Нет, этого не будет. — Саноне поднялся на ноги. — Кадайр привел нас в эти края и не покинет.

— А что если это Карогнис загнал вас сюда? — не обращая внимания на возмущенные возгласы, утрировано буркнул Керрик, надеясь хотя бы оскорблением заставить их обратиться к разуму. — Мы не сумеем перебить всех ящериц, когда они появятся здесь. Мы не сможем помешать семенам вырасти. Надо уходить до первых смертей!

— Этого не будет, — опять возразил Саноне. — Мургу не пойдут на это, — ведь город станет бесполезным. То, что несет смерть нам, опасно и для мургу.

Керрик постарался перекрыть одобрительные возгласы.

— Детский лепет! Или вы решили, что мургу выращивают эти лианы и не знают, как их можно уничтожить при необходимости? Когда город вновь окажется в их руках, все смертоносные кусты погибнут.

— Но если они умеют это делать — сумеем и мы.

— Нет, не сумеем. У нас нет знаний, которыми владеют мургу.

Саноне поднял руку, и все умолкли.

— Мы сердимся, мудрость оставляет нас. Мы говорим слова, о которых потом будем жалеть. Быть может,

сбудется все, о чем говорил Керрик. Пусть так, но разве есть у нас выбор? Если они могут убить нас здесь, значит, смогут это сделать и в нашей долине, на любом привале в долгом пути. Быть может, Кадайр привел нас в этот город затем, чтобы мы умерли здесь, возможно, такова его воля. Мы не знаем. И нам почти не из чего выбирать. Значит, легче остаться.

Впервые Керрик промолчал: ему нечего было ответить на слова Саноне. Неужели выхода нет? Остаться здесь и умереть... Или бежать далеко-далеко. И встретить там затаившуюся смерть. Не говоря более ни слова, он встал, завернулся в плащ из оленьей кожи и отправился в свою спальню. День был долг, труден, он устал, но заснуть не мог. Лежа во тьме, он искал выход — тропу к спасению, не замеченную никем. Весной придется вызвать Херилака, он вернется вместе с тану. Они нападут на остров, где засели иилане'. Захватят кого-нибудь из ученых, сумеют добиться, чтобы она выдала способ погубить лианы-убийцы. А пока придется убивать ящериц, выкапывать растения. Многое можно сделать... нужно сделать.

...Утро было ясным, солнце грело, свет его рассеял ночные страхи. Керрик чистил апельсин, когда из открытого листвой бокового прохода появился Саноне. Лицо его страдальчески кривилось, он с трудом волочил ноги. Керрик вскочил, забытый плод упал на землю.

— Первая... — сказал Саноне. — Как ты говорил, так и началось. Дитя, девчушка, играла возле реки, шип пронзил ее ногу, и она умерла. Мы выкопали копьями растение из земли — оно было всего лишь с мою ладонь — и сожгли его. Но как оно могло попасть сюда, в самую середину города?

— Как угодно. Они могли просто высыпать семена в воду или накормить ими птиц, чтобы они разносили их в своем помете. Они мудры, эти иилане', которые выращивают новое. И когда они делают что-то, то делают хорошо. Предупреди всех, пусть будут осторожны. Или все-таки уйдем?

Саноне словно постарел на его глазах, морщины еще глубже врезались в кожу.

— Не знаю. Сегодня вечером вновь потолкуем. Есть некоторые вещи, которые я могу сделать, чтобы выявить волю Кадайра. Очень трудно понять, что именно нам следует делать.

Керрик отправился вместе с Саноне поглядеть на обугленные остатки растения, потыкал их палкой.

— Какое маленькое, а шипы словно у взрослого. Нашли еще?

— Мы искали. Пока только это.

— Все должны обмотать ноги кожей. Нельзя прикасаться к неизвестным растениям. Дети постарше должны следить за малышами. И чтобы все держались в одном месте, которое мы будем по утрам тщательно осматривать.

Керрик почувствовал, что голоден, и направился к костру Ненне. Его женщина, Матили, всегда была рада ему. Она великолепно пекла мясо на углях, обмазывая его глиной, так что внутри затвердевшей корки оно становилось мягким и сочным. К мясу она подавала на небольших тарелках пасту, сделанную из фруктов, растертых с солью и жгучим перцем, чтобы обмакивать мясо. Это было так вкусно, а теперь он был голоден.

Но, когда он подошел к костру, Матили холодно глянула на него и сделала жест, которого он прежде не видел: ладонь ребром легла на нос между глазами. Он заговорил, а она не ответила и удалилась в комнату, где они с Ненне спали. Это было непонятно, и Керрик хотел было уйти, когда появился Ненне.

— Надеюсь, ты не голоден, Керрик, — мяса нет, — проговорил он, отворачиваясь, что было на него не похоже.

— Что случилось с Матили? — спросил Керрик. — И почему она сделала так рукой?

Он повторил ее жест. Но, как иилане', он воспринимал жест руки, как продолжение движения всего тела, всех конечностей. И, не замечая того, на миг опустил плечи и прикрыл грудь ладонью женским беспомощным жестом, даже расставил ноги, как это делала Матили. Всего этого вихляния телом Ненне не понял, как не понимал многого в Керрике. И все это

ему не понравилось, хотя свои чувства он решил держать при себе. Нужно все сказать Керрику, он должен понять.

— Идем, я попытаюсь тебе объяснить.

Они зашли под деревья, чтобы их никто не услышал.

— Виной всему твои вчерашние слова. Ты говорил с мандукто, кричал, и тебя слышали. Матили передали твои слова. Этим жестом глупые женщины отгоняют Карогниса прочь.

Керрик был озадачен.

— Мои слова... Карогнис... не понимаю.

— Карогнис зол, злы мургу, и взгляд его не должен падать на нас, чтобы не страшась беда.

— Но я-то какое отношение имею к Карогнису?

— Некоторые говорят, что Карогнис разговаривает твоим языком. Твои слова о Кадайре услышали. Не нужно было их говорить.

Керрик посмотрел на мрачное лицо Ненне и понял, что охотник чувствует сейчас то же самое, что и Матили, хотя будет отрицать это. Саску слушали мандукто и понимали их, когда те говорили о живом мире, о том, как Кадайр сотворил его и как познать все в этом мире. В этом они были подобны тану, считавшим живыми не только животных и птиц, но и деревья, и реки... Они знали, кто породил жизнь, и упоминали Ерманпадара с глубочайшим почтением. Керрик всегда забывал об этом, он вырос, не зная строгой веры саску и тану. И попытался объяснить.

— Я говорил в гневе, в страхе. Скажи Матили, что это не я говорил, я вовсе не хотел сказать ничего такого.

— Мне пора.

Ненне повернулся и молча ушел. Теперь было понятно, он верит, как и женщины. Керрик сдержал вспышку гнева: любые слова, сказанные вслед удалявшемуся, только усугубили бы их размолвку. Но он ненавидел их глупость.

Они же просто устузоу...

Да, но откуда взялась эта мысль иилане', которой не должно было быть? Он ведь и сам устузоу, а вовсе не иилане'!

С этой мыслью он пошел в ханане узнать, как поживают самцы. Он был тану, но в этот миг ощущал себя иилане'.

— Скучно, — сказал Надаске' и добавил жест спаты-навеки. — Мы все время здесь, но никто не приходит навестить нас. Только раз ты вывел нас погулять на солнце, и это было удовольствие. Но ты больше не делаешь этого, и нам остается только разговаривать между собой. И уже просто не о чем говорить, ведь дни так однообразны. Прежде ты разговаривал с нами, но теперь дела мешают тебе бывать с нами.

— Но вы же живы, — раздраженно ответил Керрик. — Разве это вас не радует?

Надаске' отвернулся, сделав жесты женственности и недоумения. Керрик улыбнулся — самец намекал, что он груб, как самка. Вот и женщина совсем недавно прогнала его от своего очага. И он еще не ел. Он огляделся. Аппетит у самцов был переменчив, и со вчерашнего дня оставался большой кусок консервированного мяса. Схватив его, Керрик впился в него зубами. Имехеи взвыл.

— Мы умрем здесь под замком, умрем с голода.

— Не будь глупым. — Керрик сделал жесты, изображающие глупость и равенство, и ощутил неловкость — последний из них использовался только среди самок. К тому же эта парочка воспринимала его как доминирующую самку. Он внезапно разозлился: неужели теперь он никому не нужен?

— Вейнте' вернулась, — сказал он. — Они где-то неподалеку.

Самцы загорелись вниманием, стали просить прощения за дурной нрав, заверяли в своей преданности, просили информации. Он побыл некоторое время с ними — общение с ними доставляло ему удовольствие, все-таки между ними было немало общего. С ними он мог беседовать на сложном языке иилане'! И мог не вспоминать о Кадайре, Карогнисе и Ерманпадаре тоже. Здесь он забывал о своих заботах.

Ушел он после полудня и вернулся перед наступлением тьмы. Он прихватил с собой мясо. Все трое с удовольствием поели.

Но за радостью темной тучей стояло грядущее. Вейнте' неподалеку, и смерть между ее большими пальцами. Ядовитые лианы будут расти на солнце, маленькие ящерицы побегут, разнося смертоносные семена. Будущее было неизбежно и страшно.

Глава тринадцатая

Когда настала весна и потеплело, а зимние бури утихли, к югу от города началась бурная деятельность. Ядовитые колючки все чаще попадались на подступах к городу, но по неизвестным причинам в самом городе их не находили. Похоже было, что иилане' готовились к нападению, опробовали эффективность всех предпринятых мер и теперь только дожидались условленного сигнала. Но дни проходили, никаких тревожных признаков не было, и Керрик начал сомневаться в своих опасениях. Не то чтобы он совсем успокоился, просто страхи как бы отодвинулись. Он понимал, что последняя битва непременно когда-нибудь разразится. Где-то там затаилась Вейнте'. И она не остановится, пока не погибнут все тану. Поэтому, не обращая внимания на протесты, Керрик распорядился, чтобы подходы к городу караулили денно и нощно, а вооруженные патрули совершали вылазки к югу и к северу в поисках признаков деятельности иилане'. Керрик всегда возглавлял отряды, отправлявшиеся на юг. Он был уверен — нападение последует именно оттуда, но на берегу они видели только стену ядовитой зелени, медленно выбрасывавшую отростки. Но однажды жарким полднем, возвращаясь из очередной вылазки, он увидел на тропе поджидавшего его Ненне.

— Пришел охотник с севера, пришел тану, он говорит, что будет разговаривать только с тобой. Саноне ходил к нему, но охотник не стал говорить с мандукто. Он твердит, что его слова предназначены для тебя одного.

— Ты знаешь, как его зовут?

— Это саммадар Херилак.

Когда Ненне выговорил это имя, предчувствие холодной волной охватило Керрика. Армун... Что-то случилось с Армун. Для страха еще не было причины, — но власть его была так сильна, что руки Керрика затряслись.

— Херилак пришел один? — спросил он, застыв на месте.

— С ним никого нет, но мы заметили, что за городом его ждут другие охотники.

Один, остальные прячутся в лесу. Зачем это? И Армун... Что случилось с ней? Ненне ждал отвернувшись, чтобы не видеть, как на манер иилане' дергается тело Керрика, отражая его эмоции. Сделав усилие, Керрик взял себя в руки.

— Пойдем к нему... побыстрее.

Пыхтя и обливаясь потом от жары, они трусили по городу. Херилак ожидал их посреди амбесида. Он опирался на копьё, но, заведя Керрика, выпрямился и заговорил, не дожидаясь, пока тот подойдет.

— Я пришел к тебе с просьбой. Наши стреляющие палки...

— Поговорим о них потом, сперва расскажи об Армун.

— Ее нет со мной, — мрачно ответил Херилак.

— Я вижу, Херилак. С ней все в порядке? А с ребенком?

— Я не знаю об этом.

Предчувствия Керрика оправдались. С ней что-то случилось. Он гневно потряс своим хесотсаном.

— Говори понятнее, саммадар. Ты взял Армун в свой саммад и обещал мне оберегать ее, не так ли? Почему же ты теперь говоришь мне, что не знаешь о них?

— Потому что она сбежала. Одна, хотя я запретил ей это делать и приказал всем не помогать ей. В том, что Армун сделала, виновата только она сама. Впрочем, охотник Ортнар послушался меня и помог ей. Это было в прошлом году, в это же время. Теперь он в другом саммаде. Я послал следом за ней охотников, но они не сумели найти ее. Теперь поговорим о других делах...

— Мы будем говорить об Армун. Она просила тебя помочь ей, но ты отказал. И теперь говоришь мне, что она сбежала. Куда она отправилась?

— Она ушла на юг... к тебе. Она должна быть здесь.

— Ее нет, она сюда не приходила.

Слова Херилака обдавали Керрика зимним холодом.

— Значит, она погибла в пути. Поговорим о другом.

Глаза Керрика застлал кровавый туман гнева и ненависти, трясущимися руками он поднял хесотсан и прицелился в Херилака, который невозмутимо глядел на него, опершись на копьё. Покачав головой, Херилак сказал:

— Если ты убьешь меня — она от этого не оживет. Тану не убивают тану. Есть и другие женщины.

Другие женщины. Два этих слова обескуражили Керрика, и он опустил оружие. Нет для него иной женщины, кроме Армун. А она мертва. И нечего винить Херилака. Виноват только он сам. Если бы он тогда вернулся, Армун осталась бы в живых. А теперь все. И даже говорить не о чем.

— Ты хотел говорить о стреляющих палках, — проговорил Керрик безжизненным голосом. — Что тебе нужно?

— Они умерли, все до одной. Зимой, от холода. Мы пытались согреть их, но многие погибли еще в первую зиму. А теперь нам приходится идти на охоту в земли мургу — на севере дичи не стало. И нам нужно много стреляющих палок. Они нужны, чтобы саммады выжили. У вас они есть. Ты поделишься?

— У меня их много, мы выращиваем новые. Где же саммады?

— Они с мастодонтами остались на севере, на берегу, и ожидают. Половина охотников охраняют их, половина ждет неподалеку в лесу. Я пришел один. Я подумал, что ты убьешь меня, и не захотел, чтобы они видели, как это случится.

— Ты был прав. Но я не дам тебе палки, чтобы вы охотились на равнине.

— Что? — Херилак гневно потряс копьём. — Ты отказываешь мне... отказываешь саммадам? Ты мог

взять мою жизнь, если бы захотел. Я бы отдал тебе ее за саммады. Но почему ты отказываешь?

Не владея собой, он замахнулся копьем, и Керрик, холодно улыбаясь, заметил:

— Тану не убивают тану — не замахивайся. — Он подождал, пока Херилак справится с гневом и опустит копье, и заговорил снова: — Я сказал, палок для охоты на равнинах я вам не дам. Городу угрожает опасность, чтобы защитить его, нужны охотники. Здесь все саску. Однажды они помогли тану, и теперь я прошу тебя в свой черед помочь им. Оставайтесь и помогите. Палок хватит на всех.

— Я не могу решать. Есть и другие саммадары. А что скажут сами саммады?

— Веди всех сюда. Пусть решают здесь.

Херилак гневно нахмурился, но выбора не оставалось. Наконец он повернулся и зашагал назад мимо Саноне, даже не взглянув в его сторону.

— Неприятности? — спросил Саноне.

Неприятности... Армун мертва. Керрик просто не мог осознать этого. С трудом он проговорил:

— Сюда идут саммадары тану. Я сказал им, что если тану хотят получить стреляющие палки, то пусть остаются в городе. Они приведут с собой саммады. Вместе мы сумеем помочь друг другу... иного пути нет.

...Другого пути действительно не было. Саммадары вели долгие и гневные речи, дымили трубками, передавая их по кругу. Они останутся — куда им деваться. Керрик не участвовал в обсуждении и даже не обращал внимания на сердитые взгляды, которые они устремляли в его сторону, услышав про ультиматум. Какое дело ему до их эмоций. Тану и саску останутся здесь, они уйдут отсюда только если их прогонят. Наконец ход его тревожных и гневных мыслей нарушил оказавшийся перед ним охотник. Керрик даже не сразу понял, что это Ортнар. Но, узнав его, он жестом пригласил охотника сесть рядом.

— Садись сюда, в тень, и поведай мне об Армун.

— Ты говорил о ней с Херилаком?

— Он сказал, что велел ей оставаться в стойбище и приказал всем не помогать ей. Но ты помог. Почему?

Лицо Ортнара стало печальным. Он заговорил тихим шепотом, опустив голову, длинные волосы закрыли лицо.

— Керрик, все это просто раздирало меня на две части и теперь еще не перестало тревожить. Херилак был моим саммадаром, только мы с ним уцелели из всего саммада, который погубили мургу. Такую привязанность трудно разрушить. И когда Херилак распорядился, чтобы Армун не помогали, я согласился — слова его были справедливы. Долог путь сюда и опасен. Но когда Армун попросила моей помощи, я почувствовал, что права и она. И пока мысли эти спорили во мне, по глупости своей я оказал ей только половину той помощи, в которой она нуждалась. А надо было помочь во всем, надо было проводить ее. Я понял это. А тогда я показал ей дорогу и отдал свою стреляющую палку. Какая же это помощь?

— Другие вовсе не помогли. Ты оказался ее единственным другом, Ортнар.

— Я обо всем рассказал Херилаку. Он ударил меня, и я без памяти провалялся два дня — так мне потом сказали. Вот сюда. — Пальцы Ортнара нащупали шрам на макушке. — Я более не принадлежу к его саммаду. С того времени мы не сказали друг другу ни слова. — Подняв голову, Ортнар не дал ему перебить себя: — Я сказал это, чтобы ты знал обо всем, что случилось. Когда мы пошли на восток, я повсюду искал следы Армун. И ничего не обнаружил — ни обглоданных костей, ни скелетов твоей женщины и твоего сына. Они ушли втроем: Армун, твой сын и мальчишка, которого она приютила. Но следы должны были остаться. Я расспрашивал всех попадавшихся по пути охотников — их не видел никто. Наконец мне попался охотник, что выменивает каменные ножи на меха, — он торговал на севере с парамутанами. И он говорил, что видел среди них светловолосую женщину тану с двумя детьми.

Керрик вскочил и обнял его за плечи.

— Понимаешь ли ты, что говоришь, понимаешь?
Ортнар улыбнулся и кивнул.

— Знаю. Я пришел на юг, чтобы и ты узнал об этом. А теперь я уйду на север к парамутанам, чтобы отыскать Армун.

— Нет, не надо.

В одно мгновение все переменялось для Керрика. Он выпрямился, словно огромная тяжесть упала с его плеч. И будущее вдруг протянулось вдаль ясной тропой — словно следы Кадайра, о которых все твердил Саноне. Он поглядел мимо Ортнара, на тропу, уходящую к северу.

— В этом нет нужды — я сам пойду туда. Пусть саммады останутся здесь — город надо защищать. Херилак умеет убивать мургу, и ему не нужны мои наставления. Я отправлюсь на север и разыщу ее.

— Ты пойдешь не один, Керрик. У меня теперь нет саммада. Веди, и я последую за тобой. Два копыта сильнее одного.

— Ты прав, не хочу тебе возражать, — улыбнулся в ответ Керрик. — Ортнар куда лучший охотник, чем я. Нам придется голодать, если положимся только на мой лук.

— Мы пойдем быстро, чтобы не терять времени на охоту. Если у тебя есть еще мясо мургу, возьми его с собой.

— Его много. Саску предпочитают свежее.

Керрик давно обнаружил большой запас консервированного мяса и носил его самцам в ханане. Что теперь ждет их? Верная смерть? Они заслуживают лучшей участи. Придется подумать и об этом. Придется многое решить.

— Мы уйдем утром, — сказал он, — встретимся здесь, когда рассветет. К этому времени саммадары должны прийти к соглашению, ведь выбора у них нет.

Керрик отправился в ханане, затворил за собой тяжелую дверь и громко крикнул свое имя. По коридору к нему уже торопился Надаске', цепляясь когтями за плетеный пол, на ходу он делал движения радости и приветствия.

— Дни без числа миновали, одиночество и голод уже терзают нас.

— Ну-ну, не буду спрашивать, что больше вас беспокоит, скука или голод. Скажи мне, где Имехей? Есть важный разговор. Мне придется покинуть город.

— Покинуть?! — взвизгнул Надаске', жестами давая понять, что умрет от отчаяния. Тут подоспел Имехей.

— Я не хочу, чтобы вы умерли, — сказал Керрик. — И не надо подражать глупым фарги, лучше слушайте. Сейчас мы пойдем по городу. Саску не обратят на вас внимания — они уже видели нас втроем, им приказано не трогать вас. Своему мандукто они повинуются куда лучше, чем вы мне. Мы выйдем за пределы города. А потом вы пойдете на юг, пока не увидите остров, о котором я вам говорил. Там вы найдете иилане' и урукето. Там устузоу вам не будут угрожать.

Переглянувшись, Надаске' и Имехей выразили согласие и решимость. Показав жестом, что выражает общее мнение, Надаске' сказал:

— Мы говорили. Многие часы в одиночестве мы говорили. Мы видели город и в нем устузоу, мы ходили по его улицам, и мы говорили. Как это странно, когда рядом нет самок, только устузоу Керрик, самец и самка одновременно. Очень странно. Мы дивились всему увиденному. И наши глаза были круглыми, как у фарги, только что вышедшей из моря. Ведь мы видели, что устузоу живут в нашем городе, как иилане'. Но самое странное — это самцы устузоу с хесотсанами и самки с детенышами. Мы говорили и говорили об этом.

— Ты много болтаешь, — перебил его Имехей. — Мы не только говорили, мы решили. Мы решили, что не хотим отправляться на пляжи. Мы решили, что не хотим даже видеть этих больно-царапающихся-грубых-самок иилане'. Мы не хотим на юг. — Они одновременно выразили жестами решимость.

Керрик удивился.

— Я не ожидал такой смелости. Я никогда не видел таких смелых самцов.

— А ты и не мог видеть, ведь всю свою жизнь мы проводим в ханане, — ответил Надаске'. — Но мы ведь тоже иилане', как и самки.

— И что же вы собираетесь делать?

— Мы останемся с тобой. Не пойдем на юг.

— Но я завтра утром оставляю город. Я иду на север.

— Значит, и мы пойдем на север. Все лучше, чем в ханане и на пляжах.

— Но там холодно, на севере вас ждет верная смерть.

— Она ждет нас и на теплых пляжах. А так мы хоть увидим что-нибудь кроме стен ханане, прежде чем погибнем.

Глава четырнадцатая

Керрик мало спал в эту ночь: нужно было многое обдумать. Саммады придут на юг. Об этом уже договорились, и охотники с новыми хесотсанами утром должны будут отправиться за семьями. Если охотники останутся тут, город будет в безопасности... насколько это вообще возможно. Теперь Керрик может обратиться к нему спиной. И подумать о собственном саммаде. Он оставил Армун с саммадами, а она сбежала к нему. Он и думать не хотел, что она могла погибнуть: она жива, она на севере, иначе не может быть. Он отыщет ее — Ортнар поможет — отыщет среди парамутанов. Они найдут Армун и ребенка... Значит, остается только один предмет для заботы. Два самца иилане'.

Почему он так печется о них? Ведь они ничего не значат для него. Неправда, они значили для него многое. Всю свою жизнь они провели в заточении, как он сам когда-то. Пусть его привязывали за шею — он невольно прикоснулся к металлическому кольцу, — а их запирали в ханане. Одно и то же. И все-таки у них нашлась смелость отправиться в мир, о котором они ничего не знали. Они были готовы пойти за ним, потому что верили в него. Они хотели жить в его саммаде. При этой мысли он расхохотался в темноте. Ничего себе саммад! Саммадар, не способный попасть в цель стрелой из лука, охотник с дырой в черепе, проломленной прежним саммадаром, женщина, ребенок да два перепутанных марага! Такой саммад воистину может вселить страх в сердца... если только не в сердце самого саммадара.

Но что еще можно сделать с этими несчастными беспомощными созданиями? Оставить их в городе —

означало обречь на верную смерть. Уж лучше самому убить их, чтобы не мучились. Они не хотят возвращаться к самкам иилане'. Это понятно. Но если они пойдут с ним на север, то погибнут в снегах. Что же делать? Взять их с собой? А что потом?

Он уже придумал, что именно следует предпринять, и чем более размышлял об этом, тем удачнее казалась ему эта идея.

Ортнар ожидал его на амбесиде с оружием, все пожитки охотника были собраны в аккуратный тючок за спиной.

— Выйдем попозже, — сказаd Керрик. — Оставь здесь свои вещи, пойдем вместе, я хочу поглядеть, как нам лучше идти на север.

Они отправились к уцелевшей модели окрестностей города. Керрик принялся внимательно разглядывать ее.

— Зачем? — брюзжал Ортнар. — Я знаю путь. Много раз ходил этой дорогой.

— Мы пойдем другим путем, по крайней мере сначала. Скажи мне, Ортнар, будешь ли ты повиноваться моим приказам, даже если они тебе не понравятся или же отправишься искать себе другой саммад?

— Возможно, когда-нибудь так и будет, ведь охотник повинуетса саммадару, если только тот прав. Но не сейчас. Сперва нам надо разыскать Армун и твоего сына. Я знаю, что неправильно поступил, когда отказал ей в помощи. И поэтому я буду следовать за тобой, пока мы не найдем их.

— Твердые слова, и я верю им. Скажи мне, пойдешь ли ты со мною на север, если с нами отправятся два самца мургу?

— Что мне до них. Они и так погибнут в снегах.

— Хорошо. Тогда выйдем после полудня, когда уйдут охотники. Боюсь, как бы напоследок тану не решили потешиться и попробовать свои новые стреляющие палки на этих самцах.

— Я бы и сам был не прочь... если бы ты не был моим саммадаром.

— Охотно верю. Давай прихватим с собой побольше мяса мургу. Если тебя спросят, зачем мы берем на север мургу, отвечай, — чтобы несли мясо и не надо было

останавливаться для охоты. Скажи им, что мы убьем самцов, когда мясо кончится и они станут не нужны.

— Понимаю тебя, саммадар. Хороший план. Если хочешь, сам убей их, когда настанет время.

Они направились в ханане, где оба иилане' с большим испугом усталились на незнакомого устузоу.

— Будьте самцами, — приказал им Керрик. — Мы отправимся путешествовать вместе, и вы должны привыкнуть друг к другу. Это Ортнар, следующий за мной.

— Но он ужасно пахнет гибелью-дымом, — деликатно пояснил Имехеи.

— А ему кажется, что у вас изо рта дурно пахнет сырым мясом. Но стойте смирно, пока я прилажу вот это.

Ортнар смастерил из кожи тючки для мяса — и иилане' взвыли от тяжести.

— Молчать! — приказал Керрик. — Или я добавлю еще. Вы подобны еще влажным фарги и никогда в жизни не работали. За пределами ханане столько дел, и вам придется поучаствовать в них. Или же вы предпочтете отправиться на юг... на родильные пляжи?

Недовольные умолкли, хотя Имехеи жестами выражал крайнюю ненависть, когда Керрик, по его мнению, смотрел в сторону. Хорошо. Чуть посердиться вовсе не вредно. Надаске' повернулся к нише в стене, извлек оттуда металлическую фигурку ненитеска, когда-то сплетенную покойным Алиполом.

— Куда мы, туда и она, — твердо проговорил Надаске'.

Керрик сделал знак согласия.

— Получше заверни и положи в свой тюк. И оставайтесь здесь с этим устузоу; пока я не вернусь, — велел Керрик и, повернувшись к Ортнару, заговорил с ним на марбаке. — Я иду за вещами и оружием. Побудь с ними до моего возвращения.

— С ними? — Ортнар озабоченно потянулся к копыю. — У них и зубы, и когти... к тому же их двое, а я один.

— Они боятся тебя куда больше, чем ты их. Побудь с ними без меня какое-то время. Недолго.

— Горе нам, смерть пришла, — застонал Надаске'. — Когда ты выйдешь за дверь, этот устузоу

пронзит нас своей палкой. И я пою предсмертную песню...

— Молчать! — приказал Керрик, как могущественнейшая из высших приказывает нижайшей. — Я повторю тебе то, что сказал ему. Побудьте вместе. Все вы повинуетесь мне. Вы оба — мои фарги. И устузоу тоже моя фарги. Вы будете друг другу эфенселе. Это будет нашим эфенбуру.

Пересказав то же самое Ортнару, Керрик ушел.

Возле ханане его поджидал Саноне.

— Ты покидаешь нас, — сказал саску.

— Я вернусь вместе с Армун.

— Все мы идем путями Кадайра. Ты пойдешь один?

— Ортнар идет со мной. Он хороший охотник и знает все пути. Мы берем с собой мургу, чтобы несли мясо.

— Хорошо. После твоего ухода я не мог бы поручиться за их жизнь. Мы будем ожидать здесь твоего возвращения.

На сборы ушло немного времени, собственно, собирать было нечего. Прочное кольцо всегда было на шее. Оба ножа — и большой, и маленький — висели на груди. На севере ему понадобятся все шкуры, какие есть. И Керрик тщательно увязал их, привязал к своему тюку и взвалил его на плечи.

Вернувшись в ханане, он обнаружил, что крохотный саммад его не уменьшился; правда, Ортнар жался к одной стене, оба иилане' к другой. Увидев Керрика, все трое с облегчением зашевелились.

Весть облетела всех, и поглядеть на странную процессию собрались едва ли не все саску. Не глядя по сторонам, Керрик шел первым, позади ковыляли согнувшиеся под грузом самцы, — страх чувствовался в каждом движении их тел. Последним шел Ортнар, на лице которого было написано явное желание оказаться где-нибудь в другом месте.

На плече у него, как и у Керрика, было два хесотсана — на случай, если одно оружие погибнет. Они прошли через весь город к северному выходу, мимо пасущихся ненитесков, кроткими глазами глядевших им вслед. Отойдя довольно далеко от города, Керрик по-

зволил всем передохнуть. Ортнар остановился, а оба самца сразу повалились на землю, извиваясь от усталости и отчаяния.

— Смерть лучше. Лучше родильные пляжи!

— Ханане — дом наш родной...

— Тихо, негодные самцы! — скомандовал Керрик. — Передохните, потом отправимся дальше.

— Почему они так трясутся и стонут? — спросил Ортнар.

— Они как дети. Эти двое никогда не выходили из города, никогда не работали, да и тяжестей не таскали.

— Разве это тяжесть, — презрительно буркнул Ортнар. — Похоже, эти уроды обладают достаточной силой. Пусть поработают, пока еще живы.

— Они — мои друзья. Я не хочу убивать их.

— Тогда за тебя это сделает зима. По-моему, это одно и то же.

— Нет, будет иначе. Помнишь, когда мы разглядывали схему этой земли, большое озеро к северу отсюда?

— Мы зовем его Круглым. Я бывал там.

— Хорошо. Сначала мы пойдем к нему, а ты покажешь дорогу.

Из-за стеноющих Надаске' и Имехеи до озера они добрались только на третий день. С юга к озеру примыкало болото, но Ортнар знал тропинку в обход.

— Здесь неплохая рыбалка, — сказал Ортнар, — и охота тоже.

— Тем лучше, — ответил Керрик, — мы оставим здесь мургу с запасами мяса, дальше пойдем одни. Так будет быстрее.

— А мы не убьем их? Почему бы тебе не сделать этого?

— Я не стану убивать их — это мои друзья. Они из моего саммада. И ни разу не просили, чтобы я убил тебя.

Ортнар не унимался:

— Но ты же тану, а это всего лишь грязные мургу. Пожалуйста, я могу убить их сам, чтобы избавить тебя от хлопот.

— В какой-то мере я тоже до сих пор грязный мараг, не забывай этого, Ортнар. Я ведь вырос среди них, и

мне они кажутся иными. Забудь ненадолго про свою ненависть. Помоги мне устроить их в безопасном месте, а потом отправимся дальше.

Ортнар глянул в сторону мургу: один из них как раз зевнул, обнажив остроконечные зубы.

— Если ты хочешь этого, саммадар, я помогу тебе. Но скажу честно: я не понимаю тебя, и мне не нравятся твои поступки.

— Я благодарен тебе за помощь и больше ничего не прошу. А теперь я скажу им, что мы решили.

Керрику пришлось подождать, пока страдальческие вопли не превратились в стоны отчаяния. Потом он велел самцам замолчать.

— Кто вы, мокрые-из-океана фарги или бесстрашные самцы? Здесь вы можете жить, не зная самок и ханане. Здесь вы будете сильными и независимыми. Мы соорудим для вас укрытие от дождя. И обучим вас ловить рыбу и охотиться. Когда я вернусь с севера, то заберу вас отсюда. Но для этого вам придется постараться остаться в живых. — Оба задрожали от страха. — А вот любая самка смогла бы жить здесь, — ехидно добавил Керрик.

Ортнар нарезал ветвей для шалаша. Иилане' с интересом следили за его действиями.

— И я тоже могу это сделать, — заметил Надаске'. — У устузоу такие неуклюжие руки — всего один большой палец.

— Попробуй, — предложил Керрик, передавая ему свой кремневый нож.

Заметив это движение, Ортнар с опаской отпрыгнул, выставив вперед руку с ножом. Керрик вздохнул.

— Ортнар, будет только лучше, если они сами соорудят для себя укрытие. Думаю, что твоя ловкость нашла бы куда лучшее применение, если бы ты взял стреляющую палку и добыл нам свежего мяса.

— Хорошо, — согласился Ортнар, с явным удовольствием оставляя их общество.

Надаске' и Имехей тоже были довольны этим.

— Гневливый-необщительный, — сказал Имехей. — Я боюсь каменного зуба на его палке.

— Он отправился на охоту добывать для нас мясо. Давайте закончим тем временем эту работу. Возьмите мой каменный зуб и нарежьте еще ветвей, чтобы крыша укрытия была плотнее. Но сперва я открою вам секрет хесотсана, чтобы вы сумели защищаться и добывать свежее мясо. В озере довольно рыбы и ракушек, их легко поймать, если знать, как это делается.

Керрик закончил инструктаж задолго до возвращения Ортнара. Он понимал, что охотник будет вполне однозначным образом реагировать на оружие в руках иилане'. Поэтому он упрятал хесотсан в глубине шалаша и сейчас давал самцам последние наставления.

— Консервы ешьте, лишь когда не добудете ни мяса, ни рыбы — надолго их не хватит.

— Боль-в-руках, усталость-тела, — вздохнул. Надаске'.

Имехеи согласился с ним, давая об этом знать расцветкой ладоней. Керрик сдержал раздражение.

— Убедительно-требую полного внимания. Вы должны поступать, как я вам велел. Иначе умрете с голоду. Умрете медленной смертью: похудеете, кожа станет свисать складками, зубы раскрошатся, а потом выпадут... — Страдальческие стоны и жесты покорности свидетельствовали, что его слушают с вниманием. — Но этого не случится, если у вас хватит ума, — здесь много дичи. И самое ужасное для вас: если вы не будете соблюдать предосторожности, вас могут заметить самки. — Теперь самцы притихли и глядели на него округлившимися глазами. — Вы знаете, есть такие птицы, которые летают повсюду и приносят самкам картинки. Старайтесь оставаться в укрытии. И следите за всеми крупными птицами. Когда листья на шалаше засохнут, забросайте крышу свежими ветками. Будете поступать, как я велел, вас тут никто не разыщет и не вернет в ханане и на пляжи.

...Керрик с Ортнаром ушли на рассвете, самцы следили за ними круглыми, испуганными глазами. Но они сами сделали свой выбор. Керрик дал им все, что мог, снабдил и оружием, и пищей. Оставалось только надеяться, что они научатся охотиться еще до того,

как у них выйдет все консервированное мясо. Кроме того у них всегда оставалась возможность, которой вовсе не было у тану. Они могли вернуться к своим. Хватит. Он и так сделал для них все, что мог. А теперь пора подумать о себе, о долгом пути, лежащем перед ним. Об Армун, которая ждет не дождется его на дальнем севере.

Озеро и шалаш на берегу скрылись за поворотом тропы.

Глава пятнадцатая

*Efenabbu kakhalabbu
hanefensat sathanapte!*

*Жизнь уравнивает смерть
подобно тому, как море уравнивает
небо. Если убиваешь жизнь — убиваешь
себя!*

Так говорила Угуненапса

Энге сплела для себя тент из широких пальмовых листьев и привязала его к стволам деревьев, чтобы не попасть ночью под дождь. Здесь, на берегу Энтобана, начиналось время дождей, и почва под деревьями не просыхала. Чтобы не сидеть на влажной земле, Энге соорудила помост из ветвей и теперь восседала на нем, обратившись лицом к солнечной поляне. В воздухе прямо перед ней порхали крупные, ярко раскрашенные стрекозы, чуть ли не в локоть длиной, но Энге не замечала их. Она вглядывалась в себя, вспоминала слова Угуненапсы, пыталась увидеть многочисленные истины за внешней их простотой. Перед ней в тыкве-горлянке стояла вода, принесенная из ближайшего ручья, а также еда, которую подруги принесли из города. Сейчас, когда она размышляла над словами Угуненапсы, ей и не нужно было больше ничего. Она была так рада этой возможности. Теплый день сменялся новым теплым днем, а она все размышляла и ни о чем не просила.

Она настолько углубилась в себя, что даже не заметила, как из лесу вышли Эфен и Сатсат и пересекли поляну. Только когда их фигуры заслонили от Энге чистое небо, она пришла в себя.

— Вы здесь, — произнесла Энге, приветствуя их большими пальцами.

— Мы принесли тебе свежего мяса, Энге, — сказала Сатсат. — То, что перед тобой, протухло от жары.

Энге опустила один глаз.

— В самом деле. А я и не заметила.

— Не заметила и даже не съела ни кусочка. Твоя плоть умирает, уже все ребра можно пересчитать. Есть значит жить.

— Я питалась словами Угуненапсы, приобщалась к жизни, исполненной безграничного великолепия. Но ты права, плоть тоже хочет жить. Расскажите мне о городе — и поедем прохладного скользкого мяса. — Она приготовилась внимательно слушать.

— Как ты и велела, мы смешались с фарги и прошли весь город, чтобы увидеть жизнь Йибейска. Через амбесид протекает ручей, а над ним проложено множество золотых мостиков, фарги так и роятся на амбесиде. Поля возле города богаты животными без счета, в гавани снуют урукето, солнце греет... восхитительный город.

— А что слышно о Дочерях Жизни? Есть ли они в городе?

Эфен осела на хвост с чувством печали и сожаления. Сатсат последовала ее примеру.

— Я сначала говорила о дневном, чтобы скрасить темноту ночи. Дочери живут в этом городе, мы их видели, но не могли с ними поговорить. Они работают в садах за высокой стеной из ядовитых шипов. Каждый день они приносят плоды к выходу, но выйти оттуда не имеют права. Вокруг многочисленная стража. Когда мы спросили, нам ответили, что внутри Дочери Смерти, больше спрашивать не разрешили и велели немедленно уйти. Когда Омал услышала это, она прикоснулась к нашим большим пальцам и велела отнести тебе это известие. Те, кто внутри, должны знать учение Угуненапсы, все истины, которые мы познали. Омал сказала, что ты поймешь; она подошла к стражникам и заговорила с ними, но ее бросили на землю и потом отправили за колючие стены.

Энге поехала, представив себе творимое во имя жизни насилие, сопровождая мысли знаками глубочайшего понимания.

— Омал — сильнейшая из нас, и будь у меня ее сила, я поступила бы точно так же.

— Это твоя сила, Энге, направляет всех нас. Она понимает твоё стремление, знает, что ты придешь. И потому заняла твоё место, чтобы ты не попала в заточение. Ты должна быть на свободе, чтобы проповедовать слова Угуненапсы.

— Так я и поступлю, и Омал будет свободна. Расскажи мне об эйстаа.

— Ее все любят и уважают, — сказала Сатсат. — Каждая может обратиться к ней на амбесиде, если есть необходимость.

— Есть необходимость, — повторила Энге, вытирая рот от остатков мяса. — Эти дни здесь, в тишине и покое, я обдумывала слова Угуненапсы и поняла, как они со всей ясностью могут войти в нашу жизнь. Я думала о том, как донести ее учение до каждой иилане', и ответ оказался невероятно простым. Спрашиваю: почему нас боятся и ненавидят? И отвечаю: потому что верования наши предстают перед иилане' в искаженном виде, как угроза эйстаа и всей пирамиде власти, нисходящей от нее в город. Эйстаа распоряжается жизнью и смертью. Когда право карать смертью исчезает, ей кажется, что власть ее уменьшается. Поэтому я должна поступить следующим образом. Я буду говорить с эйстаа и поведаю ей правду о словах Угуненапсы. Если она поймет, то станет Дочерью Жизни и обнаружит, что власть ее не уменьшилась и не пошатнулась. Вот что я сделаю.

— Не надо! — в отчаянии воскликнула Эфен. Сатсат вторила ей, сопровождая стоны жестами отчаяния. — Нас мало, а их так много. Тебя отправят в сады, и ты погибнешь там.

Энге сделала успокаивающий жест.

— Это говорит боль-от-временной-разлуки, а не сильная Эфен. Что такое любая из нас по сравнению с правдой Угуненапсы? Я только выполняю свой долг. Следуйте за мной на амбесид, но не обнаруживайте

себя. Ждите, наблюдайте, учитесь. Если меня постигнет неудача, вы сможете исправить дело — здесь или в другом городе. А теперь пошли.

И подруги направились вдоль берега, где пролегал кратчайший путь в город. Они с удовольствием наблюдали, как в море резвилась детвора. В одном месте целый эфенбуру высунул головы из воды, глядя на взрослых широкими удивленными глазами. Близилась пора выходить на сушу.

Энге ласково поманила их за собой, но они перепугались и исчезли в волнах. Дальше начинались охраняемые пляжи, и путешественницы остановились на пригорке, часто посещавшемся наблюдательницами. Внизу ленивые самцы нежались на солнце или качались на волнах. Прекрасная и умиротворяющая картина вселяла новые силы.

Амбесид был в точности таким, как его описала Эфен. Чистый ручей пересекал площадь, и многие наклонялись к воде, чтобы напиться. В разных местах над водой висели легкие мостики из сверкающего металла, и самый красивый из них высоко взлетал и опускался к ногам эйстаа, восседавшей на почетном месте. Тело ее было покрыто изящными узорами, а на запястьях, повторяя конструкцию мостиков, змеились витые браслеты из золотой проволоки.

Энге взмахнула рукой, чтобы все отошли, склонилась к ручью, омочила в нем ладонь и стерла пыль с рук и лица, кожа мгновенно высохла на солнце. Высоко подняв голову, она по золотому мосту приблизилась к Саагакель, эйстаа Йибейска, и застыла в выжидательной позе, низшая перед высшей.

— Приветствую тебя в моем городе, — произнесла Саагакель, отмечая силу, которая чувствовалась в прибывшей, и покорность власти эйстаа перед обладающей властью.

Ей это нравилось. Теперь такое можно было увидеть нечасто, даже лучшие ее помощницы использовали формальное обращение нижайшей из низких к высчайшей из высоких.

— Я зовусь Энге, я прибыла из далекой Гендаси, чтобы рассказать тебе обо всем, что там случилось. —

Советницы, окружавшие Саагакель, заохали, заметив жесты, означавшие смерть и разрушение. — Разрешаешь ли ты говорить?

— Говори, ибо все они принадлежат к моему эфенбуру и как ближайшие из близких, должны знать обо всем. За твоей спиной протекает ручей. Так сделано неслучайно. Все могут перейти через него, но остаться здесь можно лишь по моему приказу. Говори открыто, хотя отчаяние твоих жестов гнет меня к земле, точно буря стебель травы.

— Все будет сказано: как Инегбан пришел в Алпеасак, как иилане' приняли бой с устузоу и как погиб великий город.

Лгать Энге не умела, однако описывала события так, как ей было нужно.

— Так погиб город. Огонь испепелил его; все, кто был в городе, умерли.

— Но ты, Энге, здесь, не так ли? И твои слова не были закончены жестом прекращения речи, значит, ты собираешься продолжать. Но прежде чем ты продолжишь, дай мне отпить из водяного плода, я чувствую этот огонь в моем горле. Однажды, когда я была еще молода, мне случилось коснуться огня. Погляди.

Саагакель подняла правую руку, и собравшиеся загудели при виде белых рубцов на месте одного из больших пальцев. Пока она пила, свита забросала Энге вопросами.

— Все погибли?

— Города больше нет?

— Устузоу владеют огнем, говорят и убивают?

Саагакель потребовала молчания. Отложив плод в сторону, она велела Энге продолжать. И все с ужасом слушали ее слова.

— Я сказала тебе, что Вейнте' была моей эфенселе, и обо всех событиях я знаю потому, что сама учила говорить этого устузоу. Я не учила создание ненависти, но оно ненавидит Вейнте' с не меньшей силой, чем она его. Он жив, уцелела и Вейнте' — в числе немногих, спасшихся на урукето. Ведь когда город умер, с ним погибли и те, кого пощадило пламя, — ибо разве мо-

жет иилане' жить, когда погиб ее город? — Потрясенные советницы отозвались одобрительным ропотом, но Саагакель сидела неподвижно и молчала. — Вейнте' осталась жива, потому что она была эйстаа, а эйстаа — это город. Я тоже выжила.

В отличие от советниц, Саагакель поняла ее.

— Скажи мне, Энге, почему выжила ты, или хочешь, чтобы я сделала это за тебя?

— Как тебе угодно, эйстаа. Ты есть город.

— Действительно так. Ты не умерла потому, что ты Дочь Смерти.

— Дочь Жизни, эйстаа, ведь я жива.

Они говорили, стараясь движениями не выдавать эмоций. Советницы остолбенели от неожиданности.

— Слыхала ли ты о наших фруктовых садах? — Энге сделала утвердительный жест. — Хорошо. Есть ли какие-нибудь причины, которые смогут помешать мне немедленно отослать тебя в это место?

— Сколько угодно, эйстаа. Я знаю о Гендаси больше, чем кто-нибудь в Энтобане. Я знаю повадки тамошних устузоу и могу разговаривать с ними через своего ученика, он пощадил меня и спас от остальных устузоу.

— Да, все это интересно. Но все же не настолько, чтобы не отослать тебя в сады — разве ты не согласна?

— Я согласна. Но есть одна причина, по которой ты не должна посылать меня туда. Я знаю жизнь, знаю смерть и выжила, когда умерли остальные. Этим знанием должна обладать и ты, эйстаа, и я могу научить тебя. Ты властна над жизнью всякой иилане' на амбесиде и можешь приказать умереть даже своей эфенселе. Прикажи только — и они умрут. Но это лишь половина всех знаний, которыми ты должна обладать. Жизнь уравнивает смерть, как море уравнивает небо. Я могу научить тебя силе жизни.

Энге умолкла и замерла в ожидании, не обращая внимания на рассерженный ропот советниц, как и сама Саагакель. Она молча глядела на Энге, ничем не выдавая своих мыслей.

— Всем замолчать! — приказала Саагакель. — Я решила. Твои слова достаточно интересны, — но они и

опасны. Ты сама сказала — существование Дочерей Смерти угрожает власти эйстаа. Поэтому нам, эйстаа, не из чего выбирать. — Жестом она подозвала к себе двух советниц. — Схватите смелую иилане', свяжите и отведите в сад. Пусть в моем городе не распространяется эта зараза.

Глава шестнадцатая

В тело Энге впились сильные пальцы — ее схватили, поставили на колени, одна из свиты эйстаа поспешила за путами. Саагакель с достоинством уселась, за спиной ее раздавались возбужденные голоса. Прозвучал приказ всем расступиться, послышался крик боли — кому-то наступили на ногу. Сквозь толпу протиснулась иилане' и застыла перед Энге, глядя на нее сверху вниз.

— Я Амбаласи, — хрипловатым голосом сказала она.

Теперь Энге видела на ее лице морщины, край побледневшего гребня разлохматился от старости. Повернувшись лицом к эйстаа, она в знак великого неодобрения провела когтями ноги по полу.

— В этом нет мудрости, Саагакель. Энге говорит толковые вещи, она может научить многому.

— В речах ее чересчур много толкового, мудрая Амбаласи, чтобы разрешить ей на свободе заражать всех этим ядом. Я уважаю твои великие познания в науке, но здесь речь идет о политике, а в ней я буду руководствоваться лишь своими соображениями.

— Не закрывай свой разум, эйстаа. Учение Дочерей прямо связано с нашей биологической сущностью и имеет отношение к нашему существованию.

— А что тебе известно об их учении? — удивилась Саагакель.

— Довольно многое. Я разговаривала с Дочерьми. Случайно они обнаружили связь тела с разумом, имевшую колоссальную важность для биологии старения и долгожительства. И поэтому я покорно прошу, чтобы арестантка Энге была передана в мое распоряжение для изучения в целях науки. Разрешешь ли ты это?

Хотя все выражения были вежливыми, произнесены они были лишь с внешней формальностью, граничившей с оскорблением, поскольку в обращении к эйстаа ощущались негативные нотки и превосходство во всем, что имеет отношение к науке.

Взревев от гнева, Саагакель вскочила на ноги.

— Оскорбление из оскорблений! Да еще на моем собственном амбесиде! Я всегда уважала твои великие познания, Амбаласи, уважаю их и по сей день, как и почтенный твой возраст. Поэтому я не приказываю тебе немедленно умереть, а просто изгоняю тебя с амбесиды, с глаз моих, и ты вернешься сюда, когда я захочу этого. А лучше — оставь мой город. Ты всегда говорила, что собираешься уходить, все строила планы. Так уходи же подальше, мне надоело слышать об этом. Что же, пора поступать сообразно словам... Исполни же свои угрозы!

— Я не угрожаю. Я уйду, как и хотела. А заодно избавлю тебя от обузы и возьму Энге с собой.

Саагакель тряслась от ярости, в гнев прищелкивая большими пальцами.

— Сейчас же удались от лица моего и не возвращайся. Уходи из города — и не испытывай более моей кротости.

— Ты кротка, как эпетрук, разинувший пасть на добычу. Раз ты считаешь абсолютную власть жизненно важным условием собственного существования, почему бы не опробовать силу ее? Изгони меня из города, прикажи умереть. Интересный получится опыт...

Голос Амбаласи утонул в яростном реве. Саагакель сорвалась с места и застыла над мучительницей с раскрытым ртом и расставленными большими пальцами. Старая ученая стояла, не выказывая испуга, а лишь короткими жестами требуя уважения к возрасту и к науке — в вопросительной манере.

Саагакель вновь нечленораздельно заревела, брызгая слюной и дрожа всем телом. Наконец она справилась с собою и рухнула на трон. Окружающие потрясенно застыли вокруг нее в молчании, вдали топотали донельзя перепутанные фарги, торопливо уносящие ноги с амбесиды. Трое или четверо уже лежали неподвижно на песке — возможно, они были мертвы, — так велик был гнев эйстаа.

Когда наконец Саагакель заговорила, первым жестом она приказала убрать виновных с глаз долой.

— Не желаю их более видеть. Обоих в сады — и немедленно!

Прислужницы с готовностью вцепились в Энге и Амбаласи и повлекли их прочь с амбесида. Там, где эйстаа уже не могла видеть их, конвой пошел медленнее — день был жарок, — не выпуская при этом рук арестанток. Энге было о чем подумать, и она молчала, пока их наконец не втокнули за тяжелую дверь. Когда ее заперли за ними, она обернулась к Амбаласи и жестами выразила свою благодарность.

— Ты всем рисковала, сильная Амбаласи, и я благодарю тебя.

— Я не рисковала ничем. Саагакель не может убить меня словами и не посмеет напасть на меня.

— Да, так оно и вышло. Но я вижу, что ты намеренно разгневала ее, чтобы попасть в тюрьму.

Амбаласи жестом выразила одновременно удовольствие и усмешку, обнажив желтеющие от старости зубы.

— Ты мне нравишься, Энге. Я ценю твое общество. Ты права. Я хотела посетить этот сад, твое прибытие просто на несколько дней поторопило события. В этом городе царит великая скука, здесь нет новых идей, и я удивляюсь, зачем вообще явилась сюда. Наверное из-за тех возможностей, которые представляют здешние лаборатории. Я бы давно ушла отсюда, но тут она начала арестовывать Дочерей Отчаяния.

— Дочерей Жизни, прошу прощения.

— Жизни, смерти, отчаяния — какая разница. Для меня они Дочери Отчаяния, потому что я уже отчаялась продвинуться дальше в своей работе. Довольно давно, когда стены этой тюрьмы едва высадили, меня отправили инспектировать состояние работ. Мне удалось тогда поговорить кое с кем из Дочерей, но их интеллект поверг меня в тоску. Они напомнили мне онетсенсастов, поедающих листья одного только вида деревьев. И, нырнув один раз в темные глубины этой мрачной философии, они с восторгом останутся там навеки и даже не шевельнутся. Ты не такая, Энге, ведь ты и сама это знаешь.

— Скажи, что я должна делать, и я попытаюсь помочь. Итак, я приветствую тебя как Дочь Жизни.

— Не надо. Я не принадлежу к вам.

Энге была озадачена.

— Но ты говорила, что не рисковала ничем, если бы эйстаа приказала тебе умереть. Значит, ты должна верить...

— Нет, я не верю. Я знаю. А это другое дело. Я принадлежу к числу ученых, а не верующих. Чувствуешь разницу? Или подобное не может уложиться в ваши воззрения?

— Меня это не смущает ни в малейшей степени, — ответила Энге с жестом радости-от-мыслей. — Напротив. Я вижу в этом испытание моей храбрости и веры в слова Угуненапсы и готова долго беседовать с тобой обо всем.

— И я тоже. Приветствую тебя в плодовых садах Йибейска, приветствую. А теперь я спрошу тебя. Если освободить тебя со всеми Дочерьми, всех до единой, отправитесь ли вы со мной в город, где вам будут рады? Где вы будете жить на свободе, где вас никто не станет угнетать.

— Мудрая Амбаласи, мы не хотим ничего иного. Мы мечтаем только об этом, и, если ты сумеешь нам помочь, все мы охотно станем твоими фарги.

— Это возможно. Но, прежде чем оказать вам помощь, я потребую у тебя кое-чего. Подумай, прежде чем ответить мне. Когда вы будете на свободе, я потребую от вас покорно отдаться мне для исследования. Я хочу понять сущность этого явления, а струнный нож моих мыслей наносит глубокие раны. — Энге жестом выразила боязнь боли, Амбаласи отрицательно махнула. — Ты не поняла. Я использую мысль, острую, словно струнный нож, им я рассеку вашу философию, чтобы понять, как она действует.

— Я буду рада этому. Я и сама хочу понять нашу природу, а потому охотно приму твою помощь.

— Более чем помощь, Энге. Я могу копнуть так глубоко, что подрюю все корни дерева твоих знаний и выворочу его наружу.

— Если это случится, значит, дерево было мертвым, и мне останется только приветствовать это. Я открою тебе все, до последней подробности.

Амбаласи тронула Энге за руку в знак величайшего удовольствия.

— Тогда решено. А теперь мне следует позаботиться о нашем общем исходе. Поскольку я давно уже решила оставить этот город, то уже приказала помощникам принять все необходимые меры. Через день, самое большое два, все будет готово.

Энге жестом выразила полное непонимание и попросила прощения за это.

— Поймешь, когда придет время. А пока следует кое-что сделать. Среди Дочерей есть одна, с которой мне хотелось бы поговорить. Ее зовут Шакасас<.

— Ты ошибаешься, — ответила Энге. — Шакасас<, быстрое и неуловимое движение, имя, которым мы не пользуемся. Такие имена принадлежат к тому миру, где мы жили до обращения. В знак принятия мудрости Угуненапсы мы принимаем новые имена.

— Я знаю об этом. Однако сомневаюсь, что ваши обращенные забыли свою жизнь до обращения. Позови ее этим именем, и я буду разговаривать с ней так, как она сама захочет.

Энге почтительно повиновалась и обернулась, чтобы отдать распоряжение. Товарки, молчаливым кольцом окружившие их, расступились, и вперед шагнула Омал и поприветствовала ее.

— За той, чье присутствие необходимо, уже послали. Но я рада видеть тебя, жаль, что в тюрьме.

— Забудь о горестях. Эта бесконечно мудрая иилане' может принести нам спасение. А теперь я хочу видеть сестер и узнать каждую.

Пока они приветствовали друг друга, Амбаласи стояла в сторонке и ждала с невозмутимым спокойствием, пока перед нею не остановилась иилане', уважительными жестами потребовавшая внимания.

— Ты и есть Шакасас<? — спросила Амбаласи.

— Я была ею, пока не уверовала. И счастье, которое я обнаружила в словах Угуненапсы, позволяет мне зваться Элем. Что ты хочешь от меня, Амбаласи?

— Ответь мне на один вопрос. Я слыхала, что когда-то ты была в экипаже урукето. Верно?

— Это была моя радость, когда я стала иилане'. Так возник мой интерес к воздушным и морским течениям.

Тайны навигации стали предметом моего изучения и привели к познанию слов Угуненапсы.

— Удовлетворительное объяснение. Теперь скажи мне, кто вами руководит?

— Угуненапса, ведь ее пример...

— Довольно! Я имею в виду вашу работу в этих презренных садах. Кто отдает вам распоряжения?

— Никто, все мы равны.

Амбаласи грубо приказала ей умолкнуть, царапнув когтями ноги по земле.

— Молчи! Ваша Угуненапса и так много наворотила. Есть ли хоть кто-то, кто стоит выше тебя в этой иерархии отупения? Видишь Энге? Может ли она распоряжаться тобой?

— Конечно. Я столько слыхала о ней и ее мудрости, что охотно выполняю ее распоряжения.

— Ну наконец. Поняла. Теперь мы втроем будем говорить. А потом ты останешься возле меня и будешь исполнять мои приказы. Считай, что тебе так велела Энге.

Элем с радостью согласилась, и Амбаласи быстро отпустила ее, прежде чем та вновь обратилась к Угуненапсе.

Островок возле берега Гендаси к югу от Алпеасака был невелик, на нем были только временные сооружения, пригодные только как укрытия от дождя. Только проходные комнаты, в которых работала Укхереб, являли некоторые признаки постоянства. Едва эйстаа Ланефенуу покинула урукето, перенесшего ее через океан, она сразу же направилась сюда. Пояснения эйстаа слушала с явной скукой и нетерпением — ее интересовали только результаты работы, а не подробности. Лишь масиндуу привлек ее внимание.

— Очень интересно, — сказала Ланефенуу. — Ты должна вырастить для меня такого же, чтобы можно было взять его в Икхалменетс. Я еще не видела ничего подобного.

— По очень простой причине, эйстаа, — не скрывая гордости, отвечала Акотолп, — раньше таких не

было. Нам с Укхереб потребовалось поработать над дальнейшим усовершенствованием созданных нами ранее растений. Но с ними почти невозможно иметь дело — такие они ядовитые. И поэтому нам потребовались способности увеличивать, которыми обладает сандуу. Тебе известно это существо?

— Нет, — будто гордясь незнанием, ответила Ланефенуу. — У меня слишком много дел, чтобы тратить драгоценное время на ваших грязных тварей.

— Именно так, эйстаа, — согласилась Акотолп. — Грязное дело эта наука. Предлагаю пояснения. Сандуу увеличивает объекты, для глаза они становятся больше в две сотни раз — это важный научный инструмент. Однако с ним может работать только одна иилане', а мы с Укхереб работали вместе. Поэтому мы и придумали этого масиндуу, которого можно назвать проекционным сандуу. Мы применяем его в микрохирургии, но теперь просто показываем с его помощью свои достижения, не подвергая твое досточтимое тело опасностям.

— Досточтимое тело благодарно за хлопоты. Что это мы видим сейчас?

Акотолп повернула один глаз к ярко освещенному изображению на стене. Солнечный свет, падавший в глазок масиндуу, усиливаясь, создавал яркое изображение.

— Это диатомей, эйстаа, крошечные существа, живущие в морской воде. Мы пользуемся ими для настройки масиндуу. Цвета создаются поляризационным фильтром...

Акотолп умолкла — Ланефенуу жестом обнаружила скуку от излишних научных подробностей.

В комнате стало светло — вошла Укхереб, а следом за нею фарги с подносом, полным картинок.

— Все готово, эйстаа, — сказала она, жестом отсылая оставившую поднос фарги. — Вот последние отпечатки, они продемонстрируют тебе беспримерный успех наших трудов, предпринятых по твоему слову.

— Начинайте, — скомандовала Ланефенуу.

Изображение диатомей сменилось прибрежным ландшафтом. Море лизало белый песок, за пляжем зеленела стена джунглей. Укхереб меняла изображения в масиндуу, и казалось, что берег подступал все ближе.

— Вот берег Гендаси к югу от города Алпеасака. Это место мы выбрали потому, что могли действовать скрытно. Почва и температура здесь такие же, как в городе, так что растения растут в естественных условиях.

— А почему не в самом городе? — спросила Ланефенуу.

— Его захватили устузоу, — ответила вошедшая Вейнте'. — Я была там. Город сгорел не весь, но эти паразиты так и кишат в нем.

— Их ждет смерть, Вейнте', — сказала Ланефенуу. — Я приказала тебе явиться, потому что эти искусные ученые должны показать сейчас, чего они достигли моим именем. Ты делала это — гляди со мною.

Вейнте' выразила удовольствие и благодарность и уселась на хвост возле эйстаа, приказавшей ученым продолжать.

Изображения зеленых кустов становились крупнее, наконец стали отчетливо видны повисшие на шипах трупы животных.

— Мутировавшие кустарники и лианы, — пояснила Акотолп, — растут среди широколиственных растений. Их плотные листья содержат много воды и защищают всю изгородь от огня. До сих пор работа была несложной, подобные стены охраняют многие города. Но эту изгородь мы выращиваем ради семян и для этого создали это существо.

Весь экран заняло яркое изображение пестрой ящерицы. Акотолп подошла поближе, чтобы указать на ряды бородавок на спине ящерицы.

— Эти пузыри образуются, когда ящерица достигает зрелости, потом они лопаются и вырастают заново. Взгляните на толстую кожу и слой слизи, защищающий животное от ядовитых колючек. Идеальная конструкция.

— Необходимо пояснение, — бросила Ланефенуу.

— Масса извинений, эйстаа. Дополняю. Только что показанные нами ядовитые растения предназначены для того, чтобы выгнать устузоу из города. Были рассмотрены различные варианты их распространения, но предпочтение мы отдали этому. Лопаясь, пузыри выбрасывают из себя семена ядовитых растений. Они растут, и яще-

рицы живут под их защитой — там, где не выживет никто из животных. Так, без каких-либо усилий с нашей стороны, не подвергая опасности жизнь даже одной иилане', город сам прогонит пришельцев. Это произойдет не вдруг, но так будет, и своей участи устузоу не избежать, как не отворатить им прилив. Растения займут город, выгонят устузоу, и завтрашнее завтра станет подобным вчерашнему вчера.

— Великолепно. — Ланефенуу жестами выразила удовлетворение и радость. — Но как сами иилане' будут жить в этом городе смерти?

— Как обычно. Мы уже подготовили паразитов и вирусы, которые уничтожат ящерицу и растительность, ничего более не трогая.

— Великолепный план. Почему же он еще не пущен в ход?

— Мы решали небольшую проблему, — ответила Акотолп. — Выводили паразитирующего червя, в теле которого закапсулированы семена. Червь поражает ящерицу, вызывает появление пузырей, в которых и переносятся семена. Яйца же червей, также зараженные семенами, передаются через испражнения ящериц...

Она умолкла, подчиняясь жесту эйстаа.

— Добрая Акотолп, я знаю, что подобные вопросы неотразимо привлекают тебя как иилане' науки. Но для меня они отвратительны и скучны. Ограничивай дальнейшее изложение описанием достигнутого.

— Все готово, эйстаа, — сказала Вейнте', отворяя дверь и указывая на солнечный свет. — Как только Акотолп и Укхереб доложили о своих успехах, я сразу же послала за тобой. Пока ты путешествовала сюда, мы вырастили не одно поколение ящериц — они здесь, в вольере, я покажу тебе. Все готово и ждет лишь твоей команды.

— Прекрасно. Тогда я скажу свое слово. Пусть избавится Алпеасак от паразитов и отстроится заново. Чтобы Икхалменетс ушел в Алпеасак прежде, чем холодные ветры придут в Икхалменетс. Начинайте!

— Начинаем, эйстаа, — отозвалась Вейнте'.

«Начинаем, но окончим не здесь, — добавила она про себя, не шевелясь, чтобы никто не мог прочесть ее

мыслей. — Город будет очищен, он вновь станет городом иилане'. А когда это свершится, я попрошу кое-что для себя. Я попрошу у эйстаа разрешения воспользоваться этими ящерицами, чтобы очистить всю землю от устузоу. Я найду их... я погублю их. И устузоу Керрику придет конец».

Глава семнадцатая

Саагакель раздувалась от гнева, отвисшие щеки тряслись от ярости. Амбесид был пуст и безмолвен — слышно было даже легкое журчание воды под мостиками, все бежали при первых признаках гнева, оставив в одиночестве несчастную вестницу. Одинокая беспомощная фарги покорно скрючилась перед эйстаа. Сохраняя молчание, Саагакель пыталась овладеть своими эмоциями: бесхитростное создание не было виновато в принесенных вестях и не заслуживало смерти. Саагакель считала, что правит справедливо, а смерть неопытного создания была бы неоправданна. Но она могла бы убить ее одним своим сло-

вом. И, зная это, эйстаа позволила себе наслаждаться собственной силой: она с удовольствием откинулась на спинку теплого сиденья, любуясь сооружениями собственного города, окружавшими амбесид. И заговорила отчетливо и строго:

— Встань, молодая, обратись лицом к своей эйстаа и знай, что будешь жить долго, служа эйстаа и своему городу.

Фарги перестала трястись и поглядела на эйстаа влажными от обожания глазами, изображая всем телом готовность к исполнению любой команды. Саагакель приняла все как должное и проговорила уже мягче:

— Повтори еще раз то, что тебе наказали. Тебе не причинят вреда — эйстаа обещает.

Тело фарги застыло — она пыталась в точности припомнить слова.

— От той, что смиренно служит высочайшей Саагакель, эйстаа Йибейска. — Побежали цвета глубокой грусти. — Уже два дня, как болезнь поразила рощи,

где паслись окхалаксы, и многие лежат неподвижно, некоторые уже мертвы. Чтобы спасти живых, нужна помощь.

Случайностью это не могло быть: глаза Саагакель так и полыхали гневом, но тело застыло без малейшего движения. Фарги умолкла и замерла в ожидании. Это не могло быть случайностью. Несколько лет назад та же болезнь распространилась среди здешних окхалаксов, но Амбаласи тогда справилась с ней. И сейчас, всего через несколько дней после заточения Амбаласи болезнь возвратилась.

— Передай мое желание-присутствия тем, кто сидит возле меня. Иди через эти ворота — ты найдешь их там.

И они вернулись, сотрясаясь от страха при виде застывшего в смертельной угрозе тела. Их испуганный вид обрадовал Саагакель — неплохо было напомнить даже высочайшим, что власть ее абсолютна. И когда первая из приближенных с опаской стала в выжидательную позу, хорошее настроение возвратилось.

— Меня известили, что окхалаксы гибнут в огромных количествах, а вы, как впрочем и все, знаете, что это — мое любимое мясо. На их трупах я вижу тень Амбаласи. Остуку, сейчас же отправляйся в сады, да побыстрее, — ты растолстела, прогулка пойдет тебе на пользу, — и приведи сюда Амбаласи. Это мой приказ.

При ужасной мысли, что впредь ей, может, и не доведется попробовать мяса окхалакса, Саагакель ощутила острый приступ голода — и послала за куском мяса. Пища появилась почти мгновенно, и эйстаа с наслаждением впиалась в нее зубами.

Она еще обгрызала кость, когда на амбесиде появилась небольшая процессия. Впереди шла Остуку, сзади две крепкие фарги, между ними, опираясь на широкое плечо спутницы, медленно шествовала Амбаласи.

— Я приказала привести сюда одну Амбаласи, — произнесла Саагакель. — Удалите эту.

— Тогда и меня тоже, — с раздражением бросила Амбаласи. — Ты ссылаешь меня во влажные сады — в моем ли возрасте спать на земле? Ночами там так

сыро и прохладно, что теперь я не могу ходить сама. Пусть эта сильная останется — я не могу идти без нее.

Сделав жест, означавший, что дальнейшее препирательство она считает ниже своего достоинства, Саагакель подчеркнула особенную важность последовавших слов.

— Окхалаксы гибнут в рощах. Что тебе известно об этом?

— Они ложатся и замирают? Если так, это легочная болезнь, занесенная из джунглей.

— Но ты же вылечила их давным-давно. Как болезнь могла снова начаться?

— В лесу несчетное множество троп...

— Ты заразила их?

— Ты, наверное, хотела бы этого, — двусмысленно ответила Амбаласи и, прежде чем Саагакель успела потребовать пояснений, продолжила: — Но каким бы путем ни проникла болезнь на поля, только я могу вылечить ее. Хочешь ли ты этого?

— Так и будет, я приказываю тебе.

— Я повинуюсь твоему желанию, а не приказу. Взамен я прошу освободить меня из мокрых садов, меня и ту-на-которую-я-опираюсь. Когда я почувствую, что ноги мои стали такими, как прежде, ты сможешь отослать ее обратно в сады.

«И тебя вместе с нею, старая дура», — не шевеля ни единым членом, подумала Саагакель.

— Немедленно приступай, — скомандовала она, отворачиваясь с жестами неприязни и неудовольствия.

Амбаласи раздраженными движениями отослала стражу и заковыляла назад, опираясь на плечо Элем. Она молчала, пока они шли по городу. Наконец у них за спиной захлопнулись двери собственной лаборатории Амбаласи. Тогда она выпрямилась и непринужденно отправилась во внутренние помещения. На стене, вцепившись когтями, висел гулаватсан, присосавшийся к лиане. Амбаласи сильно надавила на нервный узел в середине его спины, создание обратило к ней невидящие глаза — с губ его стекала вода — и пронзительно вскрикнуло. Ошеломленная Элем отступила.

Амбаласи, одобрительно кивая, ждала появления помощниц.

— Ты, — приказала она первой прибывшей, — возьми вакцину для окхалаксов из холодного шкафа и отправляйся к больным животным. А ты, Сетессей, проводишь эту иилане' туда, где работают с картами.

— Мне запрещено туда входить, — сказала Элем.

— Только эйстаа в этом городе обладает более высоким рангом, чем я, — ласково проговорила Амбаласи, — поэтому в городе мне повинуются. Сетессей отведет тебя туда и будет говорить от моего лица. Ты вернешься с навигационными картами. Приказ ясен?

Пока Элем согласно жестикулировала, Амбаласи торопливо отдавала распоряжения помощницам. Следовало сделать многое, а времени было мало. Она могла успеть лишь потому, что уже год готовилась к этому дню. Энге поторопила события, да и сама она постаралась прогневать эйстаа... Неважно. Ей давно уже надоел скучный город, и она готова покинуть его. Наступают интересные времена.

Амбаласи боялась лишь того, что эйстаа успела отменить свое распоряжение, предоставляющее ей право пользоваться урукето. Но приказ был отдан давным-давно — тогда плавали вверх по реке за дикими животными. О нем уже все забыли. А когда вспомнят, будет слишком поздно.

— Экипаж подчинился, — сообщила вернувшаяся Сетессей, — все оборудование погружено на борт. Решила ли ты, что будет с твоими помощницами?

— Решила. Все останутся здесь.

— Следует ли мне остаться с ними? Я была твоей фарги и первой помощницей. Мне тоже остаться?

— А ты хочешь?

— Нет. Я хочу по-прежнему служить одаренной великим гением Амбаласи. Этот город неинтересен мне.

— Хорошо сказано, верная Сетессей. И ты уйдешь со мной, даже если наше будущее полностью неизвестно?

— Я — твоя фарги, — ответила Сетессей, добавляя жесты, означавшие верность и силу.

— Хорошо сказано. Ты отправишься со мной. Пригляди за погрузкой остальных моих вещей.

¶ Когда возвратилась Элем с картами, Амбаласи отослала их на урукето с какими-то тюками. А потом приказала навигатору следовать за ней.

— Возьми два больших плаща — хватит с меня ночевок на мокрой земле. Все останутся здесь, но ты пойдешь со мной. — Путь привел их к саду под открытым небом. Одним глазом Амбаласи взглянула в сторону заходящего солнца. — Быстрее, у нас осталось очень мало времени.

Раскрыв рот от натути, Элем торопилась следом за Амбаласи: кроме плащей она тащила какой-то тяжелый цилиндр. Когда они наконец остановились, голова Элем кружилась от жары. Она хрипло дышала, пытаясь перевести дух.

— Иди в тень деревьев и оставайся там, пока не остынешь, — приказала Амбаласи, забирая у Элем цилиндр. — Я сама сделаю все, что следует, — с делом нужно покончить до темноты.

Элем, ничего не понимая, смотрела, как Амбаласи открутила конец цилиндра, из которого немедленно вырвалась струя жидкости. Держа цилиндр на вытянутых руках, она принялась увлажнять барьер лиан и растений, протянувшихся между деревьями. Элем еще не была в этой части города, а посему не знала, что здешние деревья были частью тех стен, которые окружали сады, где томились в заточении. Когда Амбаласи выбросила пустой цилиндр и медленно пошла в сгущающихся сумерках обратно, Элем уже отдышалась и даже набросила плащ. Амбаласи взяла второй, расстелила его на земле и со знаками великого неудовольствия растянулась на нем.

— В последний раз в жизни я буду спать на земле. Нам надо проснуться с первым светом, прежде чем шевельнется город.

Свои слова она подкрепила жестами, означавшими предельную серьезность и крайнюю спешность. Элем сделала знак понимания, закрыла глаза и уснула...

Элем разбудили птичьи крики, и она поняла, что скоро рассвет. Она получше закуталась в теплый плащ и стала глядеть вверх — на небо. Когда пятна между сучьями посветлели, она поднялась и почтительно обратилась к старой ученой:

— Свет... приказы... время...

Темнота мешала понять ее, но голос возымел желанный эффект. Амбаласи поднялась и, оставив на земле плащ, подошла к живой изгороди. Было достаточно светло, чтобы видеть — там, где она поливала вчера стену, листья скрючились и побурели. Выразив жестом удовольствие от содеянного, она протянула руку и переломила толстую лиану. Та рассыпалась в пыль прямо в руках.

— Вперед, — приказала она Элем, — закрой ноздри, опусти на глаза мембраны и сделай отверстие в стене.

Элем принялась размахивать руками, и ее с ног до головы окутало облако белой пыли, из которого то и дело вылетали обломки ветвей. Она мгновенно проделала брешь в толстой стене и обнаружила за ней двух Дочерей Жизни, вопросительно глядевших на нее и удивленных чудесным появлением.

— Не плятьесь, как фарги, — приказала подошедшая Амбаласи. — Будите всех и отправляйте сюда. Пусть все приходят быстро и абсолютно молча.

В полумраке стали появляться Дочери, Амбаласи указывала им на брешь. Первой из подошедших она приказала караулить и проследить, чтобы никто не остался, а самой уходить последней.

Амбаласи повернулась и направилась через пробуждающийся город, Дочери безмолвной чередой последовали за нею. Немногие иилане', повстречавшиеся им на пути, не проявляли даже признаков интереса. Только вечно любопытные фарги как всегда увязались следом в надежде увидеть и узнать что-нибудь новое. Солнце уже поднялось над горизонтом, когда Амбаласи остановила процессию за круглыми складами у края воды и приказала прислать к ней Энге.

— Иди рядом и молчи, — ответила она на вопрос Энге и, выйдя из тени, направилась к ближайшему

урукето с высоким плавником. Наверху появилась иилане' из экипажа и уставилась на них, щурясь от утреннего солнца.

— Передай мой приказ капитану немедленно предстать передо мной.

Иилане' исчезла, и через несколько мгновений капитан спустилась вниз и перескочила со спины мягко раскачивающегося на волнах урукето на неровный деревянный причал.

— Приказу повиноваться немедленно, — с жестом поспешности проговорила Амбаласи. — Иди к эйстаа.

Сделав знак подчинения, капитан поспешила прочь. Когда она исчезла из виду, Амбаласи обратилась к любопытствующим членам экипажа, высунувшим головы из плавника:

— А ну, все на причал! Мы будем грузиться, не путайтесь под ногами! — Потом она повернулась к Энге и проговорила: — А теперь пусть все быстро идут сюда. Только без фарги — для них места не хватит. Когда эйстаа поговорит с капитаном, она сразу же заподозрит неладное. Нужно поторопиться.

Дочери торопливо грузились в урукето, а не отличавшаяся терпением Амбаласи расхаживала по причалу. Любопытным членам экипажа она жестом велела отойти, потом поманила к себе Энге и Элем.

— Отплываем сразу же, как погрузятся все. Без экипажа. Элем, ты будешь командовать, раз служила на урукето. — Последовавшие было возражения она пресекла повелительным жестом. — Я видела, что делают капитаны. Для этого не требуется особых знаний. Обучишь остальных тому, что им следует знать.

— Рискованно, — проговорила Энге.

— У нас нет выхода. Они не должны отыскать нас. Нам не нужны свидетельницы, которые могут вернуться сюда и сообщить эйстаа, где мы находимся.

— А куда мы поплывем?

Амбаласи промолчала, сделав жест окончания разговора. Когда урукето отошел от причала и вслед за резвым энтиисенатом вышел в реку, возмущенные члены экипажа забегали по причалу, недоуменно крича в испуге. Увидев, как плавник урукето стал быстро уда-

ляться в волнах, они разразились горестными стена-
ниями.

Когда появились запыхавшиеся посланницы эйстаа, оставшиеся молча глядели на стаю естекелов, которые ловили рыбу в устье. На вопросы невразумительно бормотали и делали отрицательные жесты.

В море было пусто. Урукето исчез.

Глава восемнадцатая

Mer sensta!

Мы погибаем!

Боевой клич тану

Они неустанно продвигались на север, и Керрика переполняла радость, ему хотелось кричать, но он знал, что охотник в лесу должен быть безмолвным. Шаг за шагом он уходил все дальше от города, от груза ответственности за него.

Он сделал все, что мог, и пусть теперь другие спасают город. Это больше не его забота. Широкая спина Ортнара, покрытая потом, размеренно двигалась перед ним. Над головой охотника звенели москиты, и он отмахивался от них свободной рукой. Внезапно Керрик почувствовал, как сильно он к нему привязался: ведь они столько испытали вместе с тех пор, как Ортнар убил прикованную к Керрику Инлену. Тогда ему хотелось убить Ортнара. Но теперь между ними существовала связь, которую нельзя было нарушить. Она была такой же реальной, как окружавший их лес. Они шли и шли на север, и город со всеми его проблемами оставался все дальше позади. К ночи Керрик очень устал и думал только об отдыхе, но не хотел первым проявлять слабость. И, когда они добрались до заросшей травой поляны возле ручья, первым остановился Ортнар. Он показал на серый пепел старого кострища.

— Хорошее место для ночевки.

Слова марбака, обычная для тану мысль. Здесь Керрику не нужно было разговаривать на языке иилане'

или на сесеке, стараясь понять витиеватые высказывания мандукто. Не было ничего, кроме неба и леса. А там, в конце пути, его ждет Армун. Он был бы рад сбросить с себя груз, который раньше не замечал. Ему было двадцать четыре года, он столько прошел дорог, столько разных миров видел за последние шестнадцать лет, в плену у иилане'. И этой ночью он спал спокойнее и глубже, чем за все последние годы.

Когда он утром проснулся, над ручьем висела легкая дымка. Коснувшись его плеча, Ортнар приложил палец к губам, потом поднял хесотсан и прицелился. Небольшой олень, зашедший по колено в воду, тревожно дернул головой и рухнул, едва в его шею вонзилась игла.

После консервов мургу свежее мясо показалось необычайно вкусным, и они наелись досыта, пока на углях запекалось и подвяливалось оставшееся мясо.

— Расскажи мне о парамутанах, — проговорил Керрик с набитым ртом. — Я знаю только их название и то, что они живут на севере.

— Я однажды видел парамутана; он пришел торговать с нашим саммадом. Все лицо его было покрыто шерстью — не бородой, как у нас с тобой, а как у долгозуба. Он был невысок — только чуть выше меня, а я был тогда еще мал. Я слышал, что они живут на берегу моря, далеко на севере, там, где лед никогда не тает. Они ловят рыбу в море, у них есть лодки.

— А как мы найдем их? У них ведь тоже наверное много саммадов?

Ортнар погладил щеки в знак того, что не знает.

— Не знаю. Мне не говорили об этом. Но я слушал, как они разговаривают, — ведь они слишком глупы, чтобы понимать марбак. Охотник из нашего саммада знал несколько их слов — он и разговаривал с парамутаном. Я думаю, что нам надо добраться до северных берегов и там искать следы Армун.

— Но пока мы доберемся туда, начнется зима.

— Там всегда зима. У нас есть шкуры, добудем мяса. Если мы не сойдем с этой тропы, мы встретим идущие на юг саммады. Они дадут нам эккотац. Вот так.

— И сушеных хардальтов — наверняка у саммадов они есть.

...Прошло много дней, прежде чем влажный ветер сквозь струи дождя донес до них запах дымка. Пойдя на запах, они вышли на луг, посреди которого за пеленой дождя чернели шатры саммада Сорли. Они прошли мимо трубящих мастодонтов... Досыта наевшись и выспавшись в сухом шатре, утром направились дальше. Более тану им не попадались.

Они шли на север, и лето сменялось осенью. Сухие листья падали на тропу, и у подстреленного Керриком кролика — с каждым днем он все увереннее чувствовал себя с луком в руках — уже пробивался белый пух.

— Очень ранняя зима, — озабоченно покачал головой Ортнар.

— Зимы нынче ранние. Но мы с тобой должны спешить на север.

Небо стало серым, и охотники уже чуяли в воздухе снег, когда добрались до становища возле реки. Керрик узнал это место сразу, едва поднялся на прибрежный откос. Валявшиеся кое-где клочья перегнивших шкур да осколки костей отмечали теперь место, где погиб саммад его отца. Здесь, среди костей Амагаста, Херилак нашел нож из небесного металла, который теперь висел на шее Керрика. Керрик прикоснулся к ножу. Тогда, давным-давно, иилане' вышли из океана и погубили весь его саммад. Это случилось так давно, что он уже почти не помнил, как это было. Теперь саммад его на севере — там, где Армун, туда лежит и его дорога. Он обернулся на зов Ортнара, и они пошли по берегу реки.

День уже клонился к вечеру, когда они обнаружили на берегу сухое дерево, способное выдержать их обоих; оно было не очень большим, и им удалось вытащить его из подлеска. Они трудились весь вечер и закончили уже затемно.

Наутро, крикая от холода, охотники полезли в ледяную воду. Привязав оружие и мешки к торчавшим корням, охотники оттолкнули ствол от берега и уцепились за него, подгоняя неуклюжее дерево в быстром течении. Перебравшись на другой берег, оба тану буквально посинели, и зубы их выбивали непрерывную дробь. Пока Керрик вытаскивал на берег пожитки, Ортнар развел высокий костер. Они недолго сидели возле него — обсохли сами и просушили одежду. По-

том они напялили еще влажные шкуры и вновь пошли на север. Быстрая ходьба не даст замерзнуть... Медлить нельзя — первые хлопья снега уже кружились среди деревьев.

Дни стали короче, и они вставали до рассвета и долго шли в бледном свете звезд, прежде чем небо начинало розоветь. Они были сильными и выносливыми. Но страх закрался в их сердца.

— Мяса осталось немного, — сказал как-то Ортнар. — Что будем делать, когда оно кончится?

— Найдем парамутанов...

— А если нет?

Они молча переглянулись — ответ на этот вопрос был известен обоим, но произносить его вслух не хотелось. Подбросив сухих веток в огонь, они придвинулись поближе к костру, наслаждаясь теплом.

Густой лес подходил прямо к берегу. Невдалеке от воды высились огромные ели. Временами им приходилось углубляться на сушу, когда отлогие песчаные берега сменялись высокими утесами, у подножия которых грохотал прибой. Лес был безмолвным и неподвижным. В глубоком снегу было трудно идти. Выходя на берег, они всякий раз внимательно вглядывались вдаль, пытаясь заметить признаки поселения парамутанов. Но пусто и безлюдно было в море и на берегах его.

Еда почти кончилась, когда разразился буран. Охотникам ничего не оставалось, как идти против северного ветра в поисках какого-нибудь укрытия. Они промерзли до костей, прежде чем у подножия утеса им удалось обнаружить неглубокую пещерку рядом с песчаным откосом.

— Туда! — крикнул Керрик, преодолевая рев ветра. Темный вход в пещеру был едва заметен в снежном вихре. — Заберемся туда и укроемся от ветра.

— Нам нужны дрова, и немало. Давай спрячем вещи и сходим за дровами.

Вход наполовину закрывал сугроб. Оступаясь и падая, они разметали его и забрались в пещеру. Без ветра в ней казалось тепло, несмотря на то что изо рта валил пар.

— Нельзя лежать, пошли, — вставая, сказал Ортнар и вытолкнул Керрика на мороз.

Непослушными руками они ломали и рубили ножами нижние ветви. Ортнар выронил каменный нож — и пришлось потратить много времени на поиски его в сугробах. Из последних сил они приволокли охапки хвороста — пришлось ограничиться этим, второй вылазки они бы не осилили. Керрик нащупал шкатулку с огненными камнями, но онемевшие от холода пальцы не слушались.

Он согрел руки на теле под шкурами, и ему удалось разжечь огонь; они развели пламя пожарче и улеглись рядом, глотая дым и ощущая, как тепло возвращает жизнь продрогшим телам. Уже стемнело, всюю вылазкой ветер, заметая вход снегом. Время от времени его приходилось отбрасывать, чтобы выходил дым.

— А мы не первые здесь, — сказал Керрик, указывая на нависающий скальный потолок, где углем были набросаны очертания большого оленя.

— По крайней мере они не сложили здесь своих костей, — буркнул Ортнар, ковыряя ногой землю возле костра.

— Что-то будет с нами... — задумчиво проговорил Керрик.

Вместо ответа Ортнар взял свой мешок и вытряхнул из него остатки еды.

— Вот все, что у нас есть. В твоем мешке не больше. Слишком мало, чтобы вернуться.

— Значит, надо идти вперед. Мы разыщем парамутов. Они не могут быть далеко. Они где-то рядом.

— Мы пойдем, когда прекратится метель.

По очереди они выходили за хворостом, оставшийся следил за очагом. Стемнело быстро, и Ортнар едва нашел вход в пещеру со своей охапкой. Резко похолодало, и ему пришлось растирать снегом белые пятна на щеках. Друзья молчали, потому что время для бесед миновало.

Метель не утихала столько дней, сколько пальцев на руке у охотника, включая большой. Выходили только за дровами, растапливали снег и пили горячую воду. Голод уже начал терзать их желудки, но охотники берегли оставшиеся крохи.

Наконец настал день, когда метель начала утихать. Ветра почти не было, и снег как будто редел.

— Кончается... — с надеждой проговорил Керрик.

— Не уверен.

Они вылезли из пещеры. Медленно кружили снежинки, ненадолго просветлело, и они увидели, как на галечный берег набегают тяжелые волны, темные с белыми гребнями.

— Смотри! — крикнул Керрик. — Там что-то мелькнуло... какая-то лодка! Маши руками, скорее!

Они добежали до края воды и стали подпрыгивать среди хлопьев пены, крича охрипшими голосами. Высокая волна подкинула лодку вверх, и Керрику показалось, что он заметил в ней какие-то фигуры. Потом волны вновь скрыли неясные фигуры из виду. Лодку уносило на север.

Наконец она исчезла среди огромных волн и более не появлялась.

Промокшие и разочарованные, вернулись друзья в пещеру. Снова начавшаяся метель едва не спрятала от них вход в нее.

На следующий день они доели последнее. Керрик слизывал с пальцев последние прогорклые крохи, когда поймал на себе взгляд Ортнара. Керрик хотел что-то сказать, но промолчал.

Что он мог сказать?

Закутавшись в шкуры, Ортнар отвернулся.

А снаружи выла метель, ветер стонал в утесах. И земля под ними содрогалась от могучих ударов валов о берег.

Настала ночь — а с нею пришло и отчаяние, великое и безграничное.

Глава девятнадцатая

За стенами паукарута завывала метель, яростный ветер нес снег по вечным льдам. Ничто живое не могло стать на пути у пурги, ничто не шевелилось на заметенных снегом просторах... только снег, только ветер. Он взмывал над окруженными снежными стенами паукарутами. Поземка, похожая на белую бороду, вилась возле хижины. Над мерзлой пустыней царили только тьма и смерть.

Внутри паукарута желтым огоньком светила масляная лампа, освещающая черную шкуру уларуаква, поддерживающие ее белые ребра, смеющиеся лица парамутанов. Они макали куски тухлого мяса в открытый пухляк с жиром, кормили детей и то и дело разражались хохотом, когда те размазывали по лицу сало.

Армун было приятно их общество, и даже постоянное внимание Калалеква, вечно пытавшегося ее обнять как только она оказывалась рядом, не докучало ей. Они были другими, не такими, как она, вот и все. Они делили внимание женщин между собой, и никто не обращал на это внимания. Только посмеивались. Но темперамент Армун был не таким, как у них. И она не могла так же бурно радоваться.

Но она улыбалась их шуткам и не беспокоилась, когда Харл присоединился к смеющимся. Они расступились, давая ему место, — некоторые как обычно трогали его светлые волосы, это развлечение никак не могло надоесть им. Между собой они звали тану эрк-вигдлитами, сказочными людьми. Сами для себя они были ангурпиаквы — истинные, настоящие люди. Армун понимала их разговор, ведь в паукарутах она проводила уже вторую зиму. Когда парамутаны приняли их,

она была рада, что осталась в живых; она очень ослабела тогда, совсем исхудала и все беспокоилась, как Арнхвит будет себя чувствовать в этом странном месте. Все здесь было совершенно иным: еда, язык, образ жизни. Время шло очень быстро, и она сумела приспособиться, поэтому вторая зима нагрянула прежде, чем она успела осознать ее приближение.

Третьей зимы она здесь не проведет — Армун это знала. Весной она постарается объяснить им, что ей нужно уйти. Силы вернулись к ней, мальчики отъелись. Надо уходить, ведь Керрик наверняка уже узнал от саммадов об их бегстве. И он решит, что они погибли. Темная мысль стерла улыбку с ее лица. Керрик! Она должна идти к нему на юг, в то странное место, где жили мургу и которое сожгли охотники, в далекие неведомые края...

— Алуторагдлакв, алуторагдлаквокв! — произнес Арнхвит, теребя ее за колено.

Сильный мальчишка, он уже встретил свое третье лето; он взволнованно тараторил, показывая неровные еще зубы. Она улыбнулась и стерла с его лица остатки жира.

— Что ты хочешь? — спросила она на марбаке.

Она поняла его, но не хотела, чтобы сын разговаривал только по-парамутански. И так уже они общались с Харлом лишь на языке их хозяев.

— Хочу оленя! Моего оленя!

Заливаясь смехом, он барабанил по ее колену маленькими твердыми кулачками. Армун покопалась в груди мехов и отыскала игрушку. Она сделала ее из кусочка оленьей кожи, прикрепив вместо рогов изогнутые косточки. Схватив ее, он со смехом убежал.

— Ешь больше, — произнесла Ангаджоркакв, усаживаясь рядом и протягивая к ее рту пригоршню белого жира.

В тепле паукарута она сбросила почти всю одежду, обнажив покрытые шерстью груди. Армун пальцем зацепила немного жира и отправила в рот. Ангаджоркакв горестно зацокала языком.

— Жила-была женщина, которая не хотела есть наловленную рыбу, — начала она. У Ангаджоркакв на все находилась сказка и присказка, в каждом, даже

пустяковым, событию она видела смысл. — Рыба была очень большой и толстой, она смотрела на нее, поблескивая чешуей, и ничего не понимала. «Скажи мне, — спросила рыбина, — почему ты не хочешь меня есть? В глубинах моря я услышала заклинания рыбака и схватила крючок с яркой наживкой. Я проглотила наживку, как и положено рыбе, а ты не хочешь есть меня. Почему?» Когда женщина услышала это, она рассердилась и сказала, что не рыбе учить ее, а есть или не есть — ее собственное дело. Но рыбий дух услышал ее речи и разгневался еще больше, он поднялся из темных глубин океана, где обитал, и направился к поверхности моря. Он плыл быстро-быстро. И он проломил лед, а потом открыл рот и проглотил паукарут со всеми шкурами, и ребенка, и масляную лампу, и женщину тоже. Вот что бывает с теми, кто отказывается есть. Ешь!

Армун слизнула жир с пальца.

— Когда окончится буря и вернется солнце, когда станет тепло, мы с мальчиками уйдем...

Громко взвизгнув, Ангаджоркакв выронила пузырь и, зажав уши, принялась раскачиваться из стороны в сторону. Услышав шум, Калалекв поднял расширившиеся от изумления глаза, потом поднялся на ноги и отправился посмотреть, что вызвало такой переполох. От жары он сбросил с себя всю одежду, и гладкая бурая шерсть его лоснилась в свете масляной лампы. До сих пор Армун не могла привыкнуть к тому, что все парамутаны покрыты шерстью с ног до головы. Зажав хвост между ног, Калалекв благопристойно прикрывал его пушистым кончиком признаки пола.

— Ангаджоркакв издала звук великой печали, — проговорил он, подавая женщине кость, которую принес с собой. — Вот посмотри, я сделаю из нее свисток, на нем будет уларуакв, и звуки будут выходить у него изо рта.

Ангаджоркакв оттолкнула его руку, не желая слишком быстро расставаться со скорбью.

— Сейчас зима, сейчас темно, но волосы эрквигдитки словно солнце освещают паукарут. Мы едим, и смеемся, и нам тепло. А теперь... — она застонала, раскачиваясь из стороны в сторону... — теперь Армун

уйдет, и светлые мальчики с ней — вокруг станет темно.

Калалекв открыл от изумления рот.

— Но они не могут уйти, — проговорил он. — Когда задувает метель, смерть, разинув пасть, караулит возле паукарута. Тот, кто ушел из паукарута, ушел к ней в зубы. Они не уйдут, и нечего плакать.

— Весной, — проговорила Армун, — мы уйдем весной.

— Видишь, — отвечал Калалекв, поглаживая Ангаджоркакв по шерстке, чтобы успокоить. — Видишь, они остаются. Лучше съешь чего-нибудь. Они остаются.

Парамутаны жили только сегодняшним днем, наступление каждого нового утра было для них удивительным праздником. Армун молчала, — ведь она уже решилась. Они уйдут, как только достаточно потеплеет. Она вылизала пальцы дочиста. Надо есть, чтобы хватило сил на дорогу. Ведь придется идти далеко на юг.

Ночью метель прекратилась, и, когда утром Калалекв раздвинул шкуры на дымовом отверстии, внутрь хижины проник тоненький луч солнца. Все обрадованно заголосили и принялись разыскивать в кучах шкур свою одежду, разражаясь хохотом, если под руку попадались чужие вещи. Пурга продержала их взаперти невесть сколько дней, и дети повизгивали от нетерпения. Крепко держа извивающегося Арнхвита, Армун натягивала на него нижнюю одежду с мехом внутри. Сверху надевались более толстые шкуры, потом капюшон, теплые сапоги, рукавицы — все, что помогало выжить здесь, на крайнем севере.

Калалекв ползком, пыхтя, пробивался наружу сквозь снег, навалившийся у окончания выходного тоннеля. Вход осветился, потом потемнел, пока Калалекв выбирался — и наконец внутрь хлынул яркий свет. Внутри опять начался смех, все подталкивали друг друга к выходу.

Армун сначала отпустила мальчиков и последовала за ними. Выбравшись наружу, она прикрыла глаза ладонью. После сырого тепла паукарута, запахов мочи и тухлого мяса, свежий воздух был восхитительным.

Вокруг белыми холмиками были разбросаны паукаруты. Из них на солнечный свет выползали парамутаны,

криками и смехом приветствуя друг друга. Огромной бледно-голубой чашей накрывало их небо, по которому нетерпеливо ползли редкие облака, за краем льдов оно тонULO в темной синеве океана. Лодки возле края воды были завалены снегом.

Кто-то тревожно крикнул, показывая рукой:

— Там в море уларуакв!

— Не может быть!

— Это не уларуакв, это одна из наших лодок!

— Значит, это Ниумак, только его лодка еще не вернулась. Но он должен быть мертв: мы спели смертную песню и ему, и всем, кто был с ним.

— Поторопились! — расхохотался Калалекв. — Они одурачили нас на этот раз. Теперь они нам это припомнят.

Харл со всеми бежал к приближавшейся лодке. Арнхвит отстал, споткнулся и негодуя завопил, упав в снег. Армун подхватила его и вытерла слезы — ревел он в основном от обиды.

Общими силами лодку быстро извлекли из воды и уложили вверх дном рядом с остальными. Арнхвит стоял, держа Армун за руку; он успокоился и с интересом смотрел на вернувшихся. Ниумак отправился к жилищам, все заторопились следом, стараясь прикоснуться к его одежде, чтобы удача, сохранившая жизнь четверым охотникам, перешла и к остальным людям в стойбище. Это же надо — выжить в такую пургу! Все четверо устало опустились на снег, жадно припав к поднесенным чашам и вынесенным отборным кускам мяса. Когда прибывшие стали удовлетворенно поглаживать животы, начались вопросы. Ниумак поднял вверх ладони, требуя молчания, и умолкли даже малые дети.

— Вот что случилось, — проговорил он, и все неслышно придвинулись ближе, чтобы лучше слышать. — Мы уже видели здешние льды, когда начался буран. Мы уже представляли себе наши паукаруты, тепло их, еду и играющих детей, чувствовали запах их шерсти и готовы были вылизать малышей языком... но начался буран и унес нас отсюда.

Он сделал паузу и поднял руку. Слушатели немедленно разразились горестными воплями, мгновенно прекратившимися, едва он уронил руку вниз.

— Мы не могли добраться до льда и паукарутов, мы могли только спастись в ней, но не могли выйти на берег, потому что там всюду скалы, как всем известно. А потом ветер переменился, и нас снова вынесло в открытое море, тогда мы сами спели свою смертную песню.

Тут слушатели вновь горестно застонали, и повествование долго еще продолжалось подобным образом. Никто не перебивал — всем хотелось знать подробности. Но усталый Ниумак начал замерзать, и наконец история завершилась.

— В последний день шторм стал слабее, и нас принесло к берегу, но волны были еще слишком высоки, и мы не стали высаживаться. А теперь узнайте странную вещь. Там, на берегу, есть пещера, именуемая Оленьей, потому что на своде ее нарисован олень. Из нее выскочили двое наших братьев и стали махать руками. Но ветер гнал нас назад. Мы хотели присоединиться к ним, переждать непогоду в теплой пещере, но не смогли. Кто они? Все ли наши здесь? Все ли лодки вернулись? Есть ли поблизости другие парамутаны? Обычно такого не бывает зимой. А потом мы приплыли сюда, и вы увидели нас, и вот мы здесь, и теперь я отдохну.

Армун остолбенела, она смотрела вперед и ничего не видела. Она знала, кто был в этой пещере на берегу, знала... Словно кто-то нашептывал ей: «Керрик». Только он мог оказаться здесь с другим охотником. Только он. У нее не было ни малейшего сомнения. Она знала это, знала, и слова Ниумака только подтвердили то, что она понимала и так. Наконец-то он пришел за ней. Он узнал, что ее нужно искать на севере. А теперь она должна идти навстречу ему.

Наконец оцепенение оставило ее, и она обернулась.

— Калалекв! — закричала она. — Мы должны немедленно отправиться к этой пещере. Я знаю, кто там. Это мой охотник. Это Керрик.

Калалекв открыл в изумлении рот. Эрквигдлитка часто удивляла его. Но он и не подумал усомниться. Встав, он вспомнил слова Ниумака.

— Хорошо, что твой охотник здесь, что он в безопасности и тепле... так говорил Ниумак.

— Это не так, — сердитым голосом сказала она. — Он не парамутан и не может быть здесь в безопасности. Он же тану, он пришел в эти края, он нес с собой пищу и был застигнут пургой. Надо идти на помощь.

Когда смысл ее слов дошел до Калалеква, тот крикнул:

— Лодка, моя лодка! Спускаем лодку на воду!

Армун обернулась и увидела, что Ангаджоркакв смотрит на нее округлившимися глазами.

— Будь добра, — сказала Армун, — пригляди за Арнхвитом, пока я не вернусь. Сделаешь это?

— Тебе не надо плыть, — неуверенным голосом ответила Ангаджоркакв.

— Я должна.

Когда она добралась до края льда, лодка была уже на воде, и в нее укладывали припасы. Рядом с Калалеквом суетились еще четыре парамутана, уже разбиравшие весла, не дожидаясь окончания приготовлений. Она прыгнула в лодку, и легкий ветер с севера понес их в море.

Они гребли до вечера. Отвесные скалы, обрывавшиеся в воду, не позволяли даже думать о высадке. Они подошли поближе к каменной стене и уцепились за камень веревкой с тяжелым грузом на конце, чтобы лодку никуда не отнесло за ночь. Потом перекусили тухлым мясом, заедая его снегом, который им дали в дорогу. Парамутаны хлопотали вокруг Армун, гладили ее, старались утешить. Она не отвечала — только молча глядела на берег. Только на рассвете ей удалось уснуть. Когда она проснулась, мужчины уже гребли.

Заснеженные берега ничего не говорили Армун. Но парамутаны время от времени указывали друг другу на невидимые ориентиры и разражались радостными криками. Наконец с возгласами всеобщего согласия они направили лодку к покрытому галькой берегу. Когда волна бросила их на гальку, двое мгновенно выпрыгнули и по грудь в ледяной воде повлекли лодку в сторону суши. Армун прыгнула с носа, споткнулась, вскочила и понеслась в сторону лесистых холмов. Длинные ноги стремительно несли ее вперед, но пришлось остановиться и оглядеть нетронутый снег.

— Туда, — указал ей Калалекв, спотыкаясь и оступаясь в снежных наносах. Никто больше не смеялся — до самых деревьев на снегу не было ни единого следа.

Они принялись копать, разбрасывая снег во все стороны. Появилась дыра, ее стали расширять. Армун отчаянно копала вместе со всеми и первой вползла в прокопанное отверстие.

Впереди под грудой шкур...

Она осторожно отвела обледенелые заскорузлые шкуры...

Серое лицо Керрика было покрыто инеем. Сорвав рукавицу, она протянула руку, затаив дыхание от страха.

Осторожно прикоснулась к коже... Холодная.

Он мертв.

Она закричала. Вдруг веки его затрепетали, и глаза приоткрылись.

Она не опоздала.

Глава двадцатая

Заснеженные просторы севера для парамутана что дом родной. Они умеют жить и выживать среди снега и льда, знают, как возвращать к жизни замерзающих и обмороженных. Озабоченно перекрикиваясь, они оттеснили Армун в сторонку. Пока Калалекв распахивал шкуры над Керриком и срывал с него одежду, двое парамутанов торопливо раздевались, складывая еще теплую одежду на оледеневшую землю. Замерзшее тело Керрика осторожно уложили на нее, и нагие охотники прильнули к нему своими телами. Остальные завалили их сверху шкурами.

— Какой холод — сейчас и я сам замерзну, придется петь смертную песню! — выкрикнул Калалекв.

Все расхохотались, хорошее настроение вернулось к ним, когда оказалось, что охотники живы.

— Иди за дровами, разводи огонь, топи снег. Их надо согреть и напоить.

С Ортнаром поступили таким же образом. Армун поняла, что может помочь, только отправившись за дровами. Он жив! Солнце согревало ее лицо, грело душу — Керрик жив и в безопасности, они снова вместе. Ломая ветки, она поклялась, что никогда более не оставит его. Слишком долго они были в разлуке. Невидимая веревка, соединявшая их, так натянулась... едва не разорвалась. Это не должно повториться, она больше не допустит такого. Где он — там и она. Никто и ничто не сможет их разделить. Она навалилась всем телом на толстую ветвь. Гнев и радость переполняли ее. Больше такого не случится!

Развели костер, в пещере стало тепло. Калалекв склонился над бесчувственным Керриком. Растирая его конечности, он довольно кивал.

— Очень хорошо. Смотри, какое белое тело! Только лицо поморозил — видишь темные пятна. Кожа сойдет, и все. А вот второй — плох.

Он сбросил шкуры с ног Ортнара. Все пальцы на его левой ноге почернели.

— Придется отрезать, пока он без сознания и не почувствует.

Не приходя в сознание, Ортнар громко застонал, и Армун старалась не вслушиваться в хрустящие звуки за спиной. Лоб Керрика стал теплым, на нем выступила испарина. Она прикоснулась к нему кончиками пальцев — и веки вновь задрожали. Керрик открыл глаза и снова закрыл. Обняв за плечи, она приподняла его и поднесла к губам кожаную чашечку с водой.

— Пей, пожалуйста, пей, — попросила она.

Керрик глотнул и откинулся назад.

— Пусть они будут в тепле, их надо покормить, чтобы набрались сил, прежде чем их можно будет везти в стойбище, — произнес Калалекв. — Мы оставим мясо, которое привезли в лодке, попробуем наловить рыбы. Вернемся к вечеру.

Парамутаны оставили целую кучу дров. Она поддерживала огонь, подбрасывая хворост. После полудня, отвернувшись от костра, она вдруг увидела, что глаза Керрика открыты и губы безмолвно шевелятся, словно он пытается заговорить. Прикоснувшись губами к его руке, она погладила его по лицу.

— Говорить буду я. Ты жив, и Ортнар тоже. Я вовремя отыскала тебя. С тобой все будет в порядке. Здесь еда и питье — выпей.

Она помогла ему привстать и держала, пока он пил, кашляя от сухости в горле. Потом уложила ~~и~~, прижавшись к нему всем телом, зашептала ему в ухо:

— Я дала себе клятву. Я поклялась, что не позволю тебе впредь оставлять меня. Где ты, там и я. Так должно быть.

— Так... должно быть, — хриплым голосом отзывался он.

Глаза Керрика закрылись, и он вновь уснул: трудно быстро вернуться к жизни, если побывал рядом со смертью. Рядом пошевелился Ортнар, она дала попить и ему.

Парамутаны вернулись уже в темноте.

— Погляди-ка, какую крохотную рыбешку я принес, — проговорил Калалекв, пробираясь в пещеру с огромной уродливой рыбиной, покрытой пластинами; во рту ее торчали острые зубы. — Она даст им силу. Пусть поедят.

— Но они без сознания...

— Долго, нехорошо. Им нужно мясо. Я покажу.

Двое парамутанов посадили Ортнара, а Калалекв мягко тронул голову охотника, щипнул его щеки, что-то шепнул на ухо и громко хлопнул в ладоши. Глаза охотника приоткрылись, и он застонал — все обрадованно завопили. Один из парамутанов держал охотника за челюсть, а Калалекв отхватывал от рыбы куски мяса и выжимал из них сок в рот охотника. Тот давился, кашлял, но глотал, что встречалось радостными воплями. Когда он почти пришел в себя, парамутаны стали подносить куски сырой рыбы к его губам.

— Скажи ему на своем языке, чтобы эрквигдлит понял, — надо есть. Жевать, жевать.

Керрика она покормила сама; она не хотела, чтобы это делали парамутаны, словно своим прикосновением она могла поделиться с ним силой.

Ортнар был готов к путешествию только через два дня. Он до крови закусил губу, когда с его ног срезали почерневшее мясо.

— Но мы живы, — подбодрил его Керрик, когда мучения закончились.

— Я во всяком случае не полностью, — задыхаясь, выговорил Ортнар. Капли пота выступили у него на лбу. — Но мы нашли их — или они нас, — и это главное.

Спускаясь к лодке, Керрик опирался на руку Армун; Ортнара несли на сделанных из сучьев носилках. Ему было слишком больно, и он ничего не замечал. Но Керрик жадно разглядывал все вокруг.

— Из шкур сделали... Легкая, прочная. И весла какие! Эти парамутаны умеют строить не хуже саску.

— А кое-что и лучше, — проговорила Армун, обрадованная его реакцией. — Погляди... Как по-твоему, что это такое?

Она подала ему длинную, покрытую резьбой кость. Керрик покрутил ее в руках.

— Какой-то крупный зверь, только не знаю какой... А это еще что такое? — Он тронул кожаную трубочку, поглядел в отверстие кости, в котором ходила круглая палка не толще стрелы. — Интересно, но непонятно. Больше не могу ничего сказать.

Армун улыбнулась — в щели, рассекавшей ее губу, мелькнули ровные зубы — и опустила кость открытым концом в воду, плескавшуюся возле ног. Она потянула палку вверх, послышалось хлопанье, и тонкая струйка воды хлынула через борт из кожаной трубки. Он изумленно открыл рот, а потом вместе с Армун расхохотался. Потом снова взял у нее кость.

— Совсем как у иилане', только они выращивают нужные вещи, а это ручной работы. Мне нравится.

Он с восторгом крутил ее, разглядывая резьбу с изображением рыбы, извергавшей струю воды.

Возвращение к паукарутам вызвало настоящий триумф: заливаясь смехом, женщины толкались, чтобы только пройти мимо носилок, на которых несли светловолосого гиганта. Ортнар с удивлением смотрел, как они пытались прикоснуться к его волосам, переговариваясь между собой на своем странном языке.

Арнхвит с удивлением глядел на отца: он успел позабыть про охотников-тану. Чтобы разглядеть сына, Керрик встал перед ним в снег на колени: крепкий мальчик с широко поставленными глазами почти не напоминал младенца.

— Тебя зовут Арнхвит, — проговорил Керрик, и мальчик серьезно кивнул, отодвигаясь на всякий случай, потому что Керрик протянул к нему руки.

— Это твой отец, — сказала Армун, — не бойся. Но мальчик жался к ноге матери.

Слова Армун пробудили в памяти давние воспоминания. Запустив руку за пазуху, Керрик нащупал на шее ножи, осторожно высвободил меньший. Он снова склонился к ребенку, тот не стал отодвигаться. Держа на

ладони сверкающее металлическое лезвие, Керрик сказал:

— Как я получил этот нож от своего отца, так отдаю его тебе.

Арнхвит робко потрогал нож, посмотрел на Керрика и улыбнулся.

— Отец, — проговорил мальчик.

Ортнар выздоравливал до самого конца зимы. Он потерял в весе, боли не отпускали его, но могучий организм одолел хворь. На ногах оставались черные пятна; они гноились и отвратительно пахли, но парамутаны знали, что делать в подобных случаях. Когда дни удлинлись, раны зажили, и на ногах образовались рубцы. Подложив в обувь меха, он каждый день ковылял возле паукарутов, заново овладевая собственными ногами. Ходить, не имея пальцев на одной ноге, трудно, но он начинал привыкать. И однажды, далеко уйдя вдоль кромки льда, он увидел подплывающую лодку. Она была из больших — с большой шкурой на поперечной жерди — и выглядела незнакомой. Так и оказалось. Доковыляв до паукарутов, Ортнар увидел, что все повысыпали наружу и с криками размахивали руками.

— Что это? — спросил он у Армун, так как понимал только несколько слов из странного языка. — Чужие, не из наших паукарутов. Очень интересно... Что происходит? Все орут, машут руками. Словно им что-то очень нужно.

— Не пойму, они кричат все сразу. А ты слишком много прошел. Иди в паукарут, а когда я узнаю, в чем дело, — приду и все расскажу тебе.

Ортнар оказался в паукаруте один — парамутаны, а с ними и Керрик, Арнхвит и Харл выскочили к лодкам. Он тяжело, с громким стоном опустился на землю — его никто не мог услышать, а ноги так болели. Радуюсь отдыху, он жевал кусок мяса, когда наконец вернулась Армун.

— Добрые вести, — сказала она. — Весь шум из-за уларуаква. Зимой парамутаны все время сокруша-

лись, что они никак не попадают к им. А теперь наконец их выследили. Это очень важно.

— А что такое уларуакв?

— На них охотятся в море. Я еще не видела их, но говорят, что они куда больше, чем мастодонт. — Она указала на ребра над головой. — Это уларуакв, и шкура тоже его, и еда: мясо, жир — это тоже уларуакв. Парамутаны едят любое мясо... — Тут она заметила морскую птицу, благополучно гниющую под кожаным потолком на костяной распорке. — Но в основном их кормит и укрывает уларуакв, лодки они тоже делают из него. Они говорят, что холода и долгие зимы гонят уларуаквов на юг. С каждым годом льды продвигаются все дальше и дальше. Что-то случилось с водой — я не знаю что, но она изменилась. Добывать уларуаквов теперь все трудней и трудней, а это самая большая беда, которая может постигнуть парамутанов. Нам придется подождать, пока все выяснится.

Все вернулись в паукарут нескоро. Первым заполз внутрь Калалекв, толкая перед собой решетку из тонких косточек. Остальные следовали за ним. Он радостно помахивал замысловатой костяной сеткой, связанной по углам сухожилиями. Армун попросила его говорить помедленнее и, когда он стал объяснять, принялась переводить его слова на марбак.

Керрик не сразу догадался, о чем говорит Калалекв.

— Кости — это карта, по ним они находят путь в океане, как это делают иилане'. Попроси, чтобы он показал, где мы сейчас находимся.

После многих вопросов, ответов, объяснений, побывавший за океаном Керрик понял.

— Виноваты зимы. Они изменили не только сушу, но и океан, преобразили все, что находится в нем. Ледяной щит, на котором мы живем, простирается через весь северный океан до другого его берега. Я был в тамошних краях, хотя и не на севере. По неведомой причине уларуакв больше не хочет жить по эту сторону океана, и парамутаны перебрались к его противоположному берегу. Этот иккергак прибыл с другого берега океана, он видел их. Что будут делать наши парамутаны?

Калалекв знаками пояснил свой ответ. Он жестаи поднимал паруса, качался на волнах. Все понимали его почти без пояснений Армун.

— Парамутаны хотят спустить на воду иккергаки и подготовить их к дальнему плаванию. Они собираются отплыть сразу же, как только начнет ломаться лед, чтобы вдоволь поохотиться на уларуаква, а потом вернуться, прежде чем настанет зима.

— Значит, пора отправляться и нам, — проговорил Керрик. — Мы ели их пищу, и нам нечем отблагодарить хозяев.

Он искоса взглянул на мрачно улыбавшегося Ортнара.

— Да, пора отправляться на юг, — согласился он, — но для такой прогулки я не гожусь.

— Тебе не придется идти, — сказала Армун, ласково прикасаясь к его руке. — Я знаю парамутанов. Они помогут. Мне с мальчиками они помогли не задумываясь. Мы им нравимся, несмотря на то, что мы отличаемся от них. Они хотят, чтобы мы остались, но весной сами отвезут нас на юг, если мы будем настаивать. Я знаю.

— А разве не все иккергаки потребуются им для охоты? — поинтересовался Керрик.

— Не знаю, но я расспрошу их и все выясню.

— Надо отправляться сразу, как только это станет возможным, — сказал Ортнар. — Нужно возвращаться к саммадам.

Лицо Керрика словно окаменело: слова Ортнара вызвали воспоминания. А с ними и забытые было страхи.

И первым делом он вспомнил Вейнте' с ее неистребимой ненавистью: она ждала их на юге, замышляя гибель тану, саску и всех устузоу на свете. Он обратился спиной к городу иилане' — потому что не мог забыть Армун. Ну а теперь? Что их ждет? Безопасность? Да найдется ли для него во всем мире хоть один безопасный уголок, пока жива Вейнте', пока не иссякла ее ненависть? Пора возвращаться. Назад, к иилане' и их хесотсанам, в мир мургу и устузоу, к битве, которой нет конца... В мир, где саммадам все время грозит смерть.

Армун молча смотрела на Керрика, читая на его лице мысли. Пока он думал словами мургу, тело его корчилось, вторя им, а лицо подергивалось — и вдруг стало мрачным.

Итак, они возвращаются.

Но что их ждет?

Глава двадцать первая

*Ambesetepsa ugunenapsossi, nefatep
lemefenatep. Epsatsast efentopeneh.
Deesetefen eedeninef.*

*Угуненапса учила: мы знаем смерть,
а потому знаем и пределы жизни,
в этом и кроется сила Дочерей Жизни,
живущих, когда остальные умирают.*

Алофегма иилане'

Когда урукето покинул гавань Йибейска, Амбаласи приказала плыть на запад. Там легче было затеряться в море, и никакие соглядатаи не могли догадаться об их истинном курсе. Элем вскарабкалась наверх; ученая стояла у края плавника, наблюдая за темными силуэтами энтиисенатов, скользящими возле урукето. Элем вежливо попросила внимания.

— Я не командовала раньше урукето, а только служила на нем. Есть проблемы...

— Решай их, — твердо сказала Амбаласи, жестами положив конец разговору на эту тему и переходя к следующему вопросу. — Кто ведет урукето?

— Омал, иилане' со спокойным умом, способная быстро обучаться.

— Я сказала — можешь командовать. А теперь давай посмотрим карты.

Спустившись вниз, они миновали Омал, которая стояла, положив руки на живую стенку, неподалеку от нервных окончаний, с помощью которых меняли курс урукето. Она внимательно следила за морем через прозрачный диск. Рядом, на жердочке, нахохлившись, си-

дела розово-серая птица, смотревшая в ту же сторону. Остановившись, Амбаласи взъерошила перышки на спине — птица довольно заворковала.

— Новый компас, — пояснила Элем, — более совершенный, чем прежние.

— Еще бы... я сама и делала. Точный, надежный, да и развлекает в долгой дороге. Если его сориентировать в нужном направлении, не свернет, пока не умрет.

— Мне непонятно...

— А мне понятно. В лобные доли мозга введены намагниченные частицы. Где карты?

— Здесь.

Ниша была едва освещена, но, когда развернули первый свиток, карта ярко засветилась под тусклым пурпурным мазком на живой стенке.

— Эта самая подробная, — произнесла Элем. — И самая свежая. Вот Энтобан, а вот за широким океаном Гендаси.

— А что означают эти цветные завитки?

— Прохладными цветами показаны ветры, подобно рекам текущие в атмосфере. Здесь, в тропиках, где солнце нагревает воздух, потоки поднимаются высоко, потом, поскольку планета вращается, растекаются на юг и на север. Это крайне интересно для моих исследований, но для практической навигации куда важнее другое. Вот эти теплые оранжевые и красные линии — они обозначают океанические течения...

— Объясни подробнее.

— С удовольствием. Мы сейчас находимся в океане к западу от Йибейска. По твоему приказанию мы будем плыть на запад до наступления темноты — на тот случай, если за нами увяжется погоня. Тогда мы окажемся здесь, в этой красной струе, уходящей на юг. Всю ночь течение будет нести нас. На рассвете, определив свое местоположение, мы можем отправиться в нужном направлении. Желательно знать скорость и направление.

— Пока неизвестно. Расскажи, что ты будешь делать, если пунктом прибытия будет Гендаси?

— Немедленно приступлю к расчетам. Двигаясь к Гендаси, мы должны оставаться в этом течении, уходящим на юго-запад в самую середину океана. Там очень

интересный район — середина океана просто изобилует жизнью. Там мы выберем нужное течение. Вот это течение нам необходимо — мимо Алакас-Аксехента оно уходит к заокеанским зеленым краям.

Амбаласи внимательно разглядывала карту, начиная от Йибейска, потом одним глазом окинула путь до Гендаси.

— Вопрос. Мы плывем по большой дуге на юго-запад к середине океана. Потом поплывем по другой дуге — на северо-восток. Подумай, насколько быстрее будет, если мы просто пересечем океан по прямой линии.

Она провела пальцем по карте. Элем отступила на шаг, гребень на ее голове покраснел.

— Это невозможно! — Она сопровождала замечание знаками отчаяния и страха. — То, что ты предлагаешь, нереально. Мы плавали по прямой только на коротких расстояниях, от острова к острову... или вот как сейчас. Но никто не движется по прямой. Морские создания следуют за морскими течениями, птицы — за воздушными потоками. Курс, который ты предлагаешь, противоречит законам природы. Днем надо будет вести урукето против течения, а ночью он будет дрейфовать. Утром нужно вновь рассчитывать координаты... Нет, это невозможно!

— Соберись, Элем, вот простой научный пример. Ты обладаешь познаниями, и ради блага твоих работ я поведаю тебе о двух различных состояниях материи. Или тебе уже известен закон Атепенепсы?

— Смирная-в-невежестве, желаю знаний.

— Говоря в самом общем виде — невидимая материя передвигается по прямым линиям, в отличие от видимой... Перестань смотреть на меня стеклянными глазами и закрой рот! Ты — изображение глупости фарги! Знаешь ли ты о невидимой материи?

— Нет...

— Куча невежественности. Тяготение невидимо: если я уроню эту карту, она упадет по прямой. То-что-переносит-свет невидимо само по себе, и лучи идут в глаз по прямой линии. Инерция невидима, однако же она направляет движение тел по... Впрочем, довольно. Я вижу, что все это тебе неизвестно. И не стыдись своей

глупости. Лишь немногие иилане' подобно мне самой обладают интеллектуальными способностями, позволяющими понять все это. Вернемся к нашему курсу. Что это?

Амбаласи закрыла растопыренной рукой пустое пространство под Манинле к югу от Гендаси.

— Ничего, ничего вовсе, — пробормотала Элем.

— Пустая умом, не-ощущающая-своей-жизни! Или это я должна учить тебя твоей специальности? Что здесь изображено на карте, тут и тут?

— Течения, океанические течения.

— Удивительно. Обратимся к деталям — что вызывает течения?

— Разность температур, ветер, вращение планеты, береговые линии, изменение глубины...

— Хорошо. Вот погляди на эти течения, внимательнее погляди. Они же не возникли из темноты сами собой. Погляди-ка.

— Вижу! Поняла! Великая Амбаласи, ты извлекла меня из невежества, словно фарги из морских глубин. Там, куда ты показываешь, должна быть земля. Никто не видел ее и не сообщал о ее существовании, но только поглядев на карты, ты поняла, где она...

И в знак глубокого уважения Элем склонила голову, как нижайшая из низших перед высочайшей из высших — она сразу поняла, что Амбаласи смыслит в навигации не меньше, чем она сама. А может быть, и больше. Амбаласи кивнула, принимая все как должное.

— Ты искусна в своей науке, Элем, — проговорила она. — Но я искусна во всех науках... и только что доказала это. Я не с первого взгляда обнаружила это: несколько лет мне пришлось изучать навигационные карты. И наше путешествие докажет, что я права. Мы направляемся туда, к этому белому пятну на карте, чтобы оно навсегда исчезло. А теперь иди и пришли мне Энге.

Энге немедленно явилась вместе с Элем. Амбаласи застыла в важной позе, выпрямившись, насколько возраст позволял ее позвоночнику, в руке она сжимала карту. Элем приближалась к ученой смиренно, словно фарги. Энге, сложив руки в предельном уважении все-

таки ограничилась меньшим. Амбаласи протянула ей карту с предельной серьезностью-значимостью в жесте.

— Теперь я покажу тебе, Энге, место нашего назначения и город, который ожидает нас там.

— Мы искренне благодарны за все, что ты для нас сделала. — Жестами она дала понять, что говорит за всех.

— Великолепно. Здесь, на этом месте ждет нас судьба. А вот и наш город.

С этими словами она раскрыла ладонь — на ней лежало большое сморщенное семя. Энге перевела взгляд с карты на семя, потом обратно и понимающе кивнула.

— Мы благодарны. Раз на карте ничего нет, я могу только предположить, что твои огромные познания позволили обнаружить там сушу. Землю, где нет города, где нет иилане', и выращенный из семени город станет нашим собственным.

— Именно, — резко ответила Амбаласи, опустив семя и карту с излишней поспешностью; по гребню ее волнами пробежали краски. — У тебя первоклассный разум, Энге, но я хочу доказать свое превосходство.

Она не стала добавлять, что на сей раз не сумела сделать этого. Энге тоже оставила инцидент без внимания, знаками выказав благодарность и согласие. У старой ученой был крутой нрав, но, учитывая все, что она сделала для Дочерей, с подобными выходками нужно было мириться.

— Дозволено ли будет узнать подробнее о месте нашего назначения, чтобы насладиться плодами работы столь совершенного разума?

— Дозволено. — Краски на гребне поблекли. Амбаласи была удовлетворена обращением. — Смотри внимательно и учись. Сила, ширина и температура течений этих рек в океане помечены на картах для тех, кто в состоянии понять надписи. Конечно же я принадлежу к их числу. Я не стану входить в детали, ты не поймешь их, и только ознакомлю тебя с выводами. Здесь лежит не маленький остров и не гряда островков, здесь расположена огромная земля, в величине которой мы убедимся, когда достигнем ее. Она лежит к югу от Алпеасака, а значит, там еще теплее. Знаешь ли ты имя этой новой земли, Энге?

— Знаю, — ответила та твердо.

— Так скажи нам, — потребовала Амбаласи, не в силах скрыть удовлетворение в движениях.

— Она именуется Амбаласокеи, чтобы в завтрашнем завтра знающие иилане' произносили имя той, что привела разум на дальние и пустынные земли.

— Хорошо придумала, — отозвалась Амбаласи, и Элем выказала согласие, дополнив его жестами увеличения. — А теперь я нуждаюсь в отдыхе, чтобы сбросить силы. Конечно же вам потребуется мое руководство, поэтому будьте меня без колебаний, даже если будете опасаться моего гнева.

Весть о случившемся быстро обежала живой корабль и привела ко всеобщему возбуждению. Дочери Жизни настаивали, чтобы Энге поведала им о важном открытии Амбаласи. Поэтому она встала в круте света, падающего на дно помещения, чтобы все могли ее слышать.

— Угуненапса, учительница наша, сказала: слабейший силен, а сильный слаб. Этой притчей она хотела напомнить нам, что жизнь едина и что еще-влажной-из-моря фарги жизнь дорога в той же мере, как и эйстаа. Угуненапса давно сказала эти слова, но истинный и вечный смысл их только сейчас достиг нас. Амбаласи, даже не будучи Дочерью Жизни, сумела извлечь пользу из учения Угуненапсы, и потому она ведет нас теперь из заточения в новый мир, где мы вырастим город, который станет нашим. Трепещите перед этим чудом. Город, где не будет гонений за веру, где не будет смерти. Город, где мы будем вместе вырастать, и вместе учиться, и приветствовать фарги, чтобы и они росли вместе с нами. И я сказала — с благодарностью и без малейшего колебания, — что новая земля, где вырастет город, будет называться Амбаласокеи.

Волна эмоций прокатилась по телам слушательниц, в унисон колебля их, словно ветер траву в поле. Все они придерживались одного мнения.

— А теперь мы отдохнем — по прибытии придется заняться многим. Элем потребуется помощь на урукето. Пусть все, кто умеет и хочет помочь, идут к ней с жестами готовности и поддержки. Остальные из нас

соберутся с мыслями и подготовятся к тому, что нас ждет.

Амбаласи, как и подобало в ее возрасте, продремала большую часть путешествия. Но остальные не спали. Слишком уж необычной, удивительной была ситуация для Дочерей Жизни. Впервые они были в большинстве, их не гнали и не презирали. Теперь они могли открыто говорить о своих верованиях, обсуждать различные тонкости, обращаясь за разъяснениями к тем, кто подобно Энге обладал ясностью мысли. И с каждым днем они все приближались к ослепительной новой жизни.

В соответствии с указаниями Амбаласи, ее не тревожили, пока урукето не вошел в течение, которое должно было унести их мимо Манинле и Алакас-Аксехента к главным землям Гендаси. Попив прохладной воды и съев мяса, она медленно вскарабкалась на верхушку плавника урукето. Элем и Энге ожидали ее там и принялись почтительно приветствовать.

— Тепло, — проговорила Амбаласи, от солнечного света ее зрочки превратились в вертикальные щели, выражая чувство удовольствия и уюта.

— Мы здесь, — отметила пальцем Элем на карте их местоположение. — Воды кишат жизнью. Здесь много неизвестных громадных рыб.

— Неизвестных тебе и прочим, обладающим ограниченными познаниями, но от меня у океана секретов нет. Поймали вы хотя бы одну из этих рыб?

— Они восхитительны.

Элем знаком изобразила удовольствие от еды. Амбаласи мгновенно отозвалась жестами презрения к обжорству, отдавая предпочтение высшей-важности-знаний.

— Ты в первую очередь думаешь о желудке и только потом вспоминаешь, что у тебя есть мозги, — раздраженно проговорила она. — Прежде чем ты съешь все научные ресурсы океана, доставь мне образчик.

Существо действительно оказалось внушительным — прозрачное, с зеленоватыми плавниками и длиной с

иилане'. Мельком взглянув на него, Амбаласи выразила пренебрежение-к-невежеству и высшее-знание.

— Ничего себе рыба! Или только у меня есть глаза, чтобы видеть, и мозг, чтобы полагаться на него. Это такая же рыба, как я сама, это личинка... личинка утря. Судя по твоим остекленевшим глазам, эти слова ничего тебе не говорят. Хоть что такое угорь ты знаешь?

— Очень вкусный, — ответила Энге, прекрасно понимая, что таким образом поощряет ученую к новым оскорблениям, в чем та находила очевидное удовольствие.

— Вкусный! Только о пищеварении и думаете! Едва ли мы относимся к одному виду. Ну что же, придется снова наполнить ваши пустые головы новой информацией. Знаете ли вы, что длина самой крупной из личинок утря не превосходит когтя на моей ноге? А эти вырастают до невероятной величины, так что их можно есть. Потороплюсь, пока вы сами этого не сказали.

Энге поглядела вниз на слабо извивавшуюся личинку и со знаками понимания и растущего удивления проговорила:

— Это значит, что взрослые утри будут просто гигантскими!

— Так. И это в свою очередь говорит о том, что нас ждет неизведанная земля, — ведь утрей такого размера наука не знала... до сегодняшнего дня.

Через несколько дней Амбаласи потребовала, чтобы ей принесли пробу морской воды. Выбравшись из плавника, одна иилане' спустилась на широкую спину урукето и зачерпнула воды прозрачным контейнером прямо из плещущихся у ног волн. Амбаласи критически оглядела контейнер... и поднесла к губам. Элем жестами выразила опасение, зная, что пьющая морскую воду обречена на иссушение тела и смерть.

— Благодарна за заботу, — проговорила Амбаласи. — Только твои опасения напрасны. Попробуй сама.

Элем нерешительно пригубила... и разразилась жестами удивления и недоверия. Амбаласи с понимающим видом покачала головой.

— Только великая река, равных которой иилане' не знают, может принести пресную воду в эти края. Помоему, мы на пороге великого открытия.

На следующий день они заметили кружащих над урукето птиц — где-то рядом была земля. В воде появилась растительность, окружающее море стало не таким прозрачным и чистым, как океан.

Исследовав несколько образцов воды, Амбаласи заявила:

— Взвесь частиц почвы, бактерий, икринок, планктона, семян. Мы приближаемся к могучей реке, собирающей воды с просторов необъятного континента. С весьма большой точностью могу предсказать — мы близки к цели, близки к Амбаласокеи.

Почти весь следующий день шел дождь, прекратившийся только к вечеру. И когда облака впереди разошлись, перед иилане' предстал невероятно величественный и красочный закат. С гребня очередной высокой волны, приподнявшей урукето, они заметили темную полоску между водой и полыхавшим небосводом.

Всю ночь они спали, как положено иилане', не шевелясь в глубоком забытии, — но с первыми лучами солнца проснулись. Элем согнала с плавника почти всех. Как подобает, Амбаласи заняла самое удобное место, чтобы в подробностях видеть, как вырастала, приближаясь, далекая суша. Вблизи она распалась на множество островков.

— Нет реки, — проговорила Элем, делая знаки разочарования.

— Не-способная-к-пониманию, — ехидно махнула руками Амбаласи. — Это у маленьких рек большие рты. А река, орошающая целый континент, несет много ила и образует дельту из множества островков. Плыви вперед по протокам и выплывешь в реку. На ее берегах возле обильных вод мы и посадим семя города.

— Не может быть даже мысли, что Амбаласи ошибается, она всегда права, — сказала Энге. — Впереди наша судьба, начало новой жизни для всех нас. Земля Амбаласокеи, где вырастет наш город.

Глава двадцать вторая

*Angurpiamik nagsoqipadluinargog
mungataq ingekaqaq.*

Всяк парамутан свежей рыбе раг.

Пословица парамутанов

В конце концов решение было принято. Потребовалось много времени, но только так положено решать дела у парамутанов. Бесконечные разговоры прерывались время от времени горстью сала или куском тухлого мяса — как же иначе решать важное дело? Когда запасы мяса в паукаруте заметно сокращались, совет перебирался в другой. Парамутаны входили и выходили, засыпали, утомленные переговорами. Проснувшись и возвращавшимся приходилось пояснять все, что произошло, тем более, если мнение отсутствовавшего было существенным для остальных.

И все же решение было принято. Иккергаки пойдут через океан бить уларуаква, но путь неблизок, и раньше осени они не вернутся... Может быть, даже придется и зазимовать в дороге, а пища в паукарутах окончится задолго до этого. И раз прибрежные воды изобиловали рыбой, было решено, что один из иккергаков пойдет на юг, проверить, что ловится в этих краях, а заодно прихватит гостей-эрквигдлитов и отвезет в родные края. Предприятие было новым и просто потрясающе интересным, так что участвовать в нем хотели все парамутаны, однако все сходилось на том, что именно Калалекву следует распоряжаться на иккергаке, раз именно у него хватило смекалки доставить сюда эрквигдлитов.

Но решив, попусту время не тратили. Солнце пригревало, дни становились длиннее, и лед начинал ломаться. Впереди недолгое лето, а за ним снова зима. И с неприличной после долгих размышлений торопливостью в иккергаки стаскивали запасы. Все необходимое грузили с радостными криками и хохотом, кораблики по одному провожали в море — унылые физиономии и слезы сулили верную неудачу. Когда их иккергак уже был готов к отплытию, Ангаджоркакв спряталась, но Армун остановила мужчин и разыскала подругу под шкурами в дальней части паукарута.

— Глупая, — произнесла Армун, отирая слезы с мохнатого лица женщины.

— Поэтому я и спряталась.

— А у нас, эрквигдлитов, слезы при расставании — добрый знак.

— Вы — странные люди, и я не хочу расставаться с вами.

— Мы должны отплывать. Но мы скоро вернемся.

Глаза Ангаджоркакв расширились, и она удивленно присвистнула.

— Чтобы так говорить, надо видеть сквозь снег и лед, сквозь грядущие дни. Я не знала.

Армун и сама не думала об этом — слова сами собой слетели с языка. Мать ее умела приподнимать мглу неведения над завтрашним днем. Быть может, она и не знала, что унаследовала от матери эту способность.

Погладив Ангаджоркакв по лицу, Армун поднялась и вышла. Иккергак ждал, с борта кричали, чтобы она поспешила, и Армун побежала. Арнхвит радостно скакал у борта, Харл торопил ее криком. Даже Ортнар казался довольным, только на лице Керрика было все то же мрачное выражение — оно стало таким, когда все решили отправляться на юг. Он пытался бороться с собой, вымученно улыбался и шутил, — но долго не выдерживал. Маску уныния не удавалось прогнать с лица его. Ночью в объятиях Армун он ненадолго забывал гнетущие думы, но по утрам они возвращались.

Начался путь на юг. Керрику еще не случалось путешествовать в иккергаке, и новизна занимала и тело, и мысли его. Это не то что плыть через океан в урукето — в покрытой кожей внутренней камере, в воню-

чей и зловонной полутьме, где ничего не видно и нечего делать. На иккергаке все было не так. Они плыли по воде, а не под ней, над головами кричали птицы и спускались к волнам. Дерево скрипело о кожу, и спущенный большой парус гнал суденышко вперед по волнам. Здесь Керрик не был оцепеневшим пассажиром — он трудился со всеми. На дне иккергака всегда набиралось много воды, а Керрику не надоедало возиться с костяной трубкой и следить, как сбоку выливается струйка чистой воды. Он все гадал, как это происходит, но так и не мог понять секрета. Наверняка все дело в воздухе, как в надувной игрушке, но разобраться он не мог. В конце концов и неважно — достаточно было знать, что движениями рук он может доставать воду со дна лодки и выбрасывать в океан.

С парусом было проще. Керрик чувствовал лицом дуновение ветра и видел, как напрягаются плетеные веревки, передавая силу ветра иккергаку. Следуя наставлениям парамутанов, он научился правильно тянуть за линии и завязывать их узлами. Ему даже разрешили нести вахту возле кормила. Лишние руки были нужны: они плыли и ночью, и днем, и зима отступала назад, сменяясь весной. Так что днем при хорошем попутном ветре он уже мог держать курс не хуже парамутанов.

Иккергак оказался сложным, воистину изумительным сооружением. Весь его корпус был сделан из шкуры одного уларуаква, так что Керрик мог догадываться, какими огромными могут быть морские гиганты. Кожаная обшивка обтягивала прочный деревянный каркас. Гнутую деревянную решетку скрепляли кожаные ремни. В известной мере это было похоже на урукето — при движении иккергака гибкие бока «дышали».

По мнению Армун, плыть на юг в иккергаке было куда лучше, чем на север в маленькой лодке. Здесь было просторнее, и чувствовала она себя лучше. Дни становились теплее — хватит с них льдов и снега. Но она боялась, что мальчики свалятся в воду, и следила за ними, когда они играли. Но несмотря на ее заботы, как-то раз разыгравшийся Харл потерял равновесие и свалился-таки за борт. Вопль его переполошил кормчего, тут же развернувшего иккергак боком к ветру. Парус вяло затрепетал, а Калалекв, перегнувшись за

борт, бросил лить испуганному мальчишке. Все произошло в какой-то миг. Воздух не успел выйти через кожаную одежду и поддержал его на воде. Когда мальчика вытащили на борт, все парамутаны просто покатались со смеху при виде промокшей фигурки. После этого Харл стал осторожнее, да и Арнхвит притих после того, как его приятель кувырнулся за борт.

Парамутаны были отличными рыбаками и постоянно забрасывали в воду снасти. Костяные крючки состояли из двух частей: одна заостренная, в другой просверлено отверстие для шнура. В середине крючок был чем-то склеен и перевязан. Три-четыре таких крючка привязывали к одной снасти и наживляли кусочками кожи, вымазанными чем-то желтым и красным. В качестве грузила использовали просверленный булыжник, который привязывали к длинной снасти. Камень бросали за борт, и вся снасть отправлялась следом за ним. Когда ее поднимали, она часто была полна рыбы. Конечно же добычу парамутаны, как всегда, поедали сырой, но тану уже успели привыкнуть к этому.

Воду везли с собой в мехах, запасы ее пополняли из пресных ручьев и речек на берегу. И намного скорее, чем рассчитывали, тану оказались возле большой реки — там, где саммады останавливались по дороге на юг. Стало гораздо теплее, дни удлинились. Теплые дни радовали тану, а парамутанам становилось все более и более не по себе. Они давно уже сбросили всю одежду и старались держаться в тени, но их бурый мех был постоянно влажен от пота. Смех прекратился. И как-то раз после солнечного и жаркого дня Калалекв поманил Армун в сторону. Он прятался в тени борта лодки, утомленно обмахиваясь кисточкой хвоста.

— Тебе надо учиться водить иккергак, остальным эрквигдлитам тоже. Настало время расставаться — мы, парамутаны, умираем...

— Не говори так, — в ужасе вскрикнула она, зная, что смерть всегда прячется где-то рядом и готова прийти, едва заслышит свое имя. — Причиной всему жара. Высадите нас на берег, а сами возвращайтесь на север.

Парамутаны давно уже страдали от жары, но стали настаивать на продолжении плавания и не позволяли

тану высадиться, чтобы самим повернуть обратно. Нужно было что-то предпринять, но Армун не знала, что именно. И тут судьба распорядилась по-своему...

Парус вдруг захлопал, и иккергак закачался на волнах. У руля был Керрик. Бросив кормило, он показывал на берег и кричал.

Они плыли вдоль берега, мимо ровного отлогого пляжа, с обеих сторон уходящего к горизонту. Был отлив, и гладкое песчаное дно обнажилось на всем протяжении. Керрик указывал на какой-то темный предмет, похожий на серую скалу. Армун не могла понять, что его взволновало. И вдруг, затаив дыхание, поняла.

Мастодонт. Мертвый.

Иккергак подвели поближе к берегу. Керрик первым прыгнул за борт. Преодолевая волны, он побрел к неподвижному телу. На хобот мастодонта набегали волны. Морские птицы успели выклевать глаза мертвого зверя. Керрик обошел вокруг туши. И с мрачным как смерть лицом поднял извлеченную из шкуры иглу хесотсана.

— Иди назад! — закричала Армун по-парамутански. Ее голос дрожал от страха. — Будем идти на север всю ночь, а потом — в глубь суши, подальше от океана.

Она потянулась за Арнхвитом. Подняв массу брызг, Харл выбрался на берег следом за ней. Ортнар, морщась, вылез из лодки. Армун объяснила случившееся испуганному парамутану. Слова выплеснулись потоком:

— Твари, о которых я тебе рассказывала, мургу, побывали здесь. Они приходят с юга, морем. Возвращайтесь на север, спасайтесь.

— Мастодонт пришел оттуда. — Керрик махнул в сторону деревьев за дюнами. — Видишь следы? Два или три дня назад. Пусть они передадут наши вещи. И возвращаются.

Видя мертвое тело мастодонта, спорить было невозможно.

— Мы уходим, — ответил Калалекв, не скрывая страха в голосе. — Мы уходим на север, ловить рыбу, кормить паукаруты. Плывите с нами, иначе мургу убьют и вас.

— Мы должны остаться.

— Тогда мы вернемся за вами. На это место. Прежде чем наступит зима. Надо ведь ловить рыбу. И вы возвратитесь с нами.

— Пойми, мы не можем этого сделать. Наше место здесь. А теперь плывите, быстрее.

Армун стояла на берегу около скромной груды пожитков, прижимая к себе мальчишек. Поймав ветер, иккергак быстро двинулся вдоль побережья. Расставаясь, парамутаны припомнили свои правила приличия, и их громкие шутки и смех еще долго доносились до тану сквозь шум волн.

Ортнар медленно двинулся вперед, тяжело опираясь на копье. Взвалив вещи на плечи, остальные пошли по его следам и догнали охотника на лесной опушке. Ужасное зрелище было прискорбно знакомо всем, кроме четырехлетнего Арнхвита, в страхе безмолвно цеплявшегося за руку матери.

Покосившиеся шатры, распростертые тела, мертвый мастодонт.

— Саммад Сорли. Они шли на север, — мрачно произнес Ортнар. — Прошлой осенью мы встретили их, когда саммад шел на юг. Почему...

— Ты знаешь почему, — перебил его Керрик голосом столь же безысходным, как и окружающая картина. — В городе что-то случилось. Надо идти туда, узнать...

Он умолк, заслышав в лесу звук, который все тану знают от рождения, — рев мастодонта. Керрик бросился к нему мимо останков саммада по ясно обозначенной сломанными сучьями тропе. Во время нападения мастодонты убежали. Перед Керриком лежала бездыханная туша, за нею другая. Он остановился, прислушиваясь, и вновь услышал трубный зов, теперь уже ближе.

Стараясь не делать резких движений, он двигался в сгущающейся темноте, пока не увидел зверя. Керрик тихо позвал его. Заметив его, мастодонт негромко заворчал и приподнял хобот.

Когда зверь шевельнулся, Керрик заметил за спиной у него девочку, жавшуюся к стволу дерева. Испуганное, залитое слезами личико... Ей было лет восемь, не более. Успокаивая ребенка и зверя словами, Керрик подошел поближе и подхватил девочку на руки.

— Дай сюда. — Вышедшая из-за деревьев Армун отобрала у него ребенка.

Стало слишком темно, чтобы продолжать путь. Они остановились под деревьями, поджидая отставших. Мальчики оказались близко, а еле ковылявший Ортнар сильно отстал.

— Без огня, — сказал Керрик, — мы не знаем, куда они ушли. Если они приходили с суши, то могут быть неподалеку.

Девочка наконец заговорила, но Армун так и не сумела чего-нибудь добиться от нее. Звали ее Даррас. Она ушла в лес и как раз присела под кустиком, когда все закричали. Она растерялась и не знала, что делать, потому и осталась в своем укрытии. А потом она обнаружила мастодонта и осталась возле него. Она была голодна. Почему саммад шел на север, Даррас тоже не знала. Она просто набросилась на холодное мясо и, насытившись, уснула.

Сказать было нечего, наконец Керрик нарушил молчание:

— Утром я проверю, нет ли следов иилане', впрочем, они наверняка ушли уже отсюда. Если так — мы отправляемся на юг, к озеру, где я оставил двух самцов-мургу. Если они живы, мы возьмем их стреляющие палки. Там много пищи, можно будет остановиться. А я должен узнать, что случилось в Деифобене. И мне придется пойти туда одному, а вы останетесь у озера.

— Так и будет, — мрачно сказал Ортнар. — Или саммады там, или их нет. Надо узнать, что случилось.

Глава двадцать третья

Утром, тяжело опираясь на копьё и хромая, Ортнар отправился выслеживать иилане'. Керрик хотел пойти сам, но понимал, что рослый охотник гораздо лучше его разбирается в лесных следах. Пока Армун кормила детей, он вырезал длинные и прочные шесты для травойса, связав их взятыми из поклажи ремнями. Когда он примеривал волокушу к мастодонту, вернулся Ортнар.

— Они пришли с моря, — проронил он, устало опускаясь на землю. Осунувшееся от боли лицо было покрыто бисеринками пота. — Я нашел, где они вышли из моря, — там они устроили засаду, и саммад попал в нее. А потом они вернулись в море.

Керрик поглядел на небо.

— Пока мы не на юге, можем считать себя в безопасности; сразу после сражения их птицы не будут летать здесь. А теперь пошли, пройдем на юг, сколько можем, прежде чем придется идти по ночам.

— Совы... — проговорила Армун.

Керрик кивнул.

— Да, лучше идти ночью. Рапторы летают высоко и видят больше. Больше мы ничего не можем сделать.

Миновав останки саммада, они ступили на тропу, по которой и отправились на юг. Арнхвит бежал за тяжело шагавшим мастодонтом и, считая происходящее отличной забавой, время от времени останавливался в восхищении перед очередной дымящейся кучей помета. Еще не пришедшая в себя от потрясения Даррас молча шагала рядом с Армун. Арнхвиту наконец надоело идти, и он вскарабкался на травойс, девочка скоро присоединилась к нему. Харл в свои тринадцать лет был уже достаточно взрослым и шагал вместе со всеми.

Ортнар отказался ехать на травоисе, хотя беспалая нога постоянно беспокоила его. Он охотник, а не дитя. Керрик только раз предложил ему, но, услышав резкий ответ, больше не говорил об этом. Перед полуднем заморосил мелкий весенний дождик, постепенно превратившись в ливень. Скользя в раскисшей грязи, Ортнар отставал все больше и больше, наконец исчез из виду.

— Надо подождать его, — сказала Армун.

— Нет, он охотник, он горд. И потому сам сделает все, что нужно.

— Охотники глупы. Я бы ехала, если бы у меня болела нога.

— Я тоже. Но я только наполовину охотник, а мургу не ходят понапрасну.

— Ты не мараг, — возразила она.

— Нет, но временами мои мысли бывают похожими на их мысли. — Улыбка исчезла с его лица, с несчастным видом он шагал под дождем. — Где-то они бродят, что еще творят? Что-то ужасное. Нужно выяснить — придется идти в город.

Керрик не хотел делать привал в полдень, но Армун настояла, — ведь Ортнара они не видели с самого утра. Пока она готовила еду, он нарезал сосновых ветвей, чтобы укрыться от холодного ливня. Харл принес воды из ближайшего ручья, и они принялись за еду, старательно запивая мерзкое мясо. Керрик так и не справился со своим куском и выплюнул его. Надо бы поохотиться, добыть свежего мяса и поджарить его. Дичи он не заметил, но она должна быть повсюду. В лесу что-то шевельнулось, и Керрик схватил свой лук со стрелами, но это оказался Ортнар. Хромая, он медленно подошел. Через плечо была переброшена связка битых лесных голубей.

— Подумал — хорошо бы свежатинки... — Задышавшись, он опустился на землю.

— Давайте сейчас съедим их, — предложил Керрик, с тревогой глядя на осунувшееся лицо Ортнара. — Сейчас можно развести костер: под дождем дым никто не заметит. Харл, ты знаешь, как искать сушняк. Принеси-ка.

Армун ошипывала птиц, Даррас неумело, но старательно помогала ей, Керрик развел костер. Даже Ортнар заулыбался, почуяв запах; птичьи тушки обжаривались на деревянных палочках. Мясо еще было наполовину сырым, но тану не могли уже ждать. Так надоела мерзлая рыба и вонючее мясо.

Вскоре от птиц остались только хорошо обглоданные косточки. А люди, согревшись и набив животы, с новыми силами отправились дальше. Ортнар поначалу шел со всеми, но вскоре он вновь стал отставать и опять пропал из виду. Дождь прекратился, и сквозь тонкие облака проглянуло солнце. Поглядев на небо, Керрик решил сделать привал пораньше. Надо, чтобы больной охотник еще до темноты догнал их. И когда они добрались до поляны, окруженной редкими дубами, он решил остановиться возле ручья неподалеку.

Сооружая из сосновых ветвей укрытие на ночь, Керрик на какое-то время отвлекся. Ортнар не появлялся.

— Пройдусь-ка вдоль колеи, — сказал Керрик. — Поищу дичи.

— Тебе понадобится моя помощь, — заявил Харл, хватаясь за свое легонькое копье.

— Нет, для тебя здесь найдется более важное дело. Оставайся и охраняй. Здесь могут оказаться мургу.

Охота была только предлогом. Он тревожился за Ортнара. И, торопливо шагая вдоль колеи, Керрик вовсе не думал о дичи. Что делать, как убедить Ортнара ехать на травойсе? Это необходимо. Пока они ели птиц, он заметил кровь, проступившую сквозь повязку на больной ноге Ортнара. Надо поговорить с ним, объяснить, что он задерживает всех, а это опасно. Нет, так говорить нельзя, тогда охотник оставит их и пойдет один. Керрик начал беспокоиться. Он зашел уже далеко, а Ортнара все не было видно. Впереди, прямо на колее что-то темнело. Выставив вперед копье, Керрик осторожно пошел навстречу.

Уже давно стемнело, беспокойство и страх терзали Армуна. Солнце село когда еще, а охотники до сих пор не вернулись. Может быть, послать Харла поглядеть, в

чем дело? Нет, лучше держаться всем вместе. Кажется, это крик? Она прислушалась и разобрала дальний окрик.

— Харл, последи за детьми! — крикнула она, хватая свое копьё и устремляясь вдоль борозд, оставленных травонисом.

Навстречу ей тяжело, оступаясь, шагал Керрик, согнувшись под тяжестью обмякшего тела Ортнара.

— Он умер?

— Нет. Ему очень плохо, — задыхаясь, ответил Керрик: Ортнара пришлось нести издалека. — Помоги.

Они укутали потерявшего сознание охотника шкурами, удобно уложили его в шалаше. На губах Ортнара выступила пена, и Армун заботливо вытерла ему лицо.

— Ты знаешь, что с ним случилось? — спросила она.

— Нет, я так и нашел его, он свалился прямо в грязь. Как ты думаешь, что с ним могло случиться?

— Ран не видно, кости целы. Я ничего подобного не видела.

Ветер унес облака, и ночь оказалась звездной. Зажигать костер они не рискнули. Керрик и Армун по очереди дежурили возле бесчувственного охотника, следили, чтобы он не раскрывался. Перед рассветом проснулся Харл и предложил свою помощь, но Керрик велел ему спать. Когда рассвет осветил листья над головой, Ортнар шевельнулся, застонал и открыл правый глаз. Керрик нагнулся к нему.

— Что случилось?

Ортнар попытался заговорить и сквозь стиснутые губы сумел выдать слова:

— Больно... упал...

Керрик заметил, что левый глаз его остался закрытым и вся левая сторона лица была какой-то неподвижной.

— Попей... Пить, наверное, хочешь?

Он приподнял за плечи бессильное тело рослого охотника и помог ему напиться. Губу перекосило, и вода стекала по подбородку. Потом Ортнар уснул, теперь уже спокойнее, и дыхание его стало ровнее.

— Когда я была маленькой, у нас в саммаде была такая, — проговорила Армун. — Один глаз у нее не открывался, а руки и нога не двигались. Это называют

падучим сглазом, и алладжекс сказал, что в нее вселился злой дух.

Керрик покачал головой.

— Это раненая нога, он переусердствовал. Жаль, что он не сел утром на травойс.

— Ну а теперь ляжет, — заметила практичная Армун. — Положим на травойс ветви и привяжем его.

Ортнар был слишком слаб, чтобы протестовать. Несколько дней он пролежал как мертвый, лишь изредка пробуждаясь, чтобы попить и немного поесть. Становилось теплее, дичи вокруг становилось больше... и не только дичи. Здесь уже водились мургу.

Мелких они убивали и ели, но постоянно помнили, что где-нибудь неподалеку могут оказаться и огромные хищники. Теперь Керрик шел, держа наготове лук и не переставал жалеть, что их хесотсаны не пережили зиму.

Наконец Ортнар смог сесть и даже брать мясо правой рукой. Волоча левую ногу и опираясь на костыль, который вырезал для него Керрик, он уже был в состоянии пройти несколько шагов.

— Я еще могу держать копье правой рукой, только поэтому я остаюсь с тобою. Будь здесь кроме тебя охотники, я простился бы с вами и остался под деревом.

— Но тебе станет лучше, — проговорил Керрик.

— Возможно. Но я охотник, а не сухая нога. Это Херилак убил меня. Когда он ударил меня, мою голову словно огнем прожгло. А теперь прожгло и все мое тело. Я теперь жив только наполовину и бесполезен.

— Ты нам нужен, Ортнар. Ты знаешь лес лучше всех. Ты должен отвести нас к озеру.

— Это я могу сделать. Интересно, живы ли твои любимые мургу?

— И мне тоже. — Керрик был рад изменить тему разговора. — Эти двое, они... не знаю, как сказать... как двое детей-тану, которые навсегда остались маленькими.

— По-моему, они вполне взрослые... и безобразные.

— Телом — да. Но ты видел, как они жили. Их держали взаперти, кормили, ухаживали за ними, даже погулять не выпускали. Наверное, с того дня, как они вышли из моря, оба самца впервые остались в одиноче-

стве. Мургу запирают своих самцов, прежде чем те научатся говорить. Будет просто удивительно, если они сумели пережить зиму.

— Было бы лучше, если бы они умерли, — злобно проговорил Ортнар, — вместе со всеми мургу.

Уходя на юг все дальше и дальше, они продвигались теперь только по ночам, а днем вместе с мастодонтом прятались под деревьями. Охота была хорошей, сырая рыба и тухлое мясо вспоминались, как скверный сон. Удача сопутствовала им: в лесу они не встречали никого из крупных мургу, а мелкие сами убегали от них. Ортнар внимательно следил за дорогой и показал, где сворачивать к круглому озеру. Тропа была заросшей и узкой — по ней давно не ходили.

Держа копье наготове, Керрик шел впереди — Ортнар уверял, что озеро неподалеку. Осторожно и бесшумно ступая, он вглядывался в тени под деревьями и кустами. Сзади, на некотором расстоянии, топал мастодонт, треща ветвями. И вдруг впереди хрустнул сучок, Керрик застыл.

Что-то пошевелилось в тени. Темная фигура... такая знакомая.

Иилане' с хесотсаном!

Достать лук? Нет, движение выдаст его. Фигура приближалась... вот она вышла на солнечный свет.

Выпрямившись, Керрик крикнул:

— Приветствую тебя, могучий охотник!

Иилане' резко обернулась и, сделав шаг назад, с трясущейся от страха челюстью стала наводить хесотсан.

— С каких это пор, Надаске', самцы убивают самцов? — спросил Керрик.

Тяжело осев на хвост, Надаске' с облегчением зажестиковал, изображая испуг и спасение от смерти.

— О, говорящий устузоу, я был на краю смерти из-за тебя.

— Ну, я вижу, только на краю. Ты жив. И я рад видеть это. А как Имехей?

— Он такой же, как я, сильный, решительный, могучий охотник.

— Такой же толстый?

Сердитыми жестами Надаске' выразил несогласие.

— Если я кажусь тебе толстым, то лишь потому, что мы искусные следопыты. Вот когда хорошее мясо закончилось, мы были тощими, пока не научились охотиться и ловить рыбу. А теперь давай спрячемся — приближается что-то ужасное.

— Останови страх, предайся радости. Это идут мои друзья с огромным нагруженным зверем. Не убегай, иди к Имехеи и скажи ему, что случилось, чтобы он не застрелил нас.

Жестом выразив согласие, Надаске', переваливаясь, быстро потрусил по тропе. Вновь послышался треск сучьев, и к Керрику подошел мастодонт.

— Ну вот мы и пришли, — сказал он Армун. — Я только что разговаривал с одним из мургу, о которых тебе рассказывал. Идите вперед и не бойтесь. Они не сделают вам ничего плохого. Это — мои друзья.

На марбаке эта мысль выглядела довольно странно, но слова, соответствующего понятию «эфенселе» в нем просто не было. Слово «семья» подошло бы больше, но неизвестно, как к этому отнеслась бы Армун. Что она скажет, если он объявит мургу членами своего саммада? И Керрик заторопился вперед, чтобы успеть заранее поговорить с обоими самцами.

Выбравшись из травояса, Ортнар встал на ноги и заковылял следом за волокушей. Они вышли прямо к озеру — огромной, залитой солнцем, водяной равнине. Имехеи и Надаске' в безмолвной неподвижности дожидались под навесом из зеленых лиан, не выпуская из рук хесотсаны. Мастодонт замер, и тану вместе с ним. Потом они молча двинулись дальше, и только стайка птиц с ярким оперением хрипло перекликалась, летая над водою.

— Это мои эфенселе, — объяснил он самцам, выходя на солнечный свет, чтобы его поняли. — Огромный-серый-неразумный-зверь везет нашу поклажу. Опасаться нечего.

Обернувшись, он увидел, что девочка спрятала лицо в одежде Армун. Только у Даррас и Арнхвита в руках не было копий.

— Ортнар, — сказал Керрик. — Ты много прошел с ними, они тебя не трогали. Армун, отложи копье... и ты, Харл, тоже. Эти мургу неопасны.

Ортнар оперся на копые всем телом, остальные опустили копыя... Повернувшись, Керрик подошел к застывшим самцам.

— Вижу, вы здесь поработали, — заявил он, — многое освоили, пока меня не было.

— А эти маленькие-уродливые устузоу — молодые устузоу? — спросил Имехеи, не опуская оружия.

— Да, и они уже иилане', хотя еще совсем малы. Вы будете целый день стоять здесь с открытыми ртами, как изумленные фарги? Или же поздороваетесь, предложите прохладной воды и свежего мяса? Так поступили бы самки. Или они умнее самцов?

Гребешок на голове Имехеи покраснел, он отложил оружие.

— Здесь так спокойно, что я позабыл уже о твоей резкости, самец-самка. Есть и еда, и питье. Мы приветствуем троих уродливых эфенселе.

Не без колебаний его примеру последовал и Надаске'. Керрик облегченно вздохнул.

— Приятное общество, — усмехнулся он. — Наконец-то поздоровались.

Оставалось только надеяться, что все будет хорошо.

Глава двадцать четвертая

Только миг саммадар был счастлив, увидев сразу обе части Керрик-саммада, явно ставшие держаться подальше друг от друга. Он выпряг мастодонта из травояса и отвел под деревья, где слон с удовольствием захрустел свежими ветками. Теперь он создавал только проблемы — с воздуха его легко заметить. Выход был очевидным: слона убить, а мясо закоптить. Это придется сделать, но можно не торопиться. Вокруг и так одна только смерть.

Армун развела под ветвистым раскидистым деревом небольшой и бездымный костерок, дети играли рядом с огнем. Ортнар уснул, Харл отправился на охоту, — скользнув в лес с противоположной от иилане' стороны. Мир и спокойствие, время подумать. И поговорить с самцами. Стараясь держаться в тени, Керрик подошел к сооруженной самцами на берегу хижине. Особенно понравилась ему плотная, заросшая листвою крыша.

— Ваша работа? — спросил он. — Вы ее сделали, чтобы не было заметно с воздуха?

— Грубая сила самкам, разум самцам, — самодовольно проговорил Надаске', усаживаясь на хвост.

— Резать свежие ветви каждый день трудно, — добавил Имехеи. — Они сохнут, быстро меняют цвет. И мы нарезали шестов, а между ними посадили плющ.

— Дело разума, беспредельное-восхищение.

Слова свои Керрик подкрепил превосходными степнями. Двое самцов оказались в непривычных условиях, перед лицом трудностей, неведомых им в ханане. Они соорудили себе жилье и, судя по внешности, не голодали.

— Хороша ли охота?

— Мы — мастера и в рыбалке. — Иমেхеи потянулся к яме, наполненной влажными листьями и, пошарив в ней, извлек двух крупных пресноводных раков. — Ловим их... Хочешь есть?

— Потом. Голод-утолен.

— Куда вкуснее мяса, — проговорил Имехеи, передавая второго Надаске'.

Острые конические зубы мгновенно расправились с раками. Оба самца с воодушевлением жевали, выплевывая кусочки панциря.

Надаске' первым закончил жевать, выплюнул остатки в кусты.

— Не будь их, мы питались бы хуже. Известно ли тебе, как готовят мясо? Мы вот не знаем.

Керрик жестом выразил отрицание.

— Я видел, как это делают в городе. Свежее мясо укладывают в баки с жидкостью. Она и преобразует его, но я не знаю, что такое эта жидкость.

— Вкусное-мясо-желе, — проговорил Имехеи, Надаске' жестами соглашался с ним. — Только его нам здесь не хватает. Но главное — свобода духа и тела.

— Видели ли вы здесь иилане'? — спросил Керрик. — Слыхали что-нибудь о городе?

— Ничего! — отвечал Имехеи не без раздражения. — Мы не хотим слышать о нем. Мы здесь здоровые, сильные, знать не хотим о родильных пляжах. — Последние слова вышли неразборчиво — он выковыривал скорлупу рака из зубов. — Мы гордимся тем, что сделали, и часто говорили обо всем. Ненависть и смерть устузоу, погубившим наш город. Благодарность Керрику-устузоу, освободившему наши тела, защитившему нас.

— С многократной силой, — добавил Надаске'.

Оба иилане' умолкли и застыли в благодарной позе. После проведенной среди парамутанов зимы самцы казались Керрику приземистыми и уродливыми: огромные когти и зубы... глаза, которые могут смотреть в разные стороны. Такими их видят тану — для него же они верные друзья, умные и благодарные.

— Эфенселе, — не думая проговорил Керрик, жестами подчеркивая благодарность и приязнь.

Их ответная симпатия была выражена без всякой задержки.

Возвращаясь в лагерь тану, Керрик ощущал важность совершенного им. Но чувство это было недолгим. Когда они разбили лагерь, он почувствовал, что мысли его устремляются к городу и судьбе его. Следовало бы собственными глазами увидеть, что там случилось. Он сдерживал нетерпение, понимая, что не может оставить вместе столь разные существа, пока они не привыкли друг к другу. Даррас не желала даже подходить к самцам и, увидев их, немедленно ударялась в слезы — горе еще не утихло. Ведь подобные им мургу погубили ее саммад. Харл подобно Ортнару, относился к самцам с опаской.

Только Арнхвит не боялся иилане', они его тоже. Иилане' звали ребенка «маленький-безопасный» и «только-что-из-моря». Они понимали, что с Керриком мальчика связывает нечто глубокое, но, конечно, не могли уяснить, что общего может быть у ребенка и отца. Ведь иилане' рождались из оплодотворенных яиц в сумке самца и почти сразу же попадали в море. Они помнили только эфенбуру — тех, с кем выросли в океане. Но самцы и о тех днях мало что помнили, — ведь их сразу же отделяли от самок. Арнхвит всегда сопровождал Керрика, когда тот отправлялся разговаривать с самцами: он усаживался рядышком, наблюдая за их извивающимися телами, и вслушивался в шипящие голоса. Это было так интересно.

Дни шли, тану и иилане' держались друг от друга на расстоянии, и Керрик перестал уже надеяться на успех. Как-то раз, когда все заснуло, он попытался уговорить хотя бы Армун.

— Зачем мне эти мургу? — возмутилась она, окаменев всем телом под его ладонью. — После всего, что было, их можно только убивать.

— Но ведь самцы ни в чем не виноваты, они жили в городе как в заточении...

— Хорошо. Вот и свяжи их. А лучше убей. Я и сама могу это сделать, если ты не хочешь. Зачем тебе говорить с ними, что тебя туда тянет? Извиваешься всем телом, издаешь эти ужасные звуки. Незачем это делать.

— Но они друзья мне.

Он уже не надеялся на слова — слишком часто приходилось повторять все это. Он погладил ее по голове и прикоснулся языком к очаровательной раздвоенной губе. Армун хихикнула. Так лучше, так, конечно же, лучше. Но как ни хорошо с ней, он хотел быть довольным и остатком дней своих.

— Мне нужно идти в Деифобен, — сказал он Армун на следующий день. — Надо выяснить, что там произошло.

— Я пойду с тобой.

— Нет, ты останешься здесь. Меня не будет всего несколько дней — просто туда и обратно.

— Но это опасно. Зачем ты торопишься?

— Ничего не изменится. Долго я не задержусь, обещаю тебе. Я предельно осторожно подберусь к городу, а потом вернусь. Вы будете ждать меня здесь — мяса хватит на всех. — Он заметил направление ее взгляда. — Нет, эти двое не принесут вам вреда, я тебе обещаю. Самцы другие. Они боятся тебя не меньше, чем ты их.

Он пошел к своим иилане' — сообщить, что уходит. Реакцию нетрудно было предвидеть.

— Мгновенная смерть, конец жизни! — застонал Надаске'. — Без тебя устузоу будут убивать. Они всегда убивают. Но я обещаю — они умрут вместе с нами, — с мрачной решимостью жестикулировал Надаске'. — Мы не так сильны, как самки, мы всего лишь самцы, но уже научились защищать себя.

— Довольно! — доведенный до белого каления, замахал руками Керрик, прибегая к форме приказа высшей самки всегда низшему самцу. Что еще он мог придумать в этой странной ситуации? — Смерти не будет. Я приказал им.

— Но как ты, простой самец, можешь указывать самке устузоу? — с ехидцей осведомился Имехен.

Гнев Керрика сразу утих, и он захохотал. Самцы так и не поняли, что глава всему не женщина Армун и он говорит не от ее лица.

— Уважительная просьба, — знаком показал он. — Держитесь подальше от них, а сами они не подойдут к вам. Сделаете ли вы это для меня?

Оба нерешительно выразили согласие.

— Хорошо. То же самое я скажу устузоу. Но, прежде чем отправиться в путь, я прошу у вас один из двух хесотсанов. Очень прошу. Оба наших умерли от холода.

— Смерть-от-шипов!

— Голод-без-мяса!

— Не забывайте, от кого вы их получили, кто научил вас пользоваться ими, дал вам свободу, спас ваши бесценные жизни, наконец. Отвратительный пример чисто мужской неблагодарности.

После долгих стонов и жалоб на жестокосердие самок они с сожалением передали ему один из хесотсанов.

— Сытый... — проговорил Керрик, погладив рот оружия, чтобы взглянуть на его зубы.

— Забота была проявлена: они ели прежде, чем мы, — с сожалением проговорил Надаске'.

— Благодарю. Вы получите оружие назад, когда я вернусь.

Керрик ушел на рассвете, прихватив с собой немного копченого мяса. Кроме еды и хесотсана у него ничего не было, так что он шел быстро. Дорогу трудно было потерять из виду, он торопился. И только подойдя к границе внешних полей, Керрик замедлил ход. Теперь надо быть осторожным. Это была граница Алпеасака, но обитавший здесь скот иилане' давно уже умер, ограды зачахли. Впереди зеленел терновник внешней ограды.

Он оказался куда более зеленым, чем помнилось Керрику. Живая стена была покрыта огромными влажными листьями. А на длинных шипах гнили трупки птиц и мелких животных.

Иилане'.

Но зачем они вырастили эту стену, — чтобы не впустить в город врага или не выпустить? Кому сейчас принадлежит город? Как его называть: Деифобен или снова Алпеасак?

В глубь суши идти было незачем. Конечно же, барьер окружал весь город. Чтобы незаметно обойти его по суше, потребуется не один день, и все равно он ничего не узнает. К морю! Остается идти к морю. Забыв про осторожность, он пустился бежать. И только когда весь

вспотел и запыхался, он осторожно опустился на траву в тени дерева. Не дело. Так двигаться дальше — самоубийство. Надо красться, приглядываться. К тому же уже стемнело. Надо найти воду и устроиться на ночлег — и с первыми лучами солнца продолжать путь.

Он жевал мясо и думал, что не сумеет заснуть. Но день был тяжелым и длинным. Проснувшись на следующее утро, он увидел серое небо и обнаружил, что все его тело покрыто капельками росы. До берега было недалеко, но туман там был гуще, и ничего не было видно. Где-то рядом плескались волны. Осторожно, прячась за кустами, он выполз к знакомым дюнам. Придется переждать здесь, пока не рассеется туман.

День обещал быть жарким, солнце припекало. Когда туман рассеялся, он заметил в воде берега темный силуэт. Из-под кустов он следил за его неторопливым движением. Черная шкура, высокий плавник. Урукето.

Он медленно плыл на юг к гавани. Появление урукето могло означать все что угодно. Это мог быть и патруль, следящий за побережьем. Или же иилане' решили причалить здесь.

Но все стало ясно, когда он заметил две отвалившие от берега лодки с поблескивавшими раковинами на носах. В обоих были фарги, явно собиравшиеся за рыбой.

Значит, Деифобен вновь стал Алпеасаком. И было нападение, и сражение, и разрушение. И все это случилось, пока он отсутствовал.

Но куда делись оставшиеся здесь тану и саску? Что с ними случилось?

Усеянная смертоносными шипами стена исчезала вдали. За ней ничего не было видно. Но сцена на море свидетельствовала, что город вновь принадлежит иилане'. Это доказательство тяжелой лапой отчаяния припечатало его к земле. Неужели все погибли? Щека его прижималась к песку, мимо носа торопливо пробежал паучок. Керрик хотел прихлопнуть его, но не сделал этого и лишь проводил глазами. Неужели все погибли, все до единого?

Лежа здесь, он никогда ничего не узнает. Керрик прекрасно понимал это, но ощущение ужасной потери не давало ему шевельнуться. И только когда далекие

крики разогнали охватившую его средь бела дня тоску, он шевельнулся и приподнял голову. Мимо плыли новые рыбацкие лодки, в одной из них стояла иилане' и отдавала команды. Но они были слишком далеко, чтобы разглядеть их.

Может быть, они плывут не за рыбой? Что если иилане' затевают новый набег на север? Надо разузнать, нет ли поблизости тану. Прячась за дюнами, Керрик заторопился на север. Он бежал, пока не выдохся, потом, припав к песку, посмотрел на океан, ища глазами лодки.

Ветер с востока усилился, гнал вперед темные дождевые облака. На песок упали первые капли. Керрик больше не бежал, — опустив голову, он брел, пряча лицо от ливня. Лодки — он старался не терять их из виду — плыли рядом в волнах прибоя. Около полудня он остановился, чтобы пожевать мяса. Сразу вернулось отчаяние. Зачем... что он делает? Лодки были здесь, в море, и он ничего не мог поделать. Зачем эта бессмысленная погоня?

Когда он в очередной раз с опаской высунул голову из-за гребня дюны, оказалось, что лодки остановились, к ним присоединились и те, что рыбачили в неглубокой протоке, отделявшей берег от невысоких песчаных отмелей. Он видел, как затаскивают в них сети, как перегружают улов. Нападения можно не опасаться — они ловят рыбу. На море поднялись волны, ветер крепчал, близилась буря. Иилане' в лодках понимали это и по какой-то команде, которой он не расслышал, разом повернули обратно к городу.

Вскочив на ноги, Керрик следил, как медленно исчезают они за струями дождя. Сам он вымок насквозь, борода и волосы прилипли к лицу, но Керрик не замечал теплого дождя. Хесотсан шевельнулся в его руке, пытаясь поймать струйку воды крошечным ртом. Керрик и сам с наслаждением глотал капли воды, подняв лицо к небу. Все. Можно уходить. Что еще можно сделать? Ему ничего не приходило в голову.

В воде, там, где недавно были лодки, мелькали темные силуэты. Разбивавшиеся о песчаные островки крутые волны высоко поднимали их. Волны перехлестывали отмель, выбегая на берег. Керрик узнал — это были

энтиисенаты, он видел, как они играют возле пасти урукето. В одиночку они не плавают, значит, поблизости урукето. Так и оказалось. Из-за пелены дождя медленно появился силуэт урукето. Волны обрушивались на его бока, растекались вокруг плавника. Урукето плыл медленно и, похоже, не справлялся с разбушевавшимся морем. Огромному созданию негде было развернуться, чтобы уйти в открытое море.

Лодки давно исчезли из виду, и очевидцами случившегося стали только Керрик и энтиисенаты. Урукето бил могучим хвостом, но не двигался. Он попал на мель. Могучие волны повалили гиганта на бок, повлекли по песку. Даже спинной плавник опустился в воду. Внутри были иилане', захлестывающая полость темная вода выбрасывала их в волны. Когда вода отхлынула, Керрик увидел обращенный к берегу невидящий огромный глаз.

Гигант погибал на мели. В разбивавшемся рядом прибое суетились энтиисенаты, выпрыгивая из воды. Искусные пловцы, они были в безопасности. Но их урукето погибал.

Новая огромная волна протащила гиганта по песку, приблизила к берегу. Спинной плавник распластался по воде. Спасения не было. Огромный грудной плавник поднимался к небу и уже слабо дергался. Керрик видел, как вода то втекает в полость спинного плавника, то вытекает оттуда. Откатилась назад волна, на ней замелькали головы экипажа. Они отчаянно боролись с волнами, стараясь приблизиться к берегу. Одна из иилане' уже поднялась на ноги, волоча за собой обмякшее тело товарки, когда огромная волна поглотила обеих. Вскоре она отхлынула, но несчастные исчезли.

Урукето погибал, плавники его еле дергались, но экипаж боролся за жизнь. Волны уже бушевали не с такой губительной силой, ветер начал ослабевать. Керрик видел, как одна из иилане', капитан должно быть, стоя по грудь в воде, отдавала распоряжения уцелевшим. Они извлекали из плавника какие-то свертки, вытаскивали их на берег, возвращались за новыми. Многого спасти не удалось. Отверстие в плавнике судорожно закрылось, да так крепко, что пришлось даже высвобождать последнюю иилане'.

Наконец пятеро уцелевших устало опустились на песок рядом с пожитками, которые удалось спасти. Четверо лежали, а одна стояла, не в силах отвести взгляда от гибнущего гиганта.

Взяв хесотсан на изготовку, Керрик медленно пошел к ним. А почему бы и нет? Оружия не видно, они измучены борьбой со стихией, сопротивления не будет. Но говорить они в состоянии. И они расскажут ему обо всем, что произошло в городе. Он слышал, как кровь стучит в висках. Сейчас он узнает.

Он подошел ближе и увидел, как стоявшая нагнулась вперед. Знакомая манера... Конечно же!

— Эрефнаис! — окликнул он и, когда капитан, не скрывая удивления, обернулась к нему, сухо улыбнулся. — Ты должна помнить меня. Вряд ли тебе приходилось разговаривать с другим устузоу.

Глава двадцать пятая

Онемев от изумления, Эрефнаис глядела на возвышавшуюся над ней рослую фигуру. Мысли путались, голова была тяжелой. Опустив на глаза прозрачные мембраны, она очистила их от соленой воды.

— Керрик... — тупо промолвила она.

— Он самый.

Уцелевшие иилане' обернулись на голос, знаками выражая смятение и озабоченность.

— Прикажи им, — начал Керрик в манере высочайшей, обращающейся к нижайшим, — не делать никаких глупостей. Если ничего не будут делать — останутся в живых. Пусть слушаются тебя. Поняла?

Онемевшая Эрефнаис, казалось, совсем не понимала, о чем идет речь. Все они такие, подумал Керрик. Указав на погибшего, или еще чуть живого, зверя с простотой фарги, Эрефнаис проговорила:

— Мой первый. Когда он проклюнулся, я сама кормила его свежей рыбой из рук. Так делают все капитаны. Урукето немного соображают, в какой-то степени их можно считать разумными. Он знал меня. Я научила его всему, что им положено знать. Да, я понимаю, он стар, ему уже пятьдесят пять, почти пятьдесят шесть, больше они не живут. Будь мы в открытом море, этого не случилось бы. Если бы не эта узкая протока... Но таков был приказ. — Она с отчаянием поглядела на Керрика. — Помню, ты тоже плавал в нем. Мы тогда удачно пересекли океан, и даже шторм не мог помешать нам.

Все члены экипажа поднялись на ноги и слушали ее слова. Они жили внутри урукето. Он был их домом. Одна из иилане' нагнулась, движение привлекло внима-

ние Керрика. Она не села, а искала что-то среди наваленных кучей пузырей и других емкостей.

— Отойди! — рявкнул Керрик, делая жест смертельной угрозы и спешки. Не слушая, она подняла с песка хесотсан.

С криком Керрик выстрелил, шип попал в один из контейнеров. Она направила на него оружие. Керрик бросился на песок и опять выстрелил.

На этот раз выстрел оказался удачным. Игла попала в грудь, и стрелявшая повалилась лицом в песок. Керрик рванулся вперед и, прежде чем члены экипажа успели отреагировать, подхватил второй хесотсан.

Прошло какое-то мгновение, но все переменилось. Неподалеку от убитой безжизненно осела на песок другая иилане', ее сразила игла, предназначавшаяся Керрику. Ткнув пальцем в Эрефнаис и двух оставшихся, Керрик крикнул:

— Я же приказывал тебе, просил удержать их. Ненужная смерть. А теперь все вы — отойдите от вещей. Двое погибли. Довольно!

— А восемь погибло в урукето, — чуть шевеля конечностями, тихо молвила Эрефнаис, так что он еле расслышал ее слова.

— Расскажи мне, что в городе, — громко сказал Керрик, настойчиво требуя информацию движениями рук. — Что там произошло? Расскажи мне об Алпеаске.

— Так ты там не был? — спросила Эрефнаис, словно наконец осознав смысл его слов.

Сделав резкий отрицательный жест, Керрик быстро взглянул на членов экипажа, потом на капитана.

— Я был очень далеко и недавно вернулся. Что случилось?

— Вейнте' говорила, что сражения не будет, но она ошиблась. Эйстаа слушала ее и помогала во всем, ведь зимние ветры уже дуют на Икхалменетс, и ей так хотелось верить Вейнте'. Она рассказала эйстаа об этом городе, заручилась ее поддержкой и, уже оказавшись здесь, обещала, что битвы не будет. Семена посеяли, устузоу стали гибнуть, и Алпеасак должен был вновь вернуться к иилане'. Но устузоу напали с моря на остров, мы отбили атаку. Вейнте' плыла со мной на этом

урукето, и я помню, как она торжествовала, как наслаждалась победой и как потом разъярилась, когда оказалось, что устузоу обманули ее, — оказавшаяся рядом могучая фарги даже умерла от страха.

— Обманули... Как обманули? — воскликнул Керрик.

— На остров напало малое войско. Говорили, что все они погибли. Но тем временем остальные бежали из города; они оставили только следы, мы никого не поймали. Так что война не закончилась. — Выпрямившись, насколько позволяла кривая спина, Эрефнаис посмотрела Керрику в лицо. — Керрик-устузоу, зачем она делает это? Ты знаешь ее. Какая ненависть гонит ее? Город вновь в руках иилане', ради этого мы пришли сюда, ради этого так много погибло. А она говорит эйстаа, убеждает ее, что устузоу вернутся. Они говорили об этом в плавнике моего урукето, так что я знаю. И эйстаа согласна, они хотят преследовать устузоу и напасть на них. Опять иилане' погибнут.

— И устузоу тоже погибнут, Эрефнаис, — проговорил Керрик, опуская хесотсан. — Я тоже хочу, чтобы побоища прекратились.

Эрефнаис словно забыла о его присутствии. Она глядела в море, на безжизненную тушу урукето.

— Вот и энтиисенаты расстроились — погляди, как высоко прыгают. Умные создания. Они здесь не останутся. Энтиисенаты вернутся в гавань. Там их можно будет приучить кормить другого урукето и следовать за ним. А нам пора идти. Мы должны рассказать обо всем.

— Нет! — воскликнул Керрик, поднимая оружие. — Вы не сделаете этого. Вейнте' не должна узнать обо мне. Ты ведь все должна ей рассказать, не так ли?

Эрефнаис жестом показала, что не понимает его.

— Когда мы доложим, о твоём присутствии станет известно.

— Знаю. Ты не солжешь, даже если бы умерла.

— «Солжешь» — что значит это слово? Я не понимаю. Объясни.

— Этот термин изобрела Вейнте', чтобы описать особенность поведения устузоу, несвойственную иилане'. Это неважно. Важно, что я не могу отпустить вас. Она станет искать меня, разошлет птиц, и нас поймают.

Самцов, наверное, оставят в живых... ненадолго. Я знаю, какую цену заплатят они за свою недолгую свободу. Пляжи — столько раз, на сколько у них хватит сил. Извини, я не могу отпустить вас.

— Мы возьмем карты, — сказала Эрефнаис. — Их нельзя здесь оставлять. Прочее пусть полежит, придут остальные, заберут все ценное.

— Стой! — приказал Керрик. — Что ты делаешь?

— Беру карты, — отвечала Эрефнаис. — Это очень точные и редкие карты.

— И куда ты собираешься их нести?

— В Алпеасак.

— Нельзя. — Он прицелился. — Ты была мне другом, никогда не обижала меня. Но дело не в моей жизни. Попробуешь уйти и погибнешь. Понятно?

— Но мой урукето умер, остался один только город.

— Нет.

Раздался пронзительный крик. Керрик обернулся. Одна из членов экипажа убегала по пляжу, он прицелился, выстрелил, она упала. Он быстро повернулся к другой, но слишком поздно — та была уже далеко. Керрик прицелился...

Открыв рот, она осела на песок, глаза ее остекленели.

— Ты понимаешь, — проговорила Эрефнаис, — урукето умер. Она была бы жива, если бы ты не вмешался. Ты не дал ей вернуться в город, и она умерла как отвергнутая эйстаа. — Она тревожно посмотрела на Керрика. — Мне тоже теперь не командовать.

— Нет! — крикнул Керрик. — Не надо!

Отвернувшись от него, Эрефнаис тяжело осела на песок. Он подбежал к ней... Он не хотел, чтобы она умирала, но жизнь успела оставить ее прежде, чем он оказался рядом. Взглянув на три свежих трупа иилане', он пришел в отчаяние. Он не хотел их смерти, но не смог это предотвратить. Новая потеря, ужасная и бессмысленная.

Энтиисенаты дружно направились к городу, они топились. Урукето умер, больше им нечего было здесь делать.

Поглядев на энтиисенатов, Керрик ощутил беспокойство. Когда они вернутся одни, в городе поднимут тревогу, ведь так просто урукето они не оставляют.

Вышлют на поиски лодки, может быть, даже еще одного урукето. Он взглянул на небо — еще не начинало вечереть, иилане' могут оказаться здесь до темноты. Он заставил себя унять подступающую тревогу. Надо думать, торопиться рано. Впереди полдня, больше ему и не нужно. Первое и самое очевидное — он не должен оставить здесь ни одного следа.

Подумав об этом, он посмотрел на четкую цепочку следов, протянувшихся от гребня дюны. Ливень стихал, может быть, он смоет следы, а может, и нет. Керрик отложил хесотсан и осторожно вернулся по своим следам назад — туда, где начиналась трава. Нагнувшись, он пошел обратно, на ходу затирая следы руками. Дождь доделает остальное.

Теперь следует позаботиться о мертвых. Он извлек шипы из кожи убитых и зарыл их в песок. А потом по очереди перетащил тела к воде, туда, где плескались волны. Эрефнаис была последней. Пальцы ее не разжала и сама смерть — ему пришлось потрудиться, чтобы вытащить карты и бросить их на песок. Покопавшись в пожитках, он не обнаружил ничего полезного. Еда и вода, лучше не трогать. Но хесотсан надо взять. Он перетаскал оставшиеся припасы к океану, поближе к телам. Пусть волны выбросят их на берег. Оставалось разровнять за собой следы на песке. Обратно, на север, он пойдет по воде. Если он ничем не выдал себя, все сочтут происшедшее просто несчастным случаем. В шторм урукето выбросило на мель, экипаж утонул, пытаясь спасти снаряжение. А следы нужно уничтожить.

Что делать с картами? Он хотел выбросить их в океан, но передумал. Может быть, из них он сможет узнать о новой эйстаа? Все иилане' были родом из Икхалменетса, так сказала Эрефнаис. Название он помнил, но где располагался город, не знал. Впрочем, это неважно, — нельзя просто выбросить их, не разобравшись, а времени на изучение уже не оставалось. Придется взять с собой вместе с оружием. По колени зайдя в воду, он напоследок окинул песок долгим взглядом. Сойдет. Войдя в воду поглубже, он двинулся на север. Теперь он все вспомнил. Все эти хлопоты на берегу так и не позволили ему осознать главное.

Они уцелели! Оставили город без боя, и, как говорила Эрефнаис, остались в живых почти все. Должно быть, саску вернулись в свою долину, тану отправились вместе с ними. Вейнте' поклялась отправиться следом, но пока медлила. Значит, они живы.

Всю ночь шел дождь и перестал только перед рассветом. Керрик хотел идти побыстрее, но в тени деревьев было душно и жарко. Солнце яркими пальцами света перебирало листву, но с веток все еще капало. Земля под ногами была покрыта мхом и травой, ступать было легко, особенно если не забывать смотреть под ноги. Он держал хесотсан наготове — здесь водились крупные хищники, — второй вместе с картами лежал в мешке за плечами. Вокруг было много дичи, но Керрик не хотел тратить время на охоту. Надо было побыстрее вернуться в лагерь у озера...

— А я услышал твои шаги, — проговорил Харл, выходя из-за дерева, — подумал, что это мараг.

Вздвогнув, Керрик повернулся к мальчику и улыбнулся. Харл вырос в лесу. Керрик понимал, что самому ему уже не стать таким следопытом и охотником.

— Скажи мне, что в лагере, — попросил он.

— Вчера я убил оленя, бычка. Целых семь веток на рогах.

— Значит, мы будем сыты. Ну а... неприятностей никаких не было?

— Ты спрашиваешь о мургу? Они держались в сторонке, мы их даже не видели. — Глаза мальчика все время на ходу внимательно оглядывали лес. И хотя он будто и не глядел под ноги, шаги его были беззвучны. А вот под ногами Керрика изредка похрустывали ветки. — Пойду вперед, — объявил Харл, — предупрежу всех, что ты вернулся.

Когда Керрик вошел в лагерь, все уже были готовы к встрече. Повизгивая от восторга, Арнхвит выбежал ему навстречу. Керрик радостно подбросил мальчонку в воздух. Армун улыбалась, опиравшийся на костыль Ортнар как всегда был невесел. Керрик сразу же рассказал обо всем, что случилось.

— Саммадов в Деифобене нет, но они живы. Я добыл стреляющую палку и карты. Есть и еще новости... Только дайте сперва попить, я пришел издалека.

Он пил большими глотками, отфыркивался, поливал водой голову. А потом уселся и рассказал обо всем, что видел.

— Но ты не узнал, где саммады, — сказал Ортнар, когда Керрик закончил.

— Им некуда идти, кроме долины саску. Дорога известная. У них много стреляющих палок. Для мургу они окажутся крепким орешком.

— Но мараг, о котором ты говорил, сказал, что за ними будет погоня, — озабоченно проговорила Армун. — Надо бы пойти туда, предупредить.

— Они знают все сами, — сурово ответил Керрик.

Что делать? Можно ли что-то сделать? Или кровопролитие никогда не кончится? Все дело в Вейнте'. Умри она — и взаимное истребление прекратится. Но она далеко и от копья его, и от стрелы.

Так что сделать ничего нельзя — вот и весь ответ. Ничего. И саммады будут убегать, а мургу — преследовать. Жестокая, но неизбежная истина.

Глава двадцать шестая

Вечером Керрик пересек невидимую границу, отделявшую тану от иилане', чтобы вернуть самцам хесотсан. Оружие необходимо им для охоты — с копьем или луком они ничего не сумеют добыть. Заметив, что он уходит, Арнхвит окликнул отца и припустил следом. Одна из карт Эрефнаис была у него под мышкой — раскрашенные картинки просто завораживали мальчугана. Кроме самого Керрика, только его интересовали всякие изделия иилане'. Взяв сына за руку, Керрик направился в лес; детская ладошка, теплая и мягкая, подбадривала его. Впрочем, присутствие сына не могло развеять грустных дум и отчаяния.

— Ушедший возвращается! — крикнул Керрик, заведя Имехеи. — Есть информация великой важности.

Услышав его голос, Надаске' высунул голову из зеленой спальни, чтобы видеть, как говорит Керрик.

— Рад-видеть-снова, — проговорил он, сопровождая слова жестами облегчения.

— Согласен, — отозвался Имехеи. — После того как ты ушел, смерть от рук коварных устузоу нас ждала каждое мгновение.

Не обращая внимания на очевидное преувеличение, Керрик вернул хесотсан с жестами благодарности. В ответ на вопросительные движения, он рассказал им, что случилось в Алпеасаке.

— Устузоу бежали, там опять иилане'.

— Так близко... самки и смерть совсем рядом, — застонал Имехеи.

— Когда город принадлежал устузоу, тебе тоже не нравилось, — напомнил ему Керрик. — Решай, что тебе больше по вкусу.

— Плохо и то и другое, — отозвался Надаске'. — Смерть ждет нас: от острого камня или на родильных пляжах.

— Тогда держитесь подальше от города.

— Посмотри, видишь, — проговорил Арнхвит, пролезая между ними с картой в руках.

Имехей взял ее, дивясь ярким краскам. Керрик открыл было рот... и умолк в изумлении.

— Арнхвит говорил на иилане'. Неправильно и просто — но на иилане'!

Имехей и Надаске' радовались цветам и тонко прорисованным деталям, а мальчик гордо следил за ними. Он слушал их речь и явно отчасти понимал, что они говорили. От радости Керрик подхватил мальчонку с земли, подкинул в воздух, усадил на плечи. А почему бы ему и не понимать иилане'? Малыш учился говорить, как все дети: приглядываясь и прислушиваясь... Сам Керрик выучил иилане' тоже мальчиком, хоть и постарше. Он был горд сыном, более чем горд. Произошло важное событие. До сих пор только он один на всем свете умел говорить на марбаке и иилане'. Теперь их двое.

— Предмет великого искусства, — проговорил Имехей, поворачивая карту к свету, чтобы насладиться яркой раскраской. — Великое мастерство, посмотри на эти линии, протянувшиеся от одного края до другого.

— У них есть назначение, — отвечал Керрик. — Они помогают вести урукето через океан.

— Нет смысла, нет назначения, — отвечал Имехей.

— Они нужны на урукето, который привез вас сюда, — ехидным тоном ответил Керрик. — Без них вы бы окончили свои дни в холодном море.

— Они бесполезны, ведь я никогда больше не спущусь в вонючее-сучное нутро урукето. Годится, чтобы повесить на стенку, украсить жилище... возле фигурки ненитеска, о чем вежливо просим.

— Нет, — ответил Керрик. — Сначала я хочу изучить их. Они из Икхалменетса, — знаете ли вы, где это?

— Далеко, много рыбы.

— Остров невеликой важности.

Как всегда, самцов не интересовало ничего выходящее за пределы повседневного быта, личных удобств. Что с них взять? — подумал Керрик. В ханане у них не было никаких обязанностей. Но они сумели перемениться и выжить, и он уважал их за это.

В странной задумчивости возвращался он с Арнхвитом на плечах и картой в руках. Очень важно, что мальчик начал осваивать иилане'. Он чувствовал это, но не мог умом понять — почему. Когда все уснули, он коротко рассказал об этом на ухо Армун.

— Знаешь, Арнхвит уже немного научился разговаривать с мургу и будет говорить еще лучше.

— Зачем он к ним ходит, к этим гадким созданиям? Я прослежу, чтобы Даррас побольше играла с ним. Когда мы возвратимся к саммадам?

— Не знаю... Я просто не знаю, что делать. — В темноте они тесно прижимались друг к другу, и он делился с женой своими сомнениями и страхами. — Долина далеко, мургу будут следить за всеми дорогами к ней. Как спрятаться от них? Ортнар не может ходить. Я не думаю, что он отправится с нами, зная, что ему придется лежать на травойсе, словно младенцу. В этом случае он просто уйдет в лес пешком. Что тогда с нами будет? Дети... И только Харл может охотиться. Он знает охоту лучше меня.

— У меня сильные руки и крепкое копье.

— Знаю. — Он зарылся носом в пахнувшие свежестью волосы. — В тебе моя сила. Но об охоте ты знаешь не больше меня. Нам будет нужна еда. Здесь много дичи, и Харл добывает нам пропитание, к тому же в озере много рыбы. Если мы уйдем, в пути нам придется трудно. Я думаю, что таких дорог мы прошли более чем достаточно. Слишком много.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы остались здесь?

— Не знаю, я сам не понимаю, чего хочу. Когда я пытаюсь серьезно все обдумать, сразу становится тяжело на душе... Пока мы здесь в безопасности. Нужно время, чтобы решить, что делать. Нужно подумать о саммадах — не можем ли мы чем-нибудь помочь им. Мургу будут преследовать их.

— Охотники сильны. Они сумеют позаботиться о себе. Это не твое дело, — рассудила Армун.

Точный и практичный ответ. Она разделяла его чувства... кроме ответственности за всех тану. Она готова была биться за то, что дала ей жизнь. За Керрика, сына, за их крохотный саммад. Это ее мир. Пусть он невелик, но ей нет дела до других. Жить с ними и выжить — больше она ничего не хотела. Что ей до саммадов?

Но для Керрика все было не так просто. Покрутившись с боку на бок, он наконец заснул.

Проснувшись поутру, он спустился к озеру и уселся на берегу, глядя на спокойные воды. По поверхности пробегала рябь — в озере было много рыбы. Пролетела, вереща, стая больших птиц с коралловыми перьями. По крайней мере, в этот миг на земле царил мир.

Арнхвит разбросал карты иилане' по всему лагерю, и Керрику пришлось подбирать их с земли. Он расправил самую верхнюю и попытался разобраться в ней. Бесполезно. Наверное, одним цветом была обозначена суша, другим — море, но краски переплетались самым причудливым образом, напоминая связанные из костей карты-сетки парамутанов. Те хоть можно было как-то понять. Калалекв показал ему вечные льды, землю на той стороне океана, и Керрик понял его. Но все прочее выходило за рамки его понимания. Вероятно, парамутаны и сумели бы разобраться во всех этих цветных пятнах, но он не мог. Может быть, лучше отдать все карты самцам, — чтобы те украсили ими свое жилище. Он бросил карты на землю и невидящими глазами уставился на непонятные завитки.

Что делать? Будущее покрыто мраком. Здесь, у озера, можно было укрыться лишь на время. Словно звери, запрятались они в эту нору, стараясь укрыться от врага. Повсюду разлетятся птицы-соглядатаи, и бдительные иилане' рано или поздно проведут про их убежище. И тогда — конец. Но что им еще остается? Бежать на запад, в долину? Опасное путешествие, но там их ждут друзья, все саммады. И тоже грозит беда, ведь Вейнте' идет за ними по следам. Что нужно делать?.. Что можно сделать? Ничего... ничего, куда ни кинь, всюду клин! И впереди ничего, кроме отчаяния и неизбежной смерти. Что он может сделать? Выхода нет.

Он сидел у воды, пока солнце не поднялось высоко и мухи не стали лезть ему в рот и глаза. Он машинально отмахивался, и страх его был велик.

Потом они ели оленью ногу и похваливали удачливо-го Харла, так что наконец мальчик покраснел и отвернулся. Но Ортнар был не согласен.

— Стыдись. Тебе понадобилось три стрелы.

— Но там были густые кусты, и мне мешали ветки, — оправдывался Харл.

— Кусты всегда густые. Иди-ка, принеси сюда лук... Пусть это дерево будет оленем. Убей его.

Ортнар двигался с огромным трудом. С луком он управиться не мог, но копьем орудовал превосходно. Он знал охоту и многому мог научить Харла. И Арнхвита, надеялся Керрик. Мальчуган частенько увязывался за старшим приятелем и внимательно смотрел и слушал.

— Ортнару еще не время идти одному в лес, — сказал Керрик, обращаясь к Армун.

Проследив за его взглядом, она согласно кивнула.

— Мальчики должны учиться. И охотник Ортнар знает важные вещи.

— А я не знаю.

Она рассердилась.

— Это глупые охотники не знают всего, что известно тебе. Ты умеешь говорить с мургу, ты пересек океан. Ты вел саммады к победе. Конечно, любой охотник умеет стрелять из лука и бросать копье, — но разве они знали, что делать со стреляющими палками, пока ты не научил их? Ты — больше, чем все они вместе. — Гнев ее быстро утих, и она улыбнулась. — Я тебе правду говорю.

— Пусть так. Но теперь я ничего не могу понять. Я гляжу на солнце и вижу тьму. Если мы останемся здесь, однажды нас непременно обнаружат мургу. Если уйдем к саммадам, нас тоже ждет смерть, когда Вейнте' нападет на нас. Что делать? — Он вспомнил ее слова. В них было что-то важное... — Ты сказала, что я пересек океан. Но я совершил это путешествие во чреве твари,

созданной мургу. Но есть и люди, которые плавают по воде.

— Парамутаны, — кивнула Армун. — Они плавают по воде и охотятся на уларуаква — так они сами говорили.

— Да, они способны на это. Парамутаны, которые привезли нас сюда, сказали, что вернутся осенью рыбачить. Вот если бы мы могли уплыть с ними... Но мы не знаем, что ждет нас у того берега океана. Смерть может подкараулить нас и в далеких краях. И нечего соваться неизвестно куда. Но тогда можно опоздать. Что делать? Надо было оставаться с ними. Переплыть на другую сторону океана. Они говорят, что там холодные земли. Но к югу от них найдутся края потеплее. Я знаю это, — ведь я был за морем в стране мургу, а они живут лишь там, где жарко. Но, может быть, нам удастся отыскать страну между жарой и холодом, где мы могли бы плыть и охотиться? Может быть... — Вздрагивая от возбуждения, он взял жену за руки. — Я могу поплыть с парамутанами и поискать за океаном безопасное местечко, где-нибудь южнее льдов и севернее мургу, где можно будет охотиться. А потом я вернусь за вами. А пока вы останетесь здесь и будете остерегаться птиц. Еды вам хватит до моего возвращения. Что ты думаешь об этом?

В поисках выхода из ловушки, поглощенный новыми планами, Керрик даже не заметил, что улыбка на лице Армун сменилась отстраненным выражением, и не догадался ни о чем, пока она не ответила:

— Нет, этого не будет. Больше ты не оставишь меня.

Он взглянул на жену, удивленный таким отпором, и почувствовал раздражение.

— Ты не можешь приказывать мне. Я поплыву по холодному морю, чтобы всем нам...

Она мягко прикрыла его рот теплой ладонью.

— Ты неправильно понял меня, это я виновата. Но я испугалась. Я просто хотела тебе сказать, что никогда больше не оставляю тебя. Если ты отправишься в путь, я последую за тобой. Однажды мы уже разлучались, и оба чуть не погибли в пути, стремясь друг к другу. Это было ужасно и не должно повториться. Ты мой саммадар, а я твой саммад. Хочешь отправиться за море —

едем за море. Но все вместе. Я последую за тобой повсюду. Я помогу тебе чем только смогу и прошу лишь об одном: не оставляй меня. Мы не должны разлучаться.

Керрик понимал ее, ведь и сам он чувствовал то же самое. Он прожил в одиночестве целую жизнь — и она тоже. И так недолго они были вместе. Ни слова не говоря, он крепко прижал ее к себе.

Но нужно было считаться с опасностями.

— Я должен уйти, — сказал он. — Если ты пойдешь со мной, тем лучше. Но мы не можем взять с собой детей, ведь мы не знаем, найдется ли там безопасное место.

Его предложение не обрадовало Армун. Неужели придется оставить здесь сына? Неужели нет другого выхода? Она не могла ничего придумать. Плохо, но ничего не приходило в голову. Надо быть практичной и сильной. И, тщательно все обдумав, она сказала:

— Что ж, ты сам сказал, что здесь безопасно. Пусть Харл охотится — он уже не ребенок. Ортнар будет приглядывать за ними до нашего возвращения. Арнхвит и девочка уже не нуждаются в присмотре. Даррас умеет искать в лесу травы и коренья, делать всю женскую работу.

— Ты оставляешь мальчика здесь? — изумленно спросил Керрик. Эта мысль не приходила ему в голову.

— Придется. Он — все для меня, и я не хочу расставаться, но его придется оставить. Пусть поживет под присмотром до нашего возвращения. Я согласна на это, потому что не могу расстаться с тобой.

— Надо подумать... — пробормотал Керрик, не ожидавший столь решительного ответа.

— Нечего думать, — не терпящим возражения тоном сказала Армун. — Решено, обдумывай подробности и в путь.

Ее уверенность укрепила Керрика в мысли, что все будет хорошо. Есть ли иной выход? Тащиться за саммами в долину? Если они не погибнут в пути, смерть придет вместе с Вейнте' и ее бесчисленными фарги, ядом терновых шипов хесотсанов. Остаться здесь? Ничего хорошего это не обещало. Разве можно спрятаться на всю жизнь возле города иилане'? Их рано или поздно обнаружат. Здесь могли жить только двое сам-

цов, ибо им просто больше некуда деваться. Впрочем, он должен подумать и о них, планы свои ему придется обсудить и с ними.

Когда Керрик пришел к самцам, Имехеи громко застонал:

— Не уходи, это ужасно.

— Здесь хорошо, просим тебя остаться, — твердо сказал Надаске'.

Приняв позу высочайшей при обращении к ничтожнейшим, Керрик сказал:

— Вас не убьют и не съедят. Я хочу, чтобы вы вместе со мной пошли в лагерь устузоу, — там и будем вести разговор. Вы должны присутствовать, когда я буду говорить о будущем. Вы ведь не только что из моря, как Арнхвит, и вам уже приходилось идти вслед за Ортнар. С вами ничего не случится. Идемте.

Он долго уговаривал их и наконец убедил. Все было решено: надо отправляться за океан и отыскать там убежище для себя и своего саммада. Эти двое не должны помешать ему. Он заставил их прийти, но они старались держаться от людей как можно дальше и со страхом жались друг к другу.

Керрик стоял посередине. С одной стороны оцепеневшие от ужаса иилане' — или изображавшие страх. С другой сидел хмурый Ортнар, привалившись к дереву; остальные тану, казалось, более не опасались мургу. Арнхвит даже бежал показывать Имехеи свое новое сокровище — костяной свисток, который для него смастерил Ортнар. Оружия у людей не было — Керрик позаботился об этом.

Все будет хорошо. Иначе просто быть не может. Наверное, такой план мог возникнуть лишь у отчаявшегося человека. Все равно. Остается лишь выполнить его.

— Я хочу сказать вам важную вещь, — обратился он к тану, повторив то же самое иилане'. — Важное сообщение. Внимайте-и-повинуйтесь.

И Керрик объявил, что они с Армун уходят, но скоро вернутся.

Глава двадцать седьмая

Umnuntheikel tsanapsoruud marikexso.

*Не убив зверя, вкусного мяса
не приготовишь.*

Апофегма ишлане'

— Что это? — спросила Вейнте', раскладывая перед собой снимки.

— Только что получили и изготовили, — ответила Анатемпе', располагая отпечатки по порядку. Она показала на модель Гендаси. — Птица высоко летела над этой частью побережья, почти прямо на запад от нас. Бежавшие устузоу могли идти вдоль берега.

— Ничего не видно, — проговорила Вейнте', сопровождая слова жестами разочарования и досады. — Повсюду одни облака.

— К сожалению, это правда. Но мы послали другую птицу...

— И к тому времени, когда она прилетит куда нужно, устузоу скроются! Мне нужны снимки устузоу, а не облаков!

Ее руки тряслись, выражая силу эмоций. Движением пальцев Вейнте' смахнула снимки на землю.

— Я слежу за птицами, а не за облаками, — коротко ответила Анатемпе', позволяя чувствам проявиться в движениях тела.

Она больше не хотела, чтобы Вейнте' срывала на ней скверное настроение. Заметив это, Вейнте' предалась более холодному и опасному гневу.

— Ты подвергаешь сомнению мои приказы? Ты находишь их оскорбительными?

— Я подчиняюсь тебе, потому что так велела мне Укхереб по приказу эйстаа. Я только выполняю свой

долг. — Она закончила знаками вечной службы и повиновения.

Вейнте' хотела возразить, но безмолвно застыла и, резким движением отпустив ученую, дала волю своим чувствам, лишь когда та обратилась к ней спиной. Будь она снова эйстаа, подобное оскорбление повлекло бы за собой смерть провинившейся. Но в словах ученой было слишком много правды. Эйстаа была Ланефенуу, которая приказывала всем — и ей в том числе. С этим нужно смириться. Недовольно оглянувшись, она заметила фарги, топтавшуюся возле входа. Она терпеливо ожидала, пока Вейнте' соизволит обратить на нее внимание.

— Послание для Вейнте' высочайшей... — косноязычно начала фарги.

Вейнте' сдерживала гнев — иначе тупое создание все позабудет или тут же умрет от отчаяния, если поймет чувства Вейнте'.

— Я Вейнте'. Говори медленно-осторожно. Я вся внимание.

— Иилане' Наалпе' урукето в гавани требуется сообщение.

Это было уже слишком, но, дивясь своему долготерпению, Вейнте' ответила:

— Требуется разъяснение. Ты сообщаяешь мне, что Наалпе' сейчас в гавани на своем урукето и желает говорить со мною?

— Согласие! — Тело фарги задержалось от удовольствия, что ее поняли.

По знаку Вейнте' безмозглое создание покорно отправилось восвояси, не замечая презрительных жестов, которыми Вейнте' оценила ее способности. Едва она ушла, появилась вторая фарги, также изъявившая желание общаться.

— Общайся! — резко приказала Вейнте'. — Требую говорить лучше, чем предыдущая вестница.

Вторая фарги говорила вразумительнее, ибо ее прислала эйстаа, которая использовала лишь тех, кого всегда можно было понять.

— Требование от высочайшей, переданное через нижайшую, к знатной Вейнте'. Теплые приветствия и желание видеть на амбесиде после завершения трудов.

— Передай эйстаа удовольствие и повиновение, извести о немедленном прибытии.

Несмотря на то что эйстаа обращалась к Вейнте' вежливо, повиноваться надлежало немедленно. Ей очень хотелось поговорить с Наалпе', однако с этим приходилось повременить.

Впрочем Вейнте' не намеревалась торопиться и сломать голову мчаться на амбесид, чтобы появиться запыхавшейся и онемевшей. Стараясь держаться в тени, она направилась к амбесиду, зная, что посыльная опередит ее и доложит о ее повиновении приказу эйстаа.

Идти по знакомым переходам было горько и сладко одновременно. Сладко потому, что город вновь был в руках иилане', горько потому, что большая часть его все еще лежала в руинах, и еще потому, что устузоу сбегали. Этого не должно быть. Они убежали, но их надо найти.

Большой амбесид был почти пуст — из-за моря приплыли только передовые отряды. Столько всего нужно еще починить и исправить, прежде чем Икхалменетс придет в Алпеасак. Первое — оборона, это самое главное. Ни один устузоу не должен более вступить в этот город.

Развалившись на троне у дальней стены, Ланефенуу грелась на солнце. Здесь сидела благородная Малсас<, здесь сидела и сама Вейнте' и вершила дела, когда город был совсем юным. Странно видеть Ланефенуу на своем месте, но Вейнте' мгновенно прогнала ревность. Никогда! Она больше не эйстаа и не хочет править. Ланефенуу — могучая правительница, привыкшая к власти и повиновению. Она великодушно разрешила Вейнте' подготовить войско и воспользоваться силами науки, чтобы овладеть городом. И убить устузоу. Ланефенуу была эйстаа двух городов, правительницей из правительниц.

Когда Вейнте' появилась, Ланефенуу мгновенно уловила эти ее мысли и восприняла их спокойно. Советницы расступились, чтобы Вейнте' могла подойти поближе.

— Прибыл урукето с вопросами и сообщениями, — сказала Ланефенуу. — Мысль об этом волнует меня, и я ощущаю желание вновь вдохнуть воздух окруженного морем Икхалменетса. Я слишком долго пробыла

здесь, и перепонки в моем носу не дают вздохнуть спокойно — так надоела вонь, оставшаяся от устузоу, и запах дыма, пропитавший весь город.

— Мы очистим город от запахов, эйстаа, как ты очистила его от устузоу, осквернивших наши улицы.

— Верно сказано, я оценила. Укхереб останется здесь и приглядит за всем. Здесь будут работать ученые — это под ее ответственность. А ты будешь охранять город до прибытия иилане'. Ясно ли я сказала?

— Безусловно, эйстаа. Мы будем не править, а работать вместе. Одна строит, другая охраняет. В городе должна быть одна правительница.

— Верно. Теперь Расскажи мне об устузоу.

— Те, кто убежал на север, погибли. Но мы бдительно стережем все подходы к городу на случай, если они притаились неподалеку, словно ядовитые змеи в траве.

Ланефенуу жестами выразила согласие и понимание, добавив к ним чуточку печали.

— Кому, как не мне, знать об этом. В городе погибло слишком много иилане', которые могли бы наслаждаться жизнью.

— Не убив зверя, вкусного мяса не приготовишь, — с пониманием отозвалась Вейнте', пытаясь утешить эйстаа.

Но Ланефенуу сегодня была раздражительна.

— Слишком много здесь погибло, гораздо больше, чем ты мне обещала. Но все это в прошлом, — впрочем я до сих пор скорблю об Эрефнаис, которая была так близка мне. Гибель ее и огромного урукето большая потеря для меня.

Эйстаа дала понять, что более она печалится об урукето, а не о капитане. Присутствующие неподвижно стояли вокруг эйстаа и преданно внимали ей. Ланефенуу часто напоминала, что, прежде чем стать эйстаа, она командовала урукето, так что в искренности ее чувств сомневаться не приходилось. И когда в знак скорби и потери Ланефенуу прикоснулась большим пальцем к другой руке, все дружно повторили ее жест. Но, будучи иилане' дела, эйстаа недолго предавалась скорби. Она вопросительно взглянула на Вейнте'.

— Значит, все твои устузоу скрылись?

— Бежали в страхе и отчаянии, мы все время следим за ними.

— Поблизости никого?

— Нет. Те, что убежали на север, погибли, а на западе смерть следует за ними по пятам и ждет своего часа.

— Знаешь ли ты, куда они направились?

— Знаю, потому что уже была там и видела их город своими глазами. Он станет ловушкой для них. Устузоу не спасется.

— А в тот раз они уцелели, — злорадно ответила Ланефенуу.

Вейнте' задвигалась, выражая стыд, признавая справедливость укора и надеясь, что чувства эти смогут скрыть наполнивший ее гнев.

— Я знаю и принимаю укор, эйстаа. Но прошлые поражения не прошли даром — они готовят пути к победе. На этот раз мы будем умнее и предусмотрительнее. Мы окружим город ядовитыми лианами, и они задушат его. Там останутся только трупы.

— Хорошо, если это будут только трупы устузоу. Ты не дорожила фарги, когда была там в последний раз. Чтобы возместить эту потерю, надо вывести на пляжи целое эфенбуру самцов.

Как и остальные, Вейнте' выражала только почти-тельное внимание. Эйстаа умела выражаться не хуже грубиянок из экипажей урукето, — но она была эйстаа и вольна была поступать как хотела.

— И теперь я оставляю в твоём распоряжении иилане' и фарги моего города. Помни, что мне дорога самая нижайшая из них.

— Я ценю их жизнь, — отвечала Вейнте', — и готова отдать за них свою. И я благодарна тебе за то, что ты разрешила преследовать этих тварей, пока они не вернулись и не напали на город. Я выполню твой приказ, понимая, как дороги тебе все, кто живет в Икхалменетсе.

Больше говорить было не о чем, и, когда Вейнте' почтительно попросила отпустить ее, эйстаа дала согласие движением большого пальца. Вейнте' оставила амбесид, не проявляя неприличной поспешности, но, оказавшись за его пределами, заторопилась: уже темнело, и она хотела успеть поговорить с Наалпе'.

Урукето стоял в гавани, а груз все еще таскали на берег. Капитан приглядывала за разгрузкой, но, заметив Вейнте', приказала одной из помощниц подменить ее.

— Приветствую тебя, Вейнте', — начала она, сопровождая слова знаками глубочайшего уважения. — Есть информация, требуется уединение.

Они отошли подальше от любопытных глаз, и Наалпе' заговорила:

— Как было приказано, я осталась в Йибейске на обратном пути из Икхалменетса. Я переговорила со многими и быстро разузнала о той, которая интересуется тобой, — там никто не говорит ни о ком, кроме нее.

— Требуются разъяснения, — сказала Вейнте', вежливо скрывая растущее нетерпение.

— Эта Дочь Смерти, Энге, явилась к эйстаа и объявила о своей вере. За это ее арестовали со всеми ее подругами.

— Великолепная, очень хорошая, просто согревающая информация, добрая Наалпе'...

Заметив знаки возбуждения и тревоги, Вейнте' умолкла.

— Это не так, вовсе не так. Как это случилось, неизвестно — подробности запутало время и множество мнений. Но за точность сообщения ручаюсь, потому что сама говорила с капитаном урукето. Со мной она была откровенна, — ведь нас объединяет общее дело.

— Но что же случилось?

— Энге, которой ты интересовалась, и ее подруги — все Дочери Смерти Йибейска — сели в урукето и уплыли. Никто не преследовал их, и неизвестно, куда они девались.

Не в силах вымолвить слова, Вейнте' застыла на месте, лихорадочно соображая. Что это значит? Как они сделали это? Кто помогал им? Сколько их? И куда они направились?

Последние слова она произнесла вслух, но никто ей не ответил.

— Бежали... Но куда?!

Глава двадцать восьмая

Низкая дельта оказалась наполовину заболоченной. Но на южном берегу реки рос высокий кипарис, который во все стороны раскинул могучие ветви. В их тени можно было укрыться от жгучего солнца. Усевшись в кружок, Дочери наслаждались словами Угуненапсы. Внимательные ученицы, замерев, следили за каждым словом и движением Энге. Когда она закончила, воцарилась тишина — все внимательно вглядывались в себя, пытаясь понять, правильно ли они поняли слова Угуненапсы.

— Вопросы есть? — спросила Энге.

После продолжительной паузы одна из учениц, стройная молодая иилане', нерешительным жестом попросила внимания. Энге жестом разрешила говорить. Ученица собралась с мыслями и начала:

— Прежде чем Угуненапса обрела свои мысли, прежде чем ей явилось откровение, возможно, жили другие, кто усилием разума...

Тут она умолкла, и Энге пришла ей на помощь.

— Ты спрашиваешь, была ли учительница наша, Угуненапса, первой во всем, или же пришлось и ей черпать из знаний прежних мыслительниц? — Ученица ответила жестом согласия и благодарности. — Если ты обратишься к трудам Угуненапсы, то найдешь ответ на свой вопрос. Она искала знаний у всех мыслительниц-иилане', размышлявших над вопросами жизни и смерти, но так и не нашла ответа, даже намек на возможный выход из положения. Тогда она стала искать объяснение этому, потому что по смирению своему полагала, что не может быть одарена неведомыми прежде познаниями, и пришла к известному выводу. Она спросила

себя: что живет, а что умирает? Одна иилане' может умереть, но город будет жить вечно. И как раз тогда умер первый город иилане'. Она пыталась узнать, не было ли уже таких случаев, но сведений не было. Город умер от холода. Тогда она попыталась посмотреть на вопрос с другой стороны. Если город может жить и не умирать, почему иилане' обязательно должны умереть? Ведь и город умер, как умирают иилане'. В смирении своем она не могла догадаться, что город умер для того, чтобы она обрела эту мудрость. Но с благодарностью поняла, что обретает жизнь в смерти...

— Внимание, важная информация.

Слушательницы с тревогой забормотали и зашевелились — Амбаласи загородила собой Энге и не дала ей договорить. Но Энге не обратила внимания на нелюбезный поступок.

— Чем мы можем быть полезны Амбаласи, которая спасла нас всех? — громко спросила она, давая всем понять, что ученой следует выказывать высшее почтение.

— Я терпеливо ждала, пока вы закончите, но поняла, что этот разговор бесконечен. Поэтому — перерыв. Есть работа, с которой необходимо справиться до темноты. Мне нужны крепкие пальцы.

— Попросят помощи, нужно помочь. — Энге окинула взглядом свою аудиторию. — Кто из вас первой поспешит помочь Амбаласи?

Но, хотя Энге просила помочь, сестры не разделяли ее энтузиазма. Им совсем не понравилась бесцеремонность ученой и не хотелось от философии обращаться к тяжелому труду.

Никто не пошевелился, а одна ученица жестом изобразила важность-учения. Энге смутилась, но не разгневалась.

— Значит, я плохая учительница, — сказала она. — Угуненапса учила нас, что все формы жизни равны, что среди иилане' все равны, и просьбу о помощи следует понимать как просьбу ради жизни. — Обернувшись к Амбаласи, она смиренно склонилась перед ней. — Я первая поспешу тебе на помощь.

Тут и ученицы, позабыв недавнее недовольство, с готовностью бросились вперед, выражая понимание и сочувствие.

— Без наставлений Энге вы будете глупы как фарги, — сказала неисправимая Амбаласи. — Мне необходимы пятеро, чтобы носить и помогать в посадке.

Она критически оглядела сестер, по большей части хрупких, выбрала тех, кто выглядел покрепче, и вместе с помощницей отослала за необходимым.

— Прости их, — произнесла Энге. — В стремлении к познаниям они позабыли об обязательных дневных трудах.

— Все вы тратите время попусту. Отойдем, нужно кое-что обсудить.

— Испытываю удовольствие, повинуюсь твоему желанию.

— Наверное, ты искренне говорила. Но только ты, Энге, только ты одна. Мне еще не приходилось иметь дело с созданиями, столь же не склонными повиноваться, как твои Дочери Лени.

Энге знаками выразила понимание и извинения.

— Тому есть причина, как и у всего на свете: удовольствие от пребывания вместе, от возможности беспрепятственно говорить о вере. Трудно противиться этому чувству. К тому же трудно отвлечься от возвышенных мыслей ради тяжелой работы.

— Возможно. Но ведь ее следует выполнять. Кто не работает, тот не ест. Приведи им этот аргумент. Разве Угуненапса не говорила об этом?

— Никогда.

— Очень жаль. Это было бы лучше для нас. Теперь встань здесь и посмотри туда. Видишь тот мыс?

— Плохо, — ответила Энге, вглядываясь вдаль над мутными водами.

Плоский остров невысоко выступал над водой, как и другие островки вокруг. С жестом недовольства Амбаласи указала на плавник урукето невдалеке.

— Сверху будет лучше видно.

На берегу, конечно, не было никакого причала, но, приманивая свежей рыбой, урукето заставили прорыть глубокую борозду в иле. Теперь он отдыхал, а в приоткрытый клюв бросали еду. Энге и Амбаласи осторожно ступили на скользкую, покрытую илом, шкуру. Круглый, окруженный костистым ободком глаз урукето покосился на них, другой реакции не последовало. Цеп-

ляясь когтями рук и ног за грубую кожу, они полезли вверх. Энге не торопилась, чтобы не обгонять немолодую ученую.

— Временами мне становится жалко, что я оставила Йибейск, — пропыхтела Амбаласи, — но знания превыше всего. Мы с тобой это знаем, но твоим последовательницам разума не хватает.

Уважая возраст и мудрость Амбаласи, Энге молча ответила жестом согласия. К тому же она уже поняла, что следует во всем соглашаться с ученой, чтобы не дошло до перепалки. Пропыхтев еще, Амбаласи с неудовольствием огляделась и наконец заговорила:

— Смотри-ка, — видишь, там, на полуострове, зеленое пятно.

Отсюда был хорошо виден узкий перешеек, место будущего города. Растительность там пожелтела и погибла, только зеленая полоса виднелась вдалеке.

— Терновая стена, — с удовлетворением — в первый раз за весь день — проговорила Амбаласи. — Грибковая инфекция поразила всю растительность. Конечно я могу тебе не говорить, что терновник ей не подвержен; а животные погибли от голода или убежали. Пора нам внедряться в освободившуюся экологическую нишу.

— Ты посадишь семя города, и он вырастет могучим и высоким.

Энге изобразила великое удовольствие, но не встретила никакого отклика у Амбаласи.

— Конец-разума, окостенение мысли. Я вот пытаюсь понять вашу абсурдную философию. А тебе разве трудно послушать меня и понять основы биологических знаний? Почему мы обитаем на этом болотистом островке с такими неудобствами? Потому только, что он окружен со всех сторон водою. Быстрое течение ограждает нас от хищников. Нам приходится спать здесь под открытым небом и есть безвкусную рыбу, которую твои сестры не рвутся ловить. Нам приходится ждать, когда вырастет колючая стена, которая окружит город. И пока мы должны кормить и выхаживать маленькие хесотсаны, чтобы они выросли побыстрее и у нас появилось оружие. И выращивать в пруду лодки, потому что урукето непригоден для плавания по реке. А вот

чего мы не должны делать — это сажать драгоценное семя города!

— Вопрос, выраженный со смиренным стремлением к познанию. Почему?

— Почему-почему! — Зубчатый гребень на голове Амбаласи стал красным, как и ее ладони. — Если мы посадим его сейчас, его съедят черви и жуки, или погубит грибок, или же одна из твоих неуклюжих Дочерей раздавит его ногою.

— Теперь я понимаю, — невозмутимо ответила Эн-ге. — Прошу прощения за невежество.

Бормоча и дергая конечностями, Амбаласи отвернулась и стала смотреть на реку. Овладев собой, она заговорила вновь:

— Я думаю, что теперь терновая стена уже достаточно выросла. Теперь мне нужны иилане', по меньшей мере половина. Утром мы отправимся на тот берег. Если перешеек уже прегражден терновой стеной, начнем очень нужный труд — расчистку земли, для чего внесем в нее выращенных нами личинок. Потом добавим азотфиксирующие бактерии и быстрорастущие-быстроувядающие кусты в качестве удобрения. И только тогда, — если все будет в порядке и я увижу, что время пришло, — мы высадим семя. Возможно ли, чтобы на этот раз ты хоть что-нибудь поняла из моих слов?

— Я восхищаюсь, — с величественной невозмутимостью отвечала Эн-ге на новую колкость. — И благодарю тебя за подробные объяснения. Жду твоих приказов.

— Хотелось бы, чтобы и другие ждали. Вот следующая проблема. Нам нужна предводительница, та, что будет руководить этими пустяковыми созданиями.

— Это действительно проблема, — согласилась Эн-ге, — потому-то мы и оказались здесь. Мои сестры, решившие умереть за свою веру, сначала понимают, что эйстаа не способна погубить их, а потом предаются радости от обретенной свободы. Они будут работать вместе, им даже не нужно будет приказывать.

— Если некому их возглавить, за кем же они последуют?

— Это очень серьезный вопрос, и я долго размышляла над этим.

— Лучше бы ты размышляла над ним не так долго, а побыстрее, — недовольно проворчала Амбаласи. — Или же все мы умрем, прежде чем ты отыщешь решение. У всех общественных животных есть вождь, который принимает решения. Посмотри. — Она указала на стайку пестрых крошечных рыбок на мелководье у берега. Что-то испугало их, и рыбешки дружно метнулись в сторону. — Одна из них всегда впереди, — сказала Амбаласи. — У муравьев есть царица, чье плодовитое лоно порождает их всех. Сестры — те же муравьи. Их надо возглавить.

— Я понимаю...

— Нет, ты не понимаешь. Иначе ты уделила бы этому все свое внимание. Надо прекратить все эти игры и разговоры, чтобы ты могла целиком обратиться к этой проблеме и не отвлекаться ни на что, пока не примешь решения. Должна быть предводительница, которой дана власть, должны быть помощницы.

— Получается эйстаа со своей свитой, — спокойно произнесла Энге. — Это как раз то, что мы отвергли.

— Тогда придумай что-нибудь другое, прежде чем мы умрем с голоду или нас пожрут ночные хищники. — Краешком глаза заметив просьбу о внимании к Элем, поднявшейся на плавник, она повернулась: — Говори.

— Прошу прощения, что помешала, — дело большой важности. Урукето слишком долго пробыл у берега. Мы должны выйти в море, за пределы устья.

— Невозможно! — отвечала Амбаласи, жестом приказывая Элем уйти.

— Прошу разрешения объяснить причины, — возразила та. — Об этом мне говорила капитан урукето, когда я была у нее в экипаже. Я заметила, что энтиисенаты ныряют в воду и пронзительно кричат. Пора выходить в море из этой мутной воды, нужно как следует накормить урукето.

— Завтра. Когда мы переплывем туда, где будет город.

— Завтра будет слишком поздно. Мы отплывем с отливом. Пробудем в море один-два дня. Это очень важно.

Застыв на месте, Энге со страхом ожидала, что Амбаласи немедленно покарает послушницу. Но она забыла, что Амбаласи и в первую, и в последнюю очередь ученая.

— Конечно, ты права. Перед возвращением убедись, что урукето сыт, потому что он потребуется здесь. И в будущем всегда сообщай мне о необходимости подобных отлучек.

— Повинуюсь твоему приказу.

— Наша вылазка в город подождет. Может быть, оно и к лучшему. У тебя, Энге, есть теперь два дня на решение твоей проблемы. Пошли на берег.

— Боюсь, за такое время я ничего не смогу придумать. Это нелегко, ибо касается наших убеждений.

Спустившись на берег, Амбаласи остановилась и, внезапно ощутив огромную усталость, села на хвост. Здесь было слишком много физической работы, к которой она не привыкла. Энге терпеливо ожидала, пока ученая в глубокой задумчивости глядела на реку, даже не заметив, как вниз по течению тронулся урукето. Плескаясь в грязи и дергаясь, он высвободился из ила и повернул к морю, следом за оживившимися энтиисенатами. Амбаласи долго сидела с закрытыми глазами, потом открыла их и повернула одно глазное яблоко к Энге.

— Имею желание продолжить.

— Внимаю с уважением к глубокой мудрости.

— Пересмотри процесс принятия решения, взгляни на проблему с другой стороны, как говорила ваша Угуненапса. Пусть решение придет снизу, не сверху. Вы — Дочери Жизни, а значит, главное для вас — основные потребности жизни. Начнем с одной из них. С пищи. Ты следишь за ходом моих мыслей?

С жестом уважения и понимания Энге ответила:

— Я восторгаюсь четкостью твоей мысли и логикой.

— Конечно, что тебе еще остается, — ведь весь груз ответственности лег здесь на мои крепкие плечи. Повторяю. Пища. Если они признают, что еда им необходима, чтобы выжить, пусть решают, как добывать ее: каждая для себя или все вместе.

— Прекрасно! — Энге излучала согласие и энтузиазм. — Разреши мне продолжить твою мысль. Как мы

делали это в море, когда всем эфенбуру гонялись за рыбьими косяками, так и должны поступить Дочери. Пусть все ловят рыбу...

— Нет! Ты не поняла. Теперь вы — не йилейбе, резвящиеся в океане, а иилане', что работают вместе для общего блага. Следует заняться рыбной ловлей, и пусть одна из них распоряжается.

— Я понимаю и восхищаюсь. Но решить будет трудно, очень трудно.

Амбаласи была совершенно согласна.

— Речь идет о выживании — это нелегко. Города иилане' существуют так давно, что мы уже успели позабыть, что когда-то нам приходилось на равных конкурировать со всеми жизненными формами. Придется подчинить сестер своей воле. Лучше убедить их, прежде чем они по одной погибнут в этих краях.

...Целый день Дочери посвятили дискуссии и наконец пришли к общему согласию. Амбаласи возилась со своими семенами и подрастающими животными, время от времени жестами выказывая крайнее неодобрение при взгляде на толкующее сборище.

— Неужели у нас все-таки будет рыба?

— Мы приняли решение, удовлетворяющее учению Угуненапсы. Равенство во всем и во всяком труде. Рыбной ловлей будут заниматься тен Дочерей, потому что тен — круглое число, равное числу пальцев на обеих руках. В первый день распоряжаться будет первая из Дочерей. На второй день командовать станет вторая, и так далее, пока не настанет черед распоряжаться последней из тена. Тогда их сменит другой тен, и так далее, пока не пройдет очередь каждой. Потом все начнется сначала. Разве это не округлое, не полное и не удовлетворяющее всех решение?

Амбаласи ответила с жестами смутения и ужаса:

— Абсолютная чушь! Самое глупое из всего, что мне приходилось слышать. Разве нельзя просто назначить ответственную на рыбную ловлю... Хорошо, я вижу по вашим исступленным жестам, что это не путь Угуненапсы. Делайте, как решили. Когда начнется рыбная ловля?

— Сейчас. И я первая в тене. Мы с радостью отправляемся за пищей для всех.

Амбаласи смотрела вслед удалявшейся Энге. Та шла гордо и прямо. Можно не верить. Но можно понять. И проанализировать. Впутавшись в тенета этой системы, приходится следовать ей до конца во всех ее вывихах. Иначе нужно отвергнуть ее. Она уже начала жалеть, что попала в самые глубины этой темной философии. Осторожными движениями она очистила корешки юного саженца. Какой же истинной и понятной является биология рядом с учением Угуненапсы! Но она не может позволить себе выказать слабость. Все-таки эта отвратительная философия давала вполне биологические результаты. И она давно решила исследовать ее и обнаружить причины. Трудно быть первой в науке, первой по уму, первой во всех отношениях. Амбаласи радостно вздохнула — подобный груз не обременял ее.

Глава двадцать девятая

— Внимание и поспешность, внимание и поспешность! — бессвязно, точно фарги, повторяла иилане'.

Оторванная от дел Амбаласи уже готова была в очередной раз вспылить. Но заметив, что покрытое грязью создание трясется в смятении и страхе, ученая жестом потребовала подробных разъяснений.

— Есть раненная во время ловли. Укус. Много крови.

— Подожди, сейчас пойдем к ней. — Собрав все, что могло понадобиться в подобных случаях, Амбаласи вручила корзинку вестнице. — Неси и показывай путь.

Пробившись сквозь кружок встревоженных Дочерей, они увидели внутри него Энге, поддерживавшую под голову залитую кровью иилане'.

— Быстрее, — попросила она. — Это Эфен, ближайшая ко мне. Чтобы уменьшить кровотечение, я наложила повязку.

Взглянув на пучок окровавленных листьев, который Энге прижимала к ране, Амбаласи одобрила:

— Правильно сделала, Энге. Подожди, я окажу ей помощь.

В корзинке кольцом свернулась змейка. Амбаласи взяла ее сзади за голову и надавила так, чтобы открылась пасть с одним длинным торчащим зубом. Другой рукой она взяла нефмакел и протерла бедро Эфен. Это существо не только счищало грязь, но и уничтожало бактерии выделяемым секретом. Отбросив нефмакел, Амбаласи нащупала под кожей Эфен пульсирующую артерию и мягким движением ввела в нее острый клык. Целебный яд хлынул в кровь Эфен, и она мгновенно забылась. Только после этого Амбаласи обнажила рану.

— Чистый укус — отхватил мышцу, не затронув сальник. Придется почистить. — Струнным ножом она срезала обрывки плоти. Рана закровоточила вновь, и, развернув нефмакел побольше, Амбаласи приложила его к ране. Существо сразу прилипло к ней, прекратив кровотечение и полностью закрыв рану. — Теперь отнесите ее, пусть полежит. Все будет в порядке.

— Как всегда благодарим, Амбаласи, — проговорила Энге, медленно поднимаясь на ноги.

— Умойся, ты вся в грязи и крови. А кто ее укусил?

— Вон. — Энге показала на берег. — Запутался в нашей сети.

Амбаласи обернулась — и впервые в жизни онемела от изумления.

Еще живое существо извивалось на земле, ломая кусты и невысокие деревья. Длинное извивающееся серое тело толщиной с туловище фарги было вытащено на землю на два-три корпуса иилане'; остальная часть, вероятно еще длиннее, скрывалась под водой. Усеянная костяными пластинами пасть, маленькие злые глаза слепо таращились на иилане'.

— Мы нашли его, — не без удовлетворения произнесла Амбаласи. — Его-то личинки и плавали посреди океана. А это взрослый.

— Угорь, — с невольным трепетом согласилась Энге. — Мир Амбаласокеи полон чудес.

— Как может быть иначе? — пожала плечами Амбаласи, возвращаясь к обычному наставительному тону, — удивление уже прошло. — Сомневаюсь, что ты могла бы понять теории тектонических плит и континентального дрейфа, поэтому не буду понапрасну перегружать твой ум. Но ты способна оценить выводы. Некогда эта земля и далекий Энтобан составляли единое целое. Тогда везде жили одни и те же создания. Так было в те времена, когда яйцо времен только что раскололось. Потом медленная селекция и дифференциация привели к значительным различиям в облике живых существ, обитающих на разделившихся континентах. Не сомневаюсь, что нам удастся найти и другие отличия, но уж наверняка не столь потрясающие.

Через несколько дней Амбаласи пришлось вспомнить эти слова не без сожаления. Должно быть, она

поспешила — более ошибочного заявления ей еще не приходилось делать.

Рана Эфен заживала быстро. У несчастного случая оказалась и положительная сторона. Огромный угорь оказался очень вкусным. Его хватило на всех и много осталось. После побега они не ели ничего вкуснее размягченного энзимами рыбьего мяса.

Когда подкормившийся урукето вернулся, иилане' перебрались на нем через реку к месту нового города. Все Дочери хотели своими глазами увидеть это место, и от желающих совершить прогулку не было отбоя.

— Куда уместнее выглядело бы стремление поработать, — ворчала Амбаласи, отбирая сильнейших и отгоня остальных.

Как только все погрузились, невзирая на протесты, она согнала их с плавника внутрь урукето и оставила рядом с собой лишь Энге и Элем.

— Обращайте внимание, — приказала Амбаласи, — как ваши Дочери рвутся на прогулку, зная не желая никакой работы. Быть может, раз вы не можете приказывать им, следует предусмотреть систему поощрений?

— В твоих словах много правды, и я подумаю над ними, — ответила Энге. — Конечно, я понимаю их чувства, но нам придется найти способ разделения труда. Мне придется внимательнее подумать над учением Угуненапсы — не могла же она вовсе упустить эту проблему из виду.

— Изучай побыстрее, или мы погибнем от голода. Полагаю, вы заметили, что ваша система добровольного участия в рыбной ловле и не думает работать. Первый тен уже высказывает недовольство от того, что работа последующих стала легче, когда мы освоили ловлю угрей? Они уже требуют реорганизации системы.

— Я знаю; к сожалению, это так. Все мое внимание обращено к этим вопросам.

Урукето дрогнул под ногами. Огромное существо повернуло в сторону, чтобы уклониться от плывущего навстречу по течению дерева. Вода подмыла корни лесного гиганта, и в еще зеленой листве его над водой перепархивали птицы. Повинуясь командам Элем, урукето вновь повернулся и направился к перешейку, где поднимется новый город.

Амбаласи первой спустилась вниз и зашлепала по воде к берегу. Земля была покрыта увядшими пожелтевшими листьями, торчали голые сучья. Резким знаком Амбаласи высказала удовлетворение.

— Теперь жуки-древоточцы должны позаботиться о стволах и пнях. Пусть Дочери таскают сучья и деревья поменьше к реке и бросают их в воду, а мы сходим к терновой изгороди.

Амбаласи шла впереди — неторопливо из-за жары. Пришлось даже передохнуть в редкой тени голых ветвей.

— Жарко, — с трудом выговорила Энге и широко открыла рот.

— Так и должно быть, ведь мы сейчас находимся в точности на экваторе. С этим географическим термином ты, конечно же, не знакома.

— Экватором называется линия на поверхности сферы, равноудаленная от полюсов, соответствующих оси вращения. — Глядевшая на терновый барьер Энге не видела раздражения в жестах Амбаласи. — Пытаясь понять работы Угуненапсы, я обнаружила, что в основу их положены и некоторые достижения естественных наук. И я последовала ее прекрасному примеру.

— Последуй-ка лучше моему прекрасному примеру — идем дальше. Следует убедиться, что в терновой стене нет брешей. Пошли.

Пока они шли вдоль стены из плоских листьев и острых колючек, Амбаласи на ходу собирала свежие стручки с семенами и передавала их Энге. Выйдя к берегу реки, Амбаласи указала на пространство, отделявшее терновую стену от воды.

— У берега всегда так получается, — проворчала она. — Я высажу здесь семена — начнем с этих, — они укореняются в воде. Подержи.

Пожилая ученая привычно провела ногой в иле бороздки, а потом, согнувшись над ними, пыхтя и жалуясь на жару, принялась сажать семена.

Энге смотрела на реку — внизу по течению в русло впадала боковая протока. Что-то шевельнулось в воде — должно быть, большая рыба. За ней на миг из воды высунулась другая.

— Еще семян, — потребовала Амбаласи. — Острый приступ глухоты, — ехидно добавила она, обнаружив, что Энге молча глядит на реку. — В чем дело? — осведомилась она, снова не получив ответа.

— Я увидела что-то над водой, но это существо сразу исчезло, — ответила наконец Энге с жестом столь огромной важности, что и Амбаласи уставилась в ту же сторону.

— Что это было?

Энге повернулась к ученой с жестами жизни и смерти. Немного поколебавшись, она начала:

— Я подумала и вспомнила известных мне живых существ. Просто не с кем спутать. Первого я видела мельком и даже не поняла, кто это. Второй выставил голову из воды. Я видела ее. И не могла ошибиться.

— Требуется пояснения, — раздраженно сказала Амбаласи.

Наступила тишина. Энге повернулась к ней лицом, безмолвно и неподвижно посмотрела в глаза ученой и наконец заговорила:

— Я понимаю важность своих слов. Но я не ошиблась. Там в ручье я видела юных элинийил.

— Но это невозможно! Мы первые иилане' в этих краях. Здесь нет самцов, некому вынашивать яйца, нету молодняка, выходящего в море... Откуда здесь взяться элинийил, которые превратятся в фарги? Это невозможно. Или...

Теперь уже Амбаласи умолкла и оцепенела, и тени мыслей пробежали по ее коже.

— Такое может быть. Мои прежние слова была вызваны видовым этноцентризмом. Раз мы, иилане', находимся на самом верху экологической пирамиды, легко без лишних раздумий предположить, что мы здесь одни, как это только что сделала я. Единственные и неповторимые. Понимаешь ли ты, о чем я веду речь?

— Нет. Заявляю об отсутствии специальных познаний.

— Понятно. Я объясню. Далекий Энтобан принадлежит нам, и города наши занимают на нем все обитаемое пространство — от океана до океана. Но теперь мы пришли в другой мир, где обитают иные формы жизни.

Нет причин считать, что наш вид живет лишь в Энтобане. Возможно, здесь обитают местные иилане'.

— Значит, я действительно видела элинийил?

— Вполне вероятно. А теперь надо убедиться в этом. Если ты не ошиблась, это событие будет самым значительным, с тех пор как треснуло яйцо времен. Пошли!

Спустившись к реке, Амбаласи со всем пылом исследовательской лихорадки плюхнулась в воду. Энге последовала ее примеру не без боязни — в этих мутных водах могла таиться любая опасность. Течение быстро несло их вперед, и Амбаласи свернула в протоку. Здесь вода доходила ей до груди, и она обнаружила, что идти легче, чем плыть.

Энге поторопилась обогнать пожилую ученую, чтобы защитить ее от возможных опасностей. Над водой свисали длинные ветви, во влажном и жарком воздухе вились кусачие насекомые. В воде было прохладно, и, когда протока расширилась, они нырнули под воду, чтобы избавиться от мошкары. Вынырнув на поверхность, они огляделись, поднялись на ноги и направились к берегу, не имея возможности обратиться к сложным понятиям, пока под ногами не оказалась травянистая почва.

— Мы на другом острове — от нашего его отделяет эта протока. Теплая вода, ровная температура. Мелководье не дает проникнуть сюда крупным хищникам. Если, — я подчеркиваю, — если здесь живут иилане', лучшего места для родильных пляжей просто не придумаешь. Надежно отгороженное от речного глубоководья место, много рыбы, чтобы молодежь не голодал. А когда вырастут и станут элинийил — легко выбрать-ся в реку и в море.

— А вот и тропа, — сказала Энге, указывая на землю.

— Это может быть и звериная тропа. Пойдем по ней.

Энге шла первой, уже сожалея о безрассудном походе. Они ведь были без оружия, а кто только не мог прятаться в джунглях.

Идти по тропе было легко. Они обогнули ствол дерева с выступающими корнями, протянувшимися в реку, вышли на берег к песчаному пляжу, окруженному мягкой травой. Обе видели — лучшего места для ро-

дильного пляжа здесь не найти. В воде что-то плеснуло, но они успели заметить только круги, разбегавшиеся по поверхности.

— Кажется, за нами следят, — проговорила Энге.

— Иди дальше.

Тропа огибала пляж и вела к густой роще. Они остановились на опушке, пытаясь разглядеть что-нибудь в густой тени. Энге жестом выразила сожаление.

— Думаю, мы зашли достаточно далеко. Пора возвращаться. А сюда придем, когда лучше подготовимся.

— Но нам нужны факты, — твердо сказала Амбаласи, жестами утверждая важность познания, и шагнула вперед мимо Энге.

С громким воплем из-за деревьев выпрыгнуло какое-то существо; зажав в пальцах огромного паука, оно ткнуло им в лицо Амбаласи.

Глава тридцатая

Амбаласи отшатнулась, испуганная неожиданным нападением. Энге заслонила ее, выставив вперед пальцы, и гневно закричала:

— Назад! Прекрати! Ошибка-действия!

Нападавшая не думала продолжать атаку и с явным страхом глядела на обеих иилане'. А потом повернулась и убежала.

— Ты видела... — скорее утвердительно, чем вопросительно проговорила Энге.

— Да. Внешне она почти идентична нам. Противопоставленные большие пальцы — в них был паук. Пониже ростом, пористая кожа светло-зеленого цвета, темнеющая к гребню на спине.

— Восхищаюсь наблюдательностью. Я едва разглядела ее.

— Научная подготовка. Ты понимаешь, какое это изумительное, чудесное и потрясающее открытие? Для историков и биологов.

Энге одним глазом приглядывалась к джунглям — новых неожиданностей она не хотела, — а другим смотрела на Амбаласи, выказав невежество и удивление. Амбаласи наслаждалась собой.

— Прежде всего, конечно, биологов. Но паук... Ты помнишь Стену Истории? Определенно, нет, разве это возможно. Слушай и следи за моими мыслями. Вспомни скорлупы омаров, клешни которых обороняли самцов на заре истории. Мы получили доказательство справедливости этой теории. Удивительно!

— Но где же ты увидела омара?

— Невежественное создание! Я же говорю о подобии в действиях. В море ты пользуешься для защиты вооруженным клешнями омаром, на суше тем же целям служит ядовитое насекомое или паук.

— Информация усвоена. Но мы должны вернуться назад, здесь оставаться опасно. Угроза-смерть-от-яда.

— Чепуха. Она просто пугала нас, не пытаясь довести нападение до конца. Разве ты не заметила смятения в ее движениях? Мы такие же, как она, но не совсем. Неуверенная угроза, потом отступление. Надо продумать возможность дальнейшего контакта, чтобы более не путать их.

— Амбаласи, я не могу приказать тебе возвращаться, но я прошу тебя об этом. Мы можем потом вернуться с подкреплением.

— Возражаю. Чем больше нас здесь будет, тем более мы встревожим их. Нас предупредили, это не было нападением. Такова ситуация в настоящий момент, и я не хочу, чтобы она изменилась. Я останусь здесь. А ты пойди к реке и поймай рыбу. — Энге сделала жесты сомнения и смятения. — Думай же, — велела Амбаласи. — Ты гордишься своим умением рассуждать. Церемония кормления, к которой мы обращаемся в важных случаях, корнями уходит в глубокую древность. Что может более соединить Дочерей, чем предложение пищи? Общность существования, проявляющаяся в разделении трапезы... Мне нужна рыба.

Не допуская возражений, старая ученая отклонила все аргументы. Наконец она просто уселась на хвост, в последний раз требовательно проговорив: «Рыбу мне!», и уставилась на лес, застыв в позе приветствия и доброжелательства. Энге не оставалось ничего другого, как отправиться к реке.

Нырнув, она обнаружила зрелище, радостное для всякой иилане'. В чистой воде стайкой-эфенбуру скользили совсем еще маленькие элинийил — малыши гонялись за серебристыми мальками. Она долго смотрела на них, пока ее не заметили, цвета испуга выступили у них на ладонях. Она показала им свои ладони, прося не путаться. Но гостя была такой странной — и они в мгновение исчезли с глаз. Одна из малышек выронила только что пойманную рыбешку с прокушенным хребтом. Энге подобрала ее и вышла на берег.

Амбаласи с сомнением поглядела на невзрачную добычу Энге.

— Скорая ловля — маленькая рыба.

— Я ее не ловила. Я вспугнула юное эфенбуру, когда они ели. Такие хорошенькие...

— Несомненно. Придется ограничиться этой рыбкой. Стой здесь, а я пойду вперед.

— Можешь приказывать, но я не буду повиноваться. Я пойду сзади, чтобы помочь в случае чего.

Амбаласи открыла рот, но поняла, что это будет напрасной тратой времени, и не без колебаний ответила жестом согласия.

— Не ближе, чем в пяти шагах от меня. Идем.

Держа рыбешку перед собой, она шла по тропе и остановилась на краю роши.

— Рыба, вкусно, хорошо, дружба, — громко, но ласково произнесла она.

Потом неторопливо уселась на хвост и продолжала свои речи. В тени что-то шевельнулось, и Амбаласи старательно зажестикულიровала, изображая тепло и дружбу самыми простыми знаками.

Листва раздвинулась, и из тени нерешительно выступила незнакомка. Они молча какое-то время изучали друг друга. Амбаласи вглядывалась глазом ученой. Внешние различия были незначительны. Величина тела, сложение, окраска. В лучшем случае подвид. Медленно приблизившись, она положила рыбку на траву, выпрямилась и отступила.

— Она твоя. Знак дружбы. Возьми и съешь ее. Возьми, она твоя.

Незнакомка смятенно озиралась, открыв рот в знак непонимания. Великолепные зубы, заметила Амбаласи. Придется выразиться попроще.

— Рыба-чтобы-есть. — Амбаласи прибегла к не требующему слов простейшему выражению, воспользовавшись изменением окраски ладоней.

Незнакомка подняла руку и ответила подобным образом.

— Рыба. — Она схватила рыбешку и сразу же исчезла с ней в зарослях.

— Великолепно для первого раза, — заметила Амбаласи. — На сегодня довольно. Я устала. Мы возвращаемся. Ты видела, что она мне ответила?

Энге излучала воодушевление.

— Я видела! Это изумительно. Одна теория утверждает, что речь начиналась подобным образом. Теория эта гласит, что мы учились разговаривать в океане жестами и изменением цвета кожи, еще не прибегая к словам.

— Да, подобное предположение удовлетворяет требованиям биологии. В море главенствует не словесное общение. Значит, когда наши виды разделились, мы уже умели объясняться жестами и окраской... иначе сейчас мы не сумели бы понять друг друга. Вопрос в том — иилане' они или йилейбе. Может быть, они ограничиваются только этими примитивными знаками? Придется выяснить. С ними придется поработать.

Энге тоже горела энтузиазмом.

— Такой возможности никому еще не представлялось! Удовольствие. Я долго занималась проблемами общения и с интересом ожидаю новой работы.

— Рада слышать, что тебя хоть что-то волнует, кроме пустых речей о жизни и смерти. Будешь помогать мне, нам придется потрудиться.

Они вернулись к берегу реки, но на этот раз погрузились в воду с большой нерешительностью. Теперь, когда любопытство уже не подгоняло их, обе разом вспомнили про все опасности, которые могут ожидать их в мутных водах. Так что, возвращаясь к терновой стене, они жались к берегу. Испачкавшись в иле, они пробирались между мертвых растений. Занятые беседой, Дочери Жизни толпились возле урукето. Амбаласи с негодованием посмотрела вокруг.

— Работа не сделана! Никаких извинений лени-неразумию-безделью!

Энге тоже выразила недоумение, и стоявшая в центре кружка Сатсат попросила разрешения говорить.

— Фар< сказала, что хочет говорить с нами. Конечно, мы стали слушать, ведь ее мысли глубоки. И теперь мы обсуждаем...

— Она ответит сама! — перебила ее Амбаласи с явным возмущением. — И какая же из вас, Дочерей Болтовни, именуется Фар<?

Энге показала на хрупкую иилане' с большими внимательными глазами, все дни которой были наполнены

мыслями Угуненапсы. Она знаком дала понять Дочерям, чтобы все слушали ее.

— Угуненапса говорила, что...

— Молчать! — приказала Амбаласи с грубыми жестами, обращаясь к ней, как высочайшая к низжайшей фарги. По коже Фар< побежали цвета оскорбленного достоинства. — Мы уже наслушались мыслей Угуненапсы. Я спросила, почему вы прекратили работу?

— Я не прекращала ее, я просто предложила всем подумать над нею. Мы пришли в это место труда по собственной воле. Но ты стала распоряжаться, не желая спрашивать нашего мнения, подобно эйстаа, отдающей приказы. Но мы не повинемся им. Мы приплыли в чужедальние края, мы столько выстрадали за свои убеждения и не откажемся от них. Мы благодарны тебе, но благодарность — это не покорное исполнение твоей воли. Как говорила Угуненапса...

Не желая более слушать слов Угуненапсы, Амбаласи повернулась к Энге и жестом потребовала немедленно-го внимания.

— Конец моему терпению. Конец моей помощи вам. Я знаю все, что следует нам здесь делать. Вы же, Дочери Глупости, умеете лишь прекословить. С меня хватит, если только ты не убедишь их немедленно оставить всякое упрямство. Без моей помощи все вы скоро умрете, и я уже начинаю думать, что день вашей смерти будет радостным для меня. Я отправляюсь на урукето — привести себя в порядок, поест и попить. Еще я буду думать. А когда вернусь, вы ответите мне — нужен ли вам город. Если нужен, скажите — каким образом вы собираетесь возводить его. А теперь молчите, пока я еще вижу вас. Слышать не желаю бесконечных речей и даже имени вашей Угуненапсы без моей воли на это.

Всем телом излучая гнев и решительность, она обернулась и потопала к урукето, оставляя в земле глубокие борозды от когтей. Ополоснувшись у берега, она взобралась на урукето и расположилась в тени плавника. Когда Амбаласи потребовала внимания, из плавника высунулась Элем и посмотрела на ученую.

— Еды и воды! — приказала Амбаласи. — Быстро. Немедленно.

Элем принесла все сама: ученую она уважала и ради приобретенных познаний прощала ей обиды. Заметив это по движениям ее тела, Амбаласи смягчилась.

— По крайней мере для тебя наука важнее этих философий, — проговорила ученая. — Это украшает твою личность, и я могу терпеть твое присутствие.

— Доброта исходит от тебя подобно теплым лучам солнца.

— К тому же речи твои — речи вежливой иилане'. Садись, раздели со мной мясо, и я расскажу тебе об открытии невероятной важности.

Разговор занял много времени, поскольку Элем всегда была самой приятной слушательницей. Солнце уже клонилось к горизонту, когда, покончив с разговорами, Амбаласи возвратилась на берег. И к своему великому удовлетворению сразу же увидела Дочерей, разбирающих завалы мертвой древесины. Опустив свою ношу, Энге обратилась к ученой, тщательно выбирая выражения и стараясь ненароком не упомянуть запретное ныне имя Угуненапсы.

— Мы обсудили работу в свете нашего истинного учения. Принято решение. Мы должны жить, раз мы Дочери Жизни. И, чтобы жить, нам нужен город. Значит, его следует вырастить. Лишь ты одна способна его вырастить. Чтобы он вырос, мы будем повиноваться твоим распоряжениям, ведь иначе мы не сможем выжить. Итак, мы принялись за работу.

— Вижу. Но это пока. А когда город вырастет, вы перестанете повиноваться мне.

— Я еще не обдумала столь дальнего будущего, — уклончиво ответила Энге.

— Думай. Говори.

С великой нерешительностью та произнесла:

— Думаю, что, когда город вырастет, Дочери не будут повиноваться твоим приказам.

— Так я и предполагала. Мне не хотелось думать о том будущем, что сулит вам верную смерть. Сейчас, для моего удобства, я принимаю ваше хилое и вынужденное сотрудничество. Работа здесь имеет чрезвычайно важное значение, я не могу тратить время на пустые споры. — Она подняла руку с зажатым в ней куском

мясного желе. — Я возвращаюсь в джунгли для дальнейших переговоров. Будешь ли ты сопровождать меня?

— С огромным удовольствием и ожиданием счастья. Наш город будет богат — и жизнью, и научной мыслью.

— Научной мыслью, пожалуй, да. Только могу предположить, что Дочерей Несогласия, последовательниц той-че-имя-лучше-забыть ждет жалкое будущее. Думаю, что ваша Теория Жизни когда-нибудь принесет вам смерть.

Глава тридцать первая

*Imame qiviot ikagpularpot
takuguvsetame.*

*В море тропинок куда больше,
чем в лесу.*

Пословица парамутанов

Ожидание и неизвестность уже томили Армун. Поначалу все казалось разумным, — ведь решение оставить стоянку у озера она приняла без колебаний. Она даже настаивала на том, вынуждая Керрика признать, что решение не только хорошее, но и единственно возможное. И когда она натыкалась на него, сидевшего где-нибудь и погруженного в мрачные раздумья, то немедленно напоминала ему все причины, заставлявшие их уходить. Выхода нет. Надо идти.

Арнхвит, чья судьба волновала их в наибольшей степени, тревожился меньше всех. Он еще не разлучался с матерью и не представлял себе, что это такое. Начавшая забывать свои кошмары Даррас не радовалась перемене и много ревела. Ортнара это не волновало, а Харл дожидаться не мог, когда они уйдут. Тогда он останется за главного. Единственный охотник. Добытчик.

Но оба иилане' были убеждены в своей близкой кончине. Имехеи сочинял смертную песню, решительный Надаске' намеревался встретить смерть в бою и не разлучался с хесотсаном. Керрик понимал причины их опасений, но отвергал их. Теперь две половины Керриксаммада уже взаимодействовали, так должно было оставаться и впредь. Что тут менять? Иилане' мастерски

ловили в озере рыбу и раков, по утрам расставляли ловушки и сети. Но к охоте особых наклонностей не обнаруживали. А потому возникла даже своеобразная торговля: мясо меняли на рыбу — и обе стороны были довольны. Обменом занимался Арихвит — единственный, к кому без подозрения относились в обеих частях лагеря, — и важно таскал тяжелую ношу. Самцы уцелеют, — если никто не обнаружит укромную стоянку...

До побережья они дошли благополучно. Теперь без всяких хлопот и забот они смотрели друг на друга, наслаждаясь обретенной свободой и близостью. Часто они шли по теплому летнему лесу, взявшись за руки. Ни один настоящий охотник не поступил бы подобным образом, ибо путнику подобает молчать и внимательно следить за тропой, но Армун так нужны были его прикосновения.

Так было в первые дни. Мрачный и унылый Керрик следил за поверхностью моря, ожидая появления иккергака с парамутанами, но его все не было и не было. Он сидел, забыв про охоту, мясо кончалось, но это его не волновало. Армун уже знала: когда он такой, что бы она ни сказала — будет сказано или слишком много, или слишком мало. Поэтому она держалась в сторонке, собирая корни и травы, которыми они теперь в основном питались.

Однажды, ранним утром, когда корзинка ее была еще наполовину пуста, она услышала его зов, донесшийся из-за деревьев. Что-то не так! Но, прислушавшись, она успокоилась — в голосе его звучали радостные нотки. Откликнувшись, она побежала к нему. Они встретились на крошечной полянке; среди высокой травы желтели цветы.

— В море парамутаны, они приближаются к берегу!

Керрик схватил ее за руку, они упали, корзинка опрокинулась. Они вместе наполнили ее; крепко обхватив Армун, Керрик опрокинул ее на траву.

— Не надо, потом, — мягко возразила она. — Парамутаны могут уйти без нас.

Когда они появились на берегу крошечной бухты, черный иккергак уже качался на волнах с опущенным парусом неподалеку от берега. Крича и размахивая руками, они бросились к судну, их с готовностью вта-

щили на борт. Ангаджоркакв с круглыми печальными глазами на поросшем гладкой шерсткой лице скорбно прижимала ладонь ко рту.

— Одни, — стонала она, — мальчишки... нет мальчишек...

Пока Армун объясняла ей, что с детьми, к женщинам подошел Калалекв, приветственно подняв куски изысканного угощения — тухлого мяса.

— Ешьте, радуйтесь, так много вам нужно показать...

Керрик остановил его жестом.

— Помедленнее, дружище, трудно понять.

Он уже успел позабыть те немногие слова по-парамутански, которые выучил за зиму. Пришлось позвать Армун. Вслушавшись в поток слов, она пояснила.

— Все остальные парамутаны отправились за океан, в место, которое он называет «Алланивок». Этот иккергак уйдет последним. Они уже обнаружили целые стада уларуаквов и берег, где парамутанам будет удобно их разделявать. Я не знаю этого слова. Они взяли с собой все — небольшие лодки, паукаруты, детей... — В голосе ее промелькнул страх.

— Ты думаешь, если мы уйдем с ними, то никогда не вернемся назад? Спроси, что он скажет.

— Долгая дорога, — ответил Калалекв. — Вам там будет хорошо, не захотите возвращаться.

— Твердолобый, безглазый! — громко осадил его Ангаджоркакв, стукнув мохнатым кулаком. Несильный удар должен был заставить его с вниманием отнестись к ее словам. — Скажи Армун, что, если она захочет возвратиться в эти края, ты отвезешь ее, — или же ты хочешь, чтобы она более не увидела своего первенца до конца дней своих?

Калалекв усмехнулся, потом нахмурился и в знак проявленной глупости хлопнул себя по лбу.

— Ах да, дорога легкая, вернемся, когда захотите. Путешествие будет несложным для того, кто знает ветры и море, как я.

После того как Армун и Керрик обменялись со всеми на борту громкими приветствиями, все решили, что можно немедленно отправляться в заморский Алланивок. Зачем задерживаться, если все уже готово. Тану

ждались парамутанов, больше по эту сторону океана им нечего делать. И, приняв такое решение, парамутаны с обычным энтузиазмом принялись за работу. Все мехи для воды отправили на берег и наполнили из ручья.

Цепляясь за борт, парамутаны оттолкнули кораблик от берега и принялись устанавливать парус. Ветер поймали, и путешествие началось. Путь лежал на северо-восток, и они медленно удалялись от берега. Земля исчезала вдали и уже перед закатом утонула в волнах. Когда солнце опустилось в воду, они были одни посреди океана.

Волны качали иккергак, и отказаться от порции гнилого мяса и сала было нетрудно — обоим тану уже мутило от морской болезни. Покончив с едой, парамутаны заползли в укрытие на носу и быстро уснули. Ночь была теплой, и Армун вместе с Керриком решили провести ее под открытым небом.

— А ты знаешь, сколько нам придется плавать? — спросил Керрик.

Армун рассмеялась в ответ.

— Я уже спрашивала Калалеква. Много дней — так он сказал. Или они не умеют считать, или им все равно.

— Должно быть, и то и другое. Они не боятся так удаляться от берега. Как им удастся находить дорогу и не заблудиться?

Словно в ответ на его вопрос, Калалекв подошел к мачте и встал, держась за нее одной рукой. Лодка покачивалась на невысоких волнах. Подняв к небу какой-то предмет, он что-то крикнул кормчему, повернувшему рулевое весло. Парус заполоскался, и Калалекв ослабил узлы, подтянул одни линии, ослабил другие, пока не удовлетворился своей работой. Когда он закончил, Армун окликнула его и спросила, что он увидел на небе.

— Путь к паукарутам, — ответил он, не скрывая удовлетворения, — звезды показывают его.

— А как?

— С помощью этой штуки.

Он передал им сделанную из кости вещицу. Керрик поглядел на нее, покрутил головою и вернул обратно.

— Но я вижу четыре обыкновенных косточки, перевязанные по углам.

— Да, конечно, ты прав, — согласился Калалекв. — Понимаешь, их связал Нануакв, когда стоял среди паукарутов на берегу Алланивока. Так это и делается. Это большой секрет, но я расскажу тебе. Видишь эту звезду?

С грехом пополам и доброжелательной помощью остальных люди наконец поняли, о какой звезде идет речь. Керрик плохо знал небо, и звезду обнаружила Армун.

— Меня учили называть ее «Глазом Ерманпадара». Все остальные звезды — просто тхармы отважных охотников, попавшие после смерти на небо. Каждый вечер они на востоке восходят на небо и, пройдя над нашей головой, утром уходят на покой, опускаясь на западе. Они ходят все вместе, подобно огромному стаду оленей, а неподвижный Ерманпадар следит за ними. Он стоит там на севере и смотрит, звезда и есть его глаз. Она неподвижна, а тхармы ходят вокруг нее.

— Я никогда не замечал.

— Посмотри на нее ночью — увидишь.

— И как она помогает нам отыскать путь?

Калалекв почему-то решил, что Керрик не может понять его, потому что плохо слышит, и разразился громкими объяснениями. С помощью Армун ему удалось объяснить, как действует рамка.

— Толстая кость — это низ. Держи ее перед глазом, направляя на место, где вода сходится с небом. Поворачивай так, чтобы тебе был виден только круглый конец. А потом, так и держа ее, быстро глянь вдоль этой косточки. Косточки Алланивока. Она должна показывать на звезду. Попробуй.

Керрик возился с рамкой, пока не заслезилась глаза.

— Не получается, — наконец проговорил он. — Когда эта кость показывает на горизонт, другая всегда оказывается выше звезды.

В ответ Калалекв разразился радостными воплями и призвал остальных парамутанов в свидетели того, как быстро Керрик освоил умение водить иккергак, — хотя не прошло и дня с тех пор, как они отплыли от берега. Керрик же недоумевал, отчего Калалекв так радуется, ведь он так ничего и не понял.

— Ты прав, — закричал Калалекв, — все дело в иккергаке. Сейчас мы далеко на юге. Ты увидишь, кость

будет указывать на звезду, когда мы уплывем отсюда на север.

— Но ты же сказал, что звезда неподвижна.

Тут Калалекв зашелся хохотом и принялся блаженно кататься по дну иккергака. Дар речи возвратился к нему не сразу. Оказалось, что звезда неподвижна, если ты сам остаешься на одном месте. Но, если плыть на север, — она поднимается все выше, и опускается, если повернешь на юг. Это значило, что повсюду звезда стоит над горизонтом на разной высоте. Так ты и находишь свой путь. И все-таки Керрик ощущал легкую неуверенность и, засыпая, еще размышлял над загадкой.

После нескольких дней, проведенных в море, Керрик и Армун почувствовали себя лучше, хотя головокружение от бесконечной качки не проходило. Жир и мясо они ели с опаской, но дневной рацион воды приканчивали без остатка. Еще они помогали ловить рыбу — выдавленный из нее свежий сок утолял жажду даже лучше воды. Керрик каждую ночь с любопытством возился с костяной рамочкой, а звезда тем временем поднималась все выше и выше. Наконец, взглянув однажды ночью на небо, Калалекв разразился радостными воплями, все присутствующие тоже поглядели в рамочку. Действительно, теперь обе кости одновременно указывали на звезду и на горизонт. Тогда курс изменили, парамутаны взяли на восток и переставили парус. Утром Калалекв порывлся в пожитках и извлек из них ту самую большую рамку из многих костей, которую Керрик уже видел.

— Мы сейчас здесь. — Он многозначительно тронул одну из боковых костей, повел пальцем направо к поперечной косточке. — Вот, плывем сюда, здесь Алланивок. Очень просто.

— Что угодно, — ответил Керрик, крутя сложную рамку, — только не просто. — И тут он вспомнил. — Армун, Расскажи Калалекву о картах мургу. Я прихватил их с собой. Рассказывай, пока я найду их.

— Но что это такое?

— Скажи ему... трудно объяснить. Скажи, что мургу переплывают океан в огромной рыбине. И находят путь по плоским листам, на которые нанесены цветные

линии. Я представления не имею, как ими пользоваться. Может быть, он сумеет понять?

Столпившись вокруг Керрика, парамутаны удивленно охали над картами, не зная даже, каким словом их назвать. Сначала они восхищались яркими красками и загадочными картинками и просто вертели карты так и сяк. Особенно их потрясло, что с линиями ничего не происходит, даже если поскрести карту ногтем или потереть слюной. Линии оказались закрытыми чем-то прозрачным и непонятным. Подождав, пока все довольство наглядятся, Калалекв принялся разглядывать подробности.

Ближе к вечеру ветер усилился, нагнал на небо черные облака. В предыдущие дни уже набегали шквалы и недолгие ливни, но сейчас близилась настоящая буря. Керрик поглядывал на небо не без опаски, но парамутаны с довольными выражениями на лицах копались в пожитках. И когда начался ливень, они распростерли над иккергаком большую шкуру, собирая в нее капли дождя. Ветер трепал ее и пытался вырвать из рук, сверкала молния, грохотал гром. Дело оказалось нелегким, но оно стоило усилий, — прежде чем гроза миновала их, они успели наполнить водой три меха, к тому же все напились вволю.

После грозы стало прохладнее, небо затянули облака. Морская болезнь отступила, сделавшись лишь легкой докукой, и Керрик с увлечением приступил к изучению речи парамутанов. Когда он встречался с трудностями, Армун объясняла, потом он стал практиковаться, разговаривая с парамутанами. Они были даже рады: эти великие говоруны имели склонность разговаривать сами с собой, если не находилось желающего послушать. Время потихоньку шло, но однажды рассвет подарил им сюрприз — над головой пролетели две белые птицы. Керрик не счел это важным, пока Калалекв не пояснил:

— Там должна быть земля, и она близко.

После этого все торчали у борта и глядели вдаль, наконец одна из женщин завопила и едва не вывалилась за борт, но две товарки удержали ее — одна за лодыжки, а другая за хвост, показавшийся из-под одежды, когда ее голова окунулась в воду. Ее втянули назад, с

мокрого улыбающегося лица капала вода, а в руке она держала длинную ленту водоросли.

— Эти растут неподалеку от берега, — объявила она, с удовольствием придавливая пальцами лопающиеся воздушные пузырьки.

Но до земли оказалось неблизко. Налетали бури, дул встречный ветер, и раздосадованные парамутаны спустили на воду одну из лодок. Ее привязали к носу сплетенным из тонких полосок кожи канатом, и теперь четверо гребцов — мужчины и женщины — сменяли друг друга на веслах. Пыхтя и потея, Керрик с Армун в свой черед гнали огромный иккергак черепашью шагом к берегу. А потому все обрадовались, когда с запада подул легкий ветерок; и громкими криками лодку подняли на борт и поставили парус.

На следующий день перед самым закатом кто-то заметил на горизонте темную линию. Немедленно начался громкий спор, облако это или земля, наконец под радостные вопли все убедились, что это и вправду суша. Парус спустили, а свисавший с кормы плетеный канат не давал волнам гнать их к берегу.

Утром, когда все проснулись, солнце уже поднималось над лесистыми холмами, оказавшимися на самом деле куда ближе. Калалекв вскарабкался на мачту повыше и, глядя сверху, отдавал приказания. Наконец он закричал и указал на север — на несколько островков возле берега. Поймав бриз в паруса, они повернули и добрались туда довольно быстро. Острова миновали после полудня, за ними оказался песчаный пляж, а еще дальше на траве теснились черные паукаруты.

— Алланивок! — громко крикнул кто-то, и все парамутаны радостно закричали.

— Лес, кусты, — заметил Керрик, — охота здесь должна быть хорошей. На этой земле нет мургу, парамутаны их не встречали. Может быть, здесь найдется место для нас. Забыть про мургу и никогда не вспоминать более.

Армун молчала, добавить ей было нечего. Она понимала, что будет помнить об оставшихся за морем саммадах, гонимых мургу. Больше он не говорил об этом. Но по лицу она видела, что мысли об оставшихся не покидают его. Сами-то они будут в безопасности.

А как же остальные?

Глава тридцать вторая

Как всегда, встреча у парамутанов сопровождалась криками, смехом и пиршеством. Встречавшие радостно вытащили иккергак на песок, поближе ко всем остальным, а потом, хихикая и толкаясь, разгружали его, не забывая угощаться. Великолепно протухшее за долгое путешествие мясо было с наслаждением съедено. Армун принялась помогать женщинам, а Керрик торопился оглядеть окрестности, понимая, что не может помочь Калалекву ставить паукарут. Взяв с носа иккергака лук и копье, он миновал паукаруты и направился к лесистым холмам. Он с наслаждением ощущал под ногами твердую почву после неизвестно скольких дней, проведенных в иккергаке, хоть земля и покачивалась у него под ногами. Подойдя к лесу, он глубоко вдохнул аромат листвы. Добрая земля.

Увы, морозные зимы и сюда дотянули свои холодные руки. Была середина лета, но в глубоких оврагах еще лежал снег. На деревьях посвистывали птицы, крупных зверей не было видно. Быть может, искусный охотник и сумел бы заметить следы, но Керрику это не удалось. К тому же он быстро устал: ослабевшие на море ноги отвыкли от быстрой ходьбы. Но идти по твердой земле было так приятно, и он шел вперед, преодолевая усталость. Он принялся. Запах прелых листьев, травы и отвратительный запах гниющего мяса, принесенный ветром. Вместе со странным хрустом.

Керрик остановился, замер, потом медленно нагнулся и бесшумно положил копье. Наложив на лук стрелу, он отправился дальше, не выпуская из рук оружия. Хруст становился громче, впереди на поляне что-то

зашевелилось. Медленно, прячась в тени, он крался вперед и наконец застыл в изумлении.

На земле лежала растерзанная туша оленя, но пожиравшего добычу хищника Керрик поначалу не рассмотрел. Голова высокого тонкого существа была опущена вниз. Потом оно выпрямилось, вырвав из тела кусок мяса. Окровавленная голова и клюв, немигающий взгляд — какой-то мараг? Однако это была птица. Голова ее возвышалась над Керриком, ноги были толще, чем у него, по бокам топорщились крохотные крылышки. Должно быть, он шевельнулся — птица взглянула на него, хрипло вскрикнула, выронив кусок мяса, и захлопала крыльями. Он поднял лук, натянул тетиву и выпустил стрелу.

И промазал. Птица закричала, и он медленно стал отступать к деревьям. Он еще отыщет ее и убьет. Времени много. Когда птица исчезла из виду, Керрик повернулся и направился к морю.

Паукарут уже поставили, и Калалекв сидел перед ним на солнышке, разложив на коленях карту иилане'. Он улыбнулся подходящему Керрику и потряс картой.

— Что-то здесь есть. Скоро я все пойму. Я уже знаю кое-что. Видишь зеленые чешуйки? Знаешь что это? Океан. Скоро я все пойму.

Заслышав голоса, Армун вышла из шатра. Керрик рассказал ей о встрече с гигантской птицей.

— В новой земле — новые звери, — с невозмутимой практичностью отвечала она. — Надо и мне посмотреть. Ты ничего не знаешь о кустах и растениях. В лесу всегда можно найти еду, если знаешь, где искать.

— В лесу опасно. Я не пущу тебя одну. Пойдем вместе.

От этих слов выражение ее лица изменилось, и Армун схватила Керрика за руку, словно пытаясь удержать на месте.

— Они дожидались нашего иккергака, чтобы вместе отправиться на север, охотиться на уларуаква. Идут одни мужчины, даже подростков с собой не берут. Это самое важное из того, что они делают.

Он поглядел на грустное лицо — в ее глазах прятался страх.

— Они хотят, чтобы и ты отправился с ними.

— Я должен?

— Нет, они уверены, что ты будешь польщен их предложением. Это великая честь, и парамутаны рассчитывают, что ты не откажешься. Но я не хочу, чтобы ты покидал меня.

Он понимал ее: слишком долго они пробыли врозь — и попытался ободрить:

— Это же наверняка ненадолго, ну как сходить на охоту. Вот увидишь.

После долгого путешествия через море Керрику не хотелось вновь вверяться волнам. Но отказываться было нельзя: мальчики с завистью смотрели на него, а женщины похлопывали по плечу, когда он проходил мимо, — ничего не сулит большей удачи, чем прикосновение к тому, кто впервые отправляется за уларуаквом. Остаток дня ушел на подготовку иккергаков, а большая часть ночи на пир — все с удовольствием доедали старое мясо, ведь охотники вернутся со свежатиной.

Отплыли утром, Армун осталась в паукаруте, чтобы не видеть отплытия, и вышла, когда крохотный флот превратился в пятнышко на горизонте.

Иккергаки плыли прямо на север, и, повинуясь парамутанской разговорчивости, Калалекв немедленно сообщил Керрику, зачем они это делают.

— Лед, мы плывем ко льду. Уларуаквы держатся возле него.

Керрик так и не понял, почему эти морские создания плавают возле кромки льда. Потому что Калалекв пользовался новыми словами, еще неизвестными Керрику. Придется подождать, пока они доберутся до льдов, там он все и узнает.

Много дней прошло в море, наконец вдали показалась белая полоска льда. С радостными воплями парамутаны приближались к ледяной стене, возвышавшейся над головами. Волны плескались о нее, внизу были видны какие-то темные массы, облепившие подводную часть льда.

— Квунгулекв, — сказал Калалекв, поглаживая живот. — Уларуаквы приплывают и едят это. А мы приплываем и едим их. Вот потеха!

Они повернули и двинулись вдоль кромки льда. Керрик увидел, что квунгулекв — это какие-то зеленые морские растения, огромные листья их колыхались в чистой воде. Он еще не видел таких. Тут он понял. Уларуаквы приплывают сюда пастись, тут их и выслеживают парамутаны. Он взволнованно посмотрел вперед, пытаясь увидеть, кто пасется на холодных подводных лугах.

Незаметно общее возбуждение, предвкушение охоты охватило и Керрика. Следуя вдоль ледяной стены, иккергаки повернули на запад. Достигнув первого из плавающих айсбергов, парамутаны выстроили корабли в цепочку и стали осматривать ледяные глыбы и воду между ними. Но не в одиночку. Здесь охотились все вместе, и иккергак всегда держал соседние в поле зрения. Суденышко Калалеква было в середине цепочки. Иккергаки справа и слева были видны хорошо, а другие то и дело пропадали из глаз, скрываясь за ледяными глыбами.

Поскольку иккергак принадлежал Калалекву, то он имел право стоять на носу и бросить копье. Длинное тяжелое древко оканчивалось костяным наконечником, многочисленные зазубрины на котором удерживали копье в теле животного. Калалекв сидел и смазывал жиром длинный канат, укладывая его рядом в ровную бухту. Остальные высматривали добычу.

Пять дней они плыли на север, днем выслеживая морских зверей, а на ночь причаливая ко льдам. Каждый рассвет заставлял кораблики уже рассыпавшимися охотничьим строем. На шестой день, втягивая рыболовную снасть, Керрик услышал, как один из наблюдателей разразился восторженным криком.

— Смотрите! Сигнал!

На иккергаке слева размахивали темной шкурой. Заметив это, Калалекв последовал примеру сигнальщика, передавая весть по цепочке. Стадо заметили — наконец начиналась охота.

Первые иккергаки, качаясь на волнах, поджидали отставших, а потом все дружно рванулись с попутным ветром на запад.

— Вот они! — кричал Калалекв. — Прекрасные! Я никогда не видел ничего прекраснее их!

Керрик видел только темные пятна на льду. Это была пища, укрытие, сама жизнь парамутанов. Существование этого народа зависело от уларуаквов, в погоне за зверями люди пересекали океан, от берега до берега. Неудачи не должно быть.

Уларуаквы приближались, и Керрик наконец увидел огромные темные спины. У них были крутые головы и толстые губы. Ими они отрывали огромные полосы квунгулеква. Они напоминали Керрику урукето, такие же огромные, только высокого плавника на спине у них не было. Время от времени какой-нибудь из них высоко выпрыгивал из воды и с ужасающим плеском обрушивался вниз. Иккергаки подобрались поближе, обойдя пасущуюся стаю, и начали расходиться. Калалекв кивал со знанием дела.

— Двигайтесь вперед, пусть они нас увидят, пусть плывут на нас.

Он мельком глянул на иккергак неподалеку, который тоже, спустив парус, качался на волнах. Остальные же торопились, распустив паруса. Огромные животные неторопливо паслись, не обращая внимания на подбиравшиеся все ближе иккергаки. Хлопая парусом, их суденышко мерно раскачивалось на волнах. Уже чувствовалось напряжение, и Калалекв потрясал копьём, переминаясь с ноги на ногу.

— Поворачивают! — завопил кто-то.

Все случилось мгновенно, и Керрик поспешил убраться с дороги. Парус подняли и натуго привязали, кормчий же, впервые повернувшись лицом вперед, повел иккергак прямо на стаю, вспугнутую другими суденышками. Не двигаясь и не обращая внимания на крики, Калалекв в напряжении замер на носу. Темные фигуры уларуаквов приближались.

— Ну! — выкрикнул Калалекв. — Разворачивай!

Кормчий изо всех сил навалился на весло, а остальные парамутаны принялись перебрасывать парус на другую сторону мачты. На миг он опал — и сразу же надулся вновь. Теперь они двигались в обратную сторону, уходя от уларуаквов.

Причина маневра была понятна. Иккергак не мог перегнать быстро движущейся стаи. Но сейчас морские гиганты настигали судно, и, пока они медленно скользи-

ли мимо, Калалекв мог выбрать жертву. Невозмутимо сигнала обеими руками кормчему, он велел повернуть иккергак в нужную сторону и словно не слышал советов и подсказок.

Суденышко очутилось посреди стаи, влажные гладкие тела скользили мимо с обеих сторон.

— Пора! — рявкнул Калалекв и острием копыя пронзил пузырь, свисавший с носа иккергака, неподалеку от его ног.

Наконечник потемнел, с него закапали черные капли, по всему суденышку распространилось зловоние. Иккергак качнулся, столкнувшись со спиной уларуаква.

Изо всех сил Калалекв ударил копьем в бок морского зверя и отскочил в сторону, чтобы свернутый линь, разматываясь, не унес его за борт. Вонь из проткнутого пузыря была такая, что Керрик мгновенно приник к борту: его выворачивало наизнанку. Сквозь слезы он видел, как Калалекв рассек веревку, пузырь свалился в море и остался позади.

Когда это было сделано и за борт ушли последние остатки линя, Калалекв вытолкнул за борт надутую шкуру. Привязанная к линю, она закачалась на волнах. Иккергак развернулся следом за нею.

Калалекв вновь залез на мачту и начал распоряжаться. Если надутая шкура исчезнет из виду, все хлопоты окажутся напрасными.

Поглядев на Керрика, кормчий расхохотался.

— Сильный яд, хороший и крепкий. От одного запаха выворачивает наизнанку. Даже уларуакв долго не протянет, получив в шкуру такое копье.

Он оказался прав: надутая шкура скоро медленно заколыхалась на волнах, в воде угадывался огромный неподвижный силуэт уларуаква. Остальные звери исчезли, иккергаки подтягивались поближе.

— Хороший удар, а? — сказал Калалекв, слезая с мачты и лаская взглядом добычу. — Разве случалось тебе видеть такой?

— Нет, — честно признался Керрик.

Впрочем, скромность не входила в число добродетелей у парамутанов.

— Скоро он всплывет, потом начнет тонуть, и ты увидишь, что мы делаем, чтобы не потерять добычу.

К тому времени, когда спина уларуаква показалась среди плескавшихся волн, приблизились и остальные иккергаки. С удивлением Керрик видел, как парамутаны по одному снимали меховую одежду и ныряли в ледяную воду с костяными крюками, наподобие рыболовных, только очень больших. Зажав в зубах привязанные к ним кожаные линии, они подныривали под уларуаква. Когда они вновь показывались на поверхности, их подхватывали и втаскивали в иккергаки; по гладкой шерсти парамутанов стекала вода. Дрожа и ежась, они отряхивались, натягивали одежду и громко хвастались своей храбростью.

Но никто не обращал на них внимания, все усердно тянули канаты. Здесь особого умения не требовалось, и Керрик изо всех сил помогал. Цель этого занятия стала ясной, когда туша уларуаква медленно шевельнулась в воде и с плеском перевернулась. Крючья были зацеплены за плавники, теперь морской зверь плыл вверх светлоокрашенным брюхом.

Часть покрывавшего днище иккергака решетчатого пола подняли и извлекли какие-то кольца. Это оказалась кишка какого-то зверя, покрытая густым слоем жира. Заканчивалась она длинной полый костью с заостренным концом. Сбросив одежду, Калалекв зажал кишку в зубах и перевалился через борт. Где вплавь, где ползком, он добрался до тела уларуаква и взобрался ему на брюхо. Нагнувшись, он ткнул в упругую кожу пальцем, потом стукнул кулаком. Перешел в другое место и повторил эти же действия. Потом достал изо рта заостренную кость и, размахнувшись, вонзил ее, изо всех сил стараясь пробить упругую шкуру животного. Потом стал вертеть и крутить ее, пытаясь протолкнуть поглубже.

— Давайте! — крикнул он и встал, ежась от холода и обхватив себя руками.

Поначалу Керрик подумал, что двое парамутанов будут откачивать из иккергака воду. Потом он увидел, что длинная кишка присоединена к большому насосу и внутрь уларуаква стали накачивать воздух, а не воду. Трубка сначала извивалась, но, надувшись, выпрямилась. Калалекв последил за ходом дела, убедился, что все в порядке, потом соскользнул в воду и поплыл к иккергаку.

Встряхиваясь и одеваясь, он громко хохотал, но, когда попытался заговорить, оказалось, что его зубы выбивают невозможную дробь.

— Пусти, дай согреться, — обратился он к одному из яростно качавших насос парамутанов. Тот уже устал и рад был помощи. — Теперь мы... накачиваем его... воздухом. Чтобы плавал, — запыхавшись, пояснил Калалекв.

Керрик сменил второго парамутана и принялся столь же яростно качать, но скоро уступил место новому добровольцу.

Вскоре они уже могли увидеть плоды своих усилий, — огромная туша медленно выступала из воды, и, когда появилась вся, зацепленные за плавники линии раздали по иккергакам. Поставили паруса, и маленькая флотилия тронулась в путь, увлекая за собой морского гиганта.

Глава тридцать третья

Назад они плыли через густые заряды снега — первый признак того, что осень подходила к концу. Парамутаны наслаждались погодой, радостно нюхали воздух и слизывали выпавший снег. Когда они добрались до берега, снегопад стал еще гуще, и черные пятна паукарутов с трудом угадывались за белой пеленой. Миновав стойбище, они направились к скалистому берегу позади него, из-за которого паукаруты были поставлены именно на этом месте.

Изборожденные непогодой скалы ровным клином спускались в море. Зачем было нужно это место, стало ясно, когда веревки от уларуаква передали женщинам. Завидев маленький флот, они повысыпали на берег и теперь кричали и размахивали руками. Керрик отыскал глазами Армун и кричал ей до тех пор, пока она не замахала в ответ. Все волновались — огромная туша уларуаква покачивалась возле берега, и ее удерживали за канаты. После шумного обмена мнениями ее развернули хвостом к северу и привязали к скалам. Когда кончился прилив, веревки отцепили от плавников и обмотали вокруг хвоста, распластавшегося по камням.

Расталкивая довольных парамутанов, Керрик пробирался к Армун, но их разделила группа визжащих охотников, на плечах которых восседал Калалекв. Его передавали из рук в руки и наконец аккуратно усадили верхом на огромный плавник. Там он вынул нож и принялся пилить неподатливую кожу, пока не вырезал кровавый кусок мяса. Он мазал им свое лицо, пока оно не стало таким же красным, как руки. Потом откусил и стал жевать, бросив кусок толпе, заливавшейся истерическим смехом.

Выбравшись из свалки, Керрик нашел Армун.

— Удачная охота, — сказал он, указывая на огромную тушу.

— Самое главное — ты вернулся.

— Нечего было бояться.

— Я не боялась. Это разлука. Я не хочу ее.

Она не сказала, что после отплытия каждый день сидела у моря, вспоминая его и недолгую совместную жизнь. И когда она поняла, что стала вновь прятать раздвоенную губу за отворот одежды, как делала когда-то, то осознала, что в Керрике — вся ее жизнь и счастье, невозможное для отверженной, какой она была почти всю свою жизнь. Теперь, когда его не стало рядом, она снова сделалась другой. Той, прежней, которая так не нравилась ей самой. Она не хотела даже вспоминать об этом.

Они вместе направились к паукаруту, где он разделся, а она смыла дорожную грязь с его тела. А потом, уложив его под теплые шкуры, она сбросила одежду и скользнула ему под бок. Им некому было помешать, все парамутаны были на берегу. Сливались дыхание, тела, радость.

Потом она поднялась и принесла еду.

— Я разводила костер и коптила рыбу сразу, как только ловила. Хватит с нас тухлятины. А вот корешки, я выкопала их в лесу, они здесь точно такие же. — Заметив тревогу на его лице, она потянулась к его губам и улыбнулась. — Я была не одна. Мы, женщины, выходили вместе, брали мальчиков с копьями. Мы видели больших птиц, но не подходили к ним.

Парамутаны не возвращались в паукаруты до темноты. Быстро перекусив, они повалились спать — следующий прилив должен был начаться ночью. Оставшиеся следить за морем мальчишки с воплями заматались среди паукарутов, когда настало время высокой воды. Все высыпали под ясные звезды и, выдыхая белые облачка пара, потянули веревки на берег. На этот раз дружными усилиями они сумели затащить хвост улару-аква повыше на наклонную скалу. Теперь никакая волна не могла унести его в море.

Утром начали разделять добычу. Срезав огромными полосами кожу и жир, добрались до мяса. Скала

окрасилась кровью гиганта. Калалекв не принимал участия в работе, а просто посмотрел, и, убедившись, что все делается как надо, вернулся в паукарут и вновь достал карты.

— Я думал о них все время, пока мы плавали за уларуаквом. Я глядел на воду, я глядел на небо и думал о них. А потом начал понимать. Эти мургу все делают не так, как мы, они и плавают по-другому, но море-то одно для всех. Я покажу тебе, до чего додумался, а ты скажешь, есть ли правда в моих мыслях.

Разложив карты иилане' на земле, он обошел их со своей навигационной схемой, сделанной из костей. Покрутив ее в руках, он осторожно положил ее на карту, развернув в нужную сторону.

— Ты помнишь, мы пересекали океан, следя за неподвижной звездой. Мы плыли вот так, и вот где мы оказались. Вот земля, вот лед, вот место, где мы встретили вас, а здесь мы сейчас.

Следя за коричневым пальцем, Керрик не понимал ничего из того, что было очевидно для парамутана. Для него это были просто кости. Но он согласно кивал, не желая прерывать его. Калалекв продолжал.

— И вот что я стал понимать. Мургу плавают в южных морях — ты объяснил мне, что они не могут жить среди снега. Мы любим снег и лед, мы живем на севере. Но кое-что в море движется с юга на север. Это — река теплой воды посреди моря, она течет с юга, мы ловим в ней рыбу. Теплая вода заходит далеко на север, и в ней много рыбы. Но откуда она течет, объясни мне? — Улыбаясь и глядя шерсть на щеках, он дожидался ответа.

— С юга?

Неуверенный ответ восхитил Калалеква.

— Да-да, и я так думаю. И ты согласен со мной. Погляди-ка на карту мургу. Если тут море, а тут вода, значит, оранжевым цветом обозначены теплые воды, текущие с юга. Так?

— Так, — согласился Керрик, ничего не различая ненаметанным глазом.

Поддержка воодушевила Калалеква.

— Вот она оканчивается, на краю карты. И раз мургу не плавают на север, значит здесь она и находится. И

на их карте обозначена земля, и на моей. И, если я не ошибаюсь, мы сейчас находимся именно там!

Керрик не мог разобраться в костяной схеме, но в карте иилане' виделась известная логика. Если оранжевый завиток обозначает теплое течение, что значат тогда пересекающие его голубые вихри? Неужели все это зеленое пространство и есть океан? А темная зелень — суша? Возможно. Он провел пальцем по краю темно-зеленого пятна слева, там где оно переходило в светлую зелень воды. Очертания чем-то напоминали ему ту модель, которую он видел в Деифобене. А крупницы золотого металла под поверхностью карты... что означают они?

Алакас-Аксехент! Он вздрогнул всем телом, когда эти слова пришли на память. Алакас-Аксехент.

Цепочка, россыпь драгоценных камней. Ему показывали эти острова, когда урукето плыл мимо. Тогда они возвращались в Алпеасак. Он повел пальцем по светлой зелени к краю темного пятна, туда, где, по его мнению, лежал Алпеасак. Два крохотных желтых штриха. Алпеасак.

Прекрасные пляжи.

— Ты прав, Калалекв. Эти карты можно понять, в них кроется смысл. Ты одарен великой мудростью среди парамутанов и превосходишь весь мир в знании своего дела.

— Верно! — с восторгом отозвался Калалекв. — Я всегда понимал это! Если ты разобрался в карте, расскажи мне, что значат эти странные знаки.

— Вот место, где мы сожгли город мургу. А вот здесь мы встретились, ты сам так говорил. Вот сюда мы приплыли, почти на самый край карты. А вот, видишь, океан сужается? Это Генагле. А вот эта земля к северу простирается до Исегнета. Здесь, на юге, лежит весь Энтобан.

— Огромная страна, — удивился Калалекв.

— Да, и кругом там одни мургу.

Согнувшись над картой, Калалекв с благоговением и восхищением водил пальцем вдоль контуров континентов. Он еще раз показал, где расположено их стойбище, потом провел пальцем дальше на север, где возле берега был большой остров.

— А здесь не так, — сказал он. — Здесь лед и снег не тают. Я не знаю этого острова.

Керрик подумал о суровых зимах, которые с каждым годом становились холоднее. Снег с каждым годом продвигался все дальше на юг... И тут он понял.

— Эта карта очень стара. На ней обозначена земля, которая теперь покрыта льдами. Когда-то мургу плавали сюда. Здесь есть их отметки. Видишь эту красную?

Калалекв внимательно посмотрел и согласился. Потом повел пальцем по берегу до места, где располагалась стойбище.

— Вот наши паукаруты. А вот на берегу, к югу отсюда, такая же красная метка. Такая же, как и на севере. Что она значит?

Керрик в отчаянии глядел на карту. Это было недалеко, на севере от Генагле, почти рядом с паукарутами. Обе красные метки казались одинаковыми.

— Там мургу, вот что это значит. Они недалеко. Мы убежали от них, но они нас опередили!

Керрик без сил опустился на землю. Неужели и впрямь некуда деться от иилане'? Или они поплыли на холодный север только для того, чтобы обнаружить стерегущих их мургу? Неужели это возможно? Как же они могут жить здесь, в холодных краях? Но красная метка была здесь... две метки. То место, которое было отмечено северной меткой, скрыто льдами. Но та, что к югу... Он поглядел прямо в глаза Калалекву.

— Думаем ли мы об одном и том же? — осведомился Калалекв.

Керрик утвердительно кивнул.

— Да. Если мургу рядом, мы не можем чувствовать себя в безопасности. Значит, надо узнать, что означает эта красная отметина. Мы отправимся туда сразу, как только вы освободитесь. Надо успеть до зимы. Времени осталось немного.

Собрав карты, Калалекв радостно ухмыльнулся.

— Я хочу увидеть твоих мургу, о которых ты столько говорил. Прогуляемся, сейчас как раз подходящее время.

Керрик не разделял радости парамутана. Неужели и в этих дальних краях начнется сражение? При этой мысли ему вспомнилась пословица иилане'. Куда бы ты

ни пошел, куда ни поплыл — отца не встретишь. Энге научила его ей, а потом старательно растолковывала смысл, но он так и не понял его тогда. В яйце тебе спокойно, ты под защитой отца, но, когда вступаешь в море, никто не станет оберегать тебя. И жизненное странствие всегда кончается смертью. Неужели и его скитания — только путь к смерти?

Армун разделяла его отчаяние.

— Ты уверен, что где-то рядом мургу? И для этого мы плыли через океан, для этого бросили Арнхвита?

— Я ни в чем пока не уверен, поэтому я должен побывать в этом месте и посмотреть, что там.

— Поэтому мы и отправимся туда. Вместе.

— Конечно. Вместе. Навсегда.

Калалекв мог бы до краев набить волонтерами свой иккергак. Охота на уларуаква свершилась. Долгий и тяжелый труд мясника никому не сулил удовольствия. Калалекв подобрал экипаж, погрузили припасы, и уже через день они вышли в море.

Стоя на носу, Керрик переводил взгляд с берега на карту... Куда они плывут? Что их ждет впереди?

Глава тридцать четвертая

Mareedege mareedegeb deemarissi.

Ешь грутих — или тебя съедят.

Апофегма иилане'

Зажав в руках живые поводья, приросшие к губам таракаста, Вейнте' восседала верхом у него на шее, излучая силу и власть каждым движением тела. Уставший от ожидания скакун крутился под нею, поворачивал длинную шею, косил глазом, шипел и щелкал клювом. Натянув поводья, она еще раз осадила его. Таракаст простоит на месте весь день, если будет на то ее воля. Под обрывом по мелководью к берегу широкой реки брел последний уруктоп. Его восемь ног медленно переступали — ящер устал, переплывая реку; погоняла его одинокая наездница, оседлавшая плечи. Когда чудище отдохнет, можно будет выступить в путь, рассадив по местам фарги, уже перебравшихся через реку в лодке. Все шло по плану. Фарги, перебравшиеся на этот берег вчера, сворачивали походный лагерь, скатывали колючие лианы, ставшие безопасными под лучами солнца, увязывали вместе светозверей и оборонительные крупные хесотсаны. Скоро все будут готовы. Кампания продолжалась.

Вейнте' обернулась и поглядела на дальние холмы за покрытой травой равниной. Мысль ее стремилась дальше — в долину, где прячутся устузоу. Через все преграды она доберется туда... она отыщет этих грязных зверей. Ненависть сотрясала ее тело, зубы оскалились. Таракаст фыркнул, когда она стиснула ногами его шею;

она утихомирила ящера, изо всех сил дернув за нижнюю губу. Устузоу погибнут... все до единого. Резким пинком она послала своего скакуна вперед, вниз по склону, к лагерю передового отряда.

Заметив приближавшуюся Вейнте', Меликеле отвернулась от фарги и растопырила руки в приветственном жесте, — как подобает нижайшей перед высочайшей, с радостью и теплотой. Чувства эти были искренни, и она не скрывала удовлетворения при виде Вейнте'. Теперь она редко вспоминала об окруженном морем Икхалменетсе и его эйстаа, которая была теперь так далеко. В этом городе она была простой фарги, ненужной и нежеланной, невзирая на умение умно говорить. Вейнте' переменяла положение дел, дав Меликеле возможность возвыситься на службе с невероятной быстротой. Вейнте' не только карала неудачниц, но и по заслугам вознаграждала тех, кто следовал за нею, проявляя необходимое благоразумие. И покорность. Меликеле была покорной и не думала вести себя иначе, — ведь она хотела только служить Вейнте'.

— Все готово, — ответила она на вопросительный жест.

Вейнте' изящно спрыгнула со скакуна и оглядела продуманный круговорот рабочих бригад фарги.

— Меликеле, ты хорошо справляешься с делами, — проговорила она, сопровождая слова жестами усиления.

— Я лишь повинуюсь приказам высочайшей Вейнте'. Жизнь моя — в твоих пальцах.

Вейнте' воспринимала все как должное — Меликеле говорила, подчеркивая силу своих обязанностей. Как нужны были Вейнте' такие стойкие и надежные помощницы. Ум и верность сочетаются редко, даже среди избранных, вверенных ей Ланефенуу. По правде говоря, все эти приживалки выбраны были за преданность эйстаа, а не за какие-нибудь способности. Слишком сильной и независимой считала себя Ланефенуу, чтобы позволять кому-нибудь расти рядом с собой. Вейнте' понимала, что настанет день, когда и она может показаться лишней Ланефенуу. Но день этот был впереди. И пока все свои способности и силы Вейнте' устремляла на уничтожение устузоу, Ланефенуу нечего опасаться за власть над городом. А сейчас время разрушения.

Ее конечности задвигались, повинаясь силе эмоций, и Вейнте' громко проговорила:

— А теперь, сильная Меликеле, бери своих фарги, а я последую за вами на расстоянии дневного перехода. Разведчицы уже впереди, они удалились на столько же. Все они верхом на таракастах и должны обыскать окрестности вдоль маршрута. Заметив устузоу, они остановятся и подождут твое войско. Знаешь ли ты, где разбить следующий лагерь?

— Я вновь и вновь изучала снимки, но пока не уверена, смогу ли узнать эту местность. Если возникнут сомнения, я положусь на двух проводниц.

— Делай так — они уже прошли со мной этот путь. — Вейнте' оценила честность, с которой Меликеле призналась в недостатке знаний, — ведь она была уверена в своих силах и умела положиться на остальных. — Знаешь ли ты, где вы будете ждать нас?

— Знаю. На берегах желтой, извилистой реки. — Она подняла вверх обе ладони. — Мы должны остановиться через тен ночевок, я не забуду счет времени.

— Будь внимательна. Среди устузоу есть один зверь, он очень хитер, когда дело касается битвы. Опасайся ловушек и засад, помни, как они напали на нас на острове и потом бежали ночью под проливным дождем. На этот раз устузоу не должны спастись. Мы должны их выследить и убить, но не забывай про опасность, иначе все мы погибнем.

— Ешь других — или тебя съедят! — мрачно произнесла Меликеле, сжав в кулаки сильные руки в жесте предельной угрозы. — Мой голод сильнее!

— Хорошо сказала. Встретимся через тен дней.

Вейнте' впилась когтями в бок скакуна. Гневно зашипев, он прынул на дыбы и крупной рысью направился прочь. Меликеле вернулась к работе. После того как было собрано ночное ограждение, уруктопов быстро догрузили. Меликеле миновала строй фарги, державших оружие на изготовку. В долгий путь она взяла из города лишь тех, кто был поумнее и уже умел говорить. Поэтому можно было надеяться, что на каждом уруктопе окажется хотя бы одна, способная отличить порядок от беспорядка, проследить, чтобы все было на месте, в порядке. Меликеле проковыляла вразвалку к передово-

му уруктопу и вскарабкалась на него. Потом велела таракасту-разведчику двигаться вперед. Вейнте' выделила ей одного скакуна, но Меликеле так и не освоила езду верхом. Это не смущало ее. Она умела командовать подчиненными, исполняя приказы Вейнте', роль эта доставляла ей удовольствие. По сигналу Меликеле авангард выступил в поход.

Уруктопы неторопливо и размеренно топали во семью мускулистыми ногами. Пусть небыстро, но они могли шагать от зари до зари, не требуя отдыха. Ума у них почти не было, и, если не приказать вовремя, чудища эти будут идти и идти, пока не свалятся от голода. Меликеле знала их слабости и всегда следила, чтобы в конце дня громадных ящеров не забыли напоить и пустить пастись в болото или в лес. В самом начале пути она заметила, что толстые когти на двух задних парах ног начинали трескаться от постоянной ходьбы, потом отрывались, оставляя кровоточащие раны. Они не заживали, и неразумный гигант истекал кровью, слабел и могдохнуть. С разрешения Вейнте' Меликеле отобрала двух самых смысленных фарги, обученных Акотолп перевязывать и обрабатывать раны. Но на всякий случай сама каждый вечер проверяла состояние всех уруктопов.

Этот день, как и остальные, прошел в бездумном и непрестанном движении. Таракасты то рысили, то брели, то забегали вперед; невеселый ландшафт медленно исчезал позади. Около полудня пошел прохладный дождик, но сразу проглянуло солнце, высушило и согрело кожу. Теперь солнце светило в глаза. Оно уже опускалось к горизонту, когда колонна приблизилась к отряду таракастов, поджидавших возле широкого ручья. Земля здесь была утоптана, редкие кусты поломаны. На этом месте долго стояло большое войско. Это было то самое место. Получив жесты согласия разведчиц, она начала отдавать приказы фарги, которые стали разбивать лагерь.

Исполняя строгий приказ, верховых ящеров поили и пускали пастись. За таракастами надо было следить, они всегда могли убежать. Не то что уруктопы — они могли даже не вспомнить о еде, если бы ездовые буквально носами не тыкали их в свежие листья. Только тогда

уруктопы принимались за еду. Удивительно глупые создания.

Фарги смогли поесть, только разложив ночное ограждение. К наступлению темноты всех верховых зверей завели в лагерь и стреножили. Ночами здесь было прохладно, и фарги кутались в спальные плащи. Разложив свой, Меликеле не торопилась заворачиваться в него, пока совсем не стемнело и из лиан не выступили шипы. Дождавшись этого, она с удовлетворением оглядела покачивавшиеся в воздухе ядовитые колючки, думая: кончился день, выполнены все работы. Тогда легла и она, тщательно завернувшись в плащ, удовлетворенная тем, что верно исполняла повеления великой Вейнте' еще один день. Глаза ее закрылись, и она мгновенно погрузилась в глубокий сон.

Вокруг нее спали фарги под защитой колючих лиан, светозверей и ночных хесотсанов, которые сразят всякого, кто посмеет нарушить покой. Некоторые из таракастов крутились и сердито шипели друг на друга. Но скоро и они успокоились и уснули, прикрыв носы хвостами. Спали иилане', спали и их животные.

Лагерь был расположен на равнине; только там, куда ветер нанес почву к невысокому нагромождению скал, был низкий пригорок. Камни были наполовину в земле, лишь у подножия склона лежала гряда скатившихся вниз вымытых дождем булыжников.

Один из камней наверху вздрогнул и покатился вниз с негромким стуком.

Спавшие поблизости фарги моментально открыли глаза. Но все было спокойно, только ясные звезды горели над головою. И глаза закрылись вновь. Они видели ночью так плохо, что все равно не заметили бы, как поблизости беззвучно качнулся другой камень.

Медленно и осторожно Херилак высунул голову из-за груды камней.

Рослый охотник оглядывал лагерь. Месяц стоял еще невысоко, но на небе не было даже облачка, и звездный свет освещал спящих мургу. Высокие силуэты восьминогих зверей, маленькие фигурки закутавшихся мургу. Баки с мясом мургу по одну сторону, пузыри с ними же — по другую.

Вдруг вспыхнул свет, громко треснул хесотсан, должно быть, какая-нибудь пустынная тварь прикоснулась к ядовитым лианам. Херилак застыл, словно окаменев. Мургу, оказавшиеся поближе к свету, подняли головы, вглядываясь в ночную тьму. Свет медленно потускнел и погас. Все вновь уснули. Бесшумно и осторожно Херилак раздвинул камни и вылез.

Припав к земле, он повернулся и тихо шепнул в темное отверстие:

— Скорей! Тихо! Вылезайте!

Он отполз в сторону — словно из-под земли вынырнул другой охотник. Там, в пещере, их был целый холт. Они вырыли это укрытие, землю кидали в реку, потом перекрыли толстыми бревнами, засыпали землей и завалили камнями, — которые теперь могли не вовремя загреметь. Копать они начали с утра — едва ночевавшие здесь мургу скрылись из виду. Теперь охотники по одному выползали, с облегчением вдыхая ночной воздух. Под землей они сидели с полудня, там было жарко и душно. Никто и не думал жаловаться — все пошло на это по собственной воле.

— Все, как ты сказал, Херилак, — шепнул ему на ухо один из охотников. — Они всегда ночуют на одном и том же месте.

— Да. А теперь за дело. Убивайте.

Они не знали пощады и убивали со знанием дела. Лишь изредка негромкий стон звучал над лагерем — это сраженные во сне ножами и копьями, одна за другой погибали мургу. Убив всех, охотники принялись за верховых зверей и перебили их стреляющими палками. Почувяв опасность, некоторые животные вырывались и кричали, иные пытались спастись бегством, но запутывались в отравленных лианах. Один за другим погибли и они. Истребление завершилось.

Никто из охотников не мог уснуть; вытерев кровь с рук, они уселись и проговорили до рассвета. Когда достаточно рассвело, Херилак поднялся и приказал:

— Нужна помощь. Я хочу скрыть ход в пещеру, где мы укрывались, чтобы никто не сумел его заметить. Затащите на камни несколько трупов. Не знаю, может быть, они и разыщут вход, но, если этого не случится — у них появится повод для опасений. Мургу придется

подумать, как могло случиться, что мы сумели справиться с хитроумными приспособлениями, и продвижение войска замедлится.

— А они не повернут назад? — спросил Ненне.

— Нет, не дожидаясь, — отвечал Херилак, чувствуя закипающий в груди гнев. — Они пойдут вперед. Но мы можем задержать их, можем убить их. Мы можем это сделать. Теперь ждите дневного света — пока колючки не втянутся внутрь, ни к чему не прикасайтесь, а лианы отодвигайте копьями. Оставьте все как есть. Берем стреляющие палки, немного мяса и все. Когда уйдем, все лианы должны лежать так, как лежали. Это зрелище причинит мургу великую скорбь. Пусть будет так.

Глава тридцать пятая

Они плыли на юг вдоль берега. Парамутанов радовало неизвестное, и они восторженными криками встречали каждый новый мыс, каждую полоску песка. Керрик не разделял их радости и с каждым новым днем все больше погружался в суровую отстраненность. Армун видела это, но могла только разделять его отчаяние, понимая, что прогнать его нечем. Они плыли на юг, погода становилась лучше, но не его настроение. И Армун была рада начавшейся непогоде — Керрику пришлось возиться с парусами и откачивать воду, так что времени на мрачные думы о будущем уже не оставалось.

Береговая линия здесь поворачивала. Это было видно на карте, плыть пришлось прямо на запад. Солнце еще грело, но с севера уже налетали зимние бури с хлесткими ливнями. На восьмой день плавания шквалы следовали один за другим — это началось после рассвета, — но к середине дня последняя буря окончилась, и дождь ушел ближе к берегу.

— Смотри, радуга, — восхитилась Армун, показывая на огромную разноцветную арку, протянувшуюся из моря на берег. Одним концом она опиралась на невысокий мысок. — Мой отец всегда говорил, что на том месте, где кончается радуга, тебя ждет большой олень. И если ты поторопишься туда, а он не успеет убежать, то должен будет ответить на любой вопрос. Так говорил мой отец.

Керрик молча глядел на сушу, будто не слыша жену.

— Как ты думаешь, это правда? — спросила она.

Керрик покачал головой.

— Не знаю, никогда не слышал, чтобы большие олени говорили. Вкусные они — это я знаю, только думаю, что вряд ли способны дать разумный совет.

— Но это не простые олени. Их можно встретить только у конца радуги. Я верю в это, — твердо закончила она, а радуга таяла на глазах в густевшей пелене дождя, наползавшей на покрытые лесом прибрежные холмы.

Погрузившись в невеселое раздумье, Керрик не стал возражать ей.

После дождя ветер утих, выглянуло теплое солнце. Повернувшись к нему лицом, Армун взлохматил руками волосы, чтобы быстрее высохли. Но парамутаны явно опечалились и, жалуясь на жару, стали стаскивать меховые куртки. Стоя на носу, Калалекв смотрел на берег, легкий ветерок шевелил длинную шерсть на спине.

— Вон! — вдруг крикнул он, указывая рукой на берег. — Новое! Я такого еще не видел.

Керрик подошел к нему и стал, прищуриваясь, разглядывать далекое зеленое пятно на берегу. Наконец он догадался, что это.

— Давай к берегу, — сказал он. — Я знаю, что там. Это... — Ему не хватило слов, и он обернулся к Армун, перейдя на марбак. — Не знаю, как сказать... это такое место, куда мургу заводят своих плавающих зверей. И там всегда рядом мургу.

Армун быстро перевела его слова парамутану — глаза того округлились.

— Они действительно там, — отозвался он, наваливаясь на кормило, пока остальные возились со снастями.

Суденышко развернулось и направилось к берегу, подальше от причала иилане'. Керрик водил пальцем по карте.

— Здесь, да, здесь. Мы высадимся на берег, а дальше пойдем пешком. Надо выяснить, что там такое.

— Как ты думаешь, там могут оказаться мургу? — спросила Армун.

— Отсюда не видно, но не исключено. Будем осторожны и высадимся не все.

— Если ты пойдешь, то и я с тобой.

Он хотел возразить, но твердые нотки в ее голосе не позволили прекословить, и он кивнул.

— Значит, идем вдвоем. Возьмем одного, самое большее, двух парамутанов.

Калалекв немедленно вызвался идти вместе с ними, после долгих и шумных споров к нему присоединился Ниумак, пользовавшийся репутацией великого охотника. Иккергак подошел к самому берегу. Крохотный отряд с копьями в руках выпрыгнул на песок. Пляж перегораживал скалистый мыс, его пришлось обходить лесом. Пробраться было почти невозможно: между живыми деревьями в густом подлеске лежали упавшие стволы. Наконец они решили повернуть к океану, на шум волн, разбивающихся о скалы.

— Жара, умираю, — пробормотал Калалекв; его уже шатало от усталости.

— Снег и лед, — отозвался Ниумак. — Только там живут настоящие люди. Слова Калалеква верны, и нам грозит смерть от жары.

Впереди над головами засинело небо, с моря подул ветерок. Парамутаны вознесли хвалу прохладе, которую он принес. Керрик раздвинул листья и поглядел на скалы и плещущиеся внизу волны. Они были почти возле причала. За ним виднелись какие-то круглые насыпи, но на таком расстоянии их было трудно рассмотреть.

— Я хочу подобраться поближе...

— Я иду за тобой, — отвечала Армун.

— Нет, мне лучше идти одному. Если там мургу, я просто поверну обратно. Я знаю их, знаю, чего от них можно ожидать. А вместе это будет опаснее. Пусть парамутаны тоже побудут здесь, для них это и так далекий путь. Оставайся с ними. Я вернусь сразу, как только сумею что-нибудь выяснить.

Она хотела возражать, идти за ним, но понимала, что Керрик прав. На мгновение припав к его груди, Армун леронько оттолкнула его и посмотрела на пыхтящих парамутанов.

— Ступай, я остаюсь с ними.

По лесу невозможно было продвигаться бесшумно — сушняк то и дело трещал под ногами, от лица все время приходилось отводить мертвые ветви. Обнаружив зве-

риную тропку, спускавшуюся вниз с холма, Керрик пошел быстрее. Она вела туда, куда нужно, к берегу, и Керрик осторожно шел по ней. Когда тропа довела его до края леса, Керрик остановился и, раздвинув листья, внимательно посмотрел вперед. Перед ним был опустевший причал, округлые горки за ним оказались слишком ровными и гладкими, чтобы быть делом рук природы. К тому же, он заметил в них двери.

Идти вперед? Если там живут иилане', как еще может он выяснить это. Урукето у берега не было. Но иилане' могли жить здесь.

Резкий треск хесотсана трудно было с чем-то перепутать. В панике он припал к земле. К счастью, стрелявшая промахнулась. Пора убираться.

Послышался топот тяжелых ног, и, бросившись в густые заросли, Керрик заметил бегущую к нему иилане' с хесотсаном. Заметив его, она остановилась, согнув руки в удивлении. Потом направила не него хесотсан.

— Не стреляй! — крикнул он. — Почему ты хочешь убить меня? Я безоружен, я друг.

Он выронил копье и постарался незаметно носком запихнуть его поглубже в кусты.

Его слова произвели потрясающее впечатление на иилане'. Она отшатнулась и недоверчиво произнесла:

— Устузоу. Они не умеют разговаривать, но этот говорит...

— Я умею говорить — и неплохо.

— Объяснение-появления-здесь требую, и немедленно.

Она держала оружие наготове, опустив его вниз. Что сказать? Что угодно, лишь бы только она слушала.

— Я пришел издалека. Разговаривать меня научила иилане' великой мудрости. Она была добра ко мне, я много узнал от нее. Я — друг иилане'.

— Я слыхала когда-то о говорящем устузоу. Почему ты здесь один? — Не дожидаясь объяснений, она снова направила на него оружие. — Значит, ты сбежал от своей хозяйки, улизнул от нее. Стой там и не шевелись.

Керрик повиновался. Что еще ему оставалось делать? Он молча стоял, пока не послышались чьи-то шаги: две фарги несли из леса тушу гигантской птицы. Керрик корил себя за то, что спутал найденную тропу со

звериной. Значит, здесь действительно иилане'. Стоявшая перед ним казалась особенно грубой... должно быть, охотница вроде Сталлан. Она вышла за мясом и совершенно случайно наткнулась на него. Он должен был сразу понять это, охотник всегда отличит тропку, проложенную зверьми, и предпримет нужные предосторожности. Любой охотник, но только не он. Фарги прошли мимо, глядя на него одним глазом и неразборчиво бормоча на ходу. Ноша не позволяла им выразить удивление понятным образом.

— Иди за ними! — приказала охотница. — Побежишь — умрешь.

Выхода не было. Онемев от отчаяния, Керрик, спотыкаясь, брел по тропе к крутым сооружениям возле причалов.

— Несите мясо к мясникам, — распорядилась охотница. Обе фарги миновали первый из домов, но ему охотница знаком велела войти. — Иди туда. Я думаю, Есспелеи захочет тебя видеть.

В стене дома была кожаная дверь. Ее створки распахнулись, едва Керрик толкнул их. Она вела в короткий тоннель, заканчивающийся дверью, еле видной в свете фосфоресцирующих полосок на стене. Иилане' отступила, держа оружие наготове, и жестом приказала идти вперед. Он прикоснулся ко второй двери, та открылась, и волна теплого воздуха обдала Керрика. Здесь светящиеся пятна были крупнее и излучали больше света. На полках было много странных тварей. Подопытные звери, подумал он. Стены были увешаны картами. Над одним из живых приборов склонилась иилане'.

— Почему ты мешаешь мне, Фафнеге? — сказала она раздраженно и обернулась. Жесты ее мгновенно выразили страх и удивление. — Грязный устузоу! Почему он не мертв, зачем ты привела его сюда?

Фафнеге ответила знаком познание-превыше-всего и выразила презрение к страху ученой. Она была очень похожа на Сталлан.

— Есспелеи, ты в безопасности, не дрожи так. Это весьма необычный устузоу. Вгляни, что будет, когда я прикажу ему говорить.

— Ты в безопасности, — сказал Керрик. — В отличие от меня. Прикажи этому отвратительному созданию опустить оружие. Я пришел с пустыми руками.

Есспелеи застыла в изумлении и не сразу заговорила.

— Я знаю о тебе. Я разговаривала с одной ученой, а та беседовала с Акотолп, которая и рассказала ей об устузоу, который говорит.

— Я знаю Акотолп. Она очень, очень толстая.

— Значит, ты и есть тот самый устузоу. Акотолп действительно толстая. Почему ты оказался здесь?

— Эта тварь бежала, — вмешалась Фафнеге, — не может быть другого объяснения его появления здесь. Видишь кольцо на шее. Вот обрывок поводка... он убежал от хозяйки.

— Это так? — спросила Есспелеи.

Керрик молчал, его мысли путались. Что им сказать? Говорить можно все что угодно, они не умеют отличить правду от лжи, ведь все их мысли отражаются в шевелении тела. Он не такой и способен солгать.

— Я не бежал. Просто началась буря, урукето выбросило на мель. Я прыгнул в море, выбрался на берег. Я здесь один. И я голоден. Так приятно вновь разговаривать с иилане'.

— Очень интересно, — отозвалась Есспелеи. — Фафнеге, принеси мяса.

— Если я уйду, он убежит. Лучше позову фарги.

Она вышла, но Керрик знал, что она где-то рядом. Он сбежит при первой же возможности. Но сначала нужно выяснить, что эти иилане' делают так далеко на севере.

— Вопрос глупой к озаренной великим разумом, вежливая просьба просветить. Что могут делать иилане' в таких холодных краях?

— Информировать, — не думая, ответила Есспелеи, потрясенная речами устузоу. — Это место для занятия наукой. Здесь мы изучаем ветер, океан и погоду. Все это не может быть понятно тебе, удивляюсь даже, почему отвечаю тебе.

— Благодарю за благосклонность высочайшей к низжайшей. Вы изучаете зимние холода и холодные ветры, которые дуют с севера с каждой зимой все сильнее?

Есспелеи знаком выразила удивление, к которому примешивалось немного уважения.

— Устузоу, ты даже не фарги, но в твоих словах угадывается отблеск разума. Мы изучаем зимы, потому что знания — это наука, а наука — это жизнь. Вот что мы изучаем. — Она показала в сторону инструментов и развешанных по стене карт. И заговорила, обращаясь более к самой себе, чем к нему, и сопровождая слова жестами скорби: — С каждым годом зимы становятся холоднее, с каждой зимой льды все дальше заходят на юг. Умер Соромсет, погиб Инегбан. Мертвые города. А холод все ближе. И следующим умрет Икхалменетс, если холод продвинется еще дальше.

Икхалменетс! Керрик затрепетал от волнения и заговорил лишь тогда, когда дрожащий голос уже не мог его выдать. Икхалменетс... об этом городе рассказала ему на берегу Эрефнаис перед смертью. Город, который помог Вейнте', город, развязавший войну, отобравший у усту... тьфу, у тану Деифобен. Икхалменетс, где обитают враги.

— Икхалменетс? В глупости своей я никогда не слышал об этом городе.

— Глупость твоя воистину велика. Окруженный морем Икхалменетс, остров, сияющий в океане. Ты не иилане', если не знаешь об Икхалменетсе.

С этими словами она кончиком пальца прикоснулась к карте на стене.

— Я так глуп, даже удивительно, что жив еще, — согласился Керрик, наклоняясь вперед, чтобы видеть, что именно показала ученая. — Какую благосклонность проявляешь ты, высочайшая, затрудняя себя речами со мной, нижайшей. Попусту расходуя свое невероятно ценное время на увеличение моих крохотных познаний.

— Ты правильно говоришь, иилане'-устузоу. — Дверь открылась, и появилась фарги с пузырем, полным мяса. — Теперь поедим. А потом ты ответишь на мои вопросы.

Керрик ел молча, едва сдерживая внезапную радость. Теперь вопросов у него не было, более ничего его здесь не интересовало.

Он наконец узнал, где среди просторов океана лежит вражеский Икхалменетс, затерявшийся в необъятном мире.

Глава тридцать шестая

Керрик прикончил свою порцию консервированного мяса и уже вытирал об одежду солевые пальцы, когда дверь отворилась. Но на этот раз вошла не фарги с круглыми, как всегда, глазами — степенная и немолодая иилане' окинула его критическим взором, жестах выражая сомнение и недоверие. Есселеи замерла в позе покорности, он последовал ее примеру. У пришедшей была тяжелая челюсть, толстые руки были разрисованы завитками даже здесь, в этой глуши, такой далекой от городов. Распоряжалась здесь явно она. Следом за ней вошла Фафнеге, не выпускавшая из рук хесотсан, всем телом выражая почтение к предводительнице. Керрик понимал, что эту обмануть будет труднее, чем других. Она внимательно посмотрела ему в лицо одним глазом, одновременно глядя другим зрачком вниз.

— Откуда здесь эта грязь? Что здесь делает устузоу?

— Нижайшая Есселеи обращается к высочайшей Арагунукто, — почтительно извивалась Есселеи, — охотница поймала это в лесу. Оно — иилане'.

— Разве? Неужели?

На вопрос, высказанный с повелительной интонацией, Керрик ответил знаками глубокого почтения.

— Испытываю радость от разговора, избавившись от немоты устузоу.

— Сними эти мерзкие шкуры, зверя трудно понять.

Есселеи поспешила вперед, и Керрик покорно дал срезать с себя струнным ножом все шкуры. По коже его побежали струйки крови, наконец остатки одежды оказались на полу.

— Розовый-уродливый-противный, — проговорила Арагунукто, — явно самец. Не пускайте сюда фарги, чтобы не навести их на непристойные мысли. Повернись! Так и знала — хвоста нет. В далеком, окруженном морем Икхалменетсе я видела снимки таких, как ты, только мертвых и безопасных. Как он попал сюда?

— Его смыло с урукето во время шторма, — ответила Есспелеи, — потом он выплыл на берег. — Она произнесла слова без тени сомнения. — Он сам сказал это, значит, иначе и быть не может.

В позе Арагунукто чувствовался гнев.

— Как могло такое случиться? Я совершенно точно знаю, что существует лишь один иилане'-устузоу, но он бежал и прославился кровожадностью. Ты и есть тот самый устузоу?

— Да, великая. Меня снова захватили в плен и послали за океан в урукето, там я и выпал за борт.

— Какой урукето? Кто командовал им? Кто взял тебя в плен?

Керрик путался в собственной лжи. Проницательную Арагунукто нелегко было одурачить, но выхода не было.

— Я не обладаю этими знаниями. Меня ударило по голове, ночью в бурю.

Отвернувшись, Арагунукто жестами потребовала от Фафнеге внимать приказу.

— Отвратительное создание разговаривает как иилане'. Но это не иилане'. Натура устузоу набрасывает тень на его речи. Беседа с ним пачкает меня. Убей его, Фафнеге, и покончим с этим.

Ответив жестами радости и удовлетворения, Фафнеге подняла хесотсан и прицелилась.

— Нет, у вас нет причин! — хрипло крикнул Керрик.

Но приказ уже был отдан. Иилане' обязана повиноваться. Он отпрыгнул в сторону, спасаясь от оружия и наткнулся на оцепеневшую от удивления ученую. В жутком страхе он схватил ее за руки и загородился ею.

— Я могу помочь вам! У меня есть важная информация! — кричал он.

Но понять его никто не мог: иилане' слышали только голос, а дергающееся тело старавшейся высвободиться Есспелеи закрывало его.

— Убивай! Немедленно-немедленно! — вопила Арагунукто.

Фафнеге водила оружием, прицеливаясь в него, как в дикого зверя. Есспелеи извивалась, пытаясь вырваться. Если он лишится защиты, то сразу умрет. Он взглянул через плечо ученой и почувствовал, как та вырвалась и упала вперед. Дверь отворилась.

Керрик увидел волосатое озадаченное лицо парамутана.

— Убей ту, что со стреляющей палкой! — завопил Керрик. Теперь он был беззащитен.

Падая на пол одновременно с громким щелчком хесотсана, он понял, что выпалил все на марбаке. Игла прошла возле лица, он даже ощутил кожей легкое движение. Увидев, что он упал, Фафнеге повела оружием в его сторону.

— Что случилось? — выкрикнул Калалекв.

Фафнеге повернулась на голос, и Керрик вспомнил парамутанские слова.

— Убивай! Эту, с палкой!

Калалекву было не привыкать разить тяжелым гарпуном гигантского уларуаква, и он метнул копье с не меньшей силой и точностью. Оно вонзилось в грудь Фафнеге, и та согнулась от сильного удара. Падая, она выронила хесотсан, выстреливший в пол.

С копьем наперевес вбежал Ниумак. За ним спешила Армун. Она бросилась вперед, когда Керрик стал подниматься.

— Не надо, не надо эту! — закричал он.

Но поздно. Есспелеи завизжала от боли, хватаясь за копье Армун, пронзившее ее шею, упала с кровавой пеной на губах и умерла.

— Это была ученая. Я хотел поговорить с нею, — вяло промолвил Керрик, оглядываясь вокруг.

Вырвав копье, Армун заслонила его собой.

Но это было уже не нужно. Арагунукто тоже была мертва, и Калалекв отошел от ее тела. Парамутан тяжело дышал, глаза его налились кровью.

— Еще? — спросил он. — Еще есть?

— Да, рядом, в других шатрах. Но...

Парамутаны исчезли, прежде чем Керрик успел объяснить им, кто такие фарги. Он устало склонился над изрезанной одеждой и посмотрел на нее.

Армун мягкими пальцами стерла кровь с его кожи и сказала:

— Когда ты не вернулся, я так испугалась. Парамутаны тоже. Ниумак пошел по твоим следам, разыскал твое копьё, а потом и место, где твои следы перемешались со следами мургу. А потом привел нас сюда. Они тебя не ранили?

— Нет. Это всего лишь порезы. Ничего страшного.

Собирая шкуры, он пытался собраться с мыслями. Сейчас, должно быть, все иилане' уже перебиты. Пусть так. Арагунукто приказала его убить только потому, что ей не понравилось, как он говорит. И снова вокруг была только смерть. О мире нечего было и думать. Быть может, оно и к лучшему. Он поднял глаза: вошел запыхавшийся Калалекв, его копьё и руки были в крови.

— Какие странные и ужасные твари! Как они извивались и визжали, умирая на наших копьях.

— Все мертвы? — спросила Армун.

— Все. Мы осмотрели каждый из этих больших паукарутов и всех перекололи. Некоторые пытались бежать, но они тоже мертвы.

— Вот что, — заговорил Керрик, заставляя себя думать. — Надо, чтобы здесь не осталось следов нашего пребывания. Если только мургу заподозрят, что мы оказались по эту сторону океана, они нас разыщут и всех перебьют.

— Выбросим тела в воду, — отозвался рассудительный Калалекв, — а кровь смоем.

— А остальные вернутся? — спросила Армун.

— Да, в своих живых лодках... Здесь ведь и причал рядом. Если они никого не найдут, то подумают, что здесь какая-то тайна, и даже не заподозрят нас. Ничего не берите и не трогайте.

— Ничего не хочу! — завопил Калалекв, потрясая копьем. — Ничего, к чему прикасалась эта нечисть. Надо как следует помыть копьё, чтобы смыть с них всю неудачу. Ты мне рассказывал, как ужасны и могучи, как непохожи на нас эти мургу, и я удивлялся твоим словам. Но ты не предупредил, что меня будет трясти от гнева и ненависти от одного их вида. Очень странное чувство, и оно мне вовсе не нравится. В океан их, — а потом возвратимся к удовольствиям холодного севера.

Нет, надо плыть на юг, думал Керрик, но не сказал этого вслух. Сейчас не надо говорить об этом. Но прежде чем выйти, он еще разок взглянул на карту. Протянул руку, тронул неровное темно-зеленое пятно на светло-зеленом море. Окруженный морем Икхалменетс.

Увидев, что он дергается всем телом, бормоча названия, Армун потянула его за руку.

— Пошли. Пора.

Тьма сгустилась, прежде чем они покончили с делом. Море поглотило и тела, и окровавленные лохмотья, оставшиеся от его одежды. Прилив был высок. Он унесет трупы в море. О прочем позаботятся рыбы.

Ниумак вел их во тьме без особых трудов, но тропка была крутой, и они успели здорово устать, прежде чем впереди в просвете между деревьями показался огонек костра. Под приветственные вопли пришедшие повалились на песок.

— Ну вот вы и здесь! Все в порядке?

— Ужасные вести, страшные события.

— Смерть и кровь, невероятные твари.

Не поднимаясь с песка, Керрик жадно выпил воду, которую поднесла ему Армун.

— Живой, — проговорила она, касаясь его лица, словно хотела убедиться в этом. — Они тебя схватили — и умерли. А ты остался жив.

— Я-то жив, а как там наши?

— Мы вернемся к ним. Они в безопасности у Круглого озера за океаном. Не бойся за Арнхвита.

— Я имею в виду не его... Как там остальные саммады, что с саску?

— О них я ничего не знаю и не хочу знать. Ты — мой саммад.

Он понимал ее чувства и хотел бы разделять их. Здесь, у парамутанов, они в безопасности, если останутся далеко на севере, а не на этом ненадежном берегу. Весной они пересекут океан, перевезут сюда свой крошечный саммад. И тогда все будут в безопасности. Так будет. Остальные саммады сильны, они могут сами защитить себя от иилане'. Это не его забота.

— Я не могу, — пожаловался он сквозь стиснутые зубы, в тоске потрясая сжатыми кулаками. — Не могу бросить их на верную смерть!

— Можешь. Ты один — мургу много. Со всеми не справишься. Эта война никогда не кончится. Но мы будем вдали от нее. Нам нужны твои крепкие руки и твое копье. Прежде всего Арнхвиту, подумай о нем.

Он невесело улыбнулся.

— Ты права, мне не следует думать ни о чем, кроме него. Но я не властен над своими мыслями. Там, на стоянке мургу, я кое-что обнаружил. У них есть карта, вроде тех, что попали к нам, а на ней — город мургу, из которого приходят убийцы...

— Ты утомился, поспи.

Сердито сбросив ее ладони, он встал, грозя кулаками небу.

— Ты не понимаешь. Мургу ведет Вейнте', а она будет преследовать саммады, пока не истребит всех. Но теперь я знаю, где этот Икхалменетс. Я знаю, откуда она черпает силу, откуда берет оружие и фарги.

Не понимая причин терзавшей его боли, Армун боролась со своим страхом.

— Хорошо, ты знаешь, но разве может один охотник справиться с целым миром мургу. Ты ничего не сумеешь сделать в одиночку.

Слова ее обескуражили Керрика, и он вяло опустил-ся рядом с ней на песок. Успокоившись и задумавшись. Гневом иилане' не прогонишь.

— Конечно, ты права — что я могу сделать? Кто мне поможет? Что все саммады мира перед силой далекого города посреди моря?

Саммады не помогут ему. Но разве они одни на свете? Он поглядел на темный силуэт иккергака, на парамутанов, которые взволнованно беседовали у костра, не забывая откусывать сырое мясо острыми белыми зубами. Он вспомнил, какой ненавистью и отвращением воспылал Калалекв при виде иилане', мургу, неизвестных ему прежде.

Можно ли эту ненависть как-то использовать? Что же делать?

— Мы устали, давай спать, — сказал он, прижимая к себе Армун.

Но, несмотря на усталость, он долго не мог заснуть. Армун уже ровно и тихо дышала возле него, а он все

смотрел невидящими глазами в небо, и в голове его роились мысли.

Утром, пока парамутаны грузили иккергак перед отплытием, Керрик долго, не говоря ни слова, разглядывал карту иилане'. И, когда все было готово, позвал Калалеква.

— Не забыл эту карту?

— Ее надо бы выбросить в море, потому что она принадлежала мургу!

Его гнев за ночь улегся, и кровь успела отхлынуть от глаз. Но тревога была заметна. Керрик покачал головой.

— Она слишком важна. Карта говорит нам о том, чего мы не знаем. Смотри — вот паукаруты, а вот мы... Видишь, к югу от берега, за узкой полоской воды возле огромной земли...

— Это страна мургу, так ты говорил, и я не хочу даже думать о ней.

— Смотри — вот острова неподалеку от суши. Оттуда и приходят мургу, что губят моих братьев. Я хотел бы уничтожить этих мургу, твой иккергак легко доберется до островов...

Шагнув назад, Калалекв поднял руки.

— Этот иккергак может уплыть отсюда лишь в одну сторону. На север. И быстро он умеет плыть лишь от мургу, а не к ним. Более не говори мне об этом, я не хочу даже думать о них. — Вдруг он расхохотался и побрел к своим. — Ну, возвращаемся к паукарутам. Ах, какое дивное тухлое мясо ждет нас, какой нежный жир. И забавы! Не думайте больше об этих мургу. Не думайте и не вспоминайте.

Если бы он мог. Если бы он только мог.

Глава тридцать седьмая

*Ardlerpoq, tingavoq, misugpoq,
muluvoq — nakoqoark!*

*Поохотиться, потрахаться,
набить живот,
отдать концы — вот потеха!*

Присловье парамутанов

Пир выдался отменным. Нет — куда лучше того. Много лучше, решил Калалекв, когда выдалась минутка для раздумья.

Это был самый великий праздник, таких еще не ведали парамутаны. Пир в честь гибели новых и ужасных врагов. Какие были рассказы! Парамутаны изображали могучие удары копья и отвратительные стоны умирающих чужаков. Женщины только визжали от страха. А потом они ели. Ели. Ели. Стонали от боли в туго набитых животах, спали и снова ели, потом опять спали. В паукаруте было жарко, тесно, и все давно сбросили с себя одежду.

Проснувшись в очередной раз, Калалекв нащупал возле себя теплое ароматное тело Ангаджоркакв. Он глубоко вдохнул сладкий запах шерсти между грудями, языком прикоснулся к соскам. Сквозь сон ощутив его прикосновения, она застонала, чем еще более возбудила его. И он немедленно вытащил ее из-под шкур и овладел ею, не обращая внимания на немногих, кто бодрствовал. Одобрительные вопли разбудили всех остальных. Зрелище так воодушевило парамутанов, что они немедленно тоже обратились к делу. Женщины с деланным визгом попытались уклониться от объятий,

но бежать не собирались. Какая великолепная забава! Калалекв даже застонал от удовольствия, а потом... от боли в голове. Конечно же, это была драка, и она тоже была великолепной. С кем он дрался, Калалекв позабыл. Помнил только полученное удовольствие. С чего началось? Наконец он припомнил. Это был тот самый эрквигдлит, вот глупый. Ведь он, Калалекв, только задрал шкуры на его женщине. Так, для смеха. Тогда-то эрквигдлит и ударил его, а он разволновался и ударил Нануаква, который и дал ему сдачи. Хорошая забава.

Калалекв зевнул, потянулся — и захохотал от боли в уставших мышцах. Ангаджоркакв еще спала, посапывая во сне. Кукуджук исчез под горой шкур. Калалекв переступил через них и выбрался из паукарута, зевая и потягиваясь. Стоявший возле своего паукарута Нануакв, заметив довольного Калалеква, направился ему навстречу, поднимая вверх могучий кулак.

— Вот чем я ударил тебя!

— И я тоже крепко ударил!

— Вот это истинный праздник! Лучше некуда.

Нануакв прикрыл смеющийся рот тыльной стороной ладони. Лоб Калалеква наморщился, — ведь смеяться в руку означало знать про секрет, суливший новое веселье.

— Скажи мне, скажи скорее, — громко попросил Калалекв. — Не тяни.

— Не буду. Эрквигдлит исчез. Должно быть, выбрался, пока ты спал, и удрал в твоей собственной лодке.

Тут они оба зашлись безудержным смехом, пока не свалились на снег, обессилев от хохота.

— Люблю их, — наконец выдохнул Калалекв. — Они делают такие поступки, которые даже не пришли бы мне в голову.

— Буди остальных. Пусть тоже повеселятся. И спускай на воду иккергак. Мы должны догнать его, пока не стемнело.

Крики снаружи разбудили Армун. Входной полог был откинут. Парамутаны торопливо собирались, громко переключаясь. После драки и ночного беспутства

Керрик шкурами отгородился от прочих, чтобы не привлекать ничего внимания. Теперь их не было, должно быть, он уже присоединился к остальным. Схватив одежду, она быстро оделась под шкурами. Ее гладкая и безволосая кожа дразнила парамутанов, и она не хотела новых знаков внимания. Выбравшись из паукарута, она увидела, что некоторые иккергаки сталкивают в море. Ангаджоркакв заторопилась навстречу с широкой улыбкой на заросшем бурой шерстью лице.

— Ох, смешной твой Керрик. Пока мы спали, он уплыл на лодке, чтобы мы хорошенько искали ее.

Страх стиснул сердце Армун. Ей было не до смеха, и Керрику тоже, конечно. Всю прошлую ночь он был задумчив и мрачен и не думал смеяться, словно не замечая веселившихся парамутанов, невесть где странствовал мыслью и очнулся лишь тогда, когда с Армун потянули одежду. Тогда он разъярился и, должно быть, убил бы обидчика, если бы она не оттащила его. Это не было шуткой. Он мог воспользоваться лодкой лишь с одной целью. Он поплыл на юг. Керрик отправился на поиски острова, — ведь ни о чем другом он даже не мог говорить.

— И я с вами! — крикнула она, когда иккергак закачался на волнах. — Подождите, подождите меня. Я сейчас.

Похрюкивая от удовольствия, парамутаны втянули ее в кораблик, пытаясь одновременно потискать. Она шлепала по докучливым рукам, чем вызывала еще более бурное веселье. Она не могла сердиться на них, ведь эти весельчаки во всем отличались от тану, смехом они встречали горе и радость и привыкли делиться женщинами.

Пока поднимали парус, Армун держалась в сторонке. Нануакв у кормила правил против ветра. Задумчиво поглядев на парус, Калалекв ослабил один из линий и заново перевязал его.

— Как мы найдем его? — спросила Армун, глядя на серую равнину с белыми гребнями.

— На запад он не поплывет — там океан. На севере только льды. Значит, мы поплывем на юг и догоним его, потому что иккергак быстрее.

Оставив лень, он вновь попытался притиснуть ее. Вырвавшись, она отправилась на нос, подальше от развеселых негодников.

Там было холодно, мокрые брызги летели в лицо, но она почти весь день просидела там. Мимо неторопливо проплывал берег, но море впереди оставалось пустым. Зачем он это сделал? Неужели и вправду решил, что сможет в одиночку добраться до далекого острова мургу? Ну, а если и сможет, что тогда... что он сумеет сделать один? Как можно было решиться на такое безумство?

Глупо было даже думать об этом. Ее мучила мысль, которую она настойчиво гнала от себя уже давно. Керрик во всем был непохож на прочих охотников — это она понимала. Но слишком долго не позволяла себе признаться в этом. Настала пора обратиться лицом к истине. Иногда он напоминал ей старика — имени его она не знала, — который жил в их саммаде, когда она была еще маленькой. Он говорил сам с собой. Не замечая окружающих, он отвечал голосам, которых никто не слышал. Его кормили и внимательно вслушивались в бессвязные речи, но однажды он ушел в лес и не вернулся. Керрик не слышал голосов духов, — но в море он отправился так же, как этот старик в лес. Неужели и он такой же? Можно ли чем-нибудь помочь ему?

Страх продержал ее на носу иккергака весь день, не давая отвернуться от пустынного моря. Калалекв приносил ей поесть, но она отталкивала его руку. Лодки не было видно, на море было пустынно. Быть может, парамутаны ошиблись, и он вышел в открытое море на запад, чтобы навсегда скрыться от нее в бескрайних просторах? Нет, нет, нет, этого не может быть. Но страх не отпускал ее, тем сильнее сжимая сердце, чем темней становился небосвод.

— Вон он! — крикнул Ниумак, вскарабкавшись на мачту, одной рукой он показывал в море.

Там, вдалеке, на волнах подпрыгивала темная крошечная точка, время от времени исчезая между валами. Калалекв развернул кормило.

— Ай, тану, ай, умница! — закричал он. — Взял мористее, а мы ищем его у берега.

Когда борт иккергака почти навис над крошечной лодкой, парамутаны со смехом и похвалами принялись окликать его. Он, конечно, слышал, но даже не повернулся, глядя вперед остановившимся мрачным взором. Некоторое время они плыли рядом, но Керрик словно не замечал иккергак. И только когда они перегородили ему дорогу, и парус беспомощно захлопал, он поднял утрюмый взгляд от воды. Бросив рулевое весло, он сгорбился, подперев подбородок руками. И по-прежнему не слышал криков. Кто-то перебросил ему лить, но Керрик не заметил и его. Подойдя ближе, парамутаны перехватили парус на лодке. Когда она стукнулась бортом об иккергак, Армун немедленно воспользовалась представившейся возможностью и, перевалившись через борт, плюхнулась в лодку.

— Керрик, — мягко окликнула она. — Это я, твоя Армун. Я здесь.

Он повернулся к ней, и она увидела слезы в его глазах.

— Все умрут, — проговорил он, — все умрут. А я ведь мог предотвратить это. А теперь все погибнут по моей вине.

— Нет! — крикнула она, обнимая его. — В чем ты винишь себя? Ведь не ты сотворил этот мир. И не ты породил мургу. В чем же ты виноват?

Он сходит с ума, теперь она была уверена. Это был не тот Керрик, который без страха сражался с мургу и отправился разыскивать ее на холодный север. С ним творилось что-то ужасное, и она не знала, как помочь ему. Таким он был в лагере возле озера. Но тогда он был не настолько плох и заметно оправился, когда они пустились в дорогу. Но болезнь души возвратилась в новом, более грозном обличье.

Всю ночь, пока они возвращались на север, измотанный Керрик проспал, плотно привалившись к жене.

Утром он казался спокойным, выпил воды, пожевал мяса. Но на вопросы не отвечал, и парамутаны помрачнели, потому что он портил им все веселье. Но печаль эта не надолго лишила их удовольствия, и, завидев на

рассвете паукаруты, они разразились радостными криками. Армун было невесело. Она глядела на застывшее утрюмое лицо Керрика и чувствовала, как ускользает надежда. Он заговорил с ней, только когда они остались одни.

— Да, я плыл на этот остров. Это все, что я могу сделать. Теперь их жизнь зависит лишь от меня.

— Но что ты можешь сделать в одиночку, даже если отыщешь их?

— Не знаю! — с болью в голосе крикнул он. — Не знаю! Ясно только одно — я должен хотя бы попробовать.

Армун нечего было ответить, осталось только тесно прижаться к нему, чтобы тело поведало то, чего не могут сказать губы...

Снегопад начался в тот же день. Сначала на землю падали редкие снежинки, а затем снег повалил сплошной пеленой, и скоро за каждым паукарутом намело длинный сугроб. Все поняли — пришла пора зимних метелей.

Еды было вдоволь, а парамутаны привыкли спать все долгие зимние ночи. Короткие дни, если не было сильной пурги, они посвящали охоте и рыбной ловле, однако не очень удаляясь от стойбища. Керрик не выходил со всеми, он замкнулся в себе и не оставлял паукарута. Армун начала уже опасаться за его рассудок, — как она ни старалась, темные думы по-прежнему одолевали его.

В конце концов одержимость все равно победила.

— Я уже видеть не могу тебя таким, — простонала Армун.

— Выхода нет. Ничего другого я не придумал. Нужно разыскать остров. И остановить Вейнте'. До тех пор, пока это не свершится, у меня не будет покоя.

— Я тебе верю. И последую за тобой.

Не говоря ни слова, он согласно кивнул, словно бы тоска ее, прорвавшаяся в словах, что-то подсказала ему.

— Хорошо. Я и так уже наполовину в тех краях. Вдвоем мы не справимся, нужен третий. Парамутан, знающий морские дороги. Этого хватит. Втроем мы их

одолею, я уже продумал, как мы это сделаем, до мельчайших подробностей.

— Как же?

Он подозрительно огляделся, словно опасаясь, что их подслушивают.

— Пока я тебе не расскажу. Пусть все хорошенько уляжется в голове, чтобы не допустить ошибки. А теперь попроси Калалеква пойти с нами. Он храбр и силен; лучше, чем он, спутника нам не найти.

— В прошлый раз он тебе отказал.

— Это было в прошлый раз. Попроси его снова.

Укрывшись под шкурами, Калалекв рассеянно жевал безнадежно засохший кусок рыбьего мяса, но, заведя возле себя Армун, сел.

— Впереди много дней метели и еще больше зимних дней.

Откинув шкуры, он потянулся к Армуну, и она оттолкнула его руку.

— Почему бы не оставить зиму и не уплыть на юг, поближе к лету?

— Так не бывает. Парамутаны живут на севере, жаркие дни и ночи губят их.

— Что если мы поплывем не так далеко, не в те земли, где властвует бесконечное лето? Сплываем на остров Керрика и вернемся. Помогите мне.

— Остров? Он все еще думает о нем.

— Помогите мне, Калалекв, мне и ему. С головой его творятся странные вещи, и я боюсь за него.

— Верно! — взволнованно выкрикнул Калалекв и прикрыл рот ладонью, когда Ангаджоркав и Кукуджук дружно повернули головы в его сторону. Он молчал, пока они не отвернулись, а затем шепотом продолжил: — Я заподозрил это, — ведь он говорит так странно, — но не думал, что окажусь прав. Какая ты счастливая.

— Счастливая? Почему?

— Такая удача! Твой охотник разговаривает с духами ветра и океана. А они обращаются только к немногим и то иногда. Потом те, кто слышал голоса духов, говорят и с нами. Так мы узнаем, как нам быть и что делать. Так духи научили нас строить иккергаки,

чтобы мы могли бить уларуаква, а потом жиреть. Теперь они говорят с Керриком, и он передаст нам их волю.

Армун не знала, смеяться ей или плакать.

— Знаешь, что они говорят? Твердят снова и снова. «Плыви на юг, ищи остров». И все, ничего более.

Кивнув, Калалекв закусил губу.

— Так вот что они говорят. Значит, это должно быть исполнено. Придется плыть на юг.

Не веря своим ушам, Армун кивнула.

Глава тридцать восьмая

lilane'hesh farigi nindasigi ninban<

*Пока фарги не станет иилане',
у нее нет города.*

Алофегма иилане'

В первую очередь — новый город. Амбаласи понимала это, но сожалела о времени, которое приходилось отрывать от изучения сорогетсо. Так она назвала эту безъязыкую родню иилане', ограничивавшую общение самыми примитивными знаками, словно юные элиннийил в море. Но даже это пока оставалось всего лишь предположением, успех первого общения так и не повторился. Сорогетсо не приближались к опустошенному полуострову и прятались далеко в джунглях. Сама она была слишком занята бесконечными проблемами, возникавшими в растущем городе, и, не имея возможности положиться на не стремившихся проявлять усердие Дочерей Отчаяния, не могла снова отправиться на поиски сорогетсо. Сказывался и возраст...

Она лежала в тени быстро подрастающего куста и разглядывала культуру, помещенную в сандуу. На гладкую линзу преображенного иилане' существа падал солнечный свет, наблюдать изображение лучше было в тени. Микроскопические объекты в основном были знакомы ей. Ни патогенных бактерий, ни опасных грибов. Хорошо.

— Пришли ко мне Энге, — приказала она своей помощнице Сетессей, менявшей образцы.

Амбаласи откинулась на доску для отдыха и вздохнула. Жизнь так коротка, а еще столько надо сделать. Саагакель была добра к ней, и жизнь в таком далеком теперь Йибейске представлялась уже одним удовольствием от занятий наукой. Сколько же лет она провела там? Амбаласи даже потеряла им счет. И она до сих пор наслаждалась бы этим покоем, если бы не внезапный интерес к биологическим аспектам философии Дочерей. Тогда, повинувшись внезапному импульсу, она разом променяла весь комфорт на жесткую деревяшку под колючим кустом. Нет! — ее тело дернулось от эмоций. Конечно, интерес к этим Дочерям Отчаяния был ошибкой, но то, что она оказалась в этих краях... Сколько нового успела она открыть, каким уважением к ней исполнятся ученые Энтобана... даже еще не родившиеся. Она с наслаждением обратилась к этой мысли — одни гигантские утри чего стоят, не говоря уже о новом континенте. Но есть и более важная вещь, намного более важная.

Сорогетсо. Терпение, необходимо терпение. Она не должна торопиться. Ей нужны безопасность, покой, тишина. Ей нужен город, чтобы работать, и пусть ничемные Дочери обеспечивают ей все удобства, пока она будет заниматься сорогетсо. Только по этой причине город должен расти быстро и правильно. Она вновь вздохнула — слишком часто приходила она к этой мысли. Нравится или нет, а делать придется.

На глаза ее упала тень, и ученая поняла, что явившаяся Энге терпеливо ждет, пока она завершит свой внутренний монолог. Повернув к ней один глаз, Амбаласи жестом потребовала внимания.

— Настал важный момент. Стена крепка, бесполезная растительность уничтожена, посажены затеняющие кусты. Земля подле меня ископана и перекопана. Стерилизована и удобрена, словом, готова во всех отношениях. Остается одно — посадить семя города.

Вынув семя из контейнера, ученая подняла его повыше. Энге в безмолвном восторге пала на колени. Долго глядела она на покрытую бороздками скорлупу и заговорила не сразу:

— Первым и главным в моей жизни было до сих пор откровение Угуненапсы. Но сейчас настал самый важ-

ный момент в моей жизни. За это мы можем благодарить только тебя, великая Амбаласи, чьим именем и назван весь этот необъятный континент. Ты привела нас к свободе, перевезла в Амбаласокеи через океан, чтобы мы вырастили здесь город. Могу ли я позвать остальных, чтобы они собственными глазами увидели миг посадки?

— Главное не миг, а сама посадка. Пусть работают.

— Они захотят порадоваться. Выразить тебе свое почтение.

— Ну, если ты настаиваешь... Впрочем, и так много времени тратится понапрасну.

Слух об этом разнесся быстро, и Дочери торопились, оставив работу и широко открыв рты от жары. Они молча сгрудились возле Энге, чтобы видеть углубление, которое та вырыла в мягкой почве. Потом полила ямку водой под строгим надзором Амбаласи.

— Довольно, если не хочешь, чтобы семя утонуло и сгнило, — проговорила старая ученая. Она подняла семя, и Дочери почтительно заколыхались. — Ну... кто из вас посадит его?

К неудовольствию Энге немедленно завязалась дискуссия: руки задвигались, ладони изменили цвет.

— Требуется обсудить...

— Как поступила бы Угуненапса?

— Главное — очередность. Те из нас, кто раньше обратились к трудам Угуненапсы, обладают куда большей мудростью. Нужно всех опросить и будем выбирать в порядке...

— Почтительная просьба умолкнуть, — проговорила Энге с жестами срочной необходимости, и все наконец утихло. — Только одна из иилане' подходит для этого важного дела: та, что привела нас сюда, та, что привезла семя... Она и посадит его.

— Напрасная трата времени, — ответствовала Амбаласи, с криканием поднимаясь на ноги; она была польщена, но не показывала этого. Хоть эти Дочери болтливые упрямцы, все-таки они понимают, что надо уважать способности и интеллект.

Шаркая, она подошла к увлажненной ямке, держа семя большими пальцами.

— Начнем церемонию... — начала Энге и, потрясенная, умолкла, потому что ученая просто опустила семя в углубление и кое-как засыпала его почвой.

И немедленно направилась обратно к своей доске, распорядившись на ходу:

— Чуть полейте еще — и за работу!

Во всеобщем молчании и недоумении Энге пришла в себя и, шагнув вперед, попыталась подыскать правильные слова.

— Благодарим, благодарим, Амбаласи, высочайшую из высочайших! Она почтила нас — собственными руками высадила семя нашего города, первого города сторонниц учения Угуненапсы. Много раз мы говорили об этом, много раз повторяли...

— Не сомневаюсь в этом!

— ...но одно лишь имя может быть дано этому городу. Он будет зваться Угуненеб, город Угуненапсы! Великая честь вовеки носить это имя!

Радостные крики сопровождались движениями удовольствия. Дернувшись в возмущении, Амбаласи обратилась к собравшимся:

— Довольно! За работу. Столько еще нужно сделать. А ты, Энге, останься. Но прикажи своим непутевым вернуться к делам.

— Я не могу приказывать им. — Ощувив растущий гнев Амбаласи, Энге повернулась к толпе. — В честь Амбаласи, в честь Угуненапсы, которая направляет каждую из нас, мы должны прилежно растить этот город, а потому всем следует возвратиться к тем обязанностям, которые каждая выбрала для себя. Сделаем же все, что должно быть сделано.

Потом Энге вновь повернулась к Амбаласи, которая с жестом особой важности указывала на джунгли.

— По-моему, нам вновь пора обратиться к сорогетсо. Они следят за нами?

— Следят. Как ты потребовала, мне приносят все вести о них. Очень часто они наблюдают за нами, спрятавшись в тени деревьев, иногда совсем близко подбираются вдоль берега.

— Их не прогоняли?

— Нет, ты приказывала не обращать на них внимания. Но за ними следят. А они за нами — вот и сейчас трое караулят поблизости.

— Что? Почему не сказали мне?

— Ты приказала наблюдать и запоминать, но не действовать.

— Случается, что необходимо проявлять и инициативу, Энге.

Та понимала, что подобные заявления лучше оставлять без ответа. Амбаласи встала и огляделась.

— Где они? Я не вижу.

— Потому что смотришь не туда. Видишь возле реки невысокий пригорок с молодыми кустами? Они каждый день подплывают туда и следят за нами.

— Им не мешали?

— Нет, конечно же, нет.

— Иногда, по всей вероятности, чисто случайно, твои последовательницы кое-что делают правильно. Теперь следует начать контакт с сорогетсо. Я пойду и попробую объяснить.

— Нет! — ответила Энге, подкрепляя слова движениями силы и приказа.

Потрясенная Амбаласи отступила — с ней никто и никогда не разговаривал еще подобным образом. Энге быстро продолжила, пока взрывной темперамент ученой не обрушился на нее:

— Я рассказывала тебе о своем изучении общения. Теперь добавлю, что я разработала теорию звука-цвета-движения, которую с удовольствием поведаю тебе. Кроме того, я долго изучала системы общения у фарги и элинийил, а также посещала ханане и слушала речи самцов. Я изучила все документы и обнаружила, что, кроме меня, этого никто не делал целую вечность. А раз я специалист в этом вопросе, то хочу, чтобы ты захотела выслушать меня. — Заметив, что Амбаласи надувается с обидой и гневом, Энге быстро добавила, чтобы предотвратить взрыв: — Ты ведь не наказала Элем, когда она проявила неведомые познания в искусстве кормления урукето.

Отступив, Амбаласи жестом показала, что оценила эту хитрость.

— В полноте времен, Энге, ты ничто рядом со мной. Но вдруг изредка зажигаешься светом, что доставляет мне удовольствие. Я очень устала и охотно полежу в тени, пока ты изложишь свои соображения.

— Во-первых, — проговорила Энге, поднимая палец в утвердительном жесте, потому что давно и тщательно все продумала, — нужно идти в одиночку, как это сделала ты, взяв с собой рыбу.

— Принято. Если я пойду одна...

Не останавливаясь, чтобы возразить, Энге продолжала:

— Во-вторых, следует попытаться установить с ними контакт. Они приняли от нас пищу — символ общности, но теперь общение следует перенести на другой уровень. Их интересует, что мы из себя представляем и что делаем здесь. Но нельзя, чтобы они сразу обо всем узнали. Познание тоже следует разделять. Если я предложу им кое-что, то потребую нечто взамен.

— И как это будет сделано?

— Посмотри — увидишь.

Энге мгновенно отвернулась, чтобы не видеть, как Амбаласи охватывает гнев. И неторопливо побрела к кустам, за которыми прятались соглядатаи-сорогетсо.

Заметив беспокойные движения, она замедлила шаг, наконец остановилась и удобно уселась на хвост. Достаточно близко, чтобы ее поняли, но и не настолько, чтобы испугать. Выставив вперед ладони рук, она начала.

«Друг», — снова и снова повторяла она в простой и понятной манере, ограничиваясь только цветом, не прибегая к словам. Потом остановилась и поглядела в сторону кустов. Поскольку ответа от спрятавшихся не последовало, она вновь повторила жест. Ничто ей не мешало, торопиться было некуда, и в каждом движении ощущались покой и ясность. «Друг». Это все, что она могла сказать. Дело за ними.

«Друг».

Солнце плыло по небу, и сорогетсо тревожно возились в кустах, наконец одна из них раздвинула ветви и выступила вперед, не отходя далеко от остальных. Вертикальные зрачки превратились на солнце в щелки.

Это была другая сорогетсо, не та, что бросалась на них из кустов; сильная и мускулистая, она надменно выпячивала подбородок. Заметив, что Энге не шевельнулась, пришелица царапнула землю когтями ноги — жест угрозы.

— Не бойся, — сказала Энге, — не бойся меня.

Сорогетсо выглядела озадаченной, и Энге принялась повторять это на разные лады, пока наконец сорогетсо не поняла — и гребень ее вздыбился в гневе.

— Мне... страх... нет! Ты... страх.

Контакт был установлен, но Энге не позволила себе жеста удовлетворения. Вместо этого она принялась играть цветами дружбы. Потом назвала свое имя.

Следившая издали Амбаласи ничего определенного о первом контакте сказать, конечно же, не могла. Но Энге продолжала переговоры, пока солнце не опустилось над лесом, и тогда сорогетсо разом повернулись, пробрались сквозь кусты и попрыгали в воду. Энге медленно возвратилась, оцепенев в задумчивости.

— Надеюсь, ты с толком провела время, — сказала Амбаласи. — Правда, отсюда я мало что увидела.

— Многое было, много общения, — пробормотала поглощенная мыслями Энге. — Я настояла, чтобы вышедшая мне навстречу последовала моему примеру и делала так, как я. Я назвала свое имя и постаралась убедить, что мы пришли с миром. Я повторила, что мы хотим только помочь им. Дать им еду, если нужно. Для первого контакта достаточно и нескольких основных положений.

— Воистину так. Надеюсь, что ты не потратила время попусту. По крайней мере ты узнала ее имя?

— Да.

— Говори же. Как ее зовут?

— Еасассиви. Сильный-рыболов. Но это не ее имя. — Подождав, пока Амбаласи выразила недоумение, Энге неторопливо и отчетливо заговорила:

— Мы не можем сказать, что это «ее» имя.

— Вместо этого мы должны сказать, что это «его» имя?

— Верно, этот сильный-рыболов на самом деле самец.

Глава тридцать девятая

— То, что ты говоришь, совершенно невозможно.

Решительность заявления Амбаласи подкрепила знаками бесконечного усиления. Низко склонившись перед ее уверенностью и гневом, Энге не стала возражать.

— Возможно, ты права и в этом, великая Амбаласи, ведь ты разбираешься во всех науках жизни. Я смиряюсь перед твоими познаниями, но говорю тебе то, что знаю.

— Откуда ты можешь знать? — зашипела Амбаласи, сотрясаясь всем телом; раздувшийся гребень полыхал над ее головой.

— Очень просто. Сорогетсо рассердился, когда яотреагировала не так, как он хотел, стал делать угрожающие жесты и раскрыл свою сумку. Так что я видела. Это самец, а не самка.

Резко побледнев, — гнев ее мгновенно прошел, — Амбаласи отступила назад. Сомнений быть не могло. Энге видела то, о чем говорила. Конечности ее в смятении дергались, пока она пыталась доискаться до смысла, найти правильное объяснение. Логически безупречный вывод отталкивал своим смыслом.

— Если существо воспользовалось жестами угрозы и один из них относился к половым органам, значит, здесь оно принадлежит к агрессивному полу. А это заставляет нас заключить...

Амбаласи не стала продолжать, но движения конечностей позволяли понять ее мысль. И Энге громко подхватила:

— ...что здесь доминируют самцы, а самки находятся в подчиненном положении, в лучшем случае — равном.

— Невероятно гадко! Это же неестественно для иилане'. Такое характерно только для низших существ, но они всего лишь безмозглые твари. Разум присущ только самкам, мысль неотделима от них, порождающих источник жизни — яйцо. Самцы же исполняют простейшие биологические функции, поставляют половину необходимых генов, а также берут на себя все эту рефлекторную заботу вынашивания. Больше они ни на что не годятся. И ты видела невероятную вещь, абсолютно неестественную и непонятную.

Вновь обретя привычный апломб, Амбаласи стремительно мыслила, как подобает ученой, бесконечно далекой от безмозглых фарги. Разве такое возможно? Конечно, возможно. В живой природе существовало бесконечное множество вариантов сексуального поведения, трудно объяснимых и противоречивых. Разве невозможно, чтобы разнообразие это проявилось у существ, принадлежащих к ее собственному виду? Как давно могли разделиться обе ветви его? Придется подумать. Но сама возможность общения свидетельствовала, что разделение произошло относительно недавно. Или же базовые коммуникативные средства запечатлены в генах и наследуются... Значит, им не обучаются... Интересно! Все более и более интересно. Впрочем, довольно. Пусть теории следуют за наблюдением. Необходимы факты, факты и еще раз факты.

Значит, ей удалось открыть и это! Амбаласи поднялась на ноги.

— Приказываю! Я должна видеть, слышать и знать все, что касается сорогетсо.

Энге жестом призвала ее к терпению.

— Ты получишь все сведения, ведь твоя глубокая мудрость может раскрыть любые научные тайны. Но сперва общение. Я должна научиться разговаривать с сорогетсо, добиться их доверия, понять культуру. На это потребуется время.

Амбаласи откинулась назад и тяжело вздохнула.

— Конечно же. Немедленно продолжай. Не трать времени ни на что другое. Возьми с собой Сетессей, я освобожу ее от прочих работ. Она будет подробно фиксировать все. Записи должны быть подробными. Имя мое, подобно реву ненитеска, донесется до самого

конца грядущих времен. И тебе достанется доля всеобщего уважения.

— Благородство твое безгранично, — почтительно ответила Энге, старательно скрывая свои чувства.

К счастью, Амбаласи целиком погрузилась в круговорот своих мыслей и не заметила сопровождавших слова жестов отрицания.

— Конечно, об этом всем прекрасно известно. Я тоже должна изучить их язык; пусть Сетессей ежедневно обо всем оповещает меня. Ты научишься с ними разговаривать, потом они допустят тебя в свою среду, ты дашь им еды, было бы хорошо, если бы здесь были больные — я могла бы оказать врачебную помощь. И тогда я сумею ознакомиться с их физиологией. Двери познания отворяются, факты копятя, смысл появляется! — Она окинула Энге внезапно посуровевшим взглядом. — Но знания открываются лишь тем, кто способен вместить их. И раз самцов обычно прячут от фарги и попусту озабоченных, путь твой подружки не знают, что это самцы.

Энге выразила сомнение:

— Мы живем, не имея секретов, и всем делимся между собой.

— Чудесно. Но этот факт не для всех. — Заметив колебания Энге, Амбаласи добавила: — Приведу сравнение. Иилане' не вложит хесотсан в руки йилейбе фарги, еще не высохшей после моря. Иначе умрет сама фарги и не она одна. Преобладание самцов среди сорогетсо может оказаться бедой, отравой для культуры. Ты поняла меня? Согласна?

— Да, — ответила Энге со строгим пониманием важности.

— Прошу тебя хранить научную тайну... до времени. Узнав побольше, мы вернемся к этому вопросу. Согласна?

— Да. — Жестами выражая согласие, Энге добавила: — Следует выяснить истину, определить, как она скажется на нас. И пока мы не выясним это, я буду молчать.

— Очень хорошо. Когда ты соглашаешься со мной, мое уважение к твоему разуму растет. Пришли сюда Сетессей, чтобы я могла обо всем распорядиться.

...Город пышно рос, но Амбаласи отстранялась от него все дальше и дальше. Когда к ней приходили с вопросами, она впадала в такую ярость и немедленно обращалась к столь крепким выражениям, что многие начали бояться ее. Дочери стали стараться самостоятельно разрешать самые насущные вопросы. И скоро обнаружили, что это возможно лишь потому, что в Угуненебе было мало удобств, привычных для старых крупных городов. Город не поглощал отходы, не перерабатывал их, даже воду приходилось носить из реки — удобств в городе не было. И все же лучше жить здесь, чем томиться в садах. Они приспособятся. И хотя Дочери спали вповалку под густыми ветвями и питались только утрями и разной рыбой — это неважно. Гораздо ценнее еды и питья была для них никем не ограничиваемая возможность беседовать о заветах Угуненапсы, искать правду, обнаруживать знаменья. Наполненная и чудесная жизнь.

Энге приходилось едва ли не на весь день забывать даже о существовании Угуненапсы, в трудах она пыталась постичь сорогетсо, научиться их речи. Еасассиви более не приходил, но Энге удалось завести разговор с другим сорогетсо, застенчивым и боязливым. Доверие его она купила терпением и дарами — едой. Ее звали Мооравиис, что, похоже, означало «оранжевая». Причиной тому было пятно на гребне. Она была самкой, и Энге обнаружила, что может общаться с нею.

Медленно она начала понимать их. Модификаторов оказалось немного, смысл в основном передавался изменением окраски. Подметив несколько звуковых ключей, Энге обнаружила, что с Мооравиис можно обсуждать основные понятия. Наступило время подключать к работе и Амбаласи.

«Беспримерная возможность», — показывала она руками, приближаясь к ученой, которая немедленно оставила работу и сделала жесты усердия и покорности. Энге была польщена, она предполагала, что ученая давно уже забыла услужливые жесты.

— Прошу объяснений, — произнесла Амбаласи.

— Немедленно. Моя информантка сообщила, что один из ее сородичей — она не указала на его пол — получил серьезную рану. Я известила Мооравиис о том,

что одна из нас умеет восстанавливать тела. Мооравиис пришла в возбуждение. Я думаю, она ответит нас к раненому.

— Великолепно. Я изучала их общение в твоей записи. — Выпрямившись, Амбаласи проговорила в истинной манере сорогетсо: — Помощь-дана, личности-лечить, благодарность.

Энге восхитилась.

— Великолепно. Надо идти в джунгли. Я только опасаюсь за твою безопасность. Может быть, лучше взять Сетессеи, она тоже умеет лечить, и для первого раза...

— Нет, пойду я! — повелительно произнесла Амбаласи.

Энге поняла, что не следует пытаться переубедить ученую.

Амбаласи нажала на выступ, расположенный на шкуре животного-для-переноски. Пасть его распахнулась, обнаружив внутри аптечку. Тщательно проверив содержимое, Амбаласи добавила несколько нефмакелов покрупнее, для серьезных ран, и кое-что еще, что могло понадобиться. Удовлетворившись, она закрыла его и повернулась к Энге.

— Теперь неси, нам не нужно свидетельниц. Иди первой.

Сорогетсо дождалась в реке, высунув из воды только голову. Когда она заметила Амбаласи, в глазах ее промелькнул страх. Она направилась к другому берегу протоки. Иилане' последовали было за нею, но сорогетсо заметно опережала их в скорости, и оранжевый гребень быстро потерялся из виду. Амбаласи заметила, как та вынырнула вдалеке у берега, и с громким плеском устремилась за ней. Обремененная медицинскими инструментами Энге следовала за нею. Выкарабкавшись на берег, она не могла перевести дух. Мооравиис тем временем оказалась на краю леса и, убедившись, что они следуют за ней, исчезла за деревьями.

Торопясь за нею, они быстро потеряли Мооравиис из виду, но вскоре заметили, что идут по найденной тропке. Она поджидала их на другом конце перелеска возле ручья.

«Стой!» — вспыхнула ее ладонь, движения головы свидетельствовали, что неподалеку опасность. Обе иилане' разом остановились, опасливо оглянулись, но не увидели ничего страшного.

«В воде», — показала Мооравиис и, широко раскрыв рот, разразилась тонким дребезжащим воплем. Когда она повторила его, из-за ручья донесся похожий ответ. Ветви кустарника на другой стороне зашевелились, показались два сорогетсо и с сомнением поглядели на другую сторону ручья.

«Опасно-незнакомцы, много-страх», — показал один из них.

«Смерть Ичикчи больше опасность», — твердо ответила Мооравиис. После некоторого колебания, повинаясь жестам Мооравиис, они развернули застывший возле берега ствол поперек потока. Мооравиис отправилась первой, впиваясь когтями ног в кору и держась руками за ветви. Энге ждала Амбаласи, чтобы пойти впереди, но неподвижное тело ученой ничего ей не говорило.

— Я пойду первой, — сказала Энге, — надеюсь, что нам нечего опасаться.

— Глупость и непонимание, — ядовито отозвалась Амбаласи. — Нам не пристало опасаться этих простых созданий. Безмолвные мысли и наблюдение сковало меня. Ты заметила, что они сделали?

— Конечно, — повернули бревно, чтобы мы смогли перебраться через поток.

— Мысль глупейшей фарги! — вспыхнула гневом Амбаласи. — Твои глаза видят, но мозг ничего не понимает. Они воспользовались объектом как устузоу, а не как иилане'. Теперь ты поняла это?

— Конечно. Радость-откровения, признание-в-глупости. Хотя внешне они подобны нам, но остались на уровне, чуть превышающем возможности животных, и не имеют представления о знаниях иилане'.

— Это очевидно. Особенно когда тебе укажут. Пошли.

Они перебрались по мосту, стараясь держаться осторожно, как сорогетсо. На полпути Амбаласи остановилась и поглядела в воду. Сорогетсо испуганно

окликнула ее, и, сделав отрицательный жест, Амбаласи направилась к берегу.

— Видимой опасности нет, — заметила она, с великим интересом наблюдая, как, цепляясь за торчащие ветви, сорогетсо старательно тянули бревно на прежнее место, стараясь не оступиться.

Покончив с этим делом, парочка опять затаилась среди деревьев. Энге потребовала внимания.

— Мооравиис отправилась этим путем, нам придется идти следом.

Новая утоптанная тропа через редкую рощу привела их на поляну. И хоть на ней их поджидала одна Мооравиис, нетрудно было догадаться, что из-за кустов на них взирает множество глаз. С радостью и восторгом Амбаласи объявила о новом открытии.

— Видишь — там за деревьями берег. Мы наверняка окружены водой, мы на острове, а в водах вокруг него скрывается что-то опасное. Погляди на их примитивные и неопрятные повадки, на кости, покрытые стаями мух.

— Мооравиис зовет нас, — произнесла Энге.

— Следуй за мной и не забудь про аптечку.

Раздвинув ветки, Мооравиис открыла логово из сухой травы. Там без сознания, закрыв глаза, лежала сорогетсо. Это была самка — мешочек ее слегка приоткрылся. Она шевельнулась и застонала от боли. Левая ступня была наполовину откушена какой-то тварью, оставшаяся часть распухла и почернела, по ней ползали мухи. Лодыжка над нею изменила окраску.

— Глупость и небрежение, — не без удовлетворения проговорила Амбаласи, открывая живую сумку. — Следует принять радикальные меры. Ты поможешь мне. Заодно я могу провести некоторые исследования и эксперименты. Отошли отсюда Мооравиис. Скажи ей, что раненая будет жить, если она не будет следить за лечением.

Сорогетсо не возражала и мгновенно исчезла. Тогда Амбаласи быстрыми и уверенными движениями ввела обезболивающее. Когда Ичикчи замерла, она наложила на раненую ногу узкую повязку, прижав ее голову к крупной артерии над коленом. Потом ткнула в нее пальцем, и существо принялось втягивать в себя собст-

венный хвост. И, пережав ногу, остановило кровообращение. Тогда Амбаласи принялась струнным ножом отрезать пораженную ногу. Чтобы не видеть, Энге отвернулась, но звук рассекаемой плоти доносился до ее ушей. Заметив это, Амбаласи выразила удивление:

— Ишь ты, какая чувствительная! Ты что — фарги, ничего не знающая о жизни? Наблюдай и учись, ведь знание — это жизнь. Ступню можно было и залечить. Но тогда она станет калекой. Лучше удалить все, вернее, все ненужное. Половина фаланг и костей плюсны потеряны. Осторожно и быстро я удаляю все остальное до конца плюсны. Эти кости необходимы. Теперь нефмакел побольше... да, вот этот, чтобы остановить кровь. Дай-ка сюда контейнер.

Амбаласи достала небольшой пузырь с вязким красным желе. Открыв его, она с помощью нефмакела извлекла оттуда белое ядрышко и приложила к обрубку ноги, тщательно выбрав нужное место. Потом повторила инъекцию с помощью новой однозубой змейки.

— Антибиотик. Готово.

Распрявившись, она потеряла занемевшую поясницу — и обнаружила, что они не одни. Обступившие их сорогетсо безмолвно наблюдали за ними, чуть не дергаясь всякий раз, когда глаза иилане' встречались с их взглядом.

— Боль кончилась! — объявила Амбаласи в манере сорогетсо. — Она спит. Слабая. Боли не будет. Пройдет много дней, прежде чем все будет, как прежде.

— Нога... исчезла, — проговорила Мооравиис, глядя круглыми глазами на перевязанную культю.

— Я вернусь лечить ее. Потом вы увидите, чего вам не приходилось видеть.

— Что ты сделала? — спросила Энге, удивленная не меньше, чем сорогетсо.

— Посадила колонию клеток, из которой вырастет новая нога. Если эти создания и впрямь настолько близки к нам, как кажется, вырастет точно такая же ступня.

— Ну а если нет?

— Тогда мы получим интересный научный случай! Оба исхода представляют собой интерес для науки.

— Еще более для Ичикчи, — ответила Энге с явными нотками неодобрения.

Амбаласи удивилась.

— Конечно же, приобретение новых познаний куда важнее жизни этого примитивного существа, которое, вне сомнения, умерло бы, если бы не мое искусство. Твое сочувствие направлено не в ту сторону.

Сорогетсо подступили еще ближе. Открыв рты, все десятеро пытались понять неизвестную речь. Они внимали Амбаласи, стараясь не упустить ничего из того, что им открывали ее ладони.

— Вот, — скомандовала Амбаласи, — ты можешь приобрести новые познания. Поговори с ними. Какая прекрасная возможность! Прекрасная, понимаешь?

Сорогетсо не спеша отступили, но сразу же возвратились, повинувшись зову.

— Они как фарги, вышедшие из моря, — сказала Энге, — нам придется проявить терпение.

— Конечно, но учимся и мы с тобой. Мы здесь тоже как фарги, мы пришли учиться, чтобы понять и изведать все глубины их жизни. Начнем.

Глава сороковая

*Kakhashasak burundochi ninustuzochi
ka'asakakel.*

Мир был бы лучше без устузоу.

Алофегма иилане'

Встречи с Ланефенуу Вейнте' ожидала без страха. Да, у них были потери, ужасные потери, но были и успехи. В битве так всегда — теряешь одно, приобретаешь другое. Важна окончательная победа, ее будут помнить. Она была уверена в этом, не ощущая ни малейших сомнений, но все-таки то и дело подбадривала себя. Ланефенуу будет сомневаться, ее нельзя будет ни в чем убедить, если она, Вейнте', не облечется в уверенность-успеха, подобную панцирю.

— Желательно-изменение-положения, недостаточность освещения, — со знаками крайнего смирения обратилась к ней член экипажа с кистью и краской в руках.

Урукето изменил курс, и пятно солнечного света из открытого плавника перешло на другое место — они, должно быть, уже приближались к Икхалменетсу. Вейнте' склонилась вперед, поднимаясь с хвоста, и перешла к свету, чтобы внимательно разглядеть работу. Сбегая с плечей, зубчатые золотые листья спиралями охватывали руки и заканчивались плодами на тыльной стороне ладоней. Пожалуй, рисунок был слишком вычурным, но именно такой подходил для важной встречи. Вейнте' сделала знаки удовлетворения и одобрения, член экипажа благодарно склонилась перед ней.

— Великолепный рисунок, мягкие краски, точные очертания, — сказала Вейнте'.

— Счастлива хоть чем-нибудь послужить избавительнице.

Вейнте' то и дело слышала теперь это слово. Поначалу оно выражалось понятием «она-что-помогает-нам», но постепенно превратилось в «она-что-спасает-нас». Так думали иилане' Икхалменетса, так они говорили. И даже не вспоминали о погибших фарги. Они видели, как по склонам высокой горы все ниже спускался снег, и всей кожей ощущали дыхание подступавшей зимы. Эйстаа должна была чувствовать то же, что и остальные.

Когда урукето заходил в гавань Икхалменетса, Вейнте' стояла рядом с капитаном. С величественным изяществом огромное существо миновало других урукето, выстроившихся в ряд у причалов. Предвкушая утощение, энтиисенаты рвались вперед, взбивая белую пену. Невысокая волна ударилась о деревянный причал, перехлестнула через спину урукето. Глянув с плавника вниз, Вейнте' поманила члена экипажа.

— Требуется присутствие высокопоставленной Акотолп.

Глядя на пустынный причал и пряча неудовольствие за неподвижностью, Вейнте' поджидала ученую. Эйстаа знала, что она возвращается. Она послала за Вейнте' и прекрасно знала, что та прибудет на этом урукето. Но никто не ждал ее у причала. Никто из высоких не явился приветствовать ее. Это означает если не оскорбление, то предупреждение. Вейнте' не нуждалась в них. Ланефенуу не скрывала своего отношения к непрекращавшемуся конфликту с устузоу.

Долгое пыхтение предвещало появление Акотолп.

— Какой подъем, — пожаловалась толстуха. — Путешествовать на урукето так неудобно.

— Проводишь ли ты меня к эйстаа?

— С удовольствием, сильная Вейнте'. Окажу тебе помощь и поддержку, посильную мне. — Покосившись одним глазом на капитана, Акотолп убедилась, что та следит, как причаливает урукето и заговорила: — Черпай силу в том, что ты всего лишь повиновалась

приказам. Ни одна фарги, ни одна иилане' еще не ошиблась, повинуясь им.

Выразив благодарность за понимание, Вейнте' сказала:

— Хотелось бы, добрая Акотолп, но я командую, а потому и должна уметь отвечать за ошибки. Идем.

Их ждали, и это стало ясно, едва они достигли амбесида. Эйстаа восседала на почетном месте, советницы теснились неподалеку. Но просторный амбесид был пуст, а песок на нем разровняли, разрисовав какими-то узорами. Приближаясь к Ланефенуу, они оставляли за собой двойной ряд следов. Прямая и неподвижная Ланефенуу ожидала их приближения. И лишь когда они замерли перед нею с жестами верности и внимания, она соизволила обратить к Вейнте' холодный глаз.

— Это были неудача и смерть, Вейнте', неудача и смерть.

Сложив руки с уважением к высшей, Вейнте' ответила:

— Смерть, эйстаа, я согласна. Погибли хорошие иилане'. Но не неудача. Мы продолжаем наступать.

Ланефенуу мгновенно разгневалась:

— Для тебя гибель целого войска не неудача?

— Так, эйстаа. Ешь других, чтобы не съели тебя, так заведено в этом мире. Да, устузоу кусаются, но мы истребляем их поодиночке. Я говорила тебе, что они страшны, и не обещала, что потерь не будет.

— Действительно, так ты говорила. Но потом забыла сообщить число погибших иилане', позабыла перечислить, сколько потеряла уруктопов и таракастов. Я всяма недовольна, Вейнте'.

— Склоняюсь перед твоим гневом, сильная Ланефенуу. Твои слова верны. Я не стала называть тебе всех, кто умрет. Но теперь я скажу это, эйстаа.

Широко растопырив руки в жесте обобщения, Вейнте' назвала имя великого города.

— Икхалменетс умрет, все вы умрете, в город придет смерть, все вы обречены.

Советницы Ланефенуу в ужасе застонали, глядя в ту сторону, куда указывал палец: в сторону великой горы, потухшего вулкана, породившего этот остров, — видя и не желая видеть этот белый снег.

— Близится зима, эйстаа, и ей не будет конца. Скоро снег опустится на этот город и останется в нем. Тогда погибнет Икхалменетс.

— Не много ли ты берешь на себя? — крикнула Ланефенуу, вскакивая с жестом великого гнева.

— Я говорю только правду, великая Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, предводительница иилане'. Смерть идет. Икхалменетс должен отправиться в Гендаси, прежде чем это случится. Я тружусь, чтобы спасти город. Смерть сестер и зверей причиняет мне огромное горе. Но кто-то должен пасть, чтобы жили остальные.

— Почему же? Ведь мы владеем Алпеасак. В твоих отчетах говорилось, что он разрастается и скоро Икхалменетс сможет перебраться в Алпеасак. Если так — зачем все эти смерти?

— Мы должны погубить устузоу, чтобы они никогда уже не могли угрожать нам. Этого не будет, пока жив хоть один из них. Вспомни, что они сумели погубить и захватить Алпеасак. Это не должно повториться.

Тело Ланефенуу еще сотрясал гнев. И все же она тщательно обдумывала слова Вейнте', прежде чем ответить. Воспользовавшись недолгим молчанием, вперед шагнула Акотолп.

— Великая Ланефенуу, эйстаа окруженного морем Икхалменетса, могу ли я доложить тебе, что завершено, а что еще нужно сделать, чтобы Икхалменетс мог отправиться в Гендаси?

Ланефенуу еще более разозлилась, но тут же умерила свой гнев, понимая, что в этот день им ничего не добьешься. Вейнте' не тряслась перед ней от страха, как другие, и толстая ученая тоже. Усевшись, она знаком приказала Акотолп говорить.

— Животное, как и болезнь, нападает по-разному. И хорошая ученая обнаруживает причину болезни, а потом находит лекарство. Если способ нападения известен, второй раз оно не будет иметь успеха. Устузоу сожгли наш город. Теперь мы растим города, неподвластные огню. Устузоу нападали на нас по ночам, под покровом тьмы. Теперь сильный свет не дает им укрыться. Лианы и шипы убивают их.

Речь о былых успехах Ланефенуу пресекла пренебрежительным движением руки.

— Не нужно мне историй. Я хочу услышать о победе.

— Так и будет, эйстаа, она неизбежна. Напасть и убежать, укусить и скрыться — так делают устузоу, а медленное продвижение к обязательному успеху — путь иилане'.

— Слишком медленное!

— Достаточно быстрое, если впереди нас ожидает победа.

— Я не вижу победы в гибели моих иилане'.

— Мы учимся. Это не повторяется.

— И чему же вы научились? Мне известно, что все они погибли, укрывшись за вашей непроходимой защитой, все до единой!

Акотопп жестом согласилась, добавив знак силы разума.

— Пусть бегут глупые и трусливые фарги, пусть потом толкуют о невидимых устузоу. Это невежественные речи. Для науки нет секретов, которые нельзя было бы распутать с помощью упорства и наблюдательности. И мне понятно все, что делают устузоу. Я все изучила там, использовала зверей с тонким нюхом, чтобы выяснить, где прошли устузоу. И я поняла, как они попали в лагерь, обнаружила, где они проложили себе дорогу.

Вмиг позабыв о гневе, эйстаа выразила интерес и внимание. Вейнте' понимала, что делает Акотопп, и исполнилась благодарности к ней.

— Ты выяснила, как они пришли и ушли, — заметила Ланефенуу. — Но удалось ли тебе обнаружить дорогу, по которой смерть вошла за ночную ограду?

— Конечно же, эйстаа, этим низменным тварям никогда не удастся обмануть науку иилане'. Устузоу заметили, что наше войско обязательно останавливается ночевать на одном и том же месте. И поэтому до прихода отряда гнусные твари вырыли себе нору и затаились в ней. Так просто. Они не приходили к нам, иилане' сами явились к ним. В ночной тьме они вылезли наружу и стали убивать.

Ланефенуу была изумлена.

— Вот как они сделали? Неужели они настолько умны? Так просто и так коварно...

— Эти звери обладают известным рассудком, который нельзя недооценивать. И теперь этим способом им

уже не удастся добиться успеха. Наши отряды будут ночевать отныне в разных местах. У них будут животные, способные почуять логова и тайники и найти спрятавшихся врагов.

Слушая, Ланефенуу забыла о гневе, и Вейнте' воспользовалась переменной в ее настроении.

— Настало время, эйстаа, обратиться спиной к этой увенчанной снегом горе, время устремить свой взгляд к золотым берегам. Алпеасак очищен теперь не только от устузоу, но и от ядовитых растений, что изгнали тварей из города. Ограды города восстановлены, засажены растениями, которые нельзя поджечь. Устузоу бежали далеко, подступы к городу сторожит наше войско. Пора идти в Алпеасак, чтобы он вновь стал городом иилане'.

Услышав отрадные новости, Ланефенуу победно вскочила и радостно заскребла по земле когтями.

— Если там безопасно — мы едем.

Предостерегая, Вейнте' обратила к ней порозовевшие ладони.

— Это лишь начало, но еще далеко не конец. Чтобы город стал безопасным, необходима поддержка, росту города еще следует помочь. На целый Икхаалменетс там еще не хватит пищи. Это только начало. Ты можешь послать лишь один урукето с самыми толковыми фарги, самое большее — два.

— Пригоршня воды, а мне необходим океан, — с горечью отозвалась Ланефенуу. — Пусть будет так. Но как быть с устузоу?

— Считай их мертвыми, эйстаа, и выбрось из головы. Акотолп нужны некоторые припасы, я получу от тебя новых фарги. И тогда мы отплывем. Великой битвы не будет, но, подобно огромному удаву, мы медленно удушим свою жертву. Пусть сопротивляется — все равно ей конец. И когда мы увидимся в следующий раз, я доложу тебе, что все устузоу погибли.

Сев на хвост, Ланефенуу стала обдумывать сказанное, негромко постукивая остроконечными зубами в такт своим мыслям. Долго, слишком долго. Чересчур много смертей. Но есть ли иной способ? Кто сумеет заменить Вейнте'? Никто — ответ был очевиден. Кто еще так знает все повадки мерзких устузоу? Кто ненавидит их сильнее, чем Вейнте'? Да, она совершала

ошибки, но не фатальные. А устузоу следует гнать и убивать — в этом теперь она не сомневалась. Слишком ядовитые твари, чтобы их можно было оставить в живых. Вейнте' начала дело — она его и закончит. И пока левый глаз эйстаа смотрел на Вейнте', правый медленно обратился к снежной вершине горы.

Этой зимой снег впервые покрыл все луга, остановившись перед зеленым еще лесом. Уходить необходимо, прежде чем белизна эта доберется до города. Выбора не было.

— Ступай, Вейнте', — приказала она. — Бери все, что нужно, гони устузоу. Не хочу тебя более видеть, пока ты не принесешь мне весть о гибели устузоу. — Тут гнев ее вновь прорвался. — Но если они останутся живы, тогда умрешь ты. Обещаю. Ты поняла меня?

— Полностью, эйстаа. — Вейнте' излучала силу и уверенность. — Иного я не допущу. Мне все ясно. Если они не умрут, значит, умру я. Клянусь тебе своей жизнью. Ты возьмешь ее, если я потерплю поражение.

Ланефенуу ответила жестом согласия, к которому примешивалось и невольно высказанное восхищение. Вейнте' выполнит все, что следует.

Понимая, что настало время удалиться, Вейнте' повернулась и пошла прочь. Акотолп пытая поспешила за нею, стараясь не отставать от торопившейся Вейнте'. Она шагала навстречу судьбе.

К победе.

Глава сорок первая

Nangeguaqavog sitkasiagpai.

Важен путь, а не место, куда стремишься.

Пословица парамутанов

Решение было принято, и огонек безумия в глазах Керрика стал угасать. Ведь душу его терзал неразрешимый внутренний конфликт. Да, они с Армун в безопасности, но по ту сторону океана остались обреченные на смерть саммады. Тану и саску. И чем лучше ему — тем хуже всем остальным. В этом он винил себя, видя в Вейнте' демона смерти, которого невольно выпустил на свой народ. Он был уверен и не испытывал даже доли сомнения, что она губит тану с одной только целью — убить именно его. Ответственность лежала на нем. А он сбежал. И только теперь остановился. Как затравленный зверь, собиравшись он броситься в атаку и не раздумывая — останется ли в живых или умрет. Он знал одно — надо кидаться, рвать и терзать.

Армун же, напротив, была почти уверена в неудаче. Когда она видела его над картами, она всякий раз надеялась, что отыщется другой путь. Но его не было, и она знала об этом. Придется плыть на юг — в неизвестное. Иначе — если они останутся здесь — Керрик просто сойдет с ума. Теперь он повеселел, иногда даже улыбался, сравнивая по разным картам тот путь, что им предстояло пройти.

Будущее было неясно и темно, но Армун не жалела о своем выборе. Керрик наполнил ее пустую жизнь,

спас от одиночества, увел из жизни, которую нельзя было считать жизнью. Он был не таким, как другие охотники, он мог делать то, на что они не были способны. Он вел их, — а они шли следом, — к победе над мургу. Но, разрушив город ящеров, охотники покинули его. Она знала, как это случилось, и теперь следовала за ним повсюду. Единственный воин в его войске. Впрочем, нет, не единственный, был еще низкорослый парамутан, умевший видеть мудрость в безумии, не боявшийся плыть сквозь пургу по зимнему морю.

Калалекв был счастлив. Распевая охотничьи песни, он накрепко зашил парус, где тот прохудился. Потом заткнул щели в корпусе лодки. А после проконопатил швы. Самым опасным будет начало путешествия на юг, поэтому надо предусмотреть все. Он уложил съестные припасы, прочно привязал их вместе с запасом воды. Кто лучше его знает, на что способна зимняя буря? Он возьмет с собой два насоса, — если один-единственный смочет за борт, их ждет верная смерть. Как весело! Работая, он смеялся, стараясь не обращать внимания на зависть и ревность в глазах парамутанов. Вот это будет путешествие!

Но, когда все приготовления были завершены, пришлось ждать, ибо всюду дули зимние ветры, заметая паукаруты снегом. Были метели. Оставалось ждать. Каждый день промедления повергал Керрика в глубокое уныние, ему с трудом удавалось справиться с собой, ведь ничего сделать было нельзя. Завершив работу, Калалекв отсыпался, копил силы. Спокойная решимость Армун успокаивала метавшегося Керрика. Они отплыли, как только погода хотя бы немного исправится.

Однажды, проснувшись, Керрик почувствовал, что ветер, столько дней терзавший крыши паукарутов, утих. Наступила тишина. Калалекв развязывал шнурки полога, снаружи пробивался яркий солнечный свет.

— Какая погода! Как здорово!

— Значит, плывем?

— Немедленно! Сейчас же! Не теряя ни минуты!

Дух ветра велит нам отправляться в путь, пока он отдыхает. Скоро он вновь соберется с силами, и мы должны постараться покинуть залив, не дожидаясь его возвращения. В лодку!

Буря утихла, и всем стало ясно, что долго откладывавшийся поход начался. Паукаруты опустели, с криками и смехом толпа окружила лодку. Ее извлекли из-под снега и на руках дотащили до воды. Могучие валы разбивались о берег, вздымая облака водяной пыли и далеко забегая на сушу. Громкие споры о том, как спустить лодку на воду, быстро закончились. При всеобщем согласии добровольцы на руках внесли лодку в прибой и удерживали там, хохоча и вопя всякий раз, как их окатывало холодной волной. Посадив троих путешественников на плечи, провожавшие мгновенно донесли их до лодки. Калалекв поднял парус в тот миг, когда последний из них оказался на борту. Лодка двинулась в море, а провожавшие под натиском волн отступили к берегу и, корчась от смеха, повалились на влажный песок. Армун только дивилась — она так и не могла до конца понять этих странных мохнатых охотников.

Ветер дул в основном с запада, и приходилось лавировать, чтобы продвигаться на юг и на запад. Калалекв знал, что к югу от них берег идет прямо от востока на запад и они не сумеют обогнуть крайний мыс, если будут держаться возле земли. Поглядывая на парус и на небо, он уводил шаткое маленькое суденышко подальше от берега.

Морская болезнь сразу же сразила Армун, и та отлеживалась на дне, покрываясь потом под мехами, которыми была укрыта. Керрику на этот раз волны были нипочем, и он помогал парамутану у паруса. Он улыбался и даже хохотал вместе с парамутаном, брызги замерзали на его шевелюре и бороде. Калалекв вполне разделял его энтузиазм, и только Армун понимала тот риск, на который они пошли, безумие их попытки. Но возвращаться не только поздно — невысказанно.

Хорошая погода — легкий ветер и чистое небо — продержалась два дня. А когда возвратилась буря, она была не так свирепа, как прежде. Они плыли три дня, наконец лед на снастях стал таким толстым, что пришлось высаживаться на берег, чтобы как следует сколоть его. Они вытащили лодку из воды подальше и, отбив лед, уселись у костра, разожженного Керриком,

чтобы согреться и высушить насквозь промокшую одежду.

Мимо пристанища мургу они прошли в бурю и ничего не видели на берегу. Да они и не надеялись увидеть этих теплолюбивых тварей зимой, в ледяном северном море. Буря постепенно ослабевала, и лодочка медленно и упорно двигалась к югу вдоль скалистого побережья.

По утрам судно окутывал туман, а моросивший мелкий дождик заставлял путешественников мерзнуть сильнее, чем северные метели. Впереди из тумана выступил скалистый мыс; подгоняемые течением и ветром, они быстро приближались к нему. Нервно кусая губу, Керрик поглядывал то на карту, то на берег. Наверняка. Сомнений почти не было. Быстро повернувшись, он крикнул Калалекву:

— Возьми покруче на запад! Я уверен, что мы приближаемся к Генагле. Сильное течение может занести нас во внутреннее море.

— Неужели мы уже добрались? Изумительно! — восхитился Калалекв, с хохотом навалившись на рулевое весло и закрепив его, чтобы перевязать парус. — Вот посмотрю теперь: целый новый мир — и кругом одни мургу. А они тоже плавают в этих водах?

— Думаю, что не в это время года. Но когда мы пересечем устье Генагле, то подойдем к огромному Энтобану, где всегда тепло. Тогда нам придется соблюдать осторожность.

Мургу, иилане' — слова путались в его голове. Остров уже недалеко. И скоро он нападет на мургу, как они напали на тану, с другой стороны океана. Может быть, даже сегодня.

— Они же не вступают в бой, — гневно скалясь, сказал Херилак, — они не нападают, а, когда мы приближаемся, просто прячутся за своими ядовитыми стенами, где мы их не можем достать.

— Это мургу, и не стоит надеяться, что они будут воевать, как тану и саску, — ответил Саноне, вороша палкой костер.

Холодный ветерок унес вдаль взлетевшие искры. В зимние ночи даже в защищенной от ветра долине было прохладно, а тело его уже немолодо и не так тепло, как раньше. Потуже запахнувшись в плотную одежду, Саноне оглядел спящих. Бодрствовали только они с Херилаком.

— Они учатся, эти мургу, — с горечью вымолвил Херилак. — Прежде мы могли спокойно бить их по ночам, разить копьем и резать ножами. Но теперь к ним не подобрешься ни днем, ни ночью. Они отсиживаются в укрытиях и делают переходы, лишь когда нас нет поблизости. И продвигаются вперед... медленно, но все ближе и ближе.

— Как далеко они от нас сегодня? — осведомился Саноне.

— Они окружают нас со всех сторон. Их еще не видно, но они крутом в четырех днях пути в любую сторону. В этом кольце есть разрывы, мургу наступают отдельными отрядами, но войско их стало неуязвимым. Когда мы нападаем на них, они прячутся за стенами и не трогаются с места. Но тем временем остальные подступают все ближе и ближе. И наступит день, когда все они окажутся здесь, охватят кольцом долину, и тогда нам придет конец.

— Надо уходить, пока из ловушки есть выход.

— Куда? — сверкая глазами в свете костра, возразил Херилак. — Разве от них спрячешься? Ты мандукто саску, тебе повинуются охотники и женщины. Знаешь ли ты место, куда можно увести их?

Поколебавшись, Саноне проговорил:

— На запад через пустыню. Говорят, что за ней есть вода и зеленая трава.

— Ты хочешь вести туда саску?

Затрепав огонь, в костре упало полено, и Саноне ответил не сразу.

— Нет, я не хочу уводить их из долины. Мы всегда жили здесь. И, если нам суждено умереть, мы умрем здесь.

— Я не хочу умирать, но я устал все время бежать. И мой саммады тоже. Если они решат, я уведу их отсюда, но сомневаюсь, чтобы они решились на новый поход. Время бегства миновало. Рано или поздно при-

дется остановиться и лицом к лицу встретить мургу. Пусть это случится скорее. Все мы устали.

— Вода в реке опустилась. Обычно дожди в горах в это время года наполняют ее до краев.

— Утром я возьму охотников, мы разведем, что случилось в горах. Тебе не кажется, что это работа мургу?

— Не знаю. Но мне страшно.

— Всем нам страшно, мандукто. Мургу приближаются словно зимняя метель — кто может остановить бурю? Одна из женщин заметила на краю обрыва зеленые лианы. Она не стала к ним подходить, потому что они выглядели как те, что в ядовитой ограде мургу.

— Утесы высоки.

— Но лианы быстро растут. Когда я сплю, мне уже снится смертная песня. Знаешь ли ты, что это значит?

Саноне ответил холодной и мрачной усмешкой.

— Могучий Херилак, смысл своего сна ты знаешь и без толкований мандукто. Я тоже слышу смертные песни.

Херилак упрямо взглянул на звезды.

— Родившись, мы сразу начинаем умирать. Я знаю — моему тхарму суждено оказаться там, между ними. Но не холодный ветер, а приближение нового дня заставляет меня ежиться. Неужели мы ничего не сможем сделать?

— Керрик вел нас в бой с мургу и привел нас к победе.

— Не называй мне этого имени. Он ушел и оставил нас погибать. Он не поведет нас больше.

— Он оставил тебя или ты его, о могучий Херилак? — негромко спросил Саноне.

Вспыхнув, Херилак начал было сердитые речи, но сразу умолк. Воздев к небу руки, он сжал кулаки и вновь опустил их.

— Если бы слова эти сказал охотник, осмелившегося на дерзость я ударил бы этой рукой. Но не тебя, Саноне, ведь ты видишь насквозь всех нас, понимаешь тайные думы. После гибели моего саммада во мне уживаются два человека. Один вечно кипит гневом и жаждет лишь смерти врагов, отвергая советы, забывая всякую дружбу. И когда Керрик нуждался в помощи,

этот Херилак оставил его одного. Так было. Но теперь, окажись он здесь, у меня нашлось бы для него иное слово. Но он ушел на север и погиб там. А теперь мы оказались в этой долине, где повсюду нас окружают мургу. Гнев мой стал утихать, и я вновь чувствую себя тем, кем был прежде. Может быть, слишком поздно.

— Никогда не поздно избрать верный путь, ведущий к Кадайру.

— Я не знаю Кадайра. Но искорку, ставшую моим тхармом, раздул Ерманпадар. И скоро мой тхарм засияет среди прочих звезд.

— Да, путь наш впечатан в скалу. Нам остается только следовать ему.

Огонь утас, остались тлеющие угли. Холодное дуновение с севера пронеслось над долиной. В ясном ночном небе ярко горели звезды. Тану и саску спали, а мургу с каждым днем подступали все ближе. Глянув на склонившуюся голову Херилака, Саноне подумал: останется ли в этой долине хоть один живой человек, когда зеленые ростки весной пробьют землю?

Глава сорок вторая

Еле заметный в сгущающихся сумерках берег Энтобана далекой тенью чернел на западном горизонте. Когда волна поднимала лодку, становились видны снежные вершины далеких гор, покрасневшие в свете заката.

Взглянув на Калалеква, скорчившегося у рулевого весла, Керрик снова заговорил, осторожно выбирая слова и стараясь не разгневаться:

— Вода почти кончилась...

— Я не хочу пить.

— А я хочу. И Армун тоже. Надо выса-
диться на берег и наполнить мехи.

В сумеречном свете Керрик заметил, как по коже Калалеква пробежала волна и шерсть встала дыбом. Тот давно сбросил всю одежду, тогда как для тану едва потеплело.

— Нет, — ответил Калалекв и задрожал. — Это страна мургу. Я видел их. Я убивал их. И не хочу больше видеть. Жарко. Повернем на север.

Он толкнул рулевое весло, — подчиняясь движению, лодка повернула, парус обвис. Вспыхнув, Керрик поднялся, чтобы уйти на корму, но руки Армун задержали его.

— Дай я, — шепнула она на ухо Керрику. — Споры не помогут — видишь, какой он стал.

— Ну говори. — Он отбросил ее руку и принялся возиться с парусом. — Только убедил его в том, что нам нужна вода.

Шерсть на теле Калалеква взъерошилась, когда Армун мягко погладила его по плечу.

— Воды много, — пробормотал он.

— Ты знаешь, что это не так. Она скоро кончится, так что все равно придется высаживаться.

— Высадимся на островах... повернем обратно, только не надо на этот берег.

Она вновь погладила и, словно ребенку, сказала:

— Но мы же не знаем, сколько еще осталось до островов, нам нельзя поворачивать. Дух ветра рассердится. Ведь он все время помогал нам попутными ветрами.

— Но не сегодня и не вчера.

— Значит, он услышал тебя и рассердился.

— Нет.

Калалекв теснее прижался к ней и запустил руки под ее меховую одежду на спине. На этот раз она не стала отодвигаться. В темноте Керрик не заметит. А им нужно высадиться на берег, наперекор всем страхам Калалеква. Теперь уже не Керрик беспокоил ее — путешествие на юг, казалось, прогнало все темные мысли из его головы, которые словно перебрались в череп парамутана. Теперь ей приходится подбадривать его, поддерживать в парамутане уверенность в себе. Она умела это делать. Охотники парамутанов и тану были одинаково скоры в гневе, свирепы в битвах и подвержены настроениям. Но ей приходилось терпеть. И покорно идти следом — или брать на себя роль сильного, когда нужно. Теперь парамутан нуждался в ее поддержке не меньше, чем Керрик совсем недавно. Но он хотел большего. Руки его гладили ее по спине, потом скользнули вниз... она отодвинулась.

— Калалекв не боится огромного уларуаква, который плавает в северных морях, — сказала она. — Он самый могучий охотник, и сила его рук кормит всех нас.

— Да, — согласился он и вновь потянулся к ней.

Она опять отодвинулась.

— Калалекв убивает уларуаква, он убивает и мургу. Я видела, как он убивает мургу. Он могучий победитель мургу!

— Да... — Он повторил громче: — Да! — и словно ударил невидимым копьём. — Я убивал их, я убивал их этой рукой!

— Значит, ты не боишься их, а если увидишь, то опять убьешь.

— Конечно! — Настроение его под влиянием Армун резко переменилось, Калалекв ударил себя в грудь кулаком. — Нужна вода — плывем к берегу! Может быть, удастся и мургу заколоть.

Понюхав ветер, он плюнул в сердцах и, все еще ворча, достал весла и вставил в уключины.

— Ветра мало, ниже парус. Я покажу, как надо грести.

Но его ждала неудача.

Почти сразу он стал задыхаться, шкура его взмокла от пота. Тогда он перестал грести и жадно допил остатки воды, которую Армун поднесла ему к губам. Место на веслах занял Керрик, и суденышко неторопливо двинулось к берегу. Калалекв забылся беспокойным сном, оставалось надеяться, что он проснется в бодром настроении.

Ночь была тихой и теплой, звезды прятались за низкими облаками. Когда Керрик выдохся, Армун сменила его — земля становилась все ближе. Свет призрачной луны в дымке среди облаков не позволял им терять берег из виду. Калалекв спал, а Армун и Керрик сменяли друг друга, пока наконец издалека до них не донесся шум прибоя. Керрик встал на носу иккергака и разглядел впереди полосу пены, там, где волны набегали на берег.

— Вроде бы пляж, скал не видно, и волны невысоки. Пойдем прямо туда?

— Буди Калалеква, пусть он решит.

Парамутан мгновенно проснулся, к счастью, не отягощенный прежними страхами.

Он вскарабкался на мачту повыше, понюхал воздух, потом спустился и поболтал рукой в море.

— Высаживаемся, — решил он. — Гребите прямо, я буду править.

Когда они подошли к берегу ближе, парамутан заметил устье неширокой речушки, впадавшей в море, и направил лодку прямо между песчаными берегами.

— Никто так не знает лодки, как Калалекв! Никто так не знает моря, как Калалекв!

— Никто, — торопливо согласилась Армун, чтобы Керрик не успел каким-нибудь неосторожным словом

нарушить вновь обретенное парамутаном уважение к себе.

Керрик открыл уже рот, но вовремя спохватился. Он греб, пока лодка не коснулась речного дна, потом выпрыгнул и потянул ее на берег за привязанный к носу линек.

Сначала вода была солона, но чуть выше по течению она стала прохладной и пресной. Керрик попил, черпая воду ладонями, потом позвал остальных. Калалекв с наслаждением погрузился в благодатную прохладу, забыв про все прежние страхи. Затащив лодку подальше на берег, они привязали ее и, окончательно обессилев, рухнули на землю и заснули. Наполнить мехи водой можно и утром...

На рассвете Керрик потянул Армун за руку.

— Просыпайся. Быстро!

Калалекв лежал за дюной, стискивая в руке копье. Он что-то громко и злобно выкрикивал, стараясь, чтобы его не было видно с моря. Они подбежали к нему и, припав к земле, выглянули из-за песчаного гребня.

Мимо них, совсем неподалеку, величаво скользило огромное животное с высоким плавником. Впереди плыли две морские твари поменьше.

— Урукето, — проговорил Керрик. — Он несет мургу.

— Будь они поближе, всех сразил бы своим копьем, — бушевал Калалекв. Глаза его налились кровью. Он был настроен воинственно: вчерашние страхи забылись.

Взглянув на солнце, потом вновь на море, Керрик проговорил:

— Видишь, куда они плывут? На север, прямо на север!

Он следил за урукето, пока тот не исчез из виду, потом торопливо направился к лодке и достал со дна карты иилане'.

— Мы слишком далеко забрались на юг. Мы сейчас здесь, если верить карте. А урукето плывет на север, к тем самым островам.

Калалекв разбирался в картах, Армун нет. Решать мужчинам.

— Что если через этот пролив они уйдут в океан? — спросил Калалекв.

Керрик покачал головой.

— Не в это время года, сейчас слишком холодно. Может быть, на берегах Исегнета не осталось ни одного города. Наверное, они плывут в Икхалменетс.

Пока они спорили, Армун набрала воды в мехи.

Вскоре они уже погрузили всю воду и выбрали курс. Они отправятся следом за плавучей тварью мургу. Мужчины решили, что острова, которые они разыскивают, лежат именно в этом направлении. С берега дул легкий бриз, и парус нес кораблик к горизонту, за которым лежало неведомое.

Весь день они плыли по пустынному океану, суша позади исчезла из виду, впереди ничего еще не было видно. Страхи Калалеква вернулись, и Армун попросила рассказать, как он убивал уларуаква, и, забыв про все, парамутан принялся демонстрировать свою сноровку, то и дело принимаясь радостно хохотать. Молчаливый Керрик смотрел вперед с носа лодки и первым заметил показавшуюся из воды снежную шапку на вершине горы.

— Вот он, Икхалменетс, иного не может быть.

Они молча глядели вперед, и остров медленно выплывал из моря. Калалекв озабоченно крутил головой, показывая на появлявшиеся из воды пятнышки суши.

— Вон, вон и вон. Столько островов, их больше одного. Как узнать, какой именно нужен нам?

Керрик показал на снежную гору, теплым светом сверкавшую под лучами заката.

— Вот она, ее не с чем спутать, такой ее описывали мургу. Это остров, посреди которого поднимается огромная гора. Рядом есть и другие острова, но этот самый большой и высокий. Правь к нему!

— Мы пройдем мимо другого острова, нас заметят.

— Нет, они необитаемы. Здесь мургу живут в одном огромном стойбище, в городе, который лежит на этом острове. Туда мы и направляемся.

— Навстречу своей смерти! — громко вскричал Калалекв, выбивая зубами дробь. — Мургу нет числа. А нас трое. Что мы сможем сделать?

— Мы можем победить их, — произнес Керрик сурово и уверенно. — Я плыл в такую даль не затем, чтобы умереть. Я думал. Я думал и думал. Я продумал все до мельчайших подробностей. Мы победим, — потому что я знаю все слабости этих созданий. Они не похожи на тану и парамутанов. Они живут не так, как мы, и во всем повинуются приказу начальниц. Они не такие, как мы.

— Мой лоб — толстый. Я слушаю и не понимаю.

— Слушай, и ты поймешь, что я имею в виду. Скажи мне о парамутанах. Скажи мне, Калалекв, почему именно ты убиваешь уларуаква, а не другой охотник?

— Потому что я лучший! Самый сильный и меткий!

— Но другие тоже могут убивать уларуаква?

— Конечно. Если охота пойдет иначе или с другого иккергака...

— А вот тану слушают своих саммадаров. И когда им что-то не нравится, они говорят: пойдем искать другого саммадара. Так же, как вы можете выбирать лучшего гарпунщика.

— Зачем выбирать? Я — самый лучший.

— Я знаю, что это так, но сейчас говорю не об этом. Я говорю о том, как живут парамутаны и тану. Мургу живут иначе. У них есть такая, которая приказывает всем остальным. Она одна, но ее приказам все повинуются и никогда не оспаривают их.

— Глупо, — отозвался Калалекв, стараясь поймать в парус изменившийся ветер.

Керрик кивнул.

— Это ты так думаешь, и я тоже. Но мургу вовсе не размышляют об этом. Одна правит, а все остальные повинуются.

— Глупо.

— Именно. Но это и поможет нам. Я буду говорить с самой главной, я прикажу ей делать так, как следует...

— Не надо! — крикнула Армун. — Ты не пойдешь туда. Это же верная смерть.

— Нет, если вы оба сделаете то, о чем я вас попрошу. Дело не в мургу, дело в предводительнице, которую они называют эйстаа. Я знаю, о чем она думает и как заставить ее покориться. Мы воспользуемся огнем, —

он поднял огненную коробочку саску, — и ядом для ловли уларуаква, который взял с собой Калалекв.

Армун глядела то на Керрика, то на коробочку.

— Не понимаю... Ты смеешься надо мной. — И она машинально вновь прикрыла рот уголком воротника.

— Нет, что ты. — Он положил коробочку, бросился к ней и, откинув шкурку с лица, нежно тронул ее губу, утешая и успокаивая. — Все будет хорошо.

Они подошли к острову так близко, как только осмелились в сумерках, потом спустили парус и стали ждать. Облаков не было, и снег на вершине горы искрился в лунном свете. Керрик стал поднимать парус, но Калалекв воспротивился.

— Нас заметят, если мы подойдем поближе!

— Сейчас они спят, все спят. Я же говорил тебе, что знаю их повадки.

— А охрана?

— Это невозможно — после наступления темноты никто не шевельнется.

Калалекв неохотно тронул кораблик вперед, в его движениях не было уверенности. Остров приближался, лодка тихо скользила на юг вдоль берега.

— А где находится это место? — прошептал Калалекв, словно на берегу могли услышать его.

— На берегу, чуть к северу отсюда.

Скалистое побережье сменилось песчаными пляжами, за которыми виднелись рощи деревьев. Береговая линия изогнулась, открывая вход в гавань, в которой на фоне светлых деревянных причалов застыл целый ряд темных силуэтов.

— Это, — сказал Керрик, — их живые иккергаки, вроде того, что мы видели. Вот и город. Считай, что я знаю его, все они выращены на один манер. Тут родильные пляжи, прямо за городской стеной, потом амбесид, открытый лучам утреннего солнца так, чтобы эйстаа, восседая на почетном месте, первой встречала его теплые лучи. Это Икхалменетс.

Его речь Армун не понравилась: Керрик издавал какие-то странные звуки и дергался. Она отвернулась, но Керрик окликнул ее.

— Видишь сухое русло, выходящее в океан? Тут мы высадимся, тут и встретимся. Правь к берегу, Калалекв.

Высаживаемся, здесь удобно — и недалеко от города, и не за его стеной.

Берег был покрыт песком и глиной, смытыми с горы ливнями во время сезона дождей. Лодка уткнулась носом в берег, покачиваясь на невысоких волнах.

— Здесь мы проведем большую часть ночи, — сказал Керрик. — Только выйти придется задолго до рассвета. Армун, ты останешься здесь, дождешься, когда рассветет, и попытаешься забраться повыше.

— Я могу идти и в темноте, — возразила Армун.

— Нет, это опасно. У тебя хватит времени, но придется забраться как можно выше. Приготовишь все, что я велел.

— Сухие сучья для большого костра и зеленые листья для дыма.

— Помни, подкидывать в костер листья начнешь, когда солнце на две ладони поднимется над океаном. Разведи костер побольше, пусть угли раскалятся добела. Потом сразу завалишь его листьями, чтобы было побольше дыма. А потом спустишься сюда, к Калалекву. Он будет ждать здесь. Я пойду вдоль берега и скоро вернусь. Все понятно?

— По-моему, все это безумие, и я безумно боюсь.

— Не бойся. Все будет, как я задумал. Если ты сделаешь все правильно, я буду чувствовать себя в безопасности. Но ты должна делать все точно, как я велел. Ни раньше, ни позже. Понятно?

— Я поняла.

Керрик казался таким чужим, в холодном голосе звучали нотки мургу. Он и думал, как они, и действовал точно так же. Он требовал от нее только повиновения. Пусть будет так... Только бы скорее все кончилось. Мир — пустынное место.

Она задремала в покачивавшейся на волнах лодке, проснулась от храпа Калалеква и снова уснула. Керрик не мог спать. Широко открывшимися глазами он смотрел на медленно двигавшиеся звезды. Скоро встанет утренняя звезда, предвещающая рассвет. К ночи все будет кончено. Сам он может и не дожить до вечера. Он понимал это. Риск был невероятно велик, а победа не сулила столь блестящих перспектив, которые наобещал он Армун. На миг Керрик пожалел, что оставил засне-

женные берега, уютное становище парамутанов. Он отбросил эти мысли прочь, припоминая, словно со стороны, словно это было не с ним, ту тьму, в которой он жил так долго. Слишком многие уживались в нем: и тану, и иилане', саммадар и боевой предводитель. Он сжег Алпеасак, потом попытался удержать его, но оставил в руках иилане'. А потом бежал от всего. Теперь он понимал, что, возможно, бежал от самого себя. Все умещалось в его голове. И теперь он поступал правильно. Единственно правильно. Саммады нужно спасти. И лишь он в целом свете способен на это. Все его усилия должны были привести его сюда в этот город. Он сделает то, что должен сделать. Звезды поднялись над горизонтом, и он стал будить спутников.

Армун молча побрела к берегу. Ей столько нужно было сказать Керрику, что проще было не говорить ничего. Остановившись по колено в воде и обернувшись, она прижала к себе коробочку, глядя, как исчезает во тьме силуэт лодки. Луна уже села, и в свете звезд она уже не видела Керрика. Только черное пятно, исчезавшее во мраке... Она отвернулась и снова побрела к берегу...

— Мертвые мы, мертвые, — стуча зубами, бормотал Калалекв. — Сейчас нас сожрут огромные мургу.

— Бояться нечего. Ночью они спят, — успокаивал его Керрик. — Теперь высаживай меня на берег — скоро рассвет. Ты помнишь, что должен сделать?

— Помню, ты говорил.

— Я повторю еще раз, чтобы не вышло ошибки. Ты уверен, что яд, предназначенный для уларуаква, может убить одно из этих существ?

— Считай их мертвыми. Они не больше уларуаква. Один мой удар — и смерть им.

— Сделай же это быстро, сразу, как только я выберусь на берег. Убей их, но только двух, не более. Запомни, это очень важно. Пусть умрут двое.

— Они умрут. Иди... Иди же!

Керрик еще не добрался до сухого песка, а лодка уже быстро отплыла от берега. Над горизонтом, в светлеющем небе горела утренняя звезда. Время пришло. Сняв меховую одежду и кожаные поножи, он остался в кожаной набедренной повязке. Копье оста-

лось в лодке, он был безоружен. Тронул металлический нож на груди — гупой, всего лишь украшение.

Подняв голову и расправив плечи, слегка растопырив локти с высокомерием, подобающим высшей, в полном одиночестве он двинулся вперед, в город Икхалменетс, город иилане'.

Глава сорок третья

Ninlemeistaa halmutu eisteseklem.

Выше эйстаа только небо.

Алофегма иилане'

Громкие крики разбудили Ланефенуу, мгновенно повергнув в ярость. Прозрачный диск в крыше ее опочивальни едва посветлел, рассвет только начинался. Кто же осмелился издавать подобные звуки на амбесиде? Это был возглас, призывающий к вниманию, громкий и надменный. В один миг она вскочила на ноги и, оставляя когтями глубокие борозды в полу, потопала к выходу.

Посреди амбесиды стояла какая-то странная иилане', уродливая и непонятного цвета. Заметив Ланефенуу, она выкрикнула (немного неразборчиво из-за отсутствия хвоста):

— Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса! Иди сюда, чтобы я могла говорить с тобою!

Явное оскорбление — Ланефенуу зарычала от ярости. Первые лучи солнца упали на землю, и она застыла, изогнув от удивления хвост. Говорят только иилане', но это...

— Устузоу! Откуда?

— Я Керрик. В великой силе и гневе.

Онемев и не веря своим глазам, Ланефенуу шагнула вперед. Это был устузоу, с отвратительно бледной шкурой, посередине его тело охватывали меха, на лице и голове тоже была шерсть. Металлическое кольцо блесло на шее. Керрик-устузоу, таким и описывала его Вейнте'.

— Я пришел с предупреждением, — с оскорбительной надменностью объявил устузоу.

Гребешок на голове Ланефенуу мгновенно вспыхнул гневом.

— Предупреждать? Меня? Устузоу, ты ищешь смерти?

С угрозой в каждом движении она шагнула вперед, но замерла, когда он ответил жестом уверенности-разрушения.

— Я несу смерть и боль, эйстаа. Смерть уже явилась сюда, и она не уйдет, если ты не выслушаешь меня. Смерть двойная. Дважды смерть.

У входа в амбесид что-то шевельнулось, Керрик и Ланефенуу разом обернулись: появилась какая-то иилане', ее рот был широко открыт.

— Смерть, — объявила пришедшая с теми же знаками силы и крайней спешки, которыми воспользовался Керрик.

Онемев от неожиданности, Ланефенуу села на хвост, пока иилане', жестикулируя, делилась новостью.

— Послана Муруске... срочное известие. Урукето, которым она командует, — смерть. Он погиб этой ночью. И еще один урукето. Он мертв. Двое мертвых.

Стон вырвался из уст Ланефенуу. Она сама командовала урукето, и всю жизнь посвятила этим гигантам, и столько жила среди них... город ее гордился числом и умением урукето. И теперь. Двое. Погибли. Страдая, она повернулась к огромному изображению урукето, к своей собственной персоне, видневшейся на плавнике. Две смерти. Так говорит устузоу. Она медленно обернулась к ужасной твари.

— Двое мертвых, — подтвердил Керрик со знаком, изображавшим крайнюю жестокость. — Поговорим теперь, эйстаа...

Жестом он отпустил вестницу, и та послушно затопилась к выходу. Но и это присвоение ее полномочий, допущенное на ее глазах, не могло вывести Ланефенуу из состояния глубокой скорби, в которую повергла ее весть о невозполнимой потере.

— Кто ты? — спросила она, скорбь мешала точности речи. — Что тебе нужно?

— Я Керрик-высочайший, я — эйстаа всех тану, которых иилане' зовут устузоу. Я принес тебе смерть. А теперь могу дать жизнь. Это я приказал убить урукето. Повинующиеся мне исполнили приказ.

— Почему?

— Почему? Ты осмеливаешься спрашивать почему? Ты, которая послала Вейнте' убивать тех, кем я правлю, гнать их и убивать, убивать без конца. Я объясню тебе, почему погибли урукето. Одного убили, чтобы показать тебе мое могущество, — показать, что я могу делать все, что захочу, и сразить любого, кто помешает мне. А другого убили, чтобы ты не подумала, что смерть урукето — случайность. Две смерти сразу — это не несчастный случай. Я мог бы убить их всех. И я сделаю это, чтобы ты поняла, кто я, узнала мою силу и сделала то, что я требую от тебя.

Голос его потонул в гневном реве Ланефенуу. Выставив когти и оскалив зубы, она шагнула вперед. Но Керрик не шевельнулся, отвечая с надменностью и высокомерием:

— Убей меня — ты будешь жива. Убей. И тогда все твои урукето погибнут. Этого ли ты хочешь, эйстаа? Смерти всех урукето, смерти города? Если хочешь этого — убивай поскорее, прежде чем успеешь подумать и изменить решение.

Привыкшая повелевать Ланефенуу содрогалась всем телом: ей, распоряжающейся жизнью и смертью иилане', приказывает устузоу! Чтобы устузоу смел обращаться к ней подобным образом! Она теряла власть над собой.

Керрик не смел сделать даже шага назад или изменить надменной позы. Миг слабости — и она разорвет его в клочья. Может быть, он переусердствовал, — но выбора у него не было. Он мельком глянул на горный склон над городом.

— Вот что еще я хочу сказать тебе, эйстаа, — проговорил он, чтобы не позволить ей отвлечься, не дать возможности страстям одолеть в ней разум. — Великий город Икхалменетс, жемчужина среди городов иилане', окруженный морем Икхалменетс. Ты есть Икхалменетс, и Икхалменетс — это ты. Твоя забота и награда одновременно. Ты правишь здесь.

Он вновь взглянул на склон. Над ним показалось облачко... или это дым? Да. Дым. Вырывая когтями клочья земли, Ланефенуу подступала все ближе и ближе. Он громко выкрикнул, чтобы она расслышала его сквозь гнев.

— Ты есть Икхалменетс, но сейчас Икхалменетс погибнет! Погляди вверх на склон. Видишь? Это не облако. Знаешь, что такое дым? Дым бывает от огня, а огонь сжигает, разрушает и жжет. Огонь погубил Алпеасак и все живое в нем. Тебе это известно. Теперь я принес огонь в Икхалменетс.

Ланефенуу оглянулась и, заметив дым, застонала, словно от боли. Высокий столб дыма клубился над склоном. Керрик снова потребовал внимания. Одним глазом она следила за дымом, другим уставилась на Керрика.

— Я пришел в твой окруженный морем Икхалменетс не один. Пока я восходил на амбесид, мои воины сразили урукето. И теперь они окружают вас повсюду, ведь устузоу — повелители огня. И он уже наготове, все лишь ждет моего сигнала. Если я дам его — гореть будет Икхалменетс, если погибну или получу рану — гореть будет Икхалменетс. Выбирай — и быстро, ведь огонь жаден.

Яростный вопль Ланефенуу захлебнулся мукой. Она покорила и, бессильно свесив руки, села на хвост. Главное город, главное урукето. Зачем ей жизнь этого животного, если умрет Икхалменетс.

— Чего ты хочешь? — спросила она, не униженно, но в слабости признавая свое поражение.

— Я хочу для моих тану того же, чего ты хочешь для своих иилане'. Возможности спокойно существовать. Ты выгнала нас из Алпеасака. Ты со своими иилане' и фарги останешься в нем, ведь это город иилане'. Никто не станет вредить вам. Я вижу снег над головой, что с каждым годом опускается все ниже. Прежде чем снег придет и сюда, Икхалменетс должен уйти в Алпеасак и спокойно жить под теплым солнцем. Пусть Икхалменетс живет там. Но пусть живут и мои устузоу. Даже теперь Вейнте', повинаясь твоему приказу, гонит их и убивает. Останови ее, прикажи вернуться, прикажи прекратить побоище. Сделай это, чтобы жил Икхалме-

нетс. Мы не хотим чужого. Пусть твой город будет твоим городом. Нам нужны только наши жизни. Останови Вейнте'. Сделаешь это — и Икхалменетс и все твои иилане' будут жить в завтрашнем завтра, как во вчерашнем вчера.

Ланефенуу, не шевелясь, погрузилась в долгие раздумья, пытаясь найти выход из лабиринта противоречивых мыслей. Наконец она пошевелилась, сила вернулась к ней, и властным голосом она проговорила:

— Пусть так. Вейнте' остановится. Причины громить мир устузоу у нее нет. Я позову ее. И ты уйдешь отсюда. Будешь жить в своем месте, а мы у себя. Я не хочу более ни говорить с тобой, ни видеть тебя. Я бы хотела, чтоб яйцо, из которого ты вышел, лопнуло под ногой и ты никогда не появился бы на свет.

Керрик ответил жестом согласия.

— Но ты должна сделать еще кое-что, если хочешь остановить Вейнте'. Ты знаешь ее, знаю и я. Она может не подчиниться твоему приказу. Разве не так?

— Может, — сурово ответила Ланефенуу.

— Значит, ты должна отправиться к ней. Найти ее и приказать возвращаться. Тогда она остановится, ведь ее иилане' — твои иилане', ее фарги — твои фарги.

В глазах Ланефенуу сверкала ненависть, но она держала себя в руках.

— Хорошо.

Керрик взялся за нож, свисавший с кольца вокруг шеи. И, сняв его, протянул Ланефенуу. Она не шевельнула рукой — и он бросил нож в пыль у ее ног.

— Отвезешь это Вейнте'. Она поймет, что это значит. Она будет знать, что я сделал и почему. Она узнает, что я не оставил тебе возможности выбирать.

— Мне нет дела до того, что чувствует и знает Вейнте'.

— Конечно, эйстаа, — неторопливо отвечал Керрик, сопровождая слова знаками холодного гнева. — Просто я хочу, чтобы она знала, что это я, Керрик, заставил ее пойти назад. Я хочу, чтобы она поняла все, до малейшей подробности.

С этими словами Керрик повернулся и зашагал с амбесида прочь. Мимо оцепеневших от ужаса фарги. В страхе они расступались перед ним — все видели раз-

говор издалека. В чем было дело, они не знали, только понимали: случилось что-то ужасное. Два урукето были мертвы, а устузоу-иилане' шествовал по городу, и смерть окружала его.

Пройдя через Икхалменетс, Керрик обернулся к столпившимся на берегу иилане' и фарги:

— Именем вашей эйстаа, приказываю вам уйти отсюда. Она повелевает всем явиться на амбесид. Немедленно.

Не способные на ложь существа, повинувшись приказу, заторопились на амбесид.

Оставшись один, Керрик прыгнул на песок и поспешил подальше от города.

Глава сорок четвертая

— Ты посылала за мной, — произнесла Энге, — и приказала мне поспешить.

— Все мои приказы неотложны, хотя твои ленивые Дочери не в состоянии уразуметь это. Если я не подчеркну, что следует торопиться, подвернувшаяся вестница тут же примется обсуждать, приличествует ли ей повиноваться мне подобно фарги.

— Но это правда, ибо Угуненапса...

— Молчать! — рявкнула Амбаласи, гребень ее опадал и вздымался от ярости.

Сетессеи, помощница ее, в панике убежала, даже Энге склонилась перед бурей гнева, охватившей пожилую ученую. Сделав жесты

извинения и покорности, она застыла в ожидании.

— Маленькая поправка. По крайней мере я могу рассчитывать на некоторое внимание, на каплю любезности с твоей стороны. Ну, взгляни на это великолепное зрелище.

Амбаласи указала на сорогетсо, лежавшую в тени. Зрелище могло доставить удовольствие только Амбаласи — бедняжка Ичикчи, свернувшись в комок и зажмуриив глаза, ожидала немедленной смерти.

— Гнев мой, глупое создание, предназначен не для тебя, а для вот этих, — пояснила Амбаласи и, с видимым усилием овладев собою, заговорила на манер сорогетсо: — Внимание, маленькая. Дружба и помощь. — Она погладила зеленый гребень Ичикчи, наконец та открыла глаза. — Очень хорошо. Видишь, вот Энге, она пришла, чтобы порадоваться тому, как хорошо ты поправляешься, чтобы побыть с тобою. Спокойно, болью не сопровождается.

Амбаласи осторожно сняла нефмакел, покрывавший культю. Сорогетсо поежилась, но не произнесла ни звука.

— Гляди, — приказала Амбаласи, — и чтобы я слышала восхищение!

Энге согнулась над сморщенной кожей обрубка, полосы кожи прикрывали открытую кость. В центре ее желтел какой-то нарост. Вид его ничего не говорил ей. Энге не осмелилась признаться в этом, чтобы не навлечь на себя скорый гнев Амбаласи.

— Хорошо заживает, — помолчав, сказала Энге. — Ты, Амбаласи, — владычица науки врачевания. Ампутация не только исцелила ногу, но побудила к росту. Это самое... в центре и есть предмет восхищения?

— Несомненно, но, зная твое невежество, я не могу ожидать, чтобы ты оценила увиденное во всем значении. Перед тобой у зеленой сорогетсо, которая на голову ниже нас, вырастает желтая ступня, покрытая пятнами. Проникает ли хоть какая-то доля этой информации в субмикроскопический мозг, спящий под непроходимой лобной костью твоей головы?

Энге терпеливо снесла оскорбление, по опыту зная, что с Амбаласи лучше не связываться.

— Значение-непонятно, невежество-признано.

— Требуется внимание. Прежние теории отвергнуты. Забудь про тектонику плит и дрейф континентов. Слишком давно они разделились. Я усомнилась в своей правоте, когда оказалось, что сорогетсо способны понимать нас. Хотя бы ограничиваясь основными и примитивнейшими познаниями. Речь не может идти о нескольких тенах миллионов лет, здесь даже одного миллиона много. Мы можем обнаружить внешние различия, но генетические отсутствуют. Иначе эта нога не смогла бы расти. Тайна гущается. Кто же они, сорогетсо, и как попали сюда?

Энге не пыталась отвечать, понимая, что старая ученая рассеянным взором смотрит не на нее, а в глубь познания, которую она не в силах даже представить.

— Это тревожит меня. Я думаю о тех экспериментах, которые не следовало бы проводить. Мне доводилось и прежде обнаруживать результаты неудач, ошибок в работе... чаще в морях, чем на суше... уродливые

твари, которые лучше бы не рождались. Пойми, не все ученые такие, как я. В мире кривых умов не меньше, чем кривых тел.

Энге ужаснулась.

— Неужели такое возможно?

— Почему же нет? — Амбаласи устала сдерживать свой норов и заботливо прикрыла нефмакелом ногу Ичикчи. Отвернувшись от сорогетсо, она гневно фыркнула: — Всюду есть неумехи. Даже у меня самой иногда не складывался эксперимент. Поглядела бы ты на результаты — ужас. Запомни — все, что видишь вокруг, удачи. Ошибки скроет усвоительная яма. Мы легко обнаружили Амбаласокеи, но у нас могли быть предшественницы. Знания не передаются, теряются. Мы, иилане', безразличны ко времени. Мы считаем, что завтрашнее завтра всегда неотлично от вчерашнего вчера, — а потому не запечатлеваем события, и все записи — всего лишь дань самоуважению. Что-то сделала, что-то открыла и ну раздувать крошечное эго! А о неудачах никогда не известно.

— Значит, ты считаешь, что сорогетсо появились в результате неудачного эксперимента?

— Может, и удачного... или же такого, которому лучше и не быть. Одно дело возиться с генными цепочками устузоу и прочих низших животных, но неслыханно, чтобы иилане' манипулировали с генами иилане'.

— Даже чтобы улучшить их, избавить от болезни?

— Молчать! Говоришь много, знаешь мало. Болезни излечиваются с помощью других измененных организмов. Мы же, иилане', остаемся такими, какими были от яйца времен. На этом разговор закончен.

— Я продолжу, — с решимостью возразила Энге. — Последнее заявление отрицается предыдущим. Ты помогла нам перебраться сюда, потому что пожелала изучить связь нашей философии с физиологией тел. Разве это не эксперимент над природой иилане'?

Амбаласи открыла рот и дернула конечностями, чтобы заговорить, но застыла, не проронив ни звука. Потом закрыла рот и долгое время не двигалась, оцепенев в задумчивости. Заговорила она уже со знаками уважения.

— Струнный нож твоего ума, Энге, не перестает удивлять меня. Конечно же, ты права, и мне следует поглубже поразмыслить над этим. Быть может, мое отвращение к экспериментам над иилане' является не искренним, но просто заученным и автоматическим. Пойдем теперь поедим, все необходимо продумать гораздо глубже, чем мне сейчас по силам.

Амбаласи огляделась ищущим взором, но помощницы не было. Она выразила недовольство отсутствием Сетессей.

— Она должна подать мясо. Ведь ей прекрасно известно, что я привыкла есть в это время дня.

— Рада услужить великой Амбаласи. Я принесу.

— Я сама пойду за ним. От ожидания голод не уменьшится.

Они шли через растущий город, мимо увлеченно беседующих иилане'. Энге выразила удовлетворенность.

— Как никогда прежде вольны мы теперь углубляться в слова Угуненапсы, не опасаясь преследований.

— Будет от меня большая беда всем этим безмозглым. Город требует, чтобы в нем побольше работали и говорили поменьше. Разве твои Дочери Бестолковости не осознают, что раз в городе нет фарги, то им самим следует пачкать свои благородные руки иилане' работой фарги?

— В наших руках дело Угуненапсы.

— Угуненапса не положит еду в ваши рты.

— Уже положила, — не без гордости ответила Энге. — Она даровала нам тебя, потому что влияние ее идей на наш организм привлекло внимание твоей мудрости. Она привела нас сюда. И вот результат.

Кухню Амбаласи не посещала с тех пор, как в последний раз наблюдала за энзимным процессом. После того как в реке обнаружили гигантские угри, с едой никаких проблем не было. И от Дочерей давно не поступало никаких жалоб на тяжелый труд на кухне. Теперь Амбаласи увидела почему.

Одна из Дочерей, это была Ома, отдыхала в тени, а трое сорогетсо хлопотали возле чанов с энзимами.

— Они обучаются быстро, — сказала Энге, — и благодарны нам за еду.

— Не уверена, что мне это нравится, — ответила Амбаласи, беря кусок утря на свежем листе, поданный сорогетсо.

Опустив глаза, та поторопилась обслужить Энге.

— Отсутствие понимания, — со скорбным вздохом приняла рыбу Энге.

— Нарушение полученного приказа, — возразила Амбаласи, откусывая огромный кусок. — Прерывание научных наблюдений. Твои Дочери ничего не умеют правильно делать. — Покончив с рыбой, она гневно отбросила лист и указала на реку. — Этих псевдофарги следует вернуть в естественную среду. Отошли их. А работать заставь своих лентяек Дочерей. Или ты уже забыла, что они живут не так, как мы, а вместе с самцами. Не изолированными, как положено, в ханане. Я должна понять, как они живут, и все записать. Я должна изучить их жизнь до малейших подробностей и тоже записать. Такая возможность не повторится. Я хочу знать, как они ведут себя в естественных условиях, а не как режут утрей, насыщая лентяек! Подобно устузоу, они используют неживые предметы. Мы пользуемся живыми... Ты ведь видела дерево, которым они пользуются как мостом. Но вмешательство в естественный ход событий должно прекратиться — и немедленно. Отошли сорогетсо.

— Это будет трудно выполнить...

— Напротив, нет ничего проще. Вели своим Дочерям Безделья собраться, и я отдам приказ. Я поговорю со всеми. Сделаю нужные распоряжения.

Энге поколебалась, думая о том, что последует, и сделала знак согласия. Настало время противоборства. Она это знала слишком хорошо: интересы Амбаласи и Дочерей отличались как день и ночь. Да, они всей жизнью своей обязаны ученой, но теперь это стало не столь существенным. Они здесь. Дело сделано. Отношения напряжены. Стичка неизбежна.

— Внимание, — обратилась она к ближайшей илане'. — Предельная важность, все собираются на амбесид. Неотложное дело, скорейшее время.

Обе шли туда молча. В городе не было эйстаа, в том, как будет организовано управление, не было достигнуто даже приблизительного согласия, но амбесид забот-

ливо растили, — ведь это центр любого города иилане'. Повинуясь приказу, со всех сторон торопливо сходились Дочери, — должно быть, не совсем забывшие способность подчиняться. Страх объединял их. Иилане' расступились, давая дорогу Энге и Амбаласи. Вместе они поднялись на невысокий, недавно насыпанный пригорок, на котором расположится эйстаа, — если все-таки в городе появится таковая. Обратившись к собравшимся, Энге потребовала молчания и, собравшись с мыслями, заговорила:

— Сестры мои! Амбаласи, которая вызывает в нас восхищение и преклонение, та, что дала нам новую жизнь и свободу, которую мы уважаем более, чем кого бы то ни было, желает обратиться к вам с важными и серьезными словами.

Встав на самой вершине холма, Амбаласи оглядела притихших иилане' и заговорила спокойно и бесстрастно:

— Все вы — существа разумные и понимающие, этого я не могу отрицать. Все вы изучили и поняли идеи Угуненапсы и с умом приложили их к своей жизни, чтобы обрести ответственность за нее. Но этим вы разорвали нить, что связывает фарги с иилане', а иилане' с эйстаа. Вы принесли в этот мир новый образ жизни, новое общество. Вы рады случившемуся, иначе не может быть. Поэтому часть своего времени вы должны отдавать изучению влияния трудов Угуненапсы на ваши жизни.

Дочери забормотали, делая знаки одобрения, внимание их было полностью отдано Амбаласи. Заметив это, с суровостью и гневом в движениях тела, она продолжала повелительным тоном:

— Часть времени — и только! Вы отказались от эйстаа и приказов ее, благодаря которым процветают города иилане'. И теперь, чтобы выжить, чтобы не потерять жизни, которые вы сохранили перед лицом гнева эйстаа, вы должны организовать новое общество, следуя учению Угуненапсы. Но тратить на это можно только часть времени, я уже сказала это. Большую часть дня вы должны трудиться ради жизни и процветания этого города. Никто из вас не умеет растить его, я объясню вам, что нужно делать, и вы будете испол-

нять мои приказы. И никаких споров — я требую немедленного повиновения.

Послышались жалобы и вздохи, и Энге, шагнув вперед, ответила за всех:

— Это невозможно. Ведь тогда ты станешь нашей эйстаа, а мы отвергли ее власть.

— Ты права. Я стану ждущей-эйстаа. Ждущей тех времен, когда вы сумеете найти более приемлемый для вас способ управления городом. И когда вы сделаете это, я освобожу этот пост, который возлагаю на себя без желания, лишь понимая свою ответственность за город и ваши жизни. Я не предлагаю, а требую. Если вы отвергнете мое предложение, я отвергну вас. Без моего умения город умрет — вы не умеете даже готовить себе еду, — без моих врачебных способностей все вы погибнете от какой-нибудь новой отравы. Я уйду на урукето, а вы останетесь ждать верную смерть. Но смерть вы отвергли во имя жизни. Примете мое слово и будете живы. Итак, у вас не остается другой возможности, как принять мое благородное предложение.

С этими словами Амбаласи отвернулась от них и потянулась за водяным плодом — горло ее пересохло от долгих речей. Наступившее молчание наконец нарушила Фар<, — потребовав внимания, она поднялась на горку.

— Амбаласи говорит правду, — проговорила она с великой искренностью, подобно фарги округлив влажные глаза. — Но в ее правде есть другая правда. Никто не сомневается, что именно всепобеждающие идеи Угуненапсы привели нас в эти края, где ждали нас бесхитростные сорогетсо. Их и следует обучить всем трудам, дабы освободить все наше время для изучения истин...

— Отрицаю! — рывкнула Амбаласи, обрывая слова грубейшими звуками и движениями. — Это невозможно. Сорогетсо должны возвратиться к своей прежней жизни, навсегда оставить наш город. Вы можете принять или отвергнуть мое благородное предложение. Или жить — или умереть.

Фар< встала перед старой ученой, юность перед старостью, невозмутимость перед яростью.

— Тогда нам придется отвергнуть тебя, суровая Амбаласи, и принять смерть, если иначе жить невозможно. Мы уйдем вместе с сорогетсо и будем жить такой же простой жизнью. У них есть еда, они поделаются ею с нами. И пусть некоторые умрут, но дело Угуненапсы будет жить вечно.

— Невозможно. Сорогетсо должны жить как жили.

— Но как ты воспрепятствуешь нам, добрая подружка? Ты убьешь нас?

— Убью, — без тени колебания ответила Амбаласи. — У меня есть хесотсан, и я каждую убью, кто посмеет вмешиваться в жизнь сорогетсо. Вы и так успели натворить достаточно много вреда.

— Фар<, сестра моя, и Амбаласи, водительница наша, — произнесла Энге, встав между спорившими. — Настоятельно требую, чтобы ни одна из вас не говорила такого, о чем потом придется жалеть, не давала обещаний, которые невозможно будет выполнить. Слушайте. Выход есть. Если есть истина в учении Угуненапсы, она проявится в его применении, ибо практика есть критерий истины. Мы верим, что смерти не будет — ни для нас, ни для всех остальных. Поэтому следует поступить, как советует мудрая Амбаласи, и смиренно повиноваться приказам ждущей-эйстаа, но тем временем стараться найти решение этой сложной проблемы.

— Говори за себя, — с твердостью возразила Фар<. — Говори за тех, кто слушает тебя, если они хотят этого. Ты не можешь говорить от лица всех, кто верит в эфенелейаа, духа жизни, что стоит за всей жизнью и разумом. Тем, что отличает живое от мертвого. Медитируя над эфенелейаа, мы испытываем великий экстаз и сильные чувства. Ты не можешь отнять это у нас, запятив наши руки низменными трудами. Нас не заставить.

— Тогда вас незачем и кормить, — возразила практичная Амбаласи.

— Довольно! — громовым голосом приказала Энге, и все отступили — никто еще не слышал, чтобы она говорила с подобной твердостью. — Мы обсудим все это, но сейчас прекратим обсуждения. И будем следовать наставлениям Амбаласи, пока не найдем среди мыслей Угуненапсы указания на то, как же нам жить. —

Она обернулась к Фар<, и та отшатнулась от нее. — Тебе я приказываю молчать. Ты не хочешь, чтобы эйстаа распоряжалась нашей жизнью и смертью, но сама берешь на себя роль эйстаа-от-знания, что ведет своих последовательниц к смерти. Умри лучше ты — и пусть остальные живут. Я не хочу этого, но я понимаю чувства эйстаа, которая заставляет умереть одну, чтобы жили другие. Я отвергаю это чувство, но теперь понимаю его.

Среди Дочерей послышались крики, стоны отчаяния. Закрыв огромные глаза, Фар< сотрясалась всем телом. Потом она хотела заговорить, но повиновалась Энге, призвавшей всех к молчанию именем Угуненапсы, священным для каждой. Потом Энге заговорила с печалью и смирением:

— Сестры мои, вы мне дороже жизни, я охотно умру, чтобы жили нижайшие из вас. Предадимся же служению Угуненапсе, выполняя приказы Амбаласи. Пусть все разойдутся в молчании, и каждая надолго задумается над тем, что случилось. А потом все обсудим и найдем приемлемый для каждой выход.

Дочери расходились почти безмолвно, — ведь предстояло еще так много думать. Когда Энге и Амбаласи остались одни, старая ученая вымолвила, превозмогая усталость:

— Сгодится на время, но только на время. Тебе, мой друг, предстоит много хлопот. Следи за Фар<, этой смутьянкой. Она ищет разногласия и зовет других за собой. Она — ересь в ваших стройных рядах.

— Я знаю и огорчаюсь. Была такая, что толковала мысли Угуненапсы на собственный лад. Поняв свои ошибки, она умерла. А с ней и многие Дочери. Пусть это не повторится.

— Повторится... Мне страшно за будущее этого города.

Глава сорок пятая

Первые весенние дожди принесли неприятные перемены в долину саску. Тоненькие лианы, свисавшие с вершин скал, окружавших долину, стали толще и длинными плетями протянулись к земле. Они не горели — их безуспешно пытались поджечь, — а ядовитые колючки не позволяли даже приблизиться к ним. И теперь на стеблях зрели ядовитые зеленые плоды.

— Созреют, упадут, что тогда? Какие еще козни мургу поджидают нас? — проговорил Херилак, наблюдая за зловещим ростом.

— Что угодно, — со вздохом проговорил Саноне, словно груз многих лет тяжело гнул его к земле. Мандукто и саммадар бродили вдвоем, теперь они часто так делали, ища ответа на неразрешимые вопросы. Саноне с ненавистью поглядел на грубые зеленые плети над головой, свисавшие уже со всех скал вокруг долины. — Из них может появиться что угодно, яд, смерть — плоды постоянно меняются. Впрочем, в них могут оказаться только семена, но и это очень плохо.

— Вчера на месте реки еще был ручеек, а сегодня он пересох.

— У нас есть родник, хватит на всех.

— Я хочу знать, что они сделали с нашей водой. Надо разведать. Я возьму двоих охотников.

— И одного из моих мандукто. Как следует заверните в ткань — руки и ноги закройте тоже.

— Знаю, — мрачно ответил Херилак. — Погиб еще один ребенок. Иглы летят вверх прямо из песка, и их так трудно заметить. Придется соорудить стойло для мастодонтов и не выпускать их. Они и так набрасываются на всякую зелень. Чем все это кончится?

— Все это может кончиться единственным образом, — прежде чем уйти, пустым и бесцветным голосом произнес Саноне.

Херилак повел свой небольшой отряд мимо караульных, за барьер, перегораживавший путь в долину. Под плотной тканью было жарко, но приходилось терпеть. Мургу держались на расстоянии и всегда отступали, не принимая боя. Но они повсюду успели наставить иглометатели.

Охотники осторожно шли по ложу долины, вдоль сухого русла, в котором глина уже превратилась в жесткую корку. Впереди что-то шевельнулось, и Херилак выставил вперед стреляющую палку, но ничего не произошло, слышался только звук чьих-то удаляющихся шагов. Русло сделало еще несколько поворотов, и охотники добрались до перегородившей реку стены.

Перепутанная масса лиан перекрывала все ущелье, на живой изгороди пестрели цветы. Редкие капли воды стекали по листьям в крохотную лужицу у подножия живой плотины.

— Надо резать, жечь, — сказал Саротил.

Но Херилак медленно качнул головой, лицо его побагровело от бессильного гнева и отчаяния.

— Если резать — вырастет снова. А гореть не будет. Она вся в ядовитых колючках. Пойдем, я хочу посмотреть, куда девается вся вода.

Они полезли вверх, как вдруг раздался свист — и несколько шипов вонзилось в их одеяния. Херилак выпалил наугад, но это были не мургу. Мандукто показал Херилаку на куст — ветви его еще колыхались, избавившись от смертоносного груза.

— Ловушка — мы сами наступили на корни. Мургу окружили нас этими растениями.

Больше сказать было нечего. Осторожно обогнув этот куст и несколько других, таких же, охотники поднялись на край ущелья, и живая плотина оказалась под ними. За ней образовалось небольшое озерцо, а река, прорвав берег, поворачивала в пустыню.

Хорошо, что остался еще родник с чистой водой.

Спустившись вниз и отойдя от стены на безопасное расстояние, охотники осторожно обобрали с одежды

ядовитые шипы и скинули с тел ткань, в которой было так душно.

Саноне поджидал Херилака на обычном месте. Охотник рассказал об увиденном.

— И ни одного мургу, они научились держаться от нас подальше.

— Плотину можно разрушить...

— Зачем? Они вырастят ее снова. Тем более что лианы с каждым днем опускаются все ниже и ниже. Надо признать, что мургу научились побеждать нас. И не в бою, а медленно и упорно выращивая свои растения. И они победят. Мы не в силах остановить их, как не можем остановить прилив.

— Но прилив каждый день сменяется отливом.

— Мургу не прилив, они не отступят. — Херилак опустился на землю, чувствуя себя усталым и старым, как мандукто. — Они победят, Саноне, они победят.

— Я никогда не слышал от тебя подобных речей, могучий Херилак. Битва еще впереди. Ты всегда вел нас к победам.

— Теперь мы погибли.

— Мы уйдем на запад, через пустыню.

— Они последуют за нами.

Глядя на согбенные плечи рослого охотника, Саноне чувствовал его отчаяние и против собственной воли разделял его. Неужели след мастодонта привел их к смерти? Он не мог поверить в это. Во что тогда верить?

Внезапно возбужденные крики нарушили мрачные мысли, и он обернулся, чтобы узнать, что происходит. К ним с воплями бежали охотники, указывая назад. Схватив стреляющую палку, Херилак вскочил на ноги. С гулким ревом по сухому руслу навстречу им катилась огромная волна, желтая от ила. Испуганные саску и тану едва успели вскарабкаться вверх по обрыву, как вода прогрохотала мимо.

— Плотину прорвало! — проговорил Херилак. — Все целы?

Саноне вглядывался в мутные воды, но не увидел в них тел — только крутящиеся ветки и прочий мусор.

— Да, река вернулась в прежние берега. Посмотри, вода стала ниже. Так, как и должно быть.

— Но ведь они починят плотину, вырастят заново. Это ничего не изменит.

Даже эта радость не могла развеять отчаяния Херилака. Он оставил надежду и ждал только смерти. И он не поднимал головы, не обращая внимания на крики, пока Саноне не похлопал его по плечу.

— Смотри, что делается! — закричал мандукто с надеждой в голосе. — Лианы! Погляди на лианы! Кадайр не оставил нас, мы ступаем по следам его.

Высоко на ними целая гуща лиан вдруг оторвалась от утеса и скатилась на дно долины. Когда улеглась пыль, они увидели, что толстые стебли стали серыми и сломались. Восковые зеленые листья на глазах жухли и теряли глянец. Вдали рухнул еще один клубок лиан...

— Что-то случилось, а мы и не знаем, — вымолвил Херилак, отчаяние в сердце его мгновенно сменилось надеждой. — Надо поглядеть.

Не выпуская из руки стреляющей палки, он вскарабкался на завал. Прямо перед ним на расстоянии полета стрелы вздымались утесы на другом берегу реки. Вдруг там что-то шевельнулось, и он пригнулся, выставив вперед оружие. На краю утеса появился мараг, за ним другой... третий.

В отвратительных четырехпалых руках ничего не было. Они стояли неподвижно и смотрели.

Херилак опустил оружие. На таком расстоянии попасть было невозможно; он хотел понять, что же случилось.

Они глядели на него, он на них — и молчали. Их разделяла река, но пропасть между ними была глубже целого моря. Херилак ненавидел стоявших на том берегу и знал, что в их глазах с вертикальными полосками зрачков светится такая же ненависть. Что происходит? Зачем они разрушили плотину? Зачем погубили лианы?

Рослый мараг, стоявший ближе всех, повернулся к нему спиной и задергал конечностями, к нему приблизился другой и передал какой-то предмет. Держа вещь обеими руками, первый мараг повернулся, поглядел на нее, а потом прямо на Херилака. Пасть его открылась в порыве непонятного чувства. А потом он замахнулся и перебросил предмет через ущелье. Херилак смотрел,

как тот летел по невысокой дуге, потом ударился о землю и скатился по камням.

Когда он вновь взглянул на противоположный берег, мургу уже не было. Херилак подождал еще, но они так и не вернулись. Тогда охотник спустился вниз и подошел к брошенному марагом предмету. Тяжело дыша, к нему подошел Саноне.

— Я видел... — сказал он. — Они стояли и смотрели на тебя. А потом бросили это и ушли. Что это?

Перед ними лежал какой-то пузырь, похожий на дыню, серый и гладкий. Ничего особенного. Херилак осторожно дотронулся до него ногой.

— Опасно, — предупредил его Саноне, — будь осторожен.

— Все опасно. — Нагнувшись, Херилак ткнул пузырь пальцем. — Есть только один способ узнать, что у него внутри.

Отложив стреляющую палку, Херилак достал каменный нож, попробовал острие пальцем. Испуганно охнув, Саноне отшатнулся, когда Херилак резким движением всадил нож в пузырь.

Его кожа оказалась плотной. Херилак стал ее пилить, и вдруг она лопнула. Пузырь опал, из него потекла оранжевая жижа. Внутри что-то темнело. Херилак ковырнул кончиком ножа. Саноне стоял рядом, не отводя глаз от рук Херилака.

Перед ними лежал серебристый нож... тот самый, что Керрик носил на шее.

— Это нож Керрика, — выговорил Саноне, — он погиб. Мургу убили его, сняли нож и перебросили нам, чтобы мы убоялись.

Херилак схватил клинок и торжествующим жестом воздел его к небу.

— Ты прав — это весть... но нож говорит мне, что Керрик жив! Он одолел их! Я не знаю как, но одолел. Он не погиб на севере. Он жив и победил мургу. — Херилак широким жестом обвел долину. — Это дело его рук. Он победил их, и они сами разрушили свою плотину, погубили свои лианы. Теперь мургу уйдут, так говорит мне нож. Мы можем оставаться здесь. Долина вновь принадлежит нам.

Высоко подняв руку, Херилак торжествующе размахивал блестящим ножом и грохотал в победном восторге:

— Победили! Мы победили! Мы победили!

— Вейнте', ты проиграла, — проговорила Ланефенуу, одним глазом озирая фигуру воительницы, а другой обратив с неприязнью к грязному устузоу, кутавшемуся в свои меха на том берегу. Знаком она подозвала к себе Акотолп. — Разрушение совершено?

Ученая ответила жестом исполнения приказа.

— Вирус рассеяли. Он безвреден для других растений и животных. Но смертелен для всех недавно мутировавших клеток. Они погибнут. Вирус останется в почве, чтобы семена не могли прорасти.

Не замечая Акотолп, Вейнте' грубо оттолкнула ее, подошла к эйстаа, жестами яростно отрицая ее последние слова.

— Мы не можем отступать. Их надо убить.

Она рассвирепела настолько, что ее было трудно понять, — так сотрясали тело эмоции. Наконец она посмотрела в лицо Ланефенуу, угрожая ей каждым движением.

— Битву нельзя прекращать. Ты не смеешь этого делать.

Ее выражения были настолько крепки, что Акотолп в страхе припала к земле с криком боли, а иилане'-стражницы подняли оружие, опасаясь за жизнь эйстаа. Ланефенуу жестом отогнала их и обернулась к Вейнте', неодобрительно растопырив локти.

— Устузоу-Керрик знает тебя, Вейнте'. Он сказал, что ты не покоришься мне, что ты не исполнишь приказа, если я сама не отдам его тебе. Он был прав. Ты не повинешься мне, ты, Вейнте', клявшаяся быть всю жизнь моей фарги.

— Ты не смеешь...

— Смею! — заревела Ланефенуу, ее терпение лопнуло. Все вокруг бежали. — Ты не намереваешься подчиняться приказу? Хорошо же, прими тогда мою последнюю волю! Умри, отверженная, умри!

Повернувшись, Вейнте' заковыляла прочь. Тряся раздувшимся гребнем, Ланефенуу следовала за нею, содрогаясь всем телом.

— Что это? Ты жива? Ты, ненавидящая их более всего на свете, стала такой, как они. Ты, Вейнте', сделалась Дочерью Разрушения. Лишенной смерти и отверженной. Ты присоединилась к тем, кого прежде презирала. Я хочу, чтобы ты умерла. Внимание всех присутствующих!

Удирающие иилане' остановились, сжимая в руках оружие. Рассудок заставил Вейнте' успокоиться. Повернувшись лицом к Ланефенуу и спиной к остальным, она негромко заговорила, ограничиваясь минимумом информации:

— Великая Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, которая могущественно правит! Служившая тебе Вейнте' просит прощения. Я всегда повинуюсь твоим указаниям.

— Ты не выполнила приказа умереть, Дочь Смерти.

— Я хотела, но не могу. Я живу, чтобы служить тебе.

— Сомневаюсь. Я прикажу, чтобы тебя убили.

— И не пробуй. — В голосе Вейнте' послышалась холодная угроза. — Некоторые иилане' забыли Икхалменетс, они верно служили мне и, быть может, во мне видят свою эйстаа. Не испытывай их преданности, это может оказаться опасным.

Раздуваясь от гнева, Ланефенуу глядела на коварную тварь, оценивая опасность. И на встревоженных иилане'. Она помнила про беды, грозящие ее окруженному морем Икхалменетсу. В злобных словах этой иилане' могла быть и правда. И Ланефенуу ответила так же негромко.

— Живи. Живи пока. Мы возвращаемся в Икхалменетс, и ты отправишься со мною. Я не верю тебе и не могу оставить здесь. Война против устузоу окончена. Но я не потерплю тебя в своем городе. Ты изгнана из Алпеасака, из Гендаси и с глаз моих. Если бы я могла, то утопила бы тебя в море. И никто не узнал бы. Тебя высадят одну, совершенно одну, на берегу Энтобана, вдали от городов иилане'. Ты снова станешь фарги. Так я сделаю, это твоя судьба. Хочешь сказать что-нибудь?

Вейнте' не посмела выразить свои чувства, иначе одной из них пришлось бы умереть. Она не хотела

рисковать. И, усилием воли подчинив себе тело, она приподняла большие пальцы, выражая согласие.

— Хорошо. Оставим эти места устузоу, и я буду считать дни, ожидая радостного завтрашнего завтра, когда смогу избавиться от тебя.

Они влезли на своих скакунов, фарги уселись на уруктопов и отправились в путь. Когда пыль понемногу улеглась, ни одной иилане' уже не было видно.

— Мне вчера приснился сон, — сказала Армун, — знаешь, такой ясный, что я даже вижу цвет листьев и облаков на небе, даже чувствую запах дыма.

Они стояли на носу иккергака, жмурясь в лучах заката. Керрик обнимал ее сзади, грея и лаская. Она обернулась, поглядев на его обветренное лицо.

— Алладжекс всегда выслушивал наши сны, — продолжала она. — А потом объяснял нам, что они означают.

— Старый дурень Фракен. Одни хлопоты с ним.

— Ты хочешь сказать, что мой сон обманет?

В голосе ее послышалась боль. Он провел пальцем по длинным волосам и успокоил ее:

— Сны могут быть вещими, это правда. Иначе в них не было бы смысла. Я думаю, что ты сама лучше этого старика умеешь толковать их. И что же тебе приснилось?

— Мы с тобой вернулись на озеро. И зажарили мясо, и кормили Арнхвита. И Даррас... только она так выросла.

— Она повзрослела. А Харла с Ортнаром ты видела?

— Ортнара — да, он сидел и ел, а больная рука бессильно висела плетью. Но мальчика не было. Или сон говорил мне, что Харл погиб?

Услышав испуг в ее голосе, Керрик быстро ответил:

— Похоже, что этот сон не обманет. Ты говорила, что запомнила цвет неба. Был день — Харл, конечно же, на охоте.

— Конечно, — улыбнувшись, согласилась она. — Но может быть, все это приснилось мне потому, что я так надеюсь, что все будет хорошо?

— Нет! Ты видела. Просто заглянула туда. И увидела озеро, к которому мы возвращаемся, и тех, кто ждет нас там в покое и безопасности.

— Хочу скорее туда!

— Иккергак плывет, ветер дует, весенние бури кончились. Скоро мы будем там.

— Я так рада. Не хочу, чтобы мой ребенок родился на севере.

Она говорила спокойно, ощущая счастье и облегчение, и он от души смеялся, разделяя ее мысли и чувства, и крепче прижимал к себе. Больше они не расстанутся. Никогда! Он ласково гладил ее по голове, в душе его царили мир и покой, которые он впервые ощутил тем утром, в Икхалменетсе, где он подчинил эйстаа своей воле, заставил прекратить преследовать саммады. Одним махом покончил он со страхами, так долго не отпускавшими его, с демонами, которые гнездились в его голове и омрачали каждую мысль.

Они возвращались к озеру, к своему саммаду. И вновь будут вместе.

Волны тихо покачивали иккергак, скрипел каркас, ветер нес в лицо капли воды. На корме хохотали парамутаны, обступившие Калалеква возле кормила. Легкое путешествие — сплошное веселье. И они снова заливались смехом.

Небо впереди пламенело, суля хорошую погоду, высокие облака розовели в лучах заката.

Мир и покой.

Далеко к югу, у пустынного берега, Вейнте' стояла по колено в воде и смотрела на урукето, исчезавшего в красной полосе заката. Руки ее изогнулись в немом вопле ненависти, острые когти тщетно терзали воздух. Она осталась одна, и некому услышать ее зов, некому подойти и помочь. Одна.

Может быть, оно и к лучшему. Сила ненависти не покинула ее, а это все, что ей было нужно. Будет завтра и завтрашнее завтра, и дни лягут в будущее цепочкой камней на берегу. Хватит времени, чтобы исполнить задуманное.

Она повернулась, вышла на берег и тяжело зашагала по нехоженому песку. Впереди сплошной стеной высились непроходимые джунгли. Она медленно брела вдоль берега, оставляя на песке ровную вереницу следов, и медленно растворилась в ночной темноте.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗИМА В ЭДЕМЕ

ИИЛАНЕ'	369
История мира	369
Физиология	374
Наука	379
Общество	382
Язык	383
ТАНУ	388
Язык	390
ПАРАМУТАНЫ	391
Окружающая среда	392
Язык ангурпиаквов	393
СЛОВАРИ	396
ЖИВОТНЫЙ МИР	405

ИИЛАНЕ'

От переводчика

Последующие заметки были переведены с языка иилане', что сложно уже само по себе. Перевод с этого языка не может не оказаться вольным, и переводчик заранее приносит свои извинения относительно ошибок и неточностей, которые могут вкратиться в текст.

ИСТОРИЯ МИРА

Начиная изложение истории, следует указать, что излагаемая здесь концепция существенно отличается от многих, прежде пользовавшихся популярностью. Она отличается уже в своей основе, что должен учитывать и справедливый читатель. Долгая история иилане' слишком долго являлась полем деятельности одних только сказочников и мечтателей. Интеллигентные иилане' с невозмутимым спокойствием отнесутся к любым ошибкам в трудах по биологии или, скажем, по физике, но немедленно начнут возмущаться любыми отклонениями от привычной канвы в общепринятых изложениях так называемой истории, какой бы неправдоподобной ни являлась общепринятая концепция. Ярким примером тому является популярная «История Мира», в которой описывается, как семьдесят пять миллионов лет тому назад огромный метеорит столкнулся с Землей, погубив восемьдесят пять процентов существовавших в те времена видов. Далее в подробностях описывается развитие теплокровных существ, ставших доминирующей формой жизни на этой планете. Такими-то сказками и

пичкают публику современные авторы, дабы не утруждать себя точными исследованиями. Никогда метеорит такого размера не сталкивался с Землей! И мир, который мы видим своими глазами, всегда был и вечно пребудет. Поэтому, прежде чем продолжить, необходимо определить смысл самого понятия «история».

В наши дни история не только не является точной наукой — по сути своей она неточна настолько, что зачастую является плодом вымысла, а не итогом анализа фактов, сонмом фантазий, а не результатом цепи логических построений. Такое, конечно, присуще самой природе иилане'. Нас не волнуют края, где приходилось бывать, нас интересуют только те, по которым ступают сейчас наши ноги. Кратковременные перемены нас развлекают, но одновременно все мы жаждем, требуем, чтобы будущее ничем не отличалось от настоящего, не грозило нам переменами, даже возможностью их. И поскольку эта устойчивая тенденция есть часть нашей природы, прошлое не доставляет нам удовольствия: а вдруг в нем отыщутся долговременные отличия, оскорбительные для нас. Потому-то мы и пользуемся понятием «яйцо времен», предполагая, что мир остается неизменным с тех пор, когда он был еще новым.

Это неверно. И в долгой жизни народа иилане' настало время признать, что известная нам история не имеет абсолютно никакой ценности. Нашу работу мы хотели бы назвать «Новой историей», но воздерживаемся, поскольку такое название предполагает наличие существования и «Старой истории», которой не существует. А потому мы просто отвергаем все предшествующие работы и заявляем, что существует только одна история. Эта.

В воссоздании нашей истории нам помогла горстка иилане', интересующихся геологией и палеонтологией. Чтобы воздать должное этим наукам, мы утверждаем, что они истинны в той же мере, как физика или химия, и вовсе не могут служить предметом лукавых насмешек, как принято ныне. Прошлое существовало, хотим мы этого или нет, как бы мы ни хотели игнорировать этот факт. При такой точке зрения требуется большая смелость, чтобы признать простой факт — иилане' вовсе

не появились ниоткуда, едва расколосось яйцо времен. В этом правда истории, и она нас питает и восхищает.

Позволим себе еще одну вольность. Мы не собираемся возвращаться к абсолютному началу, к появлению прокариотов. Есть работы, в которых возникновение жизни описывается в куда больших подробностях. Наш рассказ начинается около 270 миллионов лет до н. э. (до нашей эры), когда доминирующая роль рептилий уже установилась на земле.

В те времена существовали четыре основные группы рептилий, известных под названием текодонтов. Эти примитивные существа были прекрасно приспособлены для охоты в воде. Они были великолепными пловцами, с сильными, сплюснутыми по бокам, хвостами. Некоторые из текодонтов оставили море и вышли на сушу. Их способ передвижения здесь предоставлял им преимущество перед многими обитателями суши, вроде протерозухиев, предков современных крокодилов. Все видели, как неуклюже расхаживают крокодилы, виляя всем телом, фактически подвешенным между четырьмя ногами. Конечности высших текодонтов двигались в ровной походке вперед, вверх и назад.

Поскольку история тех дней существует лишь в окаменелостях, в ней обнаруживается немало пробелов. Пусть отдельные детали остаются неясными — общая линия развития событий вполне очевидна. Нашими далекими предками были существа, именуемые мозазаврами. Эти морские ящеры превосходно приспособились к жизни в воде; у них появился хвостовой плавник, лапы превратились в ласты. Одной из форм мозазавров были тилозавры — существа огромные и симпатичные. Они были поистине огромными — длина тилозавра больше чем в шесть раз превышала рост иилане' — и симпатичными, — ведь они во многом похожи на нас. Причина этого заключена в том, что они-то и были нашими прямыми предками.

Если поставить рядом модели скелетов иилане' и тилозавра, каждый немедленно заметит сходство. И число пальцев на каждой конечности — по четыре и на руках, и на ногах. У нас по четыре пальца на каждой руке, из них два больших. Удобен и относительно короткий хвост, похожий на наш. Сходство очевидно и

в строении грудной клетки, начинающейся от ключиц и кончающейся у таза. Поглядите на оба скелета, и вы увидите перед собой будущее рядом с прошлым. Мы, потомки жителей моря, приспособились к жизни на суше.

Такова наша истинная история, не имеющая ничего общего с загадочным появлением из яйца времен. Мы — потомки благородных существ, около сорока миллионов лет назад превратившихся в иилане'.

Раннее время

Излагаемое далее во многом является результатом вынужденных догадок. Но это итог обоснованных размышлений, а не зыбких сказочных фантазий, подобных выдуманному гигантскому метеориту. Записанные в горных породах анналы еще надлежит прочитать. Мы всего лишь собираем и складываем воедино известные факты, как куски разбитой яичной скорлупы.

Если вы хотите сами собрать вместе части головоломки, обратитесь к соответствующим геологическим и палеонтологическим текстам. Они откроют вам происхождение видов, расскажут, как ранние формы превращались в поздние. Вы узнаете историю различных ледниковых эпох и о дрейфе огромных плит-континентов. Скалы поведают вам, что северный магнитный полюс Земли не всегда находился на юге, как ныне, а в разные геологические эпохи пребывал то на севере, то на юге. Вы можете проверить все это сами... или удовлетвориться нашим кратким изложением.

Представим же себе мир, каким он был сорок миллионов лет до н. э., когда первые простодушные и счастливые иилане' населили Землю. Мир был тогда более теплым и влажным, он изобиловал пищей. Как и сейчас, иилане' были плотоядными, поедали мясо сухопутных и морских существ. Молодняк, как и теперь, собирался в море в эфенбуру, все вместе трудились и были сыты. Геология не знает четких свидетельств того, что произошло, когда они вышли на сушу, и мы можем только догадываться.

Научившись в море взаимопомощи, иилане' не забыли о ней, выйдя из океана на твердую землю. В те времена, как и ныне, самцы были такими же простыми и добродушными существами и нуждались в защите, когда становились вялыми, когда росли яйца, и пляжи приходилось охранять. Пищи хватало с избытком, жизнь была прекрасна. Вот тогда-то оно и было, яйцо времен, истинное, а не воображаемое, и жизнь была безмятежной и простой.

Уже в те ранние времена зародились семена науки иилане', дошедшие до наших дней. Их можно видеть в терновой стене города.

Для защиты самцов от хищников ловили крупных ракообразных, своими клешнями оборонявших пляжи. Большие клешни — надежная защита, поэтому отбирали самых крупных. На рифах сажали самые прочные и ядовитые кораллы, чтобы оградить пляжи с моря. Вот они, первые, робкие шаги той могучей науки, той биологии, которой мы теперь овладели.

Но простому существованию настал конец. Иилане' наполняли сушу и океан и однажды переросли свой первый город на берегу древнего моря. Был построен второй, а за ним и другие. Стало мало еды, и пришлось научиться возводить стены, ограждать ими поля и выращивать домашних животных, охраняя их от хищников.

Так иилане' доказали свое превосходство над низшими формами жизни. Возьмем тиранозавра, такого же хищника, как и мы сами. Эти глупые гиганты умеют только преследовать, убивать, рвать тела жертв, оставляя на костях большую часть мяса. Они не думают о завтрашнем дне, не выращивают стад, не бракуют слабейших. Это безмозглые разрушители. Высшие же иилане' — разумные хранители. Для ученого обе формы равны. И уничтожить любой вид, населяющий Землю, все равно что уничтожить свой собственный. Наше уважение к жизни явствует из разнообразия животных на наших пастбищах, они исчезли бы тысячи и тысячи лет назад, если бы не мы. Мы созидатели, а не разрушители, хранители, а не потребители. И когда мы учтем все это, станет понятным, почему именно мы доминируем на планете. Этот результат не случаен, он завершает логическую цепь обстоятельств.

ФИЗИОЛОГИЯ

Чтобы понять нашу физиологию, ее придется сравнить с физиологией прочих животных. Простые существа, вроде насекомых, пойкилотермны. Это значит, что они неразрывно связаны со средой обитания: температура их тел равна температуре окружающего воздуха. Этого достаточно для существ некрупных, но при больших размерах тела более сложные организмы нуждаются в регулировке температуры. Эти животные являются гомеотермными: температура их тел в основном постоянна и не зависит от температуры окружающей среды. Иилане' принадлежат к числу теплокровных и экзотермических существ. Все важные формы животных в мире экзотермичны; этот способ контролирования температуры тела куда более выгоден, чем используемый устузоу, тела которых постоянно поддерживают одну и ту же температуру.

Мы — единое целое со своей средой, и природные различия температур позволяют нам поддерживать температуру собственного тела. После прохладной ночи мы греемся на солнце; если нам становится жарко — мы выходим на ветерок, отворачиваемся от солнца, раздуваем гребни, даже прячемся в тень. Мы делаем это бессознательно и температуру тела поддерживаем столь же автоматически, как и дыхание.

Наша физиология во многих аспектах совершеннее, чем физиология эндотермичных устузоу. Нам не приходится вечно искать пищу для жаждущих клеток, наш метаболизм перестраивается согласно обстоятельствам. Например, во время долгих морских переходов на урукето мы попросту замедляем скорость всех обменных процессов. Субъективное время при этом течет быстро, каждый субъект потребляет меньше пищи.

Еще более удивительным примером нашего физиологического превосходства, потрясающей особенностью, присущей одним лишь иилане', является неразрывная связь нашего метаболизма и нашего общества. Мы — это наш город, наш город — это мы с вами. Никто из нас не сможет прожить в одиночестве. Это доказываются необратимыми физиологическими переменами, име-

ющими место в тех очень редких случаях, когда отдельная индивидуальность нарушает какие-то из законов, совершает проступок, недопустимый с точки зрения иилане'. Чтобы наказать заблудшую, не требуется никакого внешнего физиологического насилия. Правосудие совершается внутри ее тела. Эйстаа, в которой находят воплощение город, наше общество, наши законы, только приказывает преступившей законы покинуть город, лишает ее имени. И праведно отвергнутая своим городом индивидуальность претерпевает необратимые физиологические перемены, оканчивающиеся ее гибелью.

Механизм этот имеет гормональную природу, основываясь на действии пролактина, обычно регулирующего наш метаболизм и сексуальное поведение. Когда преступница выслушивает приговор, ее гипоталамус перегружается и переходит на равномерный, но неравновесный режим. Нашим предкам этот механизм позволял выживать, впадая в спячку. Теперь, после значительного развития, эта реакция организма иилане', безусловно, приводит к фатальному исходу.

Питание

Сказано: загляни ей в рот и узнаешь, что она ест. Форма зубов определяется видом питания. Плоские квадратные зубы ненитеска перетирают огромные массы растительности, а острые зубы спереди позволяют срывать растения. Аккуратные ряды остроконечных зубов в наших ртах свидетельствуют не только о здоровье, но и о плотоядности. Сила и прочность челюстей указывают нам, что некогда челюсти играли значительную роль в процессе питания. Ведь и мы можем зубами разгрызть раковины, чтобы достать вкусных моллюсков.

Размножение

О некоторых вещах не принято говорить, и это правильно: так и надлежит поступать в хорошо организованном обществе. Когда мы еще молоды, жизнь в

море сулит нам одни только удовольствия. Когда мы становимся фарги, мы по-прежнему радуемся бытию; простому уму этих созданий не под силу воспринимать сложные идеи.

Став иилане', мы не только обретаем возможность обсуждать любые вопросы, мы обязаны это делать, ведь мы собираемся понять мир, в котором живем. Жизненный цикл иилане' совершенен и симметричен, и мы начнем рассмотрение его с самого начала, с того самого момента, когда молодняк оставляет отца и уходит в море.

Тогда и начинается сознательная жизнь, и, хотя все ранние действия: дыхание, плавание, собирание в стаи — являются чисто инстинктивными, — уже начинает развиваться разум. Вступают в действие механизмы общения, наблюдения, размышления и получения выводов. Члены молодых эфенбуру учатся, наблюдая за теми, кто старше.

Тогда и начинается речь, язык. Две школы исследователей языка по-разному видят его происхождение. Оставив в стороне подробности, их можно назвать «плы-плы» и «пин-пин» теориями. В «плы-плы» теории считается, что первые наши попытки к общению вызваны подражанием другим морским созданиям; то есть движение руки, подражающее плавающей рыбе, используется для обозначения понятия «рыба». С другой стороны, последователи «пин-пин» теории утверждают, что первыми были звуки, похожие на те, что издают рыбы. Мы не знаем и никогда не узнаем, какая из этих теорий верна. Но все мы знаем, как молодняк учится разговаривать в открытом море.

Они используют те же элементы, которыми воспользуются позднее, но в значительно упрощенной форме. Основных жестов, цветовых изменений ладоней, простейших звукосочетаний достаточно, чтобы объединять членов эфенбуру, создавать между ними прочные, на всю жизнь, связи, обучать их взаимопомощи и сотрудничеству во всей их значимости.

Но, оставляя море, фарги узнают, что в мире есть трудности. Можно предположить, что в давние времена, когда раса наша еще была молодой, между нами не могло быть суровой конкуренции. И только в развитом

обществе, когда общение обрело особую важность, начала страдать отдельная индивидуальность.

Закон природы состоит в том, что слабые не выживают. Быстрые рыбы съедают медленных, которые не оставляют потомства. Но быстрая рыба передает свои гены, закрепляет фактор скорости плавания. Так происходит и с иилане'; ведь многие фарги так и не научаются говорить в той мере, что необходима для понимания всех радостных городских дел. Их кормят, конечно, ведь иилане' своим в еде не отказывают. Но они нежеланны в городе, чувствуют беспокойство, тревогу, когда видят, как преуспевают в речи остальные из их эфенбуру. Упав духом, они принимают сами ловить рыбу в море, а потом пропадают бесследно. Им можно только сочувствовать, но помочь таким мы не в силах. Закон природы гласит, что слабый должен уступить место сильному.

Не будем упоминать, что все они, сами уходящие навстречу судьбе, конечно же, самки. Насколько нам известно, всех самцов немедленно отлавливают, едва они выходят из океана, и потом тщательно ухаживают за ними. Погибнет общество, которое позволит пропадать этим простодушным, ласковым и бездумным созданиям. Еще влажными от волн морских их отводят в ханане, где они будут вести, как и положено, спокойную и беззаботную жизнь. В сытости и безопасности проводят они счастливые дни, ожидая того дня, когда смогут выполнить свой долг в деле сохранения расы.

Предупреждение

Последующее может оказаться сложным для восприятия. Излагаемые подробности могут оскорбить деликатных особ. Поскольку авторы поставили своей целью только информировать, те, кто считает, что дальнейшее их не обрадует, могут ограничиться последующим абзацем, перейдя далее непосредственно к разделу «Наука иилане'».

Существует процесс, называемый размножением, когда малая частица тканей самца, называемых спермой, соединяется с женской яйцеклеткой. Она растет, пре-

вращается в яйцо, выращиваемое самцом в специальном кармане. Вынашивая яйцо, согревая его и заботясь о нем, самцы становятся очень жирными, сонными и блаженствуют. Наступает день, когда яйцо раскрывается и очаровательное существо отправляется в море, на чем и заканчивается весь процесс.

Подробности, которые можно счесть оскорбительными

Сперма и яйцеклетка соединяются во время процесса, технически именуемого соитием. Ниже приводится описание.

Самка специальными действиями возбуждает самца. Когда это происходит, один или оба его репродуктивных органа выступают из кожистого мешочка возле основания хвоста. После этого самка оседлывает самца, вводя его пенис в свою клоаку. В это время в результате взаимной стимуляции, которой мы не будем здесь касаться, самец извергает большое количество спермы. Высокоспециализированные клетки вливаются в яйцеклетки самки, образуя оплодотворенные яйца.

Одновременно со спермой извергается простагландин, под действием которого тело самки обретает жесткость; кроме того, это вещество значительно удлиняет время полового соединения — почти до целого дня (соитие, не связанное с выделением гормона, технически именуется извращением и не будет рассматриваться нами). За это время оплодотворенные яйца быстро развиваются, растут и наконец выделяются, попадая в карман в теле самца.

Роль самки на этом окончена, она выполнила свое жизненно важное дело, и ответственность за продолжение рода итлане' далее лежит на самце. Оплодотворенное яйцо содержит гены самца и самки. В кармане они прирастают к стенке, образуя плаценту, и растут, получая питательные вещества из тела самца. В теле того происходят при этом существенные изменения. Во-первых, возникает потребность вернуться в море, теплое море, и в течение первых двух дней это осуществляется:

для выращивания яиц необходима постоянная температура. Оказавшись на берегу моря, самцы испытывают физиологические перемены, они становятся рыхлыми и вялыми, большую часть времени они проводят во сне. В этом состоянии самцы и остаются, пока молодняк не проклюнется из яиц и не войдет в море.

Следует помнить, — хотя это не существенно с точки зрения продолжения рода, — что во время метаболического процесса возвращения к нормальному образу жизни на каждом пляже каждый год погибают несколько самцов. Но они уже выполнили свое дело, и участь их не существенна.

Так жизненный цикл иилане' начинается заново.

НАУКА

Существует много наук, представляющих собой специализированные отрасли знаний, и рассматривать их в подробностях слишком обременительно для краткой истории. Интересующиеся могут обратиться к трудам в области хромосомной хирургии, химии, геологии, физики, астрономии и др. Здесь мы коснемся только генетического конструирования и математики.

Как и все прочее в истории иилане', истоки наших биологических исследований затерялись в дымке времен. Однако можно сделать ряд логических заключений, объясняющих известные факты. При наличии соответствующего терпения — и времени тоже — можно решить любую биологическую проблему. Можно предположить, что первоначально все ограничивалось примитивной селекцией. Но постепенно вопросам размножения стало уделяться существенное внимание, начались исследования генетических структур. Настоящим прорывом был, вероятно, момент, когда исследователям удалось кристаллизировать геном, заморозить его эволюционное состояние. Лишь остановив эволюцию, сумели мы понять ее.

Здесь несведующий удивится, даже захочет спросить: как можно остановить эволюцию и внести изме-

нения в гены? Ответ не относится к простым, и, чтобы все было понятно, придется начать с начала.

Чтобы понять генетическое конструирование, надо представить себе общую биологию жизни на этой планете. Есть два типа организмов. К прокариотам относятся бактерии и сине-зеленые водоросли. Позже мы обратимся к более крупным и сложным эукариотам, а сейчас внимательно рассмотрим прокариоты.

Все они содержат генетический материал в виде колец ДНК или РНК, как в некоторых вирусах. Эти крошечные организмы экономно используют генетический материал, поскольку области кодирования перекрываются. Гены разделяются особыми последовательностями ДНК по крайней мере с двумя целями. Во-первых, для контроля за генетическими функциями — за считыванием информации продуктами кодированных энзимов в оперонах. И для воссоздания последовательностей, распознаваемых транскрибирующими или репликаторными энзимами. Во-вторых, существуют и такие последовательности ДНК, что включают ДНК, разделяющие гены, в иные полосы ДНК. (Например, при действии плаزمиды или бактериофага на бактерию или вируса на эукариоты.) Некоторые бактерии производят энзимы, буквально перерезающие или, напротив, соединяющие ДНК за счет воспроизведения характерных для этого последовательностей в обоих нуклеотидах. С помощью энзимов возможно определить последовательность расположения в ДНК отдельных отрезков. Это производится путем их последовательной обработки энзимами, узнающими различные последовательности. Затем каждая смесь укороченных цепей обрабатывается другими энзимами.

Процесс требует времени, множества попыток. Но терпение иллане' безгранично, и у нас были миллионы лет на усовершенствование процесса. Чтобы проконтролировать последовательность расположения отрезков в цепях ДНК и РНК, использовались радиоактивные маркеры. Потом специальные энзимы вырезают нужный кусок цепочки и вставляют его в ДНК другого организма.

Так модифицируются бактериальные цепи ДНК. Сначала с помощью плазмидов. А потом с помощью фагов

и вирусов, в естественных условиях заражающих бактерии. И, наконец, с помощью космидов, искусственных цепей ДНК, оснащенных особыми соединительными последовательностями, в каждую из которых можно включить новый, модифицированный ген. Так что преобразованная бактерия будет вырабатывать новые протеины.

Итак, можно видеть, что несложно преобразовать протеиновую химию бактерий и простейших эукариотов, таких, как дрожжи. Аналогичным образом можно запрограммировать и прочие эукариотные клетки.

Гораздо сложнее добиться необходимых результатов на крупных эукариотных животных. Само яйцо этих существ запрограммировано уже в матке матери и развивается далее само собой, повинаясь внутренней программе. Только после завершения формирования эмбрионов клетки начинают выделять протеины, меняющие саму клетку и прилежащие к ней в процессе, приводящем к созданию юного организма. Как мы овладели этим процессом и научились направлять его — вопрос слишком большой для краткого очерка. Перейдем к другим граням науки иилане'.

Коснемся математики, потому что о ней наслышаны многие; кроме того, она широко используется всеми науками, но не во всех случаях. Достаточно краткого и точного пояснения.

Наука иилане' основывается на понятии числа. Если хотите узнать, что такое число, сложите руки вниз ладонями перед собой, соприкасаясь внутренними большими пальцами. Пошевелите большим пальцем справа. Это число «один». А теперь пойдем справа налево. Ближайший палец — «два», следующий за ним — «три», внутренний большой — «четыре». Левый внутренний большой — «пять», следующие пальцы — «шесть» и «семь» и, наконец, большой палец слева — «тен». Тен именуется основанием — это термин, который мы здесь не определяем. Достаточно понимать, как продолжается счет, если число, больше основания — тен-и-один, тен-и-два и так до дважды-тен. И тен можно брать сколько угодно раз. Поэтому числа играют столь важную роль при взвешивании, измерении, записи, счете и т. д. Сама математика очень проста. Это просто числа, которые могут быть больше или меньше или равняться друг другу.

Происхождение математики затерялось во тьме времен. Математики предполагают, что число тен было выбрано как основание, потому что у нас тен пальцев. Они утверждают, что в качестве основания можно выбрать любое число, хотя это кажется весьма неправдоподобным. Если взять за основание двойку, это число будет записываться в виде 10, если 3—11, 4—100, 5—101, 6—111 и так далее. Очень неуклюжая и неудобная система. Была высказана даже совершенно сумасбродная идея о том, что, если бы устузоу умели считать, они воспользовались бы в качестве основания десяткой, числом 12, по-нашему. И все числа тогда изменились бы. Сорок миллионов лет существования иилане' сократились бы для них всего лишь до тридцати миллионов. Вот к чему могут привести праздные размышления, поэтому лучше оставить пустое теоретизирование.

ОБЩЕСТВО

В нашей истории нам пришлось использовать некоторое количество новых терминов, к числу которых относится и «общество». Его следует определить как полную сумму того, как мы живем, передаваемую от века к веку. Мы имеем право предположить, что у нашего общества были исторические истоки, но какими они были, трудно даже представить. И все, что мы можем сделать, — это описать собственный образ жизни.

У каждой иилане' есть свой город, вся жизнь каждой из нас вращается вокруг него. Когда мы впервые выходим из моря, мы можем только с безмолвным благоговением взирать на симметрию и красоту своего города. Он принимает нас, фарги, и кормит. Мы слушаем и учимся у других. Мы смотрим и учимся у других. Открывая рот, мы предлагаем свою помощь, и к нам относятся дружелюбно. Мы видим все многообразие городской жизни, и та или другая часть ее начинает привлекать нас. Некоторых влечет смиренная служба на пастбищах и бойнях. И все иилане' должны понимать, что смысл

служения не в науке и прочих занятиях, смысла служения в нем самом, и все иилане' равны в этом.

Город строится крутами, внешний круг — поля и животные, внутри — жилые кварталы, в самом сердце — амбесид и родильные пляжи. Так построено и наше общество. Снаружи — огромное кольцо фарги. Внутри — их помощницы и опытные рабочие разных специальностей. В свою очередь они окружают ученых, надсмотрщик, строителей — всех искуснейших в своем деле. Далее идут правительницы, а наверху пирамиды сама правящая эйстаа. Просто, логично, совершенно, единственный возможный способ организации.

Таков мир иилане'. Он не изменялся от яйца времен, он останется неизменным. Там, где есть иилане', там правят обычаи и закон иилане', и все они счастливы.

На полюсах нашего шара холодно и неудобно. Иилане' хватает мудрости избегать этих краев. И только недавно было обнаружено, что есть еще в нашем мире уютные местечки, где нет иилане'. Кое-где там живут устузоу, совершенно несимпатичные нам. Интересы науки заставляют нас исследовать этих существ. Большинство читателей может закрыть книгу на этом месте — дальнейшее не представит для них интереса. Последующие разделы предназначены для специалистов.

От переводчика

На этом месте заканчивается перевод с языка иилане'. Желаящие глубже понять сложные и увлекательные проблемы, предстающие перед переводчиком с этого уникального языка, могут обратиться к последующим разделам.

ЯЗЫК

Неторопливое и долгое, в течение многих миллионов лет, развитие привело к возникновению богатого и сложного языка. Настолько сложного, что многие так и

не осиливают его и не становятся иилане'. Этот культурный гандикап разделяет расу на две подгруппы, одна из которых, так и не вступившая в город, жизнь свою проводит в основном в море, но не размножается, потому что не в силах защитить вялых самцов от хищников. Потеря их приводит к медленному преобразованию генетического фонда, оно происходит неторопливо, как наступает ледник.

Иилане' разговаривают, выстраивая последовательность знаков, уместая в каждом от одного до четырех значений. Каждый гестальт характеризуется знаком, соответствующим положением тела или движением. Таких позиций немного, но число возможных сочетаний составляет около 25 000 000 000.

Любые попытки перевода с языка иилане' на русский требуют значительных усилий. В первую очередь следует учитывать определители, символы поз. Неполный перечень их включает следующие действия: лечь, отшатнуться, нагнуться, потянуться, сложить руки за головой, сесть на корточки, лечь, обнять, развалиться, развести руки и ноги, лезть, падать, поднимать, прыгать, приподниматься, толкать, плыть, нырять, поворачиваться, качаться, дрожать, тянуться одной рукой, тянуться обеими руками, садиться, ровно стоять, повернуть хвост по часовой стрелке, то же самое — против.

Звуки, издаваемые иилане', похожи на человеческие, и различия не слишком затрудняют понимание. Они используют «ж» и «х», а «тх» и «дх» применяются редко. Четыре звука характерны для иилане': «э» — горловой приступ; «<» — щелчок; «'» — цоканье и «х» — причмокивание.

В богатстве языка и сложности такого перевода можно убедиться на примере следующего выражения:

«Первая боль жизни — от отцовской любви уйти в объятия моря, а первая радость — подруги, что ждут там тебя».

Для облегчения понимания разделим предложение на отдельные элементы — каждый со своим определителем, — обозначенные от С1 до С12.

С1 (развалиться) энге

С2 (лечь) Хан. нате. ихей

С3 (толкать) Ага. пте

- С4 (упасть) ембо¹ <Ке² ка<
 С5 (упасть) иги. рубу. шей³
 С6 (плыть) какх. шей. сесе
 С7 (отшатнуться) хе. ауа. ихей
 С8 (развести руки и ноги) хе. Ваи< ихей.
 С9 (плыть) какх. шей. нте
 С10 (потянуться) енд. пелен. ни
 С11 (плыть) асак. хен
 С12 (тянуться) энге

1 — здесь окружающая среда обозначается вращением кончика хвоста.

2 — теплота подтверждается также движением шейных мускулов, как бы подавленным зевком.

3 — отметим, что выражения 4 и 5 соединены детерминативом, а 3 и 5 выражают противоположные в начале концепции.

4 — здесь иилане' делают паузу, чтобы повторить движения в обратном порядке, образуя обратный параллелизм.

А вот как это же выражение будет выглядеть в точном переводе:

- С1 (развалиться) Любовь.
 С2 (лечь) Самец. Друг. Прикосновение. Запах.
 С3 (толкать) Уход. Одиночество.
 С4 (упасть) Давление. Липкость. Прекращение.
 С5 (упасть) Вход. Невесомость. Холод.
 С6 (плыть) Соль. Холод. Движение.
 С7 (отшатнуться) Число 1. Боль. Прикосновение.

Запах.

- С8 (развести руки и ноги) Радость. Прикосновение.

Запах.

- С9 (плыть) Соль. Холод. Охота.
 С10 (потянуться) Видеть. Открытие. Рост.
 С11 (плыть) Пляж. Самец/самка.
 С12 (тянуться) Любовь.

В сжатой форме это транскрибируется так: Энге, хант ехен, агате етбокека нирубушен как шейсе, хеау-ахен; хевай< ихей, какшейнте, енуеленуу асахен энге.

На русский язык следовало бы переводить ритмизованной прозой, но можно удовлетвориться и приблизительным переводом.

Любовь отца; быть извергнутой из нее в холодное нелюбящее море — вот первая боль жизни; первая радость жизни (в холодных охотничьих угодьях) — встретить подруг и почувствовать их тепло.

Различия между языками людей и иилане' столь велики, что могут явиться непреодолимой преградой для любого, кто попытается овладеть языком иилане'. Говорящие на разных языках люди пробуют понять друг друга, касаясь предметов и называя их. Камень, дерево, лист. Достигнув некоторого понимания, они могут перейти к действиям: брось камень, подними лист.

На языке иилане' это невысказуемо. Они не называют предметы, а описывают их. Вместо «стула» у них было бы: «деревце-чтобы-сесть». Там, где мы ограничимся одним словом «дверь», иилане' может воспользоваться различными конструкциями: например, «вход-в-теплое-место» или «вход-в-холодное место», в зависимости от того, по какую сторону двери она находится.

Исель так и не сумела понять несколько положений. Она запомнила несколько слов и имела некоторое представление о детерминативах. Вейнте' обратилась к ней таким образом: «(Растопырить руки и ноги) есекапен (согнуться) иидшепен (потянуться) ииленбесей (потянуться) ефендууруу (согнуться) иилевтуу (растопырить руки и ноги) иилсатефен».

Что можно перевести следующим образом: «(Растопырить руки и ноги) требую (согнуться) говорящая требует (потянуться) взаимная трудность речи (потянуться) увеличение продолжительности жизни (согнуться) увеличение равенства в речи (растопырить руки и ноги) речь эквивалентна жизни».

В переводе это значит: «Я сама требую этого. Говори, пожалуйста, как одна из йилейбе. Так ты будешь жить и расти дальше. Речь — это рост, прошу! Речь — это жизнь, пойми!»

Исель сумела только произнести: «Хас лейбе ене ни».

Она думала, что говорит «мне трудно говорить». Получилось же оскорбление, повлекшее ее смерть. «Самка-старость/энтропия-угодность-растет». Она сделала четыре ошибки.

1) «Хас» означает не «я», а «самка». Так получилось потому, что Энге во время обучения показывала на себя.

2) «Лейбе» и в самом деле значит «трудный», но после детерминатива, предполагающего известную стесненность. Например, «сгорбиться», «нагнуться», «сесть на корточки», смысл сдвигается ближе к понятию возраста, старения, относящемуся не только к иилане'.

3) «Ене» означает не «речь», а «податливость», поскольку иилане' связывают эти понятия.

4) «Ни» — поощрительное восклицание, употребившееся Энге в процессе обучения. Обозначает понятие: «расти, продолжать, стараться», но не «пожалуйста».

Не обладая хвостом, Исель не могла правильно отшатнуться. Наконец самой последней и окончательной ее ошибкой явилось использование позы с растопыренными руками и ногами — позы превосходства и угрозы, последней позы Вейнте'. Поэтому Вейнте' подумала, что Исель говорит «старая самка лебезит» или, может быть, «угодливость старит самок». Это чушь, и Вейнте' совершенно естественно рассердилась, ведь она была вежливой с этим животным. Она-то пусть и не отшатывалась, но сгибалась. Участь Исель решена.

Керрик же отвечал: «(Отшатнуться) есекакуруд (поднять) есейуиешан (прямо) елен (прямо) лейбелейбе».

Он выразил фразу так: «(Отшатнуться) прекращение отворачивания (поднять) высшее стремление к речи (прямо) долго-долго (прямо) трудно-трудно».

Вейнте' поняла его так: «Я очень не хочу умирать. Я очень хочу говорить. Очень долго. Очень усердно». Сначала Вейнте' не поняла, что он отшатнулся — из-за отсутствия хвоста. Но знак «поднять» она заметила, а потом поняла и все остальное.

ТАНУ

Да, история Земли записана на камнях ее. История нашей планеты, пусть и с пробелами, начиная от палеозойской эры до наших дней, отражена в окаменелостях. Так было и в эру древней жизни, когда в мелководных и теплых морях ползали черви, плавали медузы и прочие беспозвоночные существа. Континенты сливались тогда воедино, в единый огромный массив, именуемый ныне Пангеей.

Но уже тогда некоторые из существ сооружали себе известковые оболочки. Позже появились создания с внутренним скелетом, первые рыбы. Потом у них появились легкие и похожие на ласты конечности, позволившие выйти из моря на сушу. Так около 290 миллионов лет назад появились амфибии — предки первых рептилий.

Первые динозавры появились на земле около двухсот пяти миллионов лет назад. К тому времени, когда первые моря разодрали Пангею, ящеры успели распространиться по всему свету, добрались до самых дальних уголков древнего гигантского континента, впоследствии распавшегося на более привычные нам небольшие части. Мир принадлежал им, они заполняли в нем все экологические ниши, и правление их длилось сто тридцать пять миллионов лет.

Потребовалась мировая катастрофа, чтобы сокрушить их власть. Метеорит диаметром в десять километров упал в океан, взметнув в атмосферу миллионы тонн воды и пыли. Динозавры погибли. И не только они, а семьдесят процентов существовавших тогда видов. Так открылся путь для крошечных землероек — предков всех нынешних млекопитающих. И они размножились, и потомки их заселили весь земной шар.

Есть некая случайность, выпавший шанс в игре Вечности. И небесная скала поразила Землю именно в этот момент, вызвав все последствия.

Но что если бы она промахнулась? Если бы Случай решил иначе, и космическая бомба миновала бы Землю? Каким был бы сейчас мир?

Первое и самое явное отличие — отсутствие Исландии: ее вулканические острова возникли там, куда упал метеорит, утонувший в мантии.

Во-вторых, другим стал бы и климат, вся история его, хотя причины изменения еще не достаточно ясны людям. Мы знаем, что магнитные полюса Земли менялись местами, северный становился южным и наоборот, но мы не знаем, почему это было. И можно испытывать уверенность в том, что, если бы не этот метеорит и вызванные им атмосферные перемены, — и ледовые эпохи, и очертания континентов были бы иными.

Вот каким мог бы оказаться наш мир.

Динозавры правят по-прежнему, мир принадлежит им, они господствуют на всех континентах, а над всеми ними — иилане'.

Но не в западном полушарии. Пусть в Южной Америке доминируют рептилии — на севере дело обстоит чуть иначе. Сухопутный мост Центральной Америки — узкая полоска между северным и южным континентами — уходил под воду в различные геологические эпохи. Ледяные щиты ледников спускались почти до берегов внутреннего моря. И долгие миллионы лет климат там был холодным даже летом. Холоднокровные вымерли в этих краях, стали доминировать теплокровные формы. Они распространялись, эволюционировали и начали преобладать на всем континенте.

Потом ледники отступили, млекопитающие ушли вслед за ними. И к тому времени, когда сухопутный мост вновь соединил обе Америки, в Северной уже правили теплокровные. Но противиться медленному натиску рептилий они не могли. Перед бронированным восьмидесятитонным гигантом можно лишь отступить.

Только на севере, в предгорьях и у подножия гор, сумели уцелеть млекопитающие. В том числе и приматы Нового мира, потомками которых являются тану.

В Старом Свете млекопитающих нет — он весь во власти рептилий. Нет ни собак, ни медведей. Но в Новом мире процветают олени — от самых маленьких до огромных, с лося величиной. Есть мастодонты и сумчатые, в том числе саблезубые. Так на узкой полоске плодородных земель между ледниками и ящерами процветают млекопитающие.

Из-за жестоких условий существования тану большей частью так и остались охотниками и собирателями. Но в этом они преуспели. Есть исключения — саску, первые фермеры неолита. Оседлые земледельцы освоили ткачество и гончарное ремесло, создали более развитое и неоднородное общество. Но это вовсе не значит, что они выше охотников-тану с их богатой речью, простым искусством, умением выживать, прочными семьями.

Язык

Как и прочие диалекты тану, марбак произошел от забытого древнего наречия восточного побережья. На марбаке мужчина — «ханнас», множественное число — «ханнасан». Различия: «хеннас» на ведамане, «хнас» на левревасане, «несес» на лебнарои и т. д.

Имена этик племенных групп имеют чисто описательный характер. Например, «ведеман» значит «островной», «левревасан» — черношатерные, народ черных шатров. Рядом с мужчиной, «ханнасом», женщина — «линга», множественное число — «лингаи». Слово это также нашло широкое распространение. Личность, если не важен пол, определяется словом «тор», множественное число — «тану», так принято называть людей вообще.

Наиболее употребительная форма существительных склоняется следующим образом:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	ханнас	ханнасан
Винительный	ханнас	ханнасан
Родительный	ханнаса	ханнасанна
Дательный	ханнаси	ханнасанни
Местный	ханнаси	ханнасанни
Творительный	ханнасом	ханнасом

ПАРАМУТАНЫ

Подобно тану, парамутаны происходят от приматов Нового Света. Генетический анализ свидетельствует о том, что, невзирая на отсутствие ископаемых доказательств, тану и парамутаны состоят в родстве и не скрещивались до сих пор только потому, что их разделяло огромное расстояние. Несмотря на внешнее различие в оволосении, кожа относительно безволосых тану и волосатых парамутанов несет одинаковое число волосяных фолликулов. Многие тану рождаются с рудиментарным хвостом, продолжающим копчик; он содержит столько же позвонков, сколько и хвосты парамутанов.

Явные физические различия между обеими группами не имеют существенного значения, если обратиться к культурным и социальным факторам. Парамутаны мигрировали на север дальше прочих приматов. Популяционный напор и наличие необходимых знаний предоставили им возможность выживания в условиях Арктики, сделавшуюся потом необходимостью. Зависимость парамутанов от единственного источника еды и сырья (уларуаква), создающего им все условия для существования, не допускает другой возможности.

Они пользуются и рядом материалов, предоставленных умеренными широтами, но уларуакв является основой всей материальной культуры парамутанов.

Следует отметить, что понятие «парамутан» не является самоназванием и представляет собой марбакское слово, означающее «пожиратели-сырого-мяса». Сами они пользуются словом «ангурпиакв», что означает «истинные люди», каковыми они себя считают. Уединенное существование на северных просторах вполне закономерно порождает у них ощущение, что только они и являются людьми. Поэтому они называют тану эрквигдлитами, или сказочными людьми. Незнакомцами, явля-

ющимися из нереального мира, которые потому как бы не существуют.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

В море обитает куда больше живых существ и их разновидностей, чем на суше. Жизнь началась в океане, и все основные классы животных располагают живущими в океане представителями. Основу продуктивности океана представляют плавающие одноклеточные водоросли. Основу пищевой цепи образуют примерно шестьсот разновидностей водорослей. Эти микроскопические растения обитают в неглубоком приповерхностном слое воды толщиной в несколько метров, где поглощают энергию солнечных лучей. Их поедают крошечные животные, входящие в состав планктона, наиболее распространенными из которых являются рачки-копеподы, принадлежащие к роду *Calanus* (и по числу, и по общей массе это самое распространенное существо на Земле). Ими в свою очередь питаются более крупные ракообразные вроде креветок и прочие морские обитатели, включая медуз, стрелчатых червей, рыбу-младенца, личинок моллюсков и головоногих, и даже более крупные придонные ракообразные, такие, как крабы и омары.

Мертвый планктон и экскременты медленно опускаются на океанское дно, где их разлагают бактерии, глубоководные течения уносят вниз важные продукты разложения, в частности водород и калий. Таков источник процветания жизни в приполярных океанах. Невзирая на недостаток света и низкие температуры, он неистребим и обилен. На самом деле, холод скорее является источником питательных веществ. Температура воды у поверхности составляет четыре градуса столбчатой шкалы. Лишь в теплых течениях на юге она увеличивается до пяти-восьми градусов. Теплые воды поднимаются на поверхность, чтобы питать жизнь.

Замечательной особенностью шельфового обледенения являются квунгулеквы, заполняющие пустующую в

нашем мире экологическую нишу. Эта экосистема не имеет аналогов в холодном море. Зеленая поросль, поселяющаяся на нижней части льда, распространяется в верхних слоях океана, черпая питательные вещества из воды и потребляя энергию солнца. На подводных северных лугах пасутся уларуаквы, самые крупные из живых существ планеты, толстыми сильными губами они обрывают плети квунгулеква, дающие им силу и жизнь. Они полностью зависят от этого единственного источника питания. Перемещение на юг арктической полярной шапки изменило картину течений, отклонив их на восток. За течениями следует квунгулекв, за ним уларуаквы, за которыми не могут не последовать парамутаны. Все звенья в пищевой цепи взаимосвязаны.

ЯЗЫК АНГУРПИАКВОВ

Изучая этот язык, прежде всего обнаруживаешь очень небольшое количество окончаний. Поэтому поначалу он может показаться простым, но подробное изучение непременно выявляет его богатство и сложность.

Для говорящих на марбаке он представляет трудность тем, что содержит различные формы звука «к», транскрибированные здесь как «к» и «кв». Аналогично существуют звонкое «л» и глухое, нами использовалось обозначение — «дл» или «гл».

Соответственно и некоторые звуки марбака практически произносимы для ангурпиаквов, говорящих, например, вместо «Армун» — «Аррамун», и «Харрал» вместо «Харл».

Представляется интересным, что этот язык состоит лишь из имен существительных и глаголов, начинающих каждое слово. И к корню можно добавить едва ли не бесконечное количество аффиксов, например:

квингик — дом

квингирссуак — большой дом

квингклиоркакв — он строит дом

квубгирссуалиогпок — он строит большой дом

квингирссуалиорфилик — мужчина может построить большой дом, и так далее.

Важно отметить разветвление понятий в правую сторону. Наш язык обладает левым ветвлением:

дом

этот дом

этот большой дом

Привыкшему к подобной речи крайне трудно строить слова в обратном направлении.

Кроме аффиксов, глаголов и имен существительных, в языке используются суффиксы, определяющие объект личности или спряжение. Глаголы могут использоваться в изъявительном, сослагательном, вопросительном, желательном, соединительном и инфинитивном наклонениях. Рассмотрим глагол «алутора» («любить») в инфинитивном наклонении:

алуторакв — он любит

алуторут — она любит

алутораук — любит ли он?

салуторассук — любят ли они?

алуторлиук — может он любить (желательное наклонение)

алуторлиссик — могут они любить

алуторпачит — он может любить (сослагательное наклонение)

алуторпатечик — они могут любить.

Хотя марбак и ангурпиакв не связаны лингвистически, в структурном отношении они как бы зеркально отражают друг друга. Но если бы, например, Армун, воспользовавшись глаголом «алутора», показала бы на понравившийся предмет, ангурпиаквы посчитали бы ее глупой за неправильно использованное окончание, но поняли бы ее мысль. Здесь оба языка отличаются от иилане', в котором нельзя понять ничего, что выходит за узкие и четкие рамки.

Отметим, что ангурпиаквы обладают ослабленным ощущением времени и едва ощущают его промежутки. Существующая слабо выраженная форма будущего времени редко находит у них применение. Часто они просто пользуются словом «тамнагок» — «некогда, однажды», даже «теперь, сейчас». С изменением промежутков времени связано только одно слово «еегсук», что значит

«очень давно». И не имеет значения — сорок или тысяча лет.

Как и следовало ожидать, язык в точности соответствует их быту. Они пользуются многими различиями, неизвестными марбаку, и полностью пренебрегают другими. По понятным причинам в языке их в изобилии содержатся термины, означающие снег. Они различают снег плотный; сыпучий; замерзший; мокрый; снег, из которого можно резать кирпичи; скользкий снег. С другой стороны, у них нет отдельных названий для синего и зеленого цвета. Желтый они отличают от красного, не зная названий для переходных цветов. Поскольку обозначения цветов выступают лишь в качестве аффиксов, в истинном их значении трудно испытывать уверенность.

Существует предположение, что аффиксы и бесчисленные взаимосвязи в словах-предложениях как-то связаны со способностью ангурпиаквов к выполнению сложных работ и умением компоновать механические детали. Конечно, они великолепно умеют собирать навигационные схемы и сооружать сложные конструкции иккергаков, но предположение это пока остается недоказанным.

СЛОВАРИ

Словарь тану

- Алладжекс — шаман
Аллас — тропинка
Амаратан — бессмертие (боги)
Арихвит — сокол
Ас — как
Атта — отец (уменьш.)
Бана — сын (уменьш.)
Бека — узел
Бенсил — сфагновый мох
Блейт — холод
Ведам — остров
Вейгил — тяжелый
Гентинац — вождь
Груннан — несчастье
Далас — суп
Дна — быть
Дрийа — истекать кровью
Ей — всегда
Елка — светить
Ерман — небо
Ерманпадар — небесный отец, дух
Ес — если
Истак — путь
Каргу — люди, живущие в горах
Катиск — веселый
Келл — клин
Курмар — река
Курро — главный

- Лас — вниз
Левревасан — люди черных шатров
Леврелаг — место стоянки
Лей — выжженная земля
Линга — женщина
Лингаи — женщины
Лисса — знать
Мадрап — мокасин
Мал — хорошо
Ман — должно
Мар — волос
Мараг — холоднокровное животное
Маргалус — знающий мургу
Марин — звезда
Маркиц — зима
Менса — договариваться
Модиа — может быть
Мо триг — мой ребенок
Мургу — множественное от «мараг»
Нат — убийца
Наудинз — охотник
Ненитеск — трицератопс
Неп — длинные
Парад — брод
Парамутаны — те, что едят сырое мясо, северный народ
Ратх — жарко
Саммад — смешанная группа мужчин и женщин
Саммадар — выборный вождь саммада
Сасси — несколько
Сиа — идти
Скерм — время
Со — кто
Стаккиц — лето
Стесси — племя
Таис — зерно
Тану — люди
Таррил — брат
Тер — личность

Терред — группа людей, разделяющих общую цель

Терредар — вождь такой группы

Тина — носить

То — в

Торск — ихтиозавр

Торскан — ихтиозавры

Торсканат — убивший ихтиозавра

Тхарм — душа

Улфадан — длиннобородый

Фа — смотреть

Фалдар — огонь

Фалла — ждать

Хам, хаммар — быть способным, мочь

Ханнас — мужчина

Ханнасан — мужчины

Ханс — военный отряд

Хардальт — спрут

Химин — гора

Хоатил — все до одного

Хольт — двадцать (счет человека)

Эгхеман — давшие обет

Эккотац — смесь орехов и сушеных ягод

Элск — мастодонт

Словарь иилане'

Аа — в

Ава — боль

Ага — отбытие

Агле — проход

Ака — разочарование

Акас — цветущий остров

Акел — доброта

Аксе — камень

Алак — последовательность

Алакас-Аксехент — острова Флорида-кис

Але — клетка

Алле — красота

- Амбеи — высота
Амбесид — центральная площадь города
Анат — конечность
Анканаал — океан, окруженный сушей
Анке — присутствие
Апен — требование
Асак — пляж
Аст — зуб
Асто — движение

Бан — дом
Буру — окрестности

Ген — новый
Генагле — Гибралтарский перешеек
Гендаси — Северная Америка
Гул — слух
Гулаватсан — животное-сирена

Дии — это

Ее — из
Ееде — это
Еесен — плоскость
Ейсекол — животное-драга
Ейсен — грязь
Ейсет — ответственность
Ексеи — осторожность
Елин — маленький
Ембо — давление
Емпе — распоряжение
Енд — зрение
Ене — мягкость, уступчивость
Енет — озеро
Енто — каждый в отдельности
Ерек — скорость
Есек — вершина
Есик — юг
Еспеи — поза
Ето< — стрелять

Иги — вход
Инег — старый
Инле — большой

- Инте — охота
Ипол — скрести
Исегнет — Средиземное море
Исек — север
Ихеи — ощущение запаха/прикосновение
Йил — речь
Йилейбе — неспособный говорить
Ка< — прекращение
Каин — линия зрения
Какх — соль
Кал — яд
Калкаси — терновый куст
Касеи — шип
Кем — свет
Кийис — восток
Кру — короткий
Кхет — вогнутость
Лан< — соитие
Лейбе — трудность
Лек — плохо
Мал — отсутствие забот
Ман< — последний
Манинле — Куба
Масиндуу — оптическая проекция
Мелик — темная
Меликкасеи — лоза с ядовитыми колючками
Нате — друг
Нени — череп
Ненитеск — трицератопс
Нефмакел — живая повязка
Нин — отсутствие
Нинсе — безответный
Ну — соответствие
Окол — потроха
Окхалакс — травоядное
Онетсенсаст — стегозавр
Пелеи — открытие
Рубу — невесомость

- Рууд — остановка
Руутса — анкилозавр
Сандуу — микроскоп
Сас< — скорость
Сат — равенство
Селе — связь
Сесе — движение
Сете — группа, имеющая одно задание
Сокеи — расчистка
Сон< — элемент
Стал — дичь
Такх — чистота
Таракаст — верховое животное
Тсан — животное
Тсо — экскременты
Теск — вогнутый
Топ — бежать
Трумал — общая атака
Тууп — жирный, вялый
Угункшаа — регистрирующий прибор
Умнун — обработанное мясо
Унут — ползти
Унутакх — пожирающий волосы слизень
Урукето — мутировавший ихтиозавр
Уруктоп — восьминое тягловое животное
Урукуб — бронтозавр
Усту — кровь
Устузоу — млекопитающее
Уу — увеличение, рост
Фар< — спрашивать
Фарги — обучающаяся говорить
Фафн — ловить
Хайс — ум
Хан — самец
Ханане — место обитания самцов
Хас — самка | значение определяется
Хас — желтый | детерминативом
Хе — число 1
Хен — самец/самка

- Хент — революция
Хесотсан — живое оружие
Хорнсопа — генетический вид
Хурукаст — моноклон
Шак — изменение
Шей — холод
Шип — воля
Эйстаа — глава города
Элининийл — стадия развития фарги (пре-фарги)
Элиноу — маленький динозавр
Энге — любовь
Энтиисенат — плезиозавр
Энтобан — Африка
Эпетрук — тиранозавр
Эсекасак — хранилище родильных пляжей
Эфен — жизнь
Эфенбуру — группа ровесников
Эфенелейаа — душа
Эфенселе — член эфенбуру

Словарь саску

- Бансемнилла — сумчатое животное
Валискис — мастодонт
Деифобен — место золотых пляжей
Порро — пиво
Тагассо — кукуруза
Харадис — лен

Словарь парамутанов

Существительные

- Ангурпиакв — истинные люди
Етат — лес

Иккергак — большая лодка
Имакв — открытое море
Инге — влагище
Квивио — тропа
Квингик — дом, укрытие
Квунгулекв — арктические водоросли
Мунга — рыбка, малек
Нангекв — назначение
Паукарут — шатер
Уларуакв — крупное арктическое млекопитающее
Эрквигдлиты — сказочные люди

Глаголы

Алутора — любить
Ардлерпа — охотиться
Икагнит — быть во множестве
Лиорпа — строить
Мисутпа — есть
Мулува — отсутствовать
Наконоарк — быть великолепным
Пакосоквипа — быть равным, не выделяться
Сиагпай — быть важным
Такугу — видеть
Тингава — обладать женщиной

Аффиксы

-адпуикар — полностью
-гакв — быстро
-гуакв — низкий
-естаук — очень давно

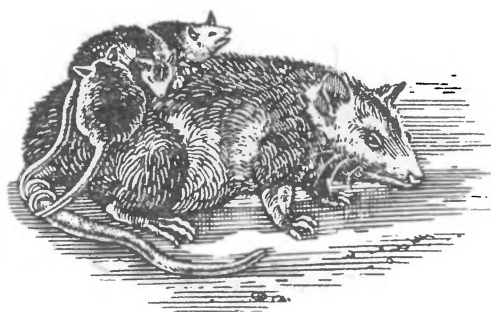
-какв — маленький

-луарпокв — слишком много

-такв — только что выловленный

-тамнагок — тогда, сейчас, опора.

ЖИВОТНЫЙ МИР

БАНСЕМНИЛА

(*Metatheria: Didelphys dimidiata*)

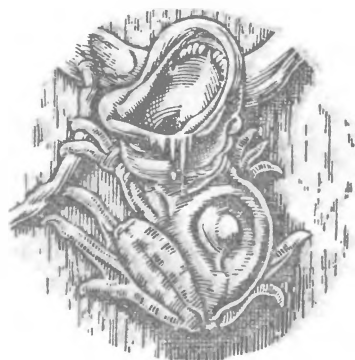
Рыжевато-серый сумчатый зверь с тремя черными полосками на спине. Обладает хватательным хвостом и противостоящими большими пальцами на задних лапах. Плотояден, предпочитает крыс и мышей, разводится саску для уничтожения вредных грызунов.

БОЛЬШОЙ ОЛЕНЬ

(*Eutheria: Alces machlis gigas*)

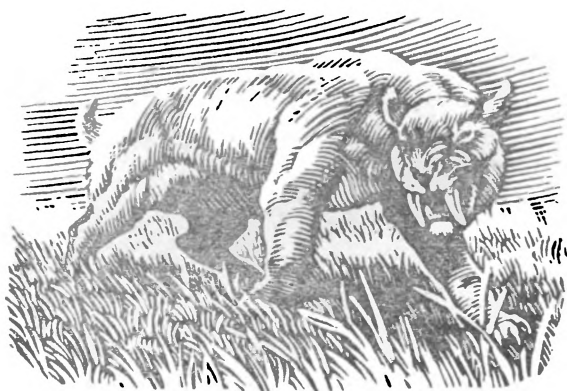
Самый крупный из оленей. От прочих *Cervidae* отличается огромными рогами. Объект охоты тану, которые помимо мяса предпочитают использовать его шкуру для покрытия шатров.

ГУЛАВАТСАН

(*Ranidae: Dimorphognathus mutatus*)

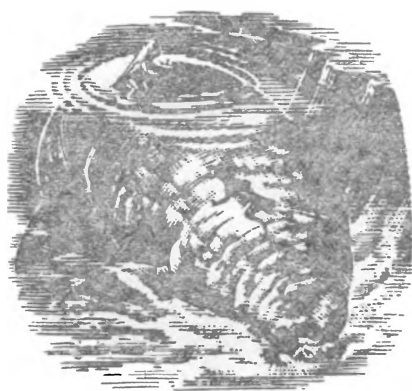
Подробное изучение гулаватсана не может не вызвать восхищения искусством четкого консультирования. Эта разновидность зубастой лягушки мало напоминает предковую форму. Их громким кваканьем в тропиках, служившим в качестве брачного зова, иилане' воспользовались для сигнальных целей, доведя его почти до оглушительной силы.

ДОЛГОЗУБ

(*Metatheria: Machaerodus neogeus*)

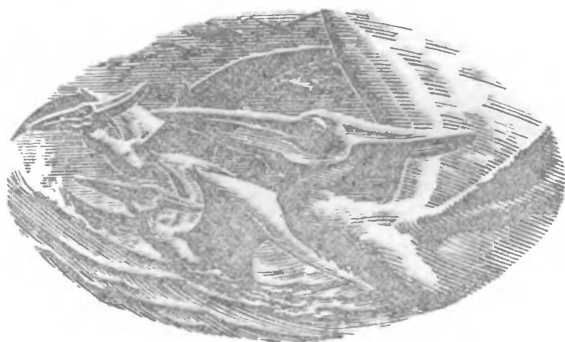
Сумчатый хищник из числа саблезубых. Крупный и свирепый зверь, сражающий добычу длинными верхними клыками. Некоторые племена каргу научились сопутствовать этим зверям в охоте.

Е Й С Е К О Л

(Eutheria: Trichecbus latirostris mutatus)

Травоядное водное животное, пожирающее подводную растительность. Выведенная иилане' с помощью генной перестройки разновидность обладает огромными размерами и используется для расчистки и углубления водных путей.

Е С Т Е К Е Л

(*Pterosauria: Pterodactylus quetzalcoatlus*)

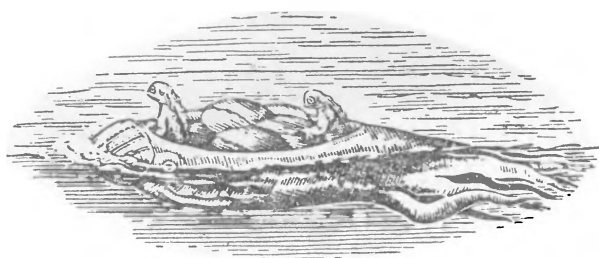
Крупнейшие из летающих ящеров с размахом крыльев свыше девяти метров. Кости их легки и прочны. Тяжелый клюв уравнивается костяным выступом на затылке. Встречаются возле устьев крупных рек, потому что могут взлетать лишь против ветра с гребня высокой волны.

И С Е К У Л

(*Columbae: Columba palambus*)

Идеальный пример практичности иилане'. Подобно многим животным, частицы магнитного железняка в лобных долях помогают им ориентироваться в магнитном поле Земли. Выведенные в результате длительной селекции исекулы способны долго указывать клювом в одном направлении, пока не обезумеют от голода или жажды.

ЛОДКА

(*Cephalopoda: Archeololigo olcostephanus mutatus*)

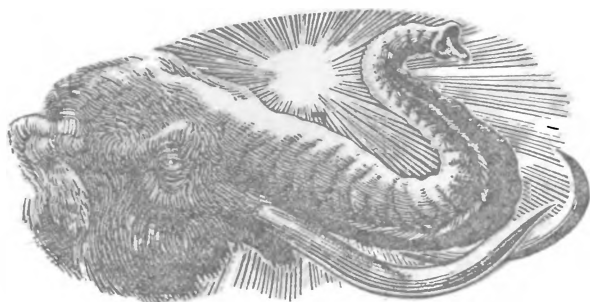
Средство для передвижения по воде. В движение приводится струей воды в сторону щупалец. Обладает зачаточным интеллектом. Может быть обучена выполнению нескольких простейших команд.

МАСИНДУУ

(*Anura: Rana catesbeiana mutatus mutatus*)

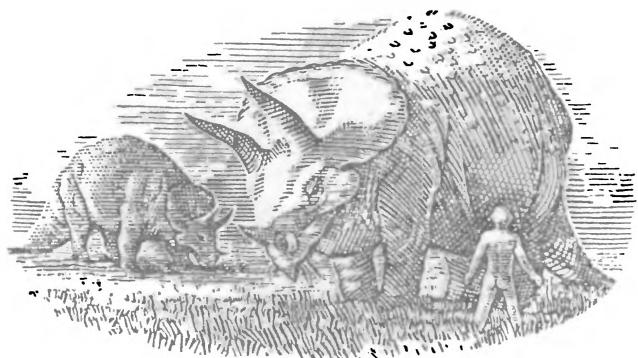
Сандуу является популярным лабораторным животным, позволяющим добиться двухсоткратного увеличения. Известное несовершенство его заключается в том, что лишь одна иилане' может прибегать к его услугам. Проецирующийся изображение на белую поверхность масиндуу избавлен от этого недостатка.

МАСТОДОНТ

(*Eutheria: Mastodon americanus*)

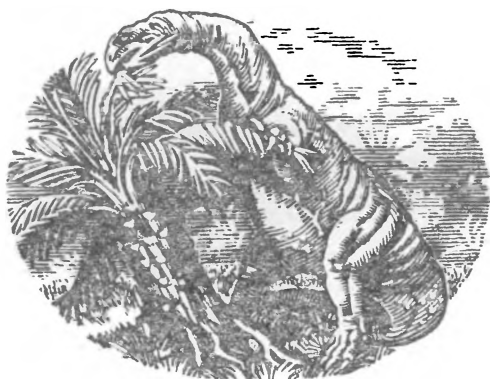
Крупное млекопитающее с длинными верхними клыками. Обладает длинным хватательным хоботом. Одомашнен тану, позволяет им перемещаться на большие расстояния во время охоты и сезонных перекочевков. Мастодонты перевозят волокуши-травойсы.

НЕНИТЕСК

(*Ornithischia: Triceratops elatus*)

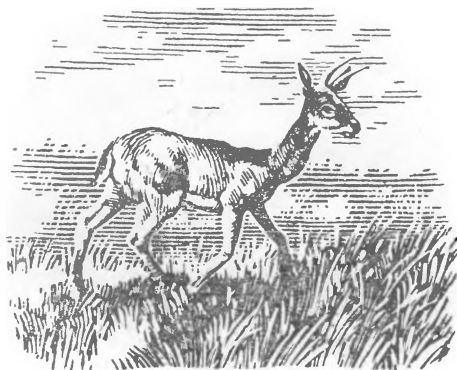
Травоядное четвероногое, отличающееся тремя рогами и костным защитным щитом, в неизменности сохранившееся с мелового периода. Размножается, откладывая яйца. Мозг его невелик, умственные способности и того меньше. Не представляет особого интереса в качестве источника мяса, так как растет очень медленно, но крайне декоративен.

ОКХАЛАКС

(*Plateosauridia: Plateosaurus edibilis*)

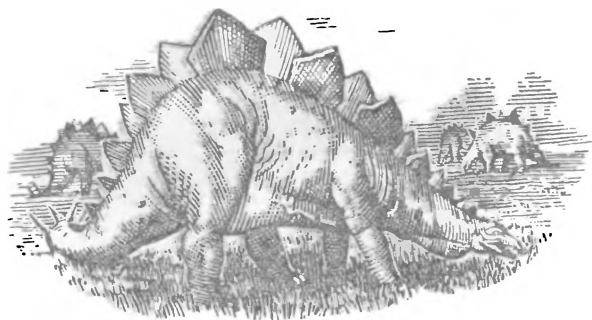
Крупнейший из плоских ящеров, названных так за уплощенное тело и прочный череп. Обычно передвигаются на четырех конечностях, но способны вставать на задние ноги, чтобы объедать верхушки деревьев. Мясо их отличается тонким вкусом и пользуется большим спросом.

О Л Е Н Ъ

(Eutheria: Cervus mazama mazama)

Небольшой олень с прямыми рогами. Широко распространен в северной температурной зоне. Ценится тану как за шкуру, так и за мясо. Из выдубленных шкур изготавливают одежду и маленькие изделия из кожи: мокасины-мадрапы и мешки.

О Н Е Т С Е Н С А С Т

(*Ornithischia: Stegosaurus variatus*)

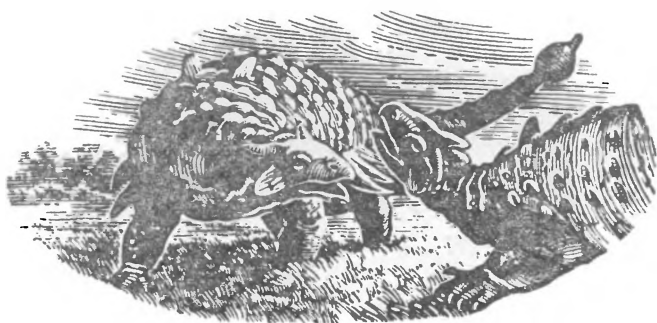
Крупнейший из панцирных динозавров. Этим огромных травоядных защищают от нападения два ряда костяных пластин на спине и шее и тяжелые шипы на хвосте. Появились в позднемеловой период, и лишь тщательные усилия иилане' сохранили это живое ископаемое.

П Л А Щ

(*Selachii: Elasmobranchus kappe mutatus*)

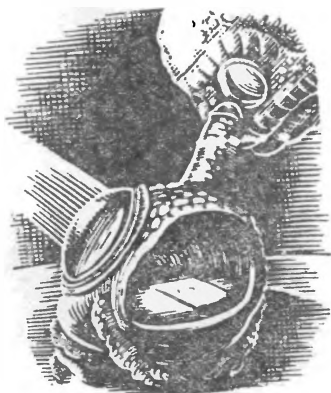
Используются иилане' для защиты тела от дождливой и прохладной погоды. Не обладают никакими признаками разума, накормленные поддерживают температуру тела около 102 °F.

Р У У Т С А

(*Ankylosauria: Euoplocephalus*)

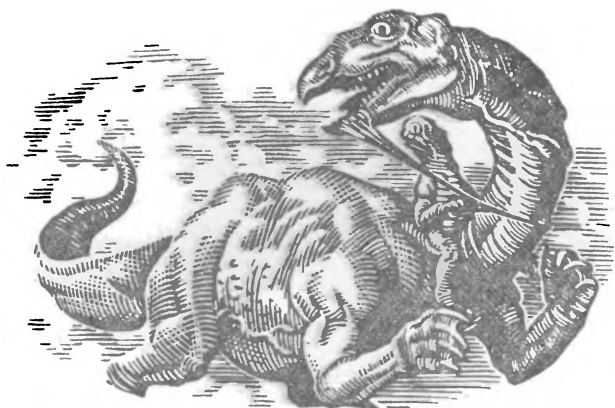
Это гигантское животное, может быть, самое впечатляющее из всех «живых ископаемых», бережно сохраняемых иилане'. Оно покрыто большими бронированными пластинами и шипами, на конце хвоста огромный тяжелый шар, который используется для защиты. Трудно поверить, что это животное — вегетарианец и совершенно безобидно, кроме, разумеется, тех случаев, когда ему приходится защищаться. Данный вид не изменялся более ста миллионов лет.

С А Н Д У У

(*Anura: Rana catesbiana mutatus*)

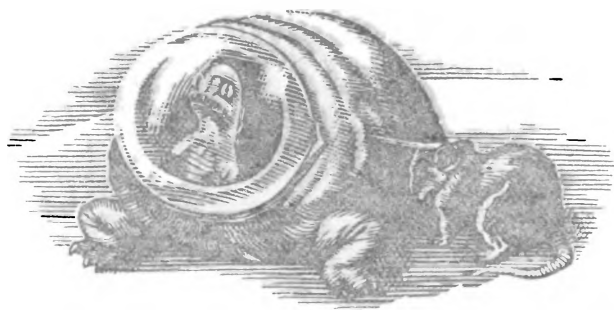
Активные генные манипуляции полностью исказили первоначальный облик этого существа. О его происхождении можно догадаться только по его коже. Правильно подбирая органические линзы в голове, при хорошем солнечном освещении можно добиться двухсоткратного увеличения.

ТАРАКАСТ

(Ornithischia: Segnosaurus shiungisaurus mutatus)

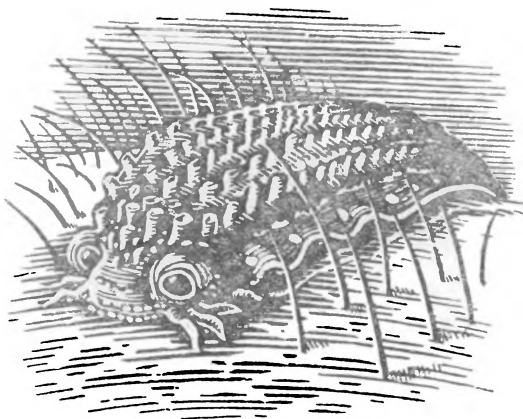
Остроклювый плотоядный динозавр, крупные экземпляры превышают 4 метра в длину. Трудно поддаются дрессировке, требуют большой силы для управления. При правильной подготовке — лучшие скакуны иилане'.

У Г У Н К Ш А А

(*Squamata: Phrynosoma fierhsyna mutatus*)

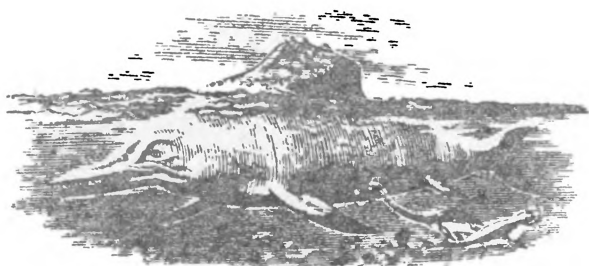
Поскольку язык иилане' включает в себя цвет, звук и движения, ведение письменных записей невозможно. И письмо так никогда и не возникло. Исторические сведения передавались устно. А регистрация информации стала возможна только после разработки этого живого видеодисплея, соединяемого с запоминающим существом.

У Н У Т А К Х

(*Cephalopoda: Derocheras agreste mutatus*)

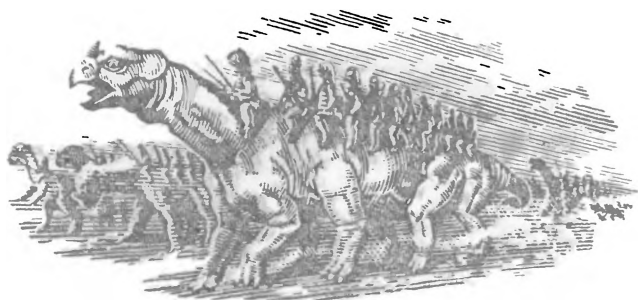
Одно из весьма специализированных животных, используемых иилане'. Это головоногое легко переваривает белковые ткани, в особенности волосы и чешуйки эпидермиса.

УРУКЕТО

(Ichthyopterygia: Ichthyosaurus monstrosus mutatus)

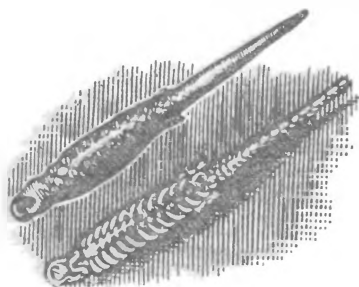
Крупнейший из рыбащеров. Тысячелетия генной хирургии позволили получить колоссальное существо с полый камерой, находящейся на верху тела и открывающейся в высоком спинном плавнике.

УРУКТОП

(*Chelonia: Psittacosaurus montanoceratops mutatus*)

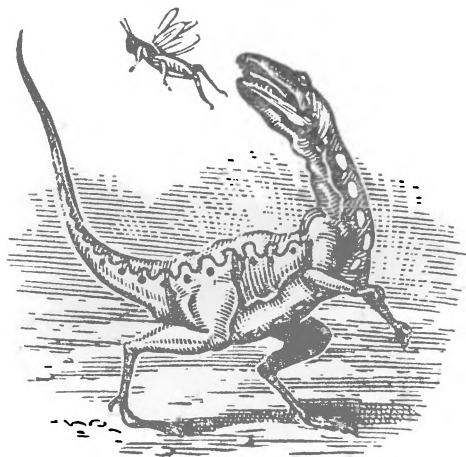
Одно из в высшей степени преобразованных иилане' животных. Используется для сухопутных грузоперевозок, доставки тяжелых грузов на дальние расстояния. После удвоения генетического набора имеет восемь ног.

ХЕСОТСАН

(*Squamata: Paravaranus comensualis mutatus*)

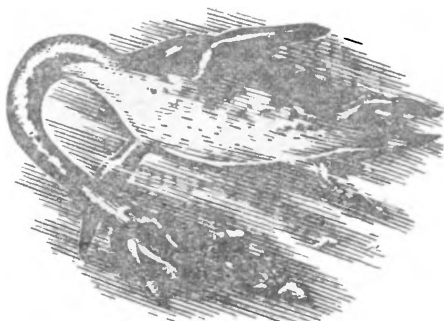
Этот вид ящерицы претерпел в руках иилане' такие изменения, что абсолютно не напоминает оригинал. По-заимствованные у жуков *Brachinus* паровые железы выбрасывают иглу, покрывающуюся ядом при прохождении через половые органы рыбы, относящейся к *Tetradontid*. Этот яд, самый сильный из всех известных, вызывает паралич и смерть, даже в количестве пятисот молекул.

Э Л И Н О У

(*Saurischia: Coelurosaurus compsognathus*)

Маленький гибкий динозавр, ценящийся иилане' за способность ловить мелких млекопитающих. Красивая шкурка и приятный покладистый характер часто делает его домашним любимцем иилане'.

Э Н Т И И С Е Н А Т

(*Sauropterygia: Elasmosaurus plesiosaurus*)

Хищная морская рептилия, отлично приспособленная к жизни в море, не изменилась с мелового периода. Относительно небольшая голова располагается на длинной шее. Лопасты плавников сходны с плавниками морской черепахи. Выведены новые, более разумные разновидности, обеспечивающие кормление урукето.

Э П Е Т Р У К

(Saurischia: Tyrannosaurus rex)

Самый крупный и сильный из существовавших на Земле карнозавров. Длина свыше 12 метров, самцы весят более 7 тонн. Передние лапы невелики, но сильны. Большой вес неповоротливого гиганта замедляет его движения, поэтому для нападения он выбирает только крупных зверей. Значительную долю его рациона составляет добыча, отобранная у хищников меньшего размера.

Благодарность

В процессе работы над романом мне приходилось обращаться за советами к специалистам в различных областях знаний. Биология иилане' описана в работе доктора Джека Кохена; языки иилане', саску, парамутанов и марбак — в работе профессора Т. А. Шиппи; философия Дочерей Жизни была исследована при активном сотрудничестве доктора Роберта Е. Майерса.

Без их помощи и советов настоящая книга была бы не такой подробной и полной. Я бесконечно им благодарен.

**Миры Гарри Гаррисона / Пер. с англ.—Рига: Полярис,
1993.—431 с.**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

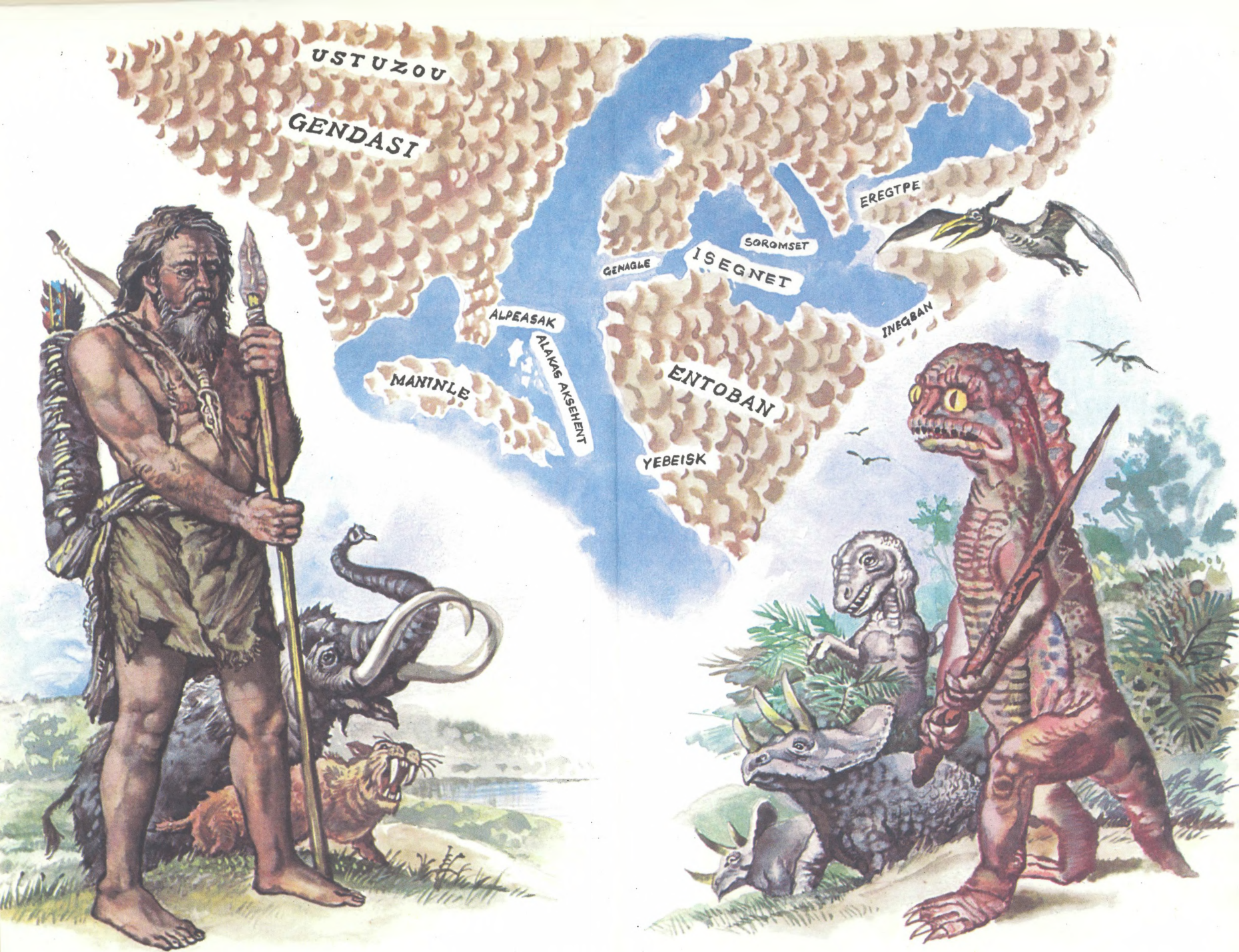
Главный редактор А. Захаренков
Редактор М. Проворова
Технический редактор К. Козаченко
Оператор компьютерной верстки Т. Крукле
Корректоры К. Вартанова, И. Лаздина
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Оформление обложки, форзаца и шмуцтитлов: В. Иванов

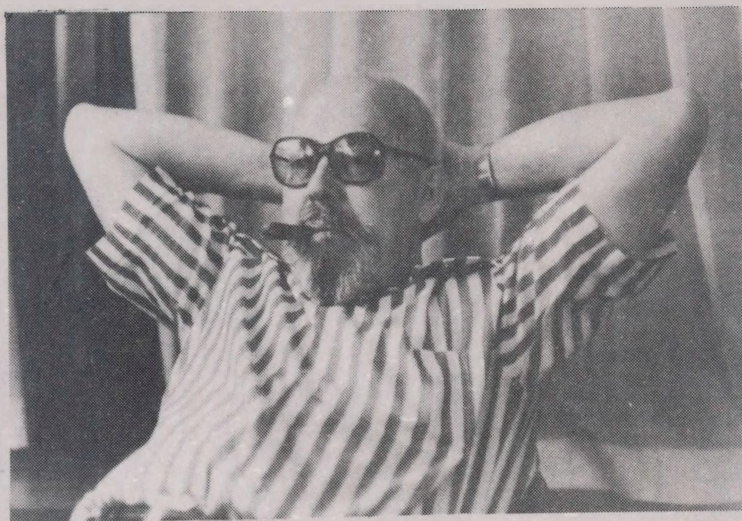
Подписано в печать 14.08.93. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. листов 22,68. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2198. С012.

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов на
Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers